ТЕДО ГЛОНТИ

О СОЦИАЛИЗМЕ В СССР

БЕРЛИН
1930

BUCHDRUCKEREI
SPEER & SCHMIDT
BERLIN SW 68
ALEXANDRINENSTR. 105–6

Содержание

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава первая.

Общие политические и социальные условия социализма.

1. О некоторых политических моментах усиления социалистического движения. 2. Скоротечность капиталистической эпохи. 3. Политические итоги укрепления европейского капитализма. 4. Этапы разложения капитализма в Европе. 5. Замена внешних войн войнами внутренними. 6. Историческое значение мировой войны. 7. От политического об'единения Европы к ее расчленению. 8. Поражение всей Европы в мировой войне. 9. Коллониальные экономические условия Европы. 10. О могуществе Америки. 11. Революции — результат развала европейского капитализма. 12. Военные действия Европы против революции в эпоху «мира». 13. Поражение Европы в войне с революцией. 14. О мировой гегемонии Европы в эпоху стабилизации. 15. Европейский капитализм — отстающий капитализм. 16. Социализм в Европе — вопрос политический.

Вопросы социализма проходят красной нитью через всю историю борьбы рабочего класса в XIX столетии. С постепенным организационным и политическим развитием рабочего класса социализм становится основным пунктом программы пролетарских организаций мира, т. е. дело социализма перестает быть делом отдельных лиц, групп, «фантазеров» и становится делом массы, общества, широких слоев трудящихся. Идеология массы превращается в идеологию борьбы за освобождение рабочего класса: вместо утопического социализма мы имеем социализм научный, социализм Маркса и Энгельса.

Внутренние неурядицы Европы не препятствовали развитию социалистических идей. Сравнительно незначительные военные вспышки между Пруссией и Данией в 1849 году, Итальянская война 1859 г., Крымская война 1853—56 г., а также столкновения Пруссии с Данией и Австрией, не говоря уже о франко-прусской войне 1870 г., вскрывают перед рабочим классом всей Европы те противоречия капиталистического строя, которые приводят к разгрому и гибели капитализма. Развитие этих противоречий имело огромное значение в деле развертывания социалистической борьбы пролетариата.

Выступление европейских капиталистических держав на внешних рынках еще более усилило язвы империалистического капитала и относительно ухудшило материальное положение рабочих. Каждое выступление Англии в Китае, (война Англии с Китаем в 1858 г.) или же сокрушение индийских племен Англией в войне 1880-81 г.г., а также все прочие войны этого периода (русско-турецкая война 1877—78 г.г., война Франции с Мадагаскаром в 1881 г.,Франко-китайская — в 1883 г., Англо-бурская в 1889 г. и т. д.) в высшей степени ускоряли мобилизацию трудящихся масс против капиталистических основ жизни и укрепляли социалистическое самосознание в широких слоях рабочего класса.

В 80—90 г.г. социализм был самым модным, самым распространенным, самым привлекательным учением для тех групп населения, которые хоть в какой либо степени чувствовали тяжесть капиталистического строя. Когда в 80-х годах Альберт Шэфле выпустил первую свою брошюру «Сущность социализма», то эта книжка в самую тяжелую и реакционную пору германской политической жизни выдержала в течение одного года шесть изданий! В конце XIX столетия и, в особенности, в начале 20 века мы не сможем указать ни одной страны, в которой социалистические партии не выросли бы в крупную политическую силу, располагающую в законодательных учреждениях значительным числом своих представителей. Правда, эпоха так называемого европейского «бургфридена» является также периодом опошления социалистического самосознания рабочих многих стран Европы и оппортюнистическим извращением социализма почти во всех государствах, но, помимо этих отрицательных моментов в развитии социализма, мы все же можем констатировать общее укрепление здорового, научного социалистического самосознания в широких слоях трудящихся.

Развитие социализма, распространение социалистических идей — ничто иное, как известные этапы непосредственого перехода к социалистическому правопорядку.

Широкое распространение социалистических идей и развитие пролетарского движения свидетельствуют о том, что эпоха капитализма является самым кратковременным периодом человеческой истории. Это обстоятельство чрезвычайно важно и его следовало бы учесть тем социологам, которым очень хочется в XX веке убаюкивать себя учением А. Смита, доказывающем вечность гармонических основ капитализма. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс писал: «Постоянное преобразование производства, непрерывное потрясение всех общественных отношений отличают буржуазную эпоху от всех предыдущих. Все вновь образовавшиеся отношения быстро становятся устарелыми, не успевая застыть в прочные формы». Еще рельефнее выражается К. Маркс в другом месте манифеста: «менее чем в сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производственные силы, чем все предшествующие поколения взятые вместе». Рудольф Штейнметц также констатирует эту правильную мысль: «жизнь современного мира слишком скоротечна» — утверждает он. [1]) Не только экономические устои капиталистического строя подвергаются быстрым изменениям и имеют ускоренный темп развития и трансформации, но и политическое устройство государств эпохи новой истории в той же степени скоротечно и подвергается чрезвычайно быстрым изменениям. История политического господства Англии начинается в эпоху царствования ганноверского дома, со времени Георга III-го, т. е. приблизительно 150 лет тому назад, а ныне мы уже переживаем эпоху упадка английского влияния. Могущество современной Германии берет свое начало с 1867 года, т. е. после знаменитого Кенитгреца и образования германского союза, и по истечении каких либо 50 лет теряет значение, которое она имела при Вильгельме II-м, или еще раньше при Фридрихе Ш-ем. За последние 60 лет в истории Франции только период Жюля Гаври

[1]) Рудольф Штейнметц, — «Философия войны».

можно считать относительно стабильным. В течение позднейших 50 лет Франция находится в условиях систематических раздоров более чем 12 президентов и их групп, претендующих занять золотой престол капитала.

Что эта скоротечность истории капиталистического периода и чрезвычайно резкое колебание политической почвы буржуазии являются присущими исключительно капиталистической системе производства и распределения, можно показать теми примерами истории, когда, находящиеся в иных социально-экономических условиях, чем капиталистические, производственные силы народов, существовали в течение сотен лет. Арабы, после занятия Египта в VII столетии, сохранили свою власть почти сто лет, распространив свою гегемонию почти на всю Европу, заняв Испанию и провинции около Парижа (эпоха 641—723 г.г.). Государственные границы июльской династии (Рима) достигали в Европе Дуная и Рейна, на востоке — Египта, причем римляне распространяли свою власть и на берега Темзы. Это господство Рима тянулось свыше 600—700 лет. Все прочие государства — Вавилон, Ассирия, Египет и т. д. обнимали территорию гораздо большую, чем современная Великобритания, и существовали более продолжительное время, чем любое государство цивилизованной Европы.

Аналогичное можно видеть и в других исторических явлениях. Современные формы хозяйственных отношении завершают цикл своего развития в сравнительно короткий исторический срок. Периодом расцвета капиталистического строя надо считать промышленную революцию Англии в XVIII столетии. Таким образом, капитализм приходит к своему отрицанию в течение каких-либо 150 лет. Между тем период феодального хозяйства длился около 600 лет, а ранние экономические системы свое существование исчисляют тысячелетиями.

Всем тем политическим и хозяйственным силам, которым по жизненным условиям пришлось уверовать в рационалистическую и естественную философию вечности буржуазного и капиталистического строя, следовало бы обратить самое сугубое внимание на эти процессы исторической жизни и учесть подземные гулы, знаменующие сдачу в архив старых политико-экономических отношений.

Анализ прочих исторических и экономических факторов современного деградирующего европейского капитализма делает еще более очевидным быстрое разложение капиталистического строя. Чтобы в полной мере осознать весь смысл переживаемой нами эпохи и оценить силы строющегося социализма в СССР, необходимо пользоваться не только статистическими материалами ЦСУ, показывающими систематическое развитие и укрепление социалистических секторов производства и распределения, но необходимо также все время учитывать экономическое и политическое состояние Европы, т. к. нужно твердо знать, что процессы, разлагающие капитализм Европы и ослабляющие устойчивость ее политической кон'юнктуры, имеют для строительства социализма не меньшее значение, чем капитальные затраты на социалистическую промышленность.

Поэтому нам следует обратить особенное внимание на положение вещей в Европе. Капиталистическая Европа переживает исключительно тяжелый период своего существования. Ее исторические судьбы имеют решающее значение при определении и правильном уяснении ряда поли-

тических и экономических проблем. Положение Европы имеет огромное значение и потому, что при всем своем болезненном состоянии она продолжает играть доминирующую роль в статике экономического строя всего мира. Если взять коэффициент участия материков в мировой торговле, как в динамическом, так и статическом разрезе, то мы получим следующую картину. Считая за 100 мировой оборот, увидим, что в мировой торговле земного шара занимали:

	В ср. в 1876—1880 г.	В ср. в 1876—1900 г.	В ср. в 1924 г.
Европа . . .	70,8%	65,4%	53,7%
Африка . . .	2,2%	3,5%	3,4%
Азия . . .	8,4%	10,0%	14,1%
Америка . . .	15,7%	17,7%	26,0%
Авятралия . . .	2,9%	3,4%	2,8%

Эта чрезвычайно важная таблица должна приковывать наше внимание к судьбам Европы, ибо решение европейского вопроса является решением мирового вопроса. Как видно из этой таблицы роль Европы в мировом обороте с, почти, двух третей в 70—80 г.г. прошлого столетия упала до 53% в 1924 г. Несмотря на это падение торговых оборотов роль Европы в мировых отношениях имеет крупнейшее значение. Одна лишь Великобритания держит в своих руках 25,8% мировой территории, почти такой же процент (25,3%) населения и занимает первое место в мире, как в отношении площади, так и населения.

Однако, не следует ни на одну секунду упускать из вида, что в истории конструирования и образования Европы произошел коренной перелом, **что процесс собирания сил Европой закончен,** что она в этом отношении действительно находится на закате и что сейчас вся кон'юнктура Европы полна показателями, констатирующими не период расцвета ее культуры, а период упадка, период декаданса.

Обратите внимание на исторический процесс наступления европейской культуры. Этот процесс все время сопровождался двумя характерными явлениями: **территориальным расширением сфер европейского влияния, в связи с собиранием новых территорий и новых народов, и относительны обогащением классов внутри Европы с установлением у себя гражданского мира «бургфридена».** Если мы посмотрим знаменитую таблицу Ленина о разделе мира рабовладельческими державами, то увидим, что мировые державы с 1875 г. по 1914 г. увеличили число подвластных им рабов с 273,8 млн. душ до 523,4 млн. душ, причем за это время одна только Франция увеличила контингент своих рабов почти в десять раз (с 6,0 млн. душ до 55,5 млн. душ), Германия приобрела 12,3 млн. душ, Россия 16,2 млн. душ и т. д. История XIX столетия является историей наступления европейского капитала на отсталые страны и народы. Во главе шествия европейского капитала стояла Англия, которая и брала лучшие куски жирной добычи. В эту эпоху Англия окончательно устанавливает свое господство над Индией, в 1824 году Австралия превращается в колонию Англии, открытие Суэцкого канала в 1869 году делает Англию госпожей положения в Африке. Чрезвычайно интенсивный рост территориального и экономического развития Англии и Европы создает исключительно благоприятные условия внутри Европы. Розенталь дает подробные сведения о военных действиях государств, и следует эти сведения использовать, чтобы пролить еще больший свет

на внутреннее состояние Европы. **Насколько завоевательные планы европейских государств находили широкое осуществление во внеевропейских странах, настолько классовая борьба и война между государствами европейского континента делаются менее напряженными и резкими.** Необходимо дать научное обоснование тому явлению, что Европа, которая находилась в перманентной военной обстановке в прошлом, превратилась в XIX столетии в образец относительного мира и спокойствия. С 1492 по 1598 г. [1]), т. е. за период 106 лет военные действия продолжались восемьдесят лет. В XVII—XVIII столетиях волна этих войн не прекращалась. С 1689 г. по 1815 г., т. е. в течение 126 лет оффициальные войны продолжались целых 64 года, не считая многих лет колониальных военных действий во время мирных промежутков. После «Священного Союза» (1815 г.) до эпохи «вооруженного мира» (1876 г.) мы имеем всего только несколько войн, и то эти войны (о которых мы уже говорили выше) так или иначе связаны с Германией. **Внутренний мир Европы в эту эпоху нарушала преимущественно Германия, которая не имея колониальных земель, причиняла ряд безпокойств остальным державам Европы.**

Не только в военном отношении, **но и в отношении революционных брожений вторая половина XIX столетия является также сравнительно мирной.** Если обратить внимание на Францию, которая всеми считалась специфической страной революций, то эта страна, если оставить вне поля зрения Парижскую Коммуну, дает нам образец мирной мещанской жизни в течение последних 80 лет. В общем и целом, сказанное можно распространить и на всю Европу, т. к. именно внешнее благополучие Европы обусловило общий мир и сговоренность европейских держав между собой. Этот период и является периодом ожирения, периодом успокоения, периодом омещанения Европы, суть которого совершенно не понял Эд. Бернштейн, построивший на основах некоторых фотографических снимков этой эпохи безпочвейннейшую антимарксистскую теорию социального согласия и благоденствия промежуточных групп населения Европы.

Но мы сделали бы крупнейшую ошибку, если бы действительно поверили мирным настроениям капиталистической Европы. На своем «бургфридене» Европа воздвигла внешнюю войну. **Период мира внутри Европы, как раз, и есть начало войн вне Европы.** Как и во всем, и тут первенствующую роль играет Англия. В русско-турецкую войну 1853—56 г. вмешиваются и Англия и Франция и Италия; англичане громят китайских кули в 1858 году, в 1858 году они же обрушиваются войной на кафрские племена, в 1879 и 1881 г. происходит война в Индии, в 1899 г. идет неравный бой между Англией и бурами. С другой стороны Франция ведет борьбу на Мадагаскаре (1881—95 г.г.), в 1883 году с Китаем. В 1894 году Япония воюет с Китаем, в 1904 году разгорается Русско-Японская война. Из этого краткого перечня видим, что Европа, так спокойно устроившись у себя, ведет уничтожающие войны вне Европы, в так называемых колониальных странах, против угнетенных и отсталых народов.

Характерной чертой этого империалистического шествия европейского капитала является то обстоятельство, что, вечно конкурирую-

---

[1]) Розенталь, — «Борьба за колонию и мировые пути» — стр. 208-221.

щие и всегда враждующие между собой, европейские государства в XIX веке как будто поделили внеевропейские территории и в условиях относительной солидарности ведут грабительские войны при полном соблюдении этикета миролюбия внутри своих стран (Европы).

Но **окончательный дележ колоний оказался и концом мира между ними.** При всей своей мощности и гигантском экономическом развитии Европа все же не смогла окончательно придавить прочие государства и лишить их возможности экономического преуспеяния. Англия и Франция, занятые грабительскими войнами и наивыгоднейшими торговыми комбинациями в колониях, проморгали постепенное усиление Германии, которая с немецкой настойчивостью использовывала среднюю Европу; она обогащалась на поставках воюющим странам, развивала все новые и новые отрасли промышленности, занимая по ним во всей Европе монополистическое положение. Молодые Штаты С. Америки еще в 1776 году завоевали себе независимость. Фискальные мероприятия Гренвиля, героическая борьба американцев во главе с Георгом Вашингтоном, оказались роковыми для величия Англии. Исторический манифест о независимости Америки (4 Июня 1776 г.) все свое значение обнаруживает именно в данный момент, когда под «ударами» вашингтоновской республики великой Англии приходится занять второстепенно место в мировой истории. А прочие доминионы? Весьма значительная часть доминионов поддерживает с Англией номинальную связь. Что путешествие Келлога в Европу для подписания так называемого пакта (отказ от войны, как орудия национальной политики) происходило совместно с Президентом Канады, доминиона Англии, имеет чрезвычайно большое значение, тем более, что путешествие Келлога имело демонстративно враждебный для Англии характер. Канадский пример является типичным для оценки отношений доминионов к метрополии — Англии. Трагизм положения Англии заключается в том, что она с каждым днем теряет все новые и новые экономические позиции в своих доминионах, и эти позиции занимают другие, конкурирующие с Англией, государства. Из книги — «Dollar-Diplomatie», [1]) я приведу картину финансовой борьбы между Англией и С. Штатами в английском доминионо — Канаде. Из выпущенных Канадой облигаций были приобретены в млн. долларов:

	Англией	С. Штатами
В 1910 г.	188,1	3,6
„ 1915 г.	41,2	178,6
„ 1919 г.	5,1	199,4
„ 1923 г.	2,4	84,5
„ 1925 г.	3,6	239,5

Эти сведения из жизни Канады имеют огромное значение. Если мы используем сведения французского экономиста Деманжона, то увидим, что в импорте Канады Америка занимала в 1868 г.—36%, в 1884 г. — 46%, в 1908 г. — 60%, а в 1918—1919 году — 82%, тогда как ввоз Англии упал за все это время до 8%. [2])

Я думаю, что становится теперь совершенно ясным совместное путешествие Келлога и Канадского Президента.

Канада не является исключением из общего правила. Английские экономические связи повсюду ослабевают и заменяются связями др. дер-

[1]) Scott Nearing und Joseph Freeman — „Dollar-Diplomatie", Berlin, 1927. S. 50.
[2]) Albert Demangeon — „Das Britische Weltreich", Berlin, 1926, S. 269.

жав. В общем ввозе в Китай в 1870 году Англия занимала 37,0%, а в 1925 году английский ввоз упал до 12,%; в 1870 г. Англия занимала в ввозе в Японию 42,5%, а в 25 г.—5,4%. Подобные явления наблюдаются повсеместно: С. Ш. С. Америки, Япония, Германия — вот могущественнейшие державы, которым невозможно было уместиться в рамках топографии, кровью и железом созданной Англией. В 1875 году ни одна из этих трех стран не располагала колониями, весь мир был преимущественно поделен между Англией, Россией и Францией.

Но мыслимо ли занимать почти ¼ часть мира и не иметь соответствующих экономических баз? Вопросы существования Германии, С. Ш. С. Америки, Японии были вопросами передела уже поделенного мира. Изгнание белых из мира желтых было таким же лозунгом, каким был догмат Монроэ для американцев. Об уничтожении мирового могущества Англии писали не только **военные обозреватели** типа Трейчке, но и вся школа гакатистов, пропитавших шовинистическим ядом всю германскую буржуазную общественность

Таким образом, в XX веке мировые условия, в связи с выступлениями Америки, Германии и Японии, принимают боевой характер. Конкурирующие силы уже больше не находят удовлетворения в колониях, ибо их нет. **Новая эра открывается перед нами; вместо внешних войн войны внутренние, поглощающие силы Европы. Европейский «бургфриден» заменяется европейским «бургкригом», междуусобное согласие — междуусобной войной. Вместе со всеми этим революционные движения возвращаются в свои исторические родные места, волна военных и революционных движений перекатывается с Востока и колоний на Запад, принимая, однако, глубоко социалистический характер.**

Балканская война 1912 года и, в особенности, мировая война 1914—17 г.г. были первыми крупнейшими явлениями конца европейского внутреннего мира. Результатом этой последней войны было полное перераспределение ранее распределенных сил.

На этой войне нам следует несколько остановиться, ибо она является первой войной во всей истории человечества по своим размерам, размаху, тяжести и результатам. Мировая война 1914—17 г.г. вскрыла глубокие язвы капиталистического мира и вырыла яму, которую капиталистическая Европа никогда не заполнит, пока всем своим весом и содержанием не уложится в эту яму, чтобы быть навеки в ней похороненной.

Все крупнейшие мировые державы принимали участие в этой войне. В «Философии войны» Штейнметц отмечает: между 1813 и 1863 годами европейцы вели 113 войн, и во всех этих войнах по исчислениям Гауснера было потеряно около 2,7 млн. человеческих жизней. По данным Де-Ля-Пужа в течение всего XIX столетия все войны стоили 13 млн. жизней, тогда как одна только мировая четырехлетняя война уложила в могилы и искалечила около 30 млн. душ. Тяжесть этой мировой войны не могло выдержать ни одно могущественное государство. История не знает ни одного стихийного бедствия равного мировой войне. Финансовые убытки Великобритании во время войны равнялись ее военным **расходам 1913 года** на 95 лет вперед, а Франции на 32 года вперед. Великобритания израсходовала в мировой войне 21,3 миллиарда долларов, т. е. 34,5% всего своего национального богатства. Франция потеряла в войне свыше 11,2 милилардов долларов,

т. е. больше чем 20% всего своего национального богатства. На другой стороне коалиции мы имеем неменьшие опустошения. К материальным бедствиям здесь присоединяются бедствия политико-экономического характера. Германия, которая после 1871 года вошла в семью великих капиалистических держав, по версальскому миру 1919 года потеряла все свои колонии, с населением более 18 млн. душ. Она была разгромлена экономически, расчленена геополитически, искромсана этнографически. Свыше 15 млн. немцев распределено между 11-ю государствами. По С. Жерменскому договору население Австрии доведено до 6,4 млн. душ, т. е. уменьшено в 5 раз. По Трианонскому договору (4—V—20 г.) население Венгрии с 20,9 млн. доведено до 8,1 млн. Территория Болгарии сокращена с 114 т. кв. клм. до 103 т. клм. Турецкое население сократилось с 22 млн. до 9 млн., а территория с 1791 т. до 440 т. кв. клм. После расчленения этих государств образованы 8 самостоятельных единин — самая крупная из них Польша, с населением в 27 млн. душ, в Чехо-Словакии—13,6 млн., а из самых маленьких — Фиуме имеет 50 тыс. душ, Данциг—360 т. душ., Эстония—1,1 млн. душ, Литва и Латвия по 2,5 млн. душ, а Финляндия 3,4 млн. душ. Эти государства Homunculus-ы—один из самых **тяжелых** результатов войны. **В XIX веке Европа все время шла по линии об'единения множества мельчайших территориальных и этнографических единиц, а в самом начале XX века она опять входит в сферу балканизации** и, действительно, превращается в величаший вулкан, мельчайшее сотрясение которого грозит Европе новым мировым пожаром.

Что же мы имеем после мировой войны? Если бросить ретроспективный взгляд на прошлое новой истории, мы увидим, что после континтальной блокады Великобритания сделалась мировой державой, после Кенигреца и Седана Германия вошла в семью мировых держав, они делили мир и господствовали над ним. Но что же мы имеем теперь, после мировой войны? Мы имеем следующее: **и экономически, и политически вся Европа проиграла войну.** Каждая война вызывала разорение и обнищание, но, все же, какая-нибудь сторона одерживала верх и для нее создавались условия экономического и политического расцвета. В этой мировой войне мы имеем небывалый случай: победившая сторона не только не имеет условий расцвета, но она потеряла свою былую гегемонию.

Мировую войну 14—17 г.г. начала Европа, и вот вся Европа и проиграла ее. Из всех прочих стран, только Соединенные Штаты С. Америки могли говорить об экономическом перевороте, который произошел в них в процессе европейской войны. Шульц утверждает: если излишек вывоза Соединенных Штатов в торговле с Европой составлял за шестилетие 1909—1914 г.г. 3,091 млн. долл., то он за такой же промежуток времени 1915—1920 г.г. увеличился почти в 7 раз до 20,404 млн. долл. И этот, чрезвычайно благоприятный для С. Ш. С. Америки, баланс сопровождался и исключительно выгодной торговлей. Хищническая торговля цивилизованных европейцев с «дикарями» английских колоний никогда не давала даже монополистическим торговым обществам тех барышей, которыми была так полна практика Европы в 1914—17 г.г. Народы, с которыми европейцы вели меновую торговлю, зачастую не умели считать иначе чем на своих пяти пальцах, как это утверждал Макс Мюллер, а по П. Гольбаху «американские дикари» принимали испанцев за богов, потому—что последние пользовались по-

рохом и ездили на лошадях. Торговля с подобными дикарями, и то, лишь торговля натурой, никогда не давала эксплоататорам прибыли более 1.500%. Монопольная Голландская Ост-Индская Компания выплачивала 75% дивиденда, а Английская Ост-Индская Компания получала от своих первых экспедиций прибыль в 17%. Н. Г. Чернышевский считал, что 20—30% на капитал акционерам, приобревшим акции Общества, строившего Суэцкий канал, являются «неизмеримо выгодным». После этого можно представить себе вакханалию прибылей за счет Европы, когда, например, японские судоходные компании выплачивали дивиденд в 2.000%, или же когда мясники северо-американских боен определяли свою прибыль в 4.000%. Одно судоходное Общество в Ставенгоре в 1916 г., по отчислении миллиона крон на благотворительные цели норвежского судоходства, выплатило из годовой прибыли дивиденд в размере 1.800%. Невоюющие страны настолько были заинтересованы небывалыми прибылями по торговле с Европой, что на транспорт экспортных товаров потребляли на топливо не только мазут и дрова, но и древесный уголь, маис (кукурузу) и сало. История колониальных грабежей еще не знает подобных примеров. **Европа первый раз очутилась в положении колонии, и человечество первый раз наблюдало до каких размеров может доходить эксплоатация колонии, когда в колониальное состояние попадает цивилизованная страна.** Чтобы покрыть свои несметные военные расходы Англия вывезла (преимущественно в Америку) больше чем на 1 миллиард фун. ст. ценных бумаг, в течение столетия приобретавшихся ею. В это же время она испрашивала новые кредиты у тех стран, которым она раньше сама давала деньги под ростовщические проценты. По данным Гарвей Фикс Великобритания получила от Америки взаймы более чем 4,5 миллиардов долларов, Франция более 4,2 миллиардов долларов, Италия — 2,1 миллиардов долларов, Бельгия — 416 миллиардов долларов и так далее. Нет ни одной крупной европейской страны, которая ныне не связывала бы надежду на возрождение своей экономики исключительно с ссудами американского капитала. Вот каким образом американский материк, находящийся еще в новой истории в колониальном состоянии, после мировой войны, сделался фактическим вершителем судеб высоко квалифицированной Европы. Больше половины всего золотого запаса мира находится в сейфах американских банков. Действительно, второе десятилетие XX столетия явилось небывалым периодом разгрома всего европейского капитализма. Не только золото, ценные бумаги, но и лучшие дома, гостинницы, музейные богатства, драгоценные камни и прочие показатели буржуазной культуры переходили в распоряжение стран, находящихся за океаном. Америка делалась какой то сказочной страной, о богатствах капиталистических групп этой страны нельзя было говорить с какой либо точностью, их имущество и капиталы росли с такой неимоверной быстротой, что миру еще неизвестен тот ловкач «фининспектор», который бы успел учесть накопившиеся богатства. По данным Лифмана, Фикса и др. мы видим, что левиафан американской жизни — группа Моргана—король стали и всех кровеносных сосудов заокеании, еще до войны об'единяла предприятия на сумму более $^1/_5$ всего народного достояния Соединенных Штатов. После войны эта группа имеет в своем распоряжении 40 млд. долл., т. е. около 80 тыс. млн. золотых рублей. Какой небывалой суммой ворочает одна эта группа Моргана видно

из того, что ее капиталы в восемь раз больше, чем все национальное богатство Бельгии, в три раза больше всего богатства Японии, в 4 раза больше всего достояния Румынии. Упомянутый нами Фиск утверждает, что моргановская клика в восемнадцать раз богаче Португалии и имеет больше половины государственного состояния Англии. За Морганом идут Рокфеллер, Вандерблит, Гульд, Гарриман и пр. Еще в конце XVII столетия шотландский экономист (Смит) в своих «Исследованиях. . . .» отмечает, что частные предприниматели могут сколотить не только несметные богатства, но могут фактически отправлять ряд экономических и политических функций государств. Приводил же он пример, как в войне с Францией частные коммерческие группы содержали войска, имели военные суда, крепости, сооружали каналы, дороги и отвоевывали целые районы. В Индии частные компании с оружием в руках овладели Калькутой, Мадрасом, Пондишери и т. д. Посмотрите сейчас на группу указанных нами капиталистов в Америке и вы согласитесь со Смитом, что, во всяком случае, за спиной всего американского государственного могущества стоят именно эти магнаты современного капитала и управляют не только своей собственной страной, но и всеми нервами и всеми нитями капиталистической жизни всего европейского континента. В этих условиях всякого рода представления об основах общественной жизни, морали, правовой юрисдикции, нормативных отношений и т. д., и т. п. приобретают совершенно относительный характер, и весь цивилизованный мир оказывается в руках магнатов, богатства коих имеют чрезвычайно **компликационный** характер.

Могла ли капиталистическая Европа выдержать эти отношения и всю тяжесть военной катастрофы? Очевидно, что Европа не только не могла быть конкурентно-способной страной в послевоенной кон'юнктуре, но что развитие всей европейской экономики в полной мере зависело от кредитных отношений с Заатлантикой. Внутренние рессурсы европейских стран, формально вышедших победителями в войне, конечно, не смогли восстановить былого экономического и политического могущества Европы. Когда версальские вершители определяли германскую контрибуцию в 226 млд. золотых марок, то всем прекрасно было известно, что подобные мероприятия еще более усугубляют тяжелое положение. Шульце полагает, что такое количество золота можно было бы получить при условии увеличения земного шара в 5 раз, а также при условии увеличения всех золотых знаков, слитков и изделий, находящихся в распоряжении всего человечества.

Куда толкала подобного рода мерами западная часть Европы восточную? Германия еще на второй год войны чувствовал полное истощение сил и рекомендовала Австрии пожертвовать Трентино, ради включения Италии в немецкую ориентацию. Эрцбергер сообщает чрезвычайно яркие примеры отчаяния существовавшего в лагере обоих противников.

Естественно, что Европа не могла выдержать военной катастрофы, и из недр глубоких экономических и социальных кризисов вспыхнул пожар революции, о которой давно забыли в Европе. В 1918 году был разгромлен вильгельмовский трон, и с 9 Ноября в Германии установлена республика. В это же время рухнула монархия Франца Иосифа, и в Австро-Венгрии с 12 Ноября тоже республика. Совершенно иной

политический характер приобретают Россия и Турция. Из всего европейского населения в 468 млн. душ в революционных войнах приняло участие не менее 250 млн. душ, т. е. больше чем половина всего европейского населения. В эту же историческую эпоху в революционное движение было вовлечено также население азиатского материка [1]) в количестве 440 млн.

Таким образом, из всего мирового количества населения 1.780 млн., 700.000.000 были охвачены революционным брожением и потрясали основы всего мирового хозяйства, преимущественно экономические основы европейского капитализма.

Нужно отметить, что политическая история всего человечества не знает подобного примера.

Мы сказали, что это революционное движение особенно потрясло экономическое благосостояние европейского капитализма. Совершенно особую роль, без сомнения, здесь играет Россия, превратившаяся в Октябре 1917 года в страну социалистических республик. Россия являлась важнейшим фактором всей европейской жизни. Российская революция чрезвычайно осложнила запутавшиеся экономические отношения Европы и, в первую очередь, Англии. Декретом Советского правительства от 21 Января 18 года были аннулированы долги по иностранным займам и национализированы капиталы буржуазных государств, вложенные в русские предприятия. В 1914 году при общей задолженности в 8,811 млн. рублей и золотом запасе в сумме 1.685 млн. рублей, внешний долг России составлял 4,229 млн. рублей. Военные внешние займы России за время войны составили огромный капитал в 7,681 млн. рублей, причем из этой суммы только на долю одной Англии приходилось 5.375 млн. рублей, на долю Франции — 1.492 млн. рублей, а на С. Америку — 553 млн. рублей. Мы должны подчеркнуть, что по подсчетам Поевельского и Моультона [2]) Антантовские страны пострадали не только в отношении финансирования России во время войны, но и в отношении финансирования ея промышленности в мирное время. Сумма иностранного капитала, вложенного в русскую промышленность равнялась 2.243 млн. рублей, причем из этой суммы на долю Франции приходилось 731,7 млн. рублей, на долю Англии — 507 млн. рублей, Бельгии — 321,6 млн. рублей, С. Ш. Америки — 117,7 млн. рублей.

Удары русской революции оказались страшнее и куда сильнее военно-сухопутных и военно-морских ударов Гинденбурга и Тирпица. Антанта лишилась не только финансовых средств, имеющихся в России, — она лишилась самого сильного, обширнейшего и лучшего в мире рынка для плассирования и сбыта своих товаров и фабрикатов. Нужно отметить, что в территориальном отношении Россия в 445 раз больше современного королевства Англии, в 38 раз больше расширенной Франции 1921 года, в 68 раз больше Италии и, почти что в 45 раз больше современной Германии. Каждая тысяча английских граждан, скованных цепями капиталистического рабства, имеет пред собой 2.900 человек в ленинских касках, а на каждого француза, или итальянца приходится 3,4 и 3,5 социалистических душ Союза ССР.

---

[1]) Китай, Азиатская Турция и Персия.

[2]) Поевельский и Моультон — Русские долги и восстановление России», стр. 167.

Могла ли Антанта хоть на одну минуту допустить, что эта мировая экономическая сила, вовлеченная со всеми своими частями в общий механизм европейского капитализма, по мановению волшебного жезла революции выпадет из этого механизма и лишит европейский капитализм лучших источников его существования? Общая сумма торговли Англии (по экспорту и импорту) с Россией достигала огромной цифры в 58 млн. ф. стерлингов, т. е. около 600 млн. рублей золотом в год. Очевидно, для всякого, что великобританский империализм принял бы все меры к тому, чтобы поскорее ликвидировать новую язву на капиталистическом теле Европы — «большвеиков» и их социалистические республики. Великобритания не теряла ни одной секунды. Не смотря на чрзевычайно тяжелые условия в стране, Англия немедленно берется за оружие и поднимает новую войну уже против революции. Если 1917 год является годом формального завершения мировой войны, то, именно, с этого же года начинается вторая война против мировой революции, длящаяся около 3-х лет. В этой контр-революционной войне Англия участвовала (эпоха интервенции) вместе со всеми своими союзниками в мировой войне и, вдобавок, — в союзе с темными белогвардейскими силами самой России. Как известно, в этой второй войне, также стоющей огромных сил и средств, антанта потерпела полное поражение. **Это единственный пример во всей истории человечества, когда победившее в войне государство проиграло войну против революции.**

Целых семь лет войны и революции являются историческим периодом разгрома европейского капитализма. В эту историческую эпоху произошла переоценка всех европейских ценностей, в эту историческую эпоху Европа уронила промышленную и финансовую пальму первенства и лишилась экономической гегемонии, которая принадлежала ей с самых первых дней средневековья. Период как будто мирных отношений, создавшихся после 1920 года, правда, является периодом стабилизации европейского капитализма и некоторого улучшения ее экономической кон'юнктуры, но **эта стабилизация не возвращает Европе былого политического и экономического могущества.**

Тов. Сталин правильно освещает проблему Европы: «Временная стабилизация европейского капитализма, — говорит он в «Вопросах Ленинизма», — достигнута с помощью американского капитала и ценой финансового подчинения Европы Америке». [1]) Выше мы приводили некоторые характерные сведения о вытеснении Европы из мирового торгового оборота. Цифры могли бы только усугубить и рельефнее представить картину. **На европейском континенте капитализм больше не является фактором динамическим, он больше не в состоянии достигнуть высот мировой гегемонии.** Европейский капитализм, не имея новых перспектив к расширению своих рынков новыми колониями, находится между молотом и наковальней. **Его окружает с одной стороны развивающийся советский социализм, с другой же стороны—наступающий американский капитализм. Таким образом, европейский капитализм является капитализмом отстающим в развивающемся мировом хозяйстве.**

— Или фактическое колониальное состояние и рабство, — или социализм и свобода, — вот какие вопросы стоят ныне перед Европой! В этих условиях европейская реакция расчитывает на авантюру, она го-

---

[1]) Сталин — «Вопросы лининизма», стр. 337.

товится к новой еще большей войне. Изнуренная в «семилетней» войне, Англия расходует на новое вооружение в 1925 г., уже при дефицитном своем бюджете, (кстати сказать, Англия в течение ста лет никогда не имела дефицитного бюджета) 315 млн. долларов, тогда как в 1913 г. она расходовала на военное дело 225 млн. долларов. Япония расходовала в 1913 г. на вооружения 46 млн. долл., ныне же расходует 120 млн. долл., Америка, расходовавшая в 1913 году только 117 млн. долларов, расходует теперь почти в три раза больше, т. е. 325 млн. долларов в год, занимая в военных расходах первое место в мире. К чему могут привести в этих условиях авантюристические усилия Чемберлена и Кешендена?

Сложившаяся обстановка в странах Европы и условия чрезвычайного напряжения всех ее рессурсов делают совершенно очевидным, что **единственным исходом новой мировой войны может быть только революция и социализм, но уже революция и социализм не в восточных частях Европы, а в самом сердце европейского континента и в самых его западных частях.**

В конце 1919 года автор этой книги писал: «Империализм Европы растворяется в своем собственном соку, он теряет экономический базис существования, и потому становится понятным, что силой, способной утилизировать мощь всех народов Европы и Азии, могущей довести до высшего напряжения культурно-экономическую работу народов, будет тот строй, который отвоевывает теперь позицию за позицией у европейской реакции. Этот строй — социализм. Великие национально-культурные задачи Европы и Азии требуют сплочения народов названного континента под красным знаменем социализма, для сохранения за Европой подобающего ей в истории места. Мы убеждены, что эта потребность будет реализована мировым социалистическим движением». [1])

И действительно, последующая эпоха (с 1920 года) мирного существования Европы не только не улучшила политико-экономическую кон'юнктуру Европы, но еще ярче выявила язвы, раз'едающие капиталистический строй. В оценке экономических условий капитализма после войны мы безусловно ошиблись. Мы правильно отмечали, что в Европе устанавливается стабильное состояние капитализма, но недостаточно и неправильно заключали, что стабилизация европейского капитализма есть выход Европы из кризисного состояния. Мы предполагали, что стабилизация европейского капитала сузит рамки и силы чрезмерно развившейся Америки, но в действительности оказалось, что во время войны Европа так ослабела, а Америка так усилилась, что американское экономическое преимущество над Европой пошло еще дальше. **Во время войны Америка проявила свою мощь преимущественно экономически, после 1920 года к экономическим преимуществам Америки прибавились еще преимущества политические.**

Для спасения капиталистической Европы нужна была не стабилизация, а бурный экономический расцвет, не эволюционное шествие, а скачкообразный под'ем всей промышленности, чтобы наверстать великую экономическую «спячку» военного времени. Но как раз никакого **бурного** развития капиталистических сил мы не видим после 1920 года. **Свою политическую и экономческую гегемонию Европа потеряла во**

---

[1]) Тедо Глонти — «Азиатская политика большевиков», Тифлис, стр. 138.

время войны, и этой гегемонии ей не удалось вернуть и после войны. Более того, в период так называемой стабилизации остатки европейской гегемонии все уменьшаются, ее роль и удельный вес делаются все более и более незначительными. **Силы Европы необходимо взвешивать с точки зрения об'ема всего мирового хозяйства, а не с точки зрения европейской** колокольни. В мировом хозяйстве имеется и продолжается неуклонный процесс «декаданса» всей европейской капиталистической культуры. Стабилизация этой культуры, в то время когда нужен был бы ее бурный ранессанс, является лучшим предзнаменованием дальнейшего ухудшения и осложнения слабых сил капиталистической Европы.

Отставание экономического развития Европы, как от развития Америки, так и Союза ССР, имеет решающее значение. Одно это основное условие всецело определяет характер стабилизации капитализма в Европе. **При непременном отставании Европы не может быть речи о действительной и нормальной стабилизации ее капитализма.** Обычно под стабилизацией всегда понимали состояние полнокровия хозяйства и его обычный рост. Этой стабилизации мы вовсе не имеем в Европе. Было-бы гораздо лучше выбросить из употребления слово «стабилизация» при определении экономического его состояния. Отставание европейского капиталистического хозяйства во всем мировом хозяйственном концерте является существенным, чрезвычайно важным явлением, оно показывает и доказывает болезненное состояние всей Европы, критическое состояние всего его хозяйства, условия его социального разложения. Тов. И. М-ин в «Правде» [1]) совершенно правильно замечает, что хозяйственное состояние Европы показывает нам общее кризисное состояние европейского капитализма.

Такое ее состояние и есть состояние катастрофическое: — оно является могучим фактором социалистического ранессанса. Силы социализма по об'ективным измерителям никогда не были столь значительны в Европе, как теперь. **Сейчас вопрос о социализме является не столько экономическим, сколько политическим.** Вот те общие политические и социальные условия, какие имеет в данный момент социализм в Европе, вообще, и в России в частности.

Эти мировые и исторические условия необходимо твердо помнить, когда мы будем говорить об изолированном состоянии социалистического строительства России, о построении социализма в одной стране.

---

[1]) «Правда» от 16 июля 1929 г.

Глава вторая.

Критические заметки о литературной вылазке реакции против Октября.

1. Октябрь и Европа. 2. О некоторых экономических моментах борьбы Европы с Октябрем. 3. Царская Россия проиграла войну, а Ленинская Россия выиграла революцию. 4. О литературной борьбе реакции с революцией. 5. Феноменология Революции. 6. Эпоха буржуазных революций. 7. Реакционная роль буржуазии после 1848 г. 8. О революционной роли мелкой буржуазии. 9. Пролетариат, как основная сила революции. 10. Эпоха пролетарских революций после Парижской Коммуны. 11. Социалистический характер революции в XX веке. 12. Социалистический характер Октября. 13. О механической теории революции. 14. Об экономических основах социализма.

Мы рассмотрели общие политические условия социализма. Мы обращали особенное внимание на общее состояние мирового хозяйства, и наш обзор все время касался Запада, Европы и С. Ш. С. Америки.

Но мы очень мало сказали о России. В действительности же Россия и во время войны, и во время мира была связана самыми теснейшими узами со всем мировым хозяйством и со всеми событиями мира. Россия также изнурялась в мировой войне, как и прочие государства Европы. Больше того, из 15,7 миллионного военного ополчения одна только Россия потеряла почти что 9 миллионов. По данным военной статистики ЦСУ ежедневные расходы России в 1917 году составляли около 60 млн. рублей. Ни европейский капитализм, ни российский капитализм ни симбозы всех этих капиталистических сил не могли выдержать таких неслыханных расходов людьми и деньгами. Российская революция возникла точно таким же образом, как и прочие революции Европы. После октябрьской революции отношения между Россией и Европой сделались более сложными. В военное время Россия находилась в коалиции с одним сектором европейских буржуазных государств (Англия, Франция, Бельгия) против другого сектора — Германии, Австро-Венгрии, Турции. После Октября силы расстроились, Россия оказалась в одиночестве против всей европейской буржуазии, тесные отношения России с Европой были отношениями войны между капитализмом и социализмом. Антанта разгромила германскую коалицию и привела Германию к Версалю, т. е. к фактическому колониальному состоянию. Эта же Антанта после «победоносной» войны над германской коалицией стремилась (и стремится) обратить Советский Союз Социалистических Республик в колониальное состояние.

Мы сказали, что Европа была всем своим хозяйством связана с хозяйством России. По сведения О л я [1]) европейские капиталы в России превышали сумму 2.24 миллиарда рублей. Но эта цифра будет понятна только тогда, когда мы вспомним, что эти миллиарды были вло-

[1]) Оль — «Иностранные капиталы в России», 1922 г., Петроград.

жены в самые важнейшие хозяйственные отрасли российской промышленности. Англия занимала важнейшие посты в нефтяной промышленности, где, из общей суммы вложенного в предприятия капитала в 260 млн. рублей, она имела 117 млн. рублей, или 68%. Кроме нефти Английские капиталы находились в предприятиях по добыче золота, серебра, свинца и меди. Из общей суммы в 731,7 миллионов французского капитала только горная промышленность и банки поглощали 430 млн. руб. Золото, платина, серебро, марганец, нефть, металлургия — вот группа французских интересов в России. 3-е место занимала Германия, вложившая в русские предприятия 441,6 млн. руб., из коих химия, горная промышленность и обработка металлов занимали 192 млн. руб.

Если взять капиталы только акционерных обществ, то из общей суммы в 4.000 млн. руб., 1.340 млн. руб. принадлежали иностранцам. В свое время К р и ц м а н отметил эту роль иностранного капитала: в горной и металлообрабатывающей промышленности иностранный капитал владел четвертью предприятий и более, чем половиной акций, в электротехнической — почти половиной предприятий и тремя четвертями акций, в химической — почти четвертью предприятий и более чем третью акций, в предприятиях по благоустройству городов более чем четветртью предприятий и почти половиной акций. Как видно из этих цифр, в руках иностранного капитала были крупнейшие предприятия. Донецкий бассейн с его угольной, металлургической и химической промышленностью почти весь находился в руках иностранного капитала. Помимо капитала, русская промышленность получала из заграницы свыше половины (58%) своего оборудования, почти половину текстильног сырья и ряд другух материалов (особенно химических).

Из этого краткого обзора видно, что крупнейшие капиталистические силы Европы занимали у нас самые ответственные посты в промышленности. Нефть, золото, марганец, серебро, платина, металлы — вот интересы европейских капиталистов в делх с Россией.

Капиталистическая Европа не могла ни на одну минуту допустить, что она лишится этого «золотого руна». Октябрьская революция и волны национализации с первых же дней 1918 года подняли на дыбы всю европейскую буржуазию. Национализаторские мероприятия не только наносили непосредственно удар по карманам европейских магнатов капитала, но они разрушали также те экономические отношения, наличие коих определяло известную устойчивость европейской промышленности. Борьба на смерть, чтобы сохранить жизнь, борьба до полной победы — вот те лозунги, которые воспламеняли буржуазные правительства Европы. 1918, 1919, 1920 годы были годами борьбы реакции против октябрьской революции.

В 1905 году против слабейших толчков российской революции ополчилось юнкерское правительство Германии, но ему не пришлось переступить границ России для подавления революции: внутренняя реакция своевременно расправилась со слабыми силами революции. Европейская реакция ополчилась против Великой Французской Револющии и в конце концов она «задушила» ее, М е т е р н и х у тоже удалось похоронить проблески итальянских революционных движений, но в 1917—1920 годах мы имеем первый в истории факт — Октябрьская революция одержала победу над всей коалицией европейских буржуазных правительств.

Победа октябрьской революции над реакцией Антанты имела чрезвычайно большое значение для последующего хода всей истории Европы. Антантовская пиррова победа омрачилась поражением в борьбе с большевиками. Англия и ее союзницы не сумели уничтожить большевиков, не сумели навязать России уз Версаля, Антанте пришлось примириться с лишениями, явившимися последствием Октября. Поражение Антанты в борьбе с Октябрем не могло быть ни в какой мере компенсировано победой над Германией. **Царская Россия проиграла войну, а Ленинская Россия, Россия социалистическая выиграла революцию и окружила Россию ореолом славы.** Вот какие общие социально-политические условия сложились к 1920—1921 году, когда наступила эпоха некоторого военно-политического успокоения.

«Мирный» период новейшей истории (с 1920 г.) действительно полон явлениями, свойственными исключительно этому периоду истории человечества. Еще вся история жизни не знает такого примера, чтобы победившей в войне стороне не был бы обеспечен «плавный» и бурный ход развития экономической жизни. Однако, победоносная Антанта, с помощью Америки разгромившая германскую коалицию, не выходит из систематического экономического кризиса и не сумела осуществить свою основную задачу — уничтожение СССР. После окончания мировой войны открылась новая эпоха борьбы между капитализмом и социализмом. Данная борьба явилась для Антанты более тяжелым и опасным, чем вся напряженная борьба за победу в великой мировой войне.

Борьба всей мировой буржуазии против СССР все время имела и имеет чрезвычайно напряженный характер, буржуазия по мере всех своих сил наносит удары по социалистическому строительству СССР, но не смотря на это, по крайней мере формально, после 1920 года эпоха **открытых** внешних войн сменилась другой эпохой, когда борьба капитализма с социализмом приняла иные формы. На этом этапе истории для социалистического строительства СССР вопросы внутреннего порядка, т. е. вопросы связанные с социалистическим строительством приобрели особо большое значение и ими главным образом характеризуется вся послевоенная эпоха.

Мы должны сейчас обратить наше внимание на эти внутренние стороны жизни. Эти вопросы мы можем разделить на 2 основные группы: 1 на группу вопросов чисто теоретического характера, вопросов, касающихся оценки всего происходящего и определения перспектив для распознавания будущего и 2 — на группу вопросов государственного хозяйства, урегулирования внутренних экономических отношений с точным выявлением и уяснением природы этих отношений.

Удержат ли большевики не только государственную власть, но и власть революционную? Найдут ли практическое осуществление лозунги октябрьского переворота, т. е. смогут ли большевики двинут вперед строительство социализма? Социализм или капитализм? — Вот ряд вопросов из 1-й группы, действительно занимающих умы не только наших строителей социализма, но и всех наших противников, находящихся как среди нас, так и за пределами России.

Здесь мы можем вспомнить предупреждение Э. Кинэ: «Свобода только что родившийся трестник, и эта вещь так нова, так хрупка, что она никогда не находится в большей опасности, как в ту минуту, когда мы воображаем, что совершенно владеем ею. Прошлое разом

вооружается и, не переставая, работает против нее. Для ее спасения нужна нация, которая никогда не спит». [1])

Именно российская октябрьская революция не могла никогда уснуть. В период некоторого успокоения и мира пролетариат и крестьянство находятся под угрозой борьбы со стороны реакции, которая имеет своей целью внести сумятицу в ряды воинствующего социализма. Переживаемая нами эпоха является эпохой величайшего напряжения. Октябрьская свобода не дает покоя многочисленным противникам этой свободы, как внутри страны, так и вне ее. Силы реакции продолжают непрерывную и неустанную борьбу против нее, и их литературно-идеологическая кампания является лишь частью общей их борьбы на всех фронтах нашей жизни.

Интересуясь в данную минуту литературно-теоретической борьбой сил реакции против октябрьской революции, мы можем отметить, что эта борьба столь же чудовищна, как и вся их борьба против революции в эпоху открытых военных действий, когда буквально все виды и формы борьбы против революции были возведены в «святыя святых». Как в ту военную эпоху каждая пядь советской земли вырывалась боями исключительного ожесточения, так и сейчас, каждый вопрос революции, каждая проблема социализма вызывает с их стороны ожесточенный спор и борьбу, и всячески опорачивается ими. Реакция ведет наступление буквально по всем основным вопросам социализма. Самые элементарные и не подлежащие оспариванию факты и явления делаются предметом борьбы. Злой умысел и неправда сквозит во всей этой кампании, — интерес, а не наука, являются их путеводной звездой. Создаются целые теории и мировоззрения, запугивающие и запутывающие рабочих. Если не в рукопашной войне, так в мирных условиях сломить социалистическую волю — вот чем пропитана эта борьба; не мытьем, так катанием сломить революцию — вот их дело.

Первый вопрос, поднятый силами реакции, является вопрос о революции. Что такое революция? Каковы итоги революции? Может ли вообще победить революция? Вот какие элементарнейшие вопросы поднимаются ими.

В первую очередь нам необходимо отметить следующее: как вся российская действительность, так и русская революция всеми своими нитями связана с ходом европейских революций. Вся наша политическая и экономическая жизнь становится понятной, когда мы рассматриваем ее не как какое-то русское самобытное явление, а как явление общего порядка, как часть мирового хозяйства и мировой истории. История российской революции становится понятной опять таки тогда, когда вы рассматриваете ее в исторической связи революционных событий всех прочих европейских стран. С точки зрения истории революции, события российской революции являются частью, элементом всех европейских революционных явлений. **Российская революция также завершает цикл исторического развития мировой жизни, как на других этапах истории прочие европейские революции завершали и определяли у себя цикл развития мировой хозяйственной жизни.**

Октябрьская революция произошла в 1917 году. Представьте себе все революции периода новой истории и вы сможете «априори» определить характер и содержание нашей октябрьской революции. С XVII

[1]) Э. Кине — «Критика революции», т. 1, стр. 25.

века, т. е. с зари развития эпохи капиталистического периода истории, мы имеем ряд величайших революций, определявших ход дальнейшей истории. Из цикла этих революций необходимо отметить английскую революцию 1648 года, американскую революцию 1776 года, Французскую революцию 1789 года, Февральскую революцию 1848 года, Парижскую Коммуну 1871 года и российскую революцию 1905 и 1917 года. Маленькие страны всегда делали маленькие революции, которые были отголосками крупнейших революционных событий. Революции Испании и Португалии все время носили характер «пронунсиаменто», карбонарийское движение всегда было характерным для революции разрозненных частей республик Италии. Германская революция 1848 года также не носила исторического мирового характера, благодаря разрозненности Германии.

Во всех этих выдающихся революционных движениях, как в капле воды, мы видим смысл и содержание всей новой истории. С первых дней английской революции вплоть до февральской революции (Париже) 1848 года, мы наблюдаем, как буржуазия, с массой так называемой демократии или народа, в гражданской и революционной борьбе выхватывала государственную власть из рук дворцовой феодальной аристократии. Капиталистический строй воздвигнул свой экономический храм путем промышленных революций, разгрома старых способов средств и орудий производства и тех социальных отношений, кои препятствовали накоплению капиталистической прибавочной стоимости. Буржуазия в открытой революционной борьбе громила все старые политические отношения и провозглашала принципы Буагильбера — **Laissez faire la nature et la liberte!** Эта эпоха является эпохой расцвета буржуазии, «духом Апполона», как говорит Шпенглер, «пропитана вся буржуазная культура», **Sturm und Drang**-ом окрашена вся борьба буржуазии. Во французской революции 1789 г. Людовика XVI-го арестовывают в Варенне у лавочника, слугой революции здесь является почтовый чиновник Друэ и судейский работник прокурор Сольс. Ни тот, ни другой не имеют никакого понятия о социализме, они еще не слышали даже слова — «республика». «Камилл Демулен, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — герои, партии и массы старой французской революции, — осуществляли, пользуясь римскими костюмами и римскими фразами, задачу своего времени: «освобождали от оков и строили новое буржуазное общество», — говорит К. Маркс. Граф де Мирабо — этот двуликий янус французского переворота мог гордиться тем обстоятельством, что его благородство происходило из Прованса, из дома торговца сукном. Все эти лица фактически и казнили центральную фигуру королевской власти всего мира — короля Людовика XVI-го.

Английская революция по существу была общественной борьбой между югом и севером, т. е. между районами промышленного возрождения (юг) и феодального севера. Промышленная мобилизация земельной собственности, налоги, религиозный вопрос характеризовали английскую революцию вплоть до левеллеров. Кромвель, устанавливающий армейскую диктатуру в Англии и приведший Карла Стюарта 1-го к эшафоту, до самого последнего времени, вплоть до 1647 года, не имел определенного мнения на счет существования в Англии королевской власти, не говоря уже о том, что слабые проблески социального

либерализма левеллеров он покарал с той же свирепостью, как и власть Карла 1-го. Американская революция 1776 года была в полном смысле слова революцией буржуазной. Капиталистический инстинкт обогащения, свобода перемещения частной собственности, борьба против налоговых притеснений проходят красной нитью в этой революции. Вождь американской революции — Джордж Вашингтон — сам являлся весьма крупным собственником, который принцип обогащения считал путеводной звездой, жизненной философией, как своей, так и своих колонистов, единогласно выбирающих его в Президенты в дальнейшем. Все революции XIX столетия до 1871 г., или правильнее, революционные движения, замыкающие исторический круг революций 1848 годом — являлись уже революциями смешанного характера, когда наряду с буржуазией, как внушительная сила, выступала сила пролетариата. Мы сейчас же должны отметить, что во всех буржуазных революциях до конца XVIII столетия мы можем видеть леворадикальные уклоны некоторых общественных сил, но ни левеллеры английской революции, ни бабьефисты французской — не являлись характерными силами революции, не определяли революционного движения и не искажали буржуазного смысла этих революций. Классовая борьба пролетариата, как революционная борьба пролетариата против капиталистов, видна в лионском восстании французских рабочих в 1831 г. и, в особенности, в февральской революции 1848 года. В первой половине XIX столетия капиталистические отношения делаются общественными отношениями для всех стран Европы, буржуазия прочно занимает консервативные позиции буржуазных конституций и дает кровавый отпор пролетариату, когда он ставит в 1871 году под вопрос целесообразность существования капиталистического хозяйства. После 1848 года проходит длиннейший период капиталистического способа производства, т. е. эпоха почти что в 80 лет, когда на самом классическом континенте капитализма — в Европе — буржуазия не только не имеет революционного выступления, но создает столь тяжелые политические и общественно-экономические условия, что и для самого пролетариата делается невозможным поднять волны революционного движения. Мы отмечали выше, что при добросовестном изучении истории всех революций до середины XIX столетия, «априори» уясняются характерные черты позднейших революций XX века, и, в частности, черты революции России. Мы имели в виду то обстоятельство, что, после февральской революции 1848 года и истории парижской коммуны в 1871 году, эпоха буржуазных революций считается законченной. Буржуазия или не является никакой динамической революционной силой, или является силой реакционной. **Общественные группы, приписывающие буржуазии революционную роль в XX веке, обыкновенно находились под обаянием революционной борьбы буржуазии в прошлом,** они не освободились от традиционного на этот счет взгляда, твердо установившегося в середине XIX столетия. Великий раскол в российской социал-демократической партии, оформившейся в 1903 году, об'ясняется и тем, что большевики не признавали за буржуазией никакой революционной роли, тогда как меньшевики и экономисты смотрели на буржуазию сквозь розовые очки и восхваляли ее прогрессивную и революционную роль. После 1848 года мы не имеем во всей Европе ни одного крупного революционного выступления буржуазии, т. к. **монархические государства в достаточной степени сумели**

приспособиться к новым капиталистичеким отношениям, и выполняли классовые задания буржуазии в достаточной мере. Во всяком случае, при возрастающем значении классового самосознания пролетариата и опасности социализма, буржуазия охотно мирилась с монархическими правительствами, с которыми она могла обезпечить интересы накопления капитала. [1])

После 1848 года очень много говорили не о буржуазной революции в полном смысле этого слова, а о мелкобуржуазной демократической революции. К. Маркс в своем «Обращении» (Ansprache) к членам Союза коммунистов говорил именно о таких революциях, а итальянский социалист Турати в 1894 году ожидал в своей стране как раз мелкобуржуазную революцию [2]). Но мы видим, что ожидания Турати не оправдались на примере Италии, и, вообще, не знаем на всем протяжении всего XIX столетия ни одного революционного движения, в котором руководящая роль принадлежала бы мелкой буржуазии.

Мы должны оговорить. В революции 1848 года мелкая буржуазия действительно стала играть известную самостоятельную роль. Но роль этой мелкой буржуазии блестяще охарактеризована Марксом в «Борьбе классов во Франции» и в «18 брюмера Л. Бонапарта». Мелкая буржуазия изменила пролетариату в самый критический момент, в июне 1848 года, она же изменила ему также в борьбе с Наполеоном в 1851—52 г.г. Изменческая политика мелкой буржуазии является ее затаенной философией, и никто не знает ее подлинных мыслей, когда она говорит о своих чувствах. Поэтому она изменяет не только классам, которыми она окружена слева и справа, но она изменяет себе и изменяет своим вождям. «Большинство Горы, (группа мелко-буржуазных монтаньяров в парламенте — Т. Г.), — говорит Маркс, — предало свой авангард, отказавшись подписать прокламацию. Пресса дезертировала. Мелкая буржуазия предала своих представителей, ее дитя национальная гвардия держалась в стороне, а там, где выступала, мешала строить баррикады» и т. д. Ту же изменческую и предательскую роль играла немецкая мелкая буржуазия во все этапы новейшей истории Германии. В целях наступления на Францию 70 года и Коммуну 71 года Бисмарку нужен был патриотический дух своего народа, требовавшего перейти от обороны к нападению, раздавить рабочую республику Парижа и увековечить трон Гогенцоллернов в Германии. Кого можно было использовать в этих целях, как не мелкую буржуазию? Маркс в «Гражданской войне во франции 1871 г.» отмечал: «Соответствующий сигнал был дан немецкому среднему классу с его профессорами и капиталистами, с его депутатами и газетчиками. Этот средний класс — который во время борьбы за буржуазную свободу в 1846—1870 г.г. высказал невиданную бездарность, нерешительность и трусость, — был, конечно, чрезвычайно восхищен той ролью льва немецкого патриотизма, в которой он должен был выступить на европейской сцене». Эта мелкая буржуазия и среднее сословие опортюнистические и безпринципные всегда являлись только лишь орудием какого либо класса.

---

[1]) Лучший знаток истории революции Европы — К. Маркс — в знаменитом «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» учил: «Революции XIX столетия являются революц. пролетарскими».

[2]) См. по этому поводу Г. Плеханова — К вопросу о захвате власти «Искра», «За два года», ч. II, стр. 199.

Мы не знаем ни одной эпохи прямой мужественной борьбы мелкой буржуазии; полагаться на нее — нельзя, **она представляла из себя политически увядшую силу, неуспевшую расцвести. В своем активе она не имела даже тех славных дней, коими крупная буржуазия по праву гордилась.**

Как крупная, так и мелкая буржуазия после 1848 года перестали быть силой, руководящей революционным движением. Капиталистическое развитие во второй половине XIX столетия шло таким быстрым темпом, что классовое различие всего общества делалось все более обостренным, росло классовое самосознание пролетариата, социалистическое движение революционного пролетариата превращалось в крупнейший фактор во всей политической истории, и при наличии этих условий мелко-буржуазной оппортюнистической массе история представляла роль попутчика то одного, то другого класса. Вот почему к этой мелко-буржуазной массе применимо замечательное выражение — **«врозь итти, вместе бить».**

Мелкая буржуазия, как городская, так и деревенская играет некоторую историческую роль только в тех общественно-экономических условиях, когда классовая дифференциация общества выражена слабо: «История, — говорит Мартынов, — знает огромные крестьянские движения, как например, Жакерия во Франции, крестьянкие войны в Германии в эпоху реформации, крестьянское движение во время Великой революции и т. д. Во всех этих случаях крестьяне обнаружили огромную боевую разрушительную силу, но эта боевая сила была в тоже время самостоятельной политической силой только в тех случаях, когда требования восставших крестьян шли по пути исторического развития общест а, как, например, во время Великой Революции. В других же случаях крестьянское движение либо проходило бесследно, как «Жакерии», либо же дезорганизация, внесенная ими в общественную жизнь, учитывалась другими общественными классами в своих интересах». [1]) Но эти мелкобуржуазные крестьянские движения относятся к XVI и XVII, т. е. эти движения происходили не в капиталистическом обществе, котором обыкновенно имеется классовое деление общественных сил, организация этих сил в крупные политичские партии. Мелкая буржуазия и крестьянство не дают нам в новейшей истории ни одного примера широкого общественного самостоятельного движения, — эти силы в полной мере разделяют общую судьбу мелкой буржуазии, и роль этих сил определяется ролью буржуазии. XX век ликвидировал не только буржуазию, как политически революционную силу, но он положил конец и великому самостоятельному революционному движению мелкой буржуазии, как в деревнях, так и в городах.

«Июньское восстание (1848 г.), — говорил Маркс, — подняло на континенте самосознание буржуазии и толкнуло ее на открытый союз с феодальной монархией против народа». А в номере от 24 Июня 1848 года «Neue Rheinische Zeitung» писала: «Ни одна из многочисленных революции фр. буржузии с 1789 года не была покушением на порядок, потому что все они оставляли неприкосновенным классовое господство, все они оставляли рабство рабочего, все оставляли неприкосновенным буржуазный строй, как бы не видоизменялись политические формы это-

[1]) Мартынов — «Революционные перспективы», Искра № 90. 1905 г.

го господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот порядок» [1]). С середины XIX столетия для Маркса были ясны характерные черты революции XIX века. «За парижскими рабочими, — констатировал К. Маркс, — остается та заслуга, что они с высоты европейской трибуны разоблачили тайну революции XIX века: **освобождение пролетариата».** Могла ли после классового выступления пролетариата буржуазия играть революционную роль? Фр. Энгельс изучал историю революции Франции уже следующей эпохи — 1871 года. «Коварная попытка Тьера украсть у парижской национальной гвардии ее орудия, — гов. Энгельс, — вызвала победоносное восстание. Снова выяснилось, что в Париже невозможна никакая другая революция, кроме пролетарской».

Тоже самое говорил и Маркс. «После Троицина дня 1871 года не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продуктов их труда. В Коммуне мы первый раз видели правительство рабочего класса, одно лишь кратковременное существование которого приводило в трепет не только подлейшего пса буржуазии — Тьера, но также вожака немецких юнкеров — Бисмарка и палача европейских освободительных движений — царя Александра II-го».

Действительно, пролетариат не мог победить буржуазию и установить социалистический строй, но революции после середины XIX столетия, все без исключения, имели именно социалистическое направление, и буржуазия **отражала** социалистический натиск пролетариата. Социализм был вопросом времени. Бурное развитие капиталистических отношений с середины XIX столетия организовывало и укрепляло пролетариат, оно создавало экономические основы социализма. И политически, и экономически XX век является продолжением XIX века, он получил все плоды последнего. Вот почему XX век ставил вопросы социалистической революции в порядок дня.

Революционное движение в XX веке могло быть движением рабочих, или оно не могло быть вовсе, т. е. революционные движения эпохи XX века могли быть только лишь социалистическими движениями — вот тот взгляд, который и исторически и политико-экономически находил оправдание в условиях существования капиталистического строя. Такой оппортюнист, каким являлся Парвус, в 1904 году в статье «Tea Res agitur» — говорил: «Было время, когда буржуазия низвергала троны и брала приступом небо, когда она указывала человечеству новые цели, мечтала о свободе, равенстве и братстве. Этот факт забыт и самое воспоминание выброшено из школьных учебников. Буржуазия препятствует культурному развитию. Она бы встретила с ликованием падение русского абсолютизма, если бы не боялась за свое собственное господство».

С середины XIX столетия восходит заря реакционной буржуазии. Больше 80 лет, как нет революционного под'ема крупной буржуазии и самостоятельного революционного движения мелкой. **Каждое революционное выступление пролетариата является выступлением непременно против буржуазии,** против капиталистов. Ныне революция уже не имеет

---

[1]) Маркс и Энгельс — «Собр. соч.» т. III, Гос. изд. 1921 г., стр. 50.

других главных противников, кроме буржуазии. Вот почему современные революции во всех капиталистических странах являются революциями социалистическими, вот почему черты российской революции 1917 года должны быть «априори» ясными. *)

Еще раньше, в самую лучшую пору ренессанса буржуазной культуры, когда буржуазия и думать не могла о пролетарской опасности, когда она в революционной борьбе только лишь создавала свою экономику и политику, расширение революции отпугивало и заставляло отходить от нее силы, первоначально принимавшие в ней горячее участие. Хлермоны, Теннеры, Бергасси, Могуэ, Сиесы и пр. изменяли и отходили от Великой Фр. Революции только потому, что они боялись каждого дальнейшего шага и развития революции. По этим же причинам Эссексы, Бедфорды, Манчестеры и пр. изменяли английской революции. Буржуазия и все силы буржуазии пугались одних лишь теней, одних лишь призраков пролетарского движения. Естественно, что современную буржуазию никакими способами нельзя вовлечь в революционное движение при наличии совершенно оформившегося, организованного в класс пролетариата, имеющего классовую волю и пыл к борьбе за социализм.

Буржуазия является реакционной не только в высоко развитых капиталистических странах, где она на своей спине испытала социалистическое давление и борьбу пролетариата. Еще более реакционной является она в отсталых странах, колониях и полуколониях, где национальная буржуазия находится в полной зависимости от крупной европейско-американской буржуазии и играет скверную роль лакея-агента иностранного капитала. Национальная буржуазия отсталых стран, эксплоатируя широкие массы населения всеми возможными варварскими способами для получения двойной прибыли, как для себя, так и для иностранного капитала, создает для туземных рабочих и крестьян особо тяжелые условия жизни. Пролетариат этих стран в тисках этих империалистических и националистических условий является величайшей силой революции, борьба этого пролетариата все время носит ярко социалистический характер, что делает буржуазию этих стран особенно реакционной.

---

*) Чрезвычайно характерно, что мелкая буржуазия, или как ее обычно называют, демократия, двуличность и изменческий характер которой так ярко обрисован К. Марксом, является в настоящее время (в XX веке), когда этими качествами она особенно отличается и выделяется, главной опорой социал-демократии. Если еще можно использовать эту демократию для революции, то это только лишь в эпоху явного и общего революционного под'ема, но и в этом случае она не может быть ни как основной силой, ни как главной силой. Мелкая буржуазия и демократия являются архи-реакционными силами даже при призрачной стабилизации политической и экономической мощи буржуазии. В этих условиях социально-экономической жизни мелкая буржуазия и демократия не могут быть социальной базой и опорой для революционного преобразования ни для какой-либо действительно революционной партии. Социал-демократия, потерявшая все свои прежние связи с пролетариатом, базируется ныне единственно на этой реакционной силе и, естественно, что эта реакционная база придает партии исключительно реакционный характер.

Социал-демократия и ее мелкая буржуазия и демократия об'ективно и суб'ективно имеют ныне огромное значение для реакции, и в современных революционных преобразованиях они все вместе играют явно реакционную контр-революционную роль. Вот почему всякое современное буржуазное и мелко-буржуазно-демократическое движение является движением против революции, движением реакционным. Эти силы делают реакцию, но не революцию.

Роль буржуазии и буржуазных элементов в первой русской революции была изменческой. Французская буржуазия миллионными ссудами заглушила первые проблески русской конституционной свободы в 1905 г., а русские демократические и оппортюнистические партии — меньшевики и эсэры в 1917 г. обуздывали революцию, чтобы приготовить трон Рябушинским, Путиловым и пр. Но никогда борьба буржуазии против революции и измена мелко-буржуазных партий, именующих себя социалистами-революционерами, меньшевиками, трудовиками и т. д. не проявляясь так ярко, как в самом-же начале октября. В конце XVII столетия французская феодальная знать хотела затопить в крови революционную Францию, окружив ее иностранными силами реакции. Австрия должна была напасть на Францию в июле 1791 г. с севера с 35-ю тыс. войск, Германия со стороны Эльзаса, Сардиния с провинции Дофине, Испания с Лангедока, Швейцария с Франш-Конте.

Принц Конде, эмигрант французской революции в своем манифесте в 1970 г. писал: «Я пойду во главе дворянства всех народов, а за мной пойдут все подданные, верные королю, которые об'единяются под нашим знаменем, я пойду сделать попытку освободить несчастного монарха». И действительно, мы знаем с каким наслаждением направлялись Марселяки и ему подобные, мечтающие подавить французскую революцию, в Остенде, чтобы встретить здесь русскую эскадру, везущую козаков. «В бюллетенях, — говорит Левин, — которые посылались из Кобленца Лакюйелю через курьеров, постоянно говорилось о том, что европейские суверены составляют коалицию против Франции, что их войска приходят уже в движение, указывалось число этих войск, маршруты колонн и т. д.» [1]) Подобного рода слухи большей частью оказывались лишенными основания. Но за принцами Конде все же шли очень туго. Иная картина сейчас: то, что не удалось принцам и графам фр. революции, блестяще удавалось у нас лжесоциалистам вроде Керенского, Чернова и пр. Чем же об'яснить неудачи принцев и успехи «социалистов»? Французская революция, хотя и обрушилась со всей тяжестью на феодальное хозяйство, все же сохранила в неприкосновенности священный принцип, как феодального, так и буржуазного хозяйства — частную собственность. В только что указанной книге справедливо отмечено, что «собственность во всех этих конституциях всегда об'являлась священной и неприкосновенной, а тенденция к разделу земли обрабатывающими ее (loi agraire) вызывала ужас и негодование у революционеров якобинцев, которые из за менее основных вопросв с легким сердцем решались на массовые казни противников. Священнейший принцип частной собственности, основной принцип всех систем хозяйства во все периоды человеческой истории, был по настоящему в первый раз поколеблен большевиками-коммунистами в 1917 году.

Священный поход всей капиталистической Европы против российской революции велся главным образом из за сохранения основ частной собственности. Российская революция, как и сама война 1914—17 г.г. была в истории человечества первой революцией **по своему мировому и интернациональному значению,** она была первой революцией **по мощности сил, участвующих** в ней, а также по количеству разноплеменных сил буржуазии, окруживших ее и борющихся с ней. Вот чем об'ясня-

[1]) Левин — «Эмиграция французской революции». Берлин, 23 г. стр. 52.

ется исключительный размах октябрьской революции и особый интерес к ней всех капиталистических стран мира.

Необходимо отметить, что судьба частной собственности в Октябрьской революции была поставлена не случайно, а вопрос о ней стоял в центре программы большевиков, которые проводили соответственную политику совершенно сознательно с первых дней революции. Вот, повторяю, чем об'ясняется то обстоятельство, что французская революция 1789 года, несмотря на всю свою свирепость, как не затрагивавшая основных вопросов экономического существования строя, основанного на принципе частной собственности, не вызвала к себе, соответствующей Октябрьской революции, — реакции.

Необходимо отметить, что вопрос о капиталистической частной собственности был поставлен в эпоху Парижской Коммуны. Но в эпоху Коммуны мы имеем только лишь попытку борьбы против собственности. Эта попытка дорого обошлась коммунарам. Сентябрьские дни великой Французской Революции бледнеют перед жестокостями французских генералов, направленными против революционного пролетариата социалистического Парижа. В Парижской Коммуне буржуазия повернулась к пролетариату своим подлинным лицом, все нити, какие только когда либо соединяли пролетариат и буржуазию, были порваны. Ненависть, презрение, вражда, борьба за уничтожение друг друга — вот те отношения, которые установились между пролетариатом и буржуазией после 1871 года. Вот почему для нас »априори» казалось ясным, что в XX веке революции неизбежно делаются социалистическими.

Российские революции 1905 г. и 1917 г.г. генетически увязываются со всеми революциями, какие только имелись в эпоху капитализма. Наши революции не начинали революцию с'изнова, а продолжали ее, также, как сама Россия не начинала свою историю с элементарных форм развития капиталистического способа производства. Таким образом, феноменология революции есть феноменология исторических условий экономического строя. Феноменология революции принимает иной характер с каждым изменением экономических основ жизни и имеет перед собой все новые и новые задачи также, как сама экономическая жизнь ставит перед нами все новые и новые задачи. Ни о какой механической теории революции речи быть не может.

К. Маркс и Фр. Энгельс никогда не брали ни одну революцию изолировано от общей цепи исторических событий. Наоборот, в истории одной революции они усматривали ход всей социально-экономической истории. Известно, как Маркс смеялся над Виктором Гюго, который в истории революции 1848 года не видел коренных исторических причин. В диктатуре Кромвеля Маркс видел основы установления буржуазной конституции Англии, в якобинцах Фр. революции 1789 года — конец феодализма, но никогда он не разрывал на отдельные участки наступательный ход последующих революций. Как в образовании буржуазного государства, так и в образовании и характере господства буржуазии Маркс находил историческую преемственность. «Бурбоны, — говорил Маркс, — были династией крупного землевладения, Орлеаны — династией финансового мешка, Бонапарт — династией крестьян, малоземельных, парцельных крестьян.» [1])

[1]) Маркс — «Соб. Соч.» т. III, стр. 221-222.

М а р к с никогда не путался в извилинах и обманчивых формах революции, он во всех движениях искал исторический и экономический смысл явлений и своей материалистической философией обнаруживал характерные черты истории.

Вперед, все новые и новые завоевания!—вот что лежало в основе все новых и новых революций, какими бы жертвами не обходился революционному классу этот победный ход истории. Ниже мы увидим, как опошлили эту блистательную пролетарскую философию спекулянты разума и подлинные рабы реакции.

В исторической связи явлений российская революция могла быть только революцией социалистической, т. е. революцией, ставящей вопросы капиталистического способа производства и капиталистической частной собственности на разрешение революционной борьбы пролетариата.

В 1918 г. т. Л е н и н в своем «Докладе об изменении партийной программы и названии партии» утверждал: «Империализм начинает эру социальной революции и этот факт, который для нас очевиден, о котором мы должны ясно сказать. Мы подымаем знамя социальной революции не только как агитационный призыв, мы подымаем его, как новую программу». Начинается эра социальной революции в которой первая роль по времени выпала на нашу долю. Факел, зажженный Российской революцией является факелом социалистической революции, а победа Октября являлась победой социалистической революции. Для всех ясно,—говорил т. Л е н и н, — что «Октябрьские дни—это победное триумфальное шествие русской социалистической революции». [1]) Вот почему ожесточение борьбы в российской революции об'ясняется не национальным характером русского народа, а теми острейшими вопросами, какие ставила Октябрьская революция на предмет коренного разрешения. Иначе подходит реакция к сущности революционного движения. Не исторический смысл жизни, не глубокие социально-экономические условия определяют характер революции, а злая воля, капризы лиц и случайные моменты имеют превалирующее значение. Вот с какой точки зрения подходят силы реакции к историческим событиям Октября. Стоит послушать, какими теориями убаюкивают себя подлинные силы реакции. Г а р т м а н дает нам социологию революции, не имеющую никакой исторической связи с действительной историей революции. Он дает следующую механическую схему революции: 1) Подготовка революции, 2) Радикализм революции и признаки противоречий среди сил революции, 3) диктатура меньшинства, 4) отход от революции первоначальных ее сил, 5) контрреволюция. Страшно подумать сколько работников мысли проникнуты этим механическим (насквозь реакционным) пониманием исторических событий. Этот взгляд воспринимается всеми силами нашей контр-революции, этой теорией воспламеняется вся реакционная часть общественного движения, ею хотят вскружить наши головы и отнять у нас великую волю к революции. Возьмите мистика и богоискателя Б е р д я е в а, никогда не понимавшего и не воспринимавшего никаких начал никакой революции. «Революция, — говорит он, — подобие тяжкой инфекционной болезни. В известный момент будет 41° температуры, будет бред. А потом температура падает до 36°.

---

[1]) Ленин — «Собр. Соч.» т. IV, стр. 152, 174.

Революция должна сама себя изжить, истребить себя». [1]) Как видите, здесь проведена Гартмановская механическая теория революции в полной мере. «Подобно Хроносу революция пожирает своих детей», — говорит Карсавин словами Варнью. [2]) Не только эти заядлые служаки реакционной идеологии, но и прочие представители партии, находящейся за правой чертой коммунистов, так называемые социал-демократы слово в слово повторяют Гартмана, Бердяева, Карсавина и проч. Послушайте Потресова, этого типичного представителя разлагающейся социал-демократии: «Несмотря на все основное сходство обеих революций, нужно все же почему то в прошлом искать параллели большевистскому десятилетию, но уже, конечно, параллели не с кратковременным правлением Робеспьера, возглавляющим момент наивысшего кипения революционных страстей, а с такой длительной и закрепившейся в атмосфере упадка революции властью, как власть Бонапарта. Ведь Бонапарт, согласно бессмертному уподоблению Барбье в «Ямбах», сумел в надлежащий момент вскочить на коня, оседлать революционную Францию, и затем ездить на этом взнузданном коне, до тех пор по всем закоулкам Европы, пока конь до конца не из'ездился и не пал от совершенного истощения сил. Так вот и русский «коняга» протянет когда нибудь ноги в метаниях по белу свету под знаком Коминтерна». [3]) Вся европейская и азио-европейская контр-революция, все равно называются они меньшевиками, эсэрами, демократами, кадетами или евразийцами — воют о конце и вырождении октябрьского переворота. «Большевистская система принадлежит к тем методам лечения, после которого приходится констатировать: Операция удалась блестяще, пациент умер», — утверждал К. Каутский. [4]) «Где там, — восклицал Г. Плеханов, — за последние месяцы у нас не созрело ничего, кроме страшной экономической разрухи, которая может вызвать контр-революцию, но на которой никак невозможно основать социалистического общества». [5]) Эсер А. А. Шредер доказывал, что «в России мы наблюдаем еще небывалый в истории революционного движения момент, когда партия, называющая себя партией рабочих, по собственной инициативе отказывается от завоеванного ею хозяйственного и экономического господства трудящихся и подготовляет пути для возврата к власти капитала». [6])

Мы могли бы написать фолианты с соответствующими цитатами из книг, написанных авторами, принадлежащими к самим различным лагерям реакции. «В России происходит интенсивный и глубокий процесс, выражающийся в восстановлении, развитии и укреплении прежних общественных классов, складывающихся из новых элементов», — утверждает С. О. Загорский. [7]) «От коммунизма к капитализму», — вторит всем этим эмигрантам эмигрант Трутовский. «В партийном режиме, — говорит глава, так называемой оппозиции в СССР. Л. Троц-

---

[1]) Бердяев — «Новое Средневековье», Берлин, 24 г. стр. 104.

[2]) Карсавин — «Феноменология революции», «Евразийский современник» кн. 5, Париж, 27 г., стр. 60.

[3]) Потресов — «В плену у иллюзии», Париж, 25 г., стр. 83.

[4]) К. Каутский — От демократии к государственному рабству, Берлин, стр. 88.

[5]) Г. Плеханов — «Год на родине» т. II, Париж, стр. 190.

[6]) См. «Пути революции», Берлин, 1923 г., стр. 105.

[7]) Загорский — «К социализму или капитализму», Прага, 1927 г., стр. 291.

к и й, — находит свое выражение вся политика партийного руководства».

«Эта политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо: от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от батраков к кулаку». Дальше, — «За спиной крайних аппаратчиков стоит оживающая внутри буржуазия», — утверждает Л. Троцкий. [1])

Одна мысль, один взгляд, один стиль, даже одни и те же слова, одни и те же предложения у всех этих оппозиционеров, как справа, так и слева. Всех их об'единяет знакомая нам механическая сила революции, феноменология Карсавина и социология Гартмана, все они рассматривают революцию с точки зрения **оптика,** а не экономиста, механика, а не материалиста, реакционера, а не революционера.

Кратий обзор революций, данный нами выше, показывает, что эти революции развиваются и усложняются с развитием и усложнением социально-экономических явлений. **Ни одна революция ни одной страны не похожа на предыдущую, каждая новая революция есть новое явление в жизни, приносящее все новые и новые победы пролетариату.** Не механика и тождество, а цепь, историчская связь в развитии революции — вот что мы видим в истории революции. От буржуазной революции к революции социалистической — вот постепенный ход мировых революций. Т. е. здесь мы имеем подлинную политическую историю экономической истории жизни. Ни по своим целям, ни по температуре революции небывают индентичны и механичны. Если мы захотим показать отличительные признаки совершившихся революций, мы увидим, что каждая из этих революций завершала свое историческое дело. В одной революции общественная сила громит абсолютизм и феодальную знать, как в английской революции 1648 года и во французской революции 1789 года, в другой она наступает на буржуазию, как во время Коммуны 1871 года, или одновременно на абсолютизм и буржуазию, как это имело место в России в 1905 г. В одних условиях революция принимает стихийный характер, и в процессе своего брожения расширяется и углубляется, действительно достигая высшей точки кипения, в других революции возникают внезапно и сразу же принимают бурный характер без особого напряжения в дальнейшем, как это было в выступлении рабочего класса во Франции в 1831 году, и в 1848 г. в Париже, Вене и Берлине. Процессы революционного порядка связаны всеми своими нитями с конкретными условиями и процессами общественной жизни страны, в которой эти явления происходят, причем цели и направления этих движений могут быть не только механически единообразны, но весьма различны в различных исторических и экономических условиях. Американская революция 1776 года была революцией национальной и без всякой контр-революции привела к отделению американских штатов от Англии, т. е. революция в полной мере выполнила свои первоначальные задачи; итальянские революции 1820, 1831 и 1848 г.г. напротив всегда имели своей целью об'единение разрозненных частей Италии, осуществленное только в эпоху Кавура.

В особых условиях исторической жизни революции принимают одновременно и национально-освободительный и классовый характер,

---

[1]) «Правда» 1927 г. № 3783.

как это видим в Китайской революции в 1927 году, или в персидской революции в 1908 году. Совершенно различны бывают также революции по своим результатам. Французское революционное движение в 1848 г. не дало непосредственных ощутительных результатов точно также, как борьба итальянских корбонариев или же пронунсиаменто в Испании в 1820 г. Наоборот, система Кромвеля, акты 4-го Августа Великой Французской Революции имели историческое значение для развития капиталистических отношений также, как Октябрьская революция 1927 г. открывает новую историческую эпоху социалистических отношений. Об'ективные условия сами по себе еще недостаточны для победного завершения революции. Германская революция 1918 г. сразу приняла социалистический характер, даже социал-демократическая партия, эта подлинно мелко-буржуазная партия была вынуждена вопросы социалистического способа производства поставить в порядок дня германской революции. Всем известно, какую изменическую роль сыграла германская социал-демократия на ряду с германской буржуазией в деле развертывания социалистической революции. Германская революция ограничилась, так называемой Веймарской конституцией 1919 года, но последующий бурный ход развития коммунистической партии Германии, превратившейся из маленькой кучки спартаковцев в крупнейшую самостоятельную партию, воочию показывает всем, что германская политическая жизнь за несколько лет далеко отошла от прейсовской конституции в Веймаре в направлении глубокого социалистического движения. Не только об'ективные условия должны быть приняты во внимание в целях правильного и полного использования революционной кон'юнктуры в целом. Топография революции, соотношение, как внутренних, так и внешних сил, напряжение момента, психологические элементы движения, состояние рынка, кризисные явления господствующего класса и правительства, одним словом, для правильного тактического образа действий должны быть приняты во внимание буквально все условия. Известно, как взвешивал т. Ленин каждый день в 1917 г., какое решающее значение он придавал каждому месяцу в деле победного завершения революции. Как видно, механическая теория революции является во всех отношениях сгустком безпочвенной мысли реакционеров всех мастей, она расчитана на расстройство наших революционных рядов, ею питаются только те организации, которые были выброшены революцией за борт. Ни с историей, ни с политикой и экономикой теория механического развития революции не имеет ничего общего, она является плодом досужей идеалистической философии и как таковая, естественно, никакого воздействия не может оказать на наше самосознание. Эта их борьба против революции так же безплодна, как была безплодной борьба сторонников этой теории против революции в открытых боях.

Представители реакции возражают против Октября не только по политическим, но и по соображениям экономического характера. Как в политических, так и экономических возражениях между силами реакции существует поразительное единогласие. Один стиль, одни выражения, одни и те же аргументации находим не только у меньшевика, но также у эсера, у трудовика, у кадета, у монархиста. Эти оппозиционеры имеют одну родину — реакцию, естественно, что все они владеют единым же средством борьбы — все равно находятся они на поле артил-

лерийской брани или в литературном салоне. Бердяев ссылается на бога, Раппопорт на разум, Плеханов на Маркса, но и религия, и рационализм, и социализм опошляются одинаково, чтобы сослужить службу реакции, — похоронить социализм.

В книге—«К критике политической экономии»—К. Маркс своевременно писал: «Общественная формация не погибнет, прежде чем не развились все производственные силы, для которых она достаточно просторна, и новые высшие производственные отношения никогда не установятся прежде, чем материальные условия существования их не выношены в лоне старого общества». Вот из этой генеральной мысли исходит Г. Плеханов, возражающий у нас против работ по осуществлению социализма. «Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основания утверждать, что его песенка спета, т. е. он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему». На этот вопрос Плеханов отвечает: «Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но и также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства». Дальше: «Капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития его производительных сил, и нелепо звать рабочих, городских и сельских и беднейшую часть крестьянства к его низвержению». [1]) Совершенно правильная марксисткая мысль! — подтверждает своим «высоким» авторитетом К. Каутский. «Сознание экономической отсталости заставляло марксистов приходит к выводу, что России еще далеко до той зрелости, какая необходима для построения социалистического общества». [2]) Механический процесс развития капиталистических отношений и эмбриональное зарождение основ нового строя является не только генеральной философией указанных выше меньшевиков, но и тех партий, которые 30—40 лет тому назад вообще отказывались от капитализма и без всякого капитализма сулили российским рабочим социалистический рай; теперь же они слово в слово потворяют механическую теорию необходимости капиталистического развития. Послушайте вождя небезизвестной в России партии социалистов-революционеров, — Чернова. «Великая Французская Революция, — говорит Чернов, — сначала уничтожила феодолизм, а затем начала создавать основы капиталистического уклада жизни. Этот новый уклад был налицо, совершенно готовым и лишь когда удельный вес этого нового мирка возрос, а старый режим стал путами для его растущей силы, революция разорвала эти путы: не для того, чтобы «творить из ничего», а лишь для того, чтобы распространить на всю страну основы жизни, уже созревшие в классовых организациях бюргерства» [3]). Не поразительное ли сходство во взглядах между различными партиями? Социализма быть не может у нас, развитие производительных сил возможно только лишь в условиях капиталистического способа производства. Не рабочие, а капиталисты должны быть хозяевами земли российской. Призыв капиталистов, открытый призыв реакции, — то чего не делали так

---

[1]) Плеханов — «На родине» т. 1, стр. 26-28, Париж, 21 г.

[2]) К. Каутский — «От демократии к государственному рабству», стр. 74.

[3]) Чернов — «Конструктивный социализм», т. 1. стр. 212, Прага, 25 г.

откровенно самые пошлые реакционеры во всех революциях Европы, Тьеры, Кавеньяки и проч., делают у нас сторонники только что указанной теории. Послушайте самого старейшего, самого ответственнейшего, самого опытного русского меньшевика Потресова: «Допустим на минуту, что буржуазная диктатура найдет себе в России твердую базу и окажется долговременной, стабилизированной. Будет ли, однако, это говорить что нибудь с точки зрения исторического процесса в его целом и с точки зрения в особенности самых народных низов, — против выгодности перехода от диктатуры фальшиво-коммунистической и обманно-пролетарской к диктатуре воинствующей и консолидированной буржуазии? Мы не колеблясь ответим — нет? А затем, если бы даже, действительно, оказалось возможной такая буржуазная деспотия не в виде «калифа на час», то это означало бы только, что многолетний режим большевистского хозяйничанья и господства накопил в своих недрах эти запасы реакции, что он является ее настоящим крестным отцем. Но и в таком случае мы вправе сказать, обращаясь к истории, словами Христа к Иуде: что делаешь — делай скорей». [1]) Навряд ли можно представить себе что либо омерзительнее этих призывов буржуазной деспотии к власти в России. Какая же цена после этого всем теориям, выдвигаемым ими?

Да здравствует буржуазная деспотия, да здравствует деспотизм капиталистов, приходите поскорей, делайте скорей деспотическое дело! — ведь других лозунгов не существует ни у одной партии, от «Кирилла» и покойного Пуришкевича до самых последних подонков общества. Здесь дело идет не о теории, а о простом, великолепно обнаженном, классовом интересе: мелкобуржуазные партии, от меньшевиков и эсеров до Кирилла и «Николая Николаевича», хотят буржуазной деспотии, они в буржуазии видят прогресс и культуру, историю и правду.

Что это так, каждый может удостовериться лишний раз хотя бы фактом из жизни Европы. Ведь нельзя же подходить с теорией Плеханова и Каутского к самой Европе!

Что же из себя представляет Европа для социализма?

[1]) Потресов — «В плену у иллюзии», стр. 75.

Глава третья

Об экономических основах социализма в Европе.

1. Экономические условия социализма в Европе. 2. Единое мировое хозяйство — конец капитализма. 3. Отставание европейского капитализма в историческом разрезе. 4. Капитализм явно препятствует развитию производительных сил. 5. Формы разложения европейского капитализма. 6. Социализм и банкротство соц-демократической партии. 7. Развитие социалистического движения в XIX веке в условиях наступающего капитализма. 8. Социалистическое движение в XX в. в условиях разлагающегося капитализма. 9. Развал европейского капитализма имеет огромное значение для ускорения социалистического строительства СССР.

Европейский континент своим крупным капиталом и высоко развитой промышленностью представляет для немедленного развертывания социалистического способа производства прекрасные об'ективные условия. В Европе капиталистические отношения не способствуют культурно-экономическим преуспеваниям народов уже с давных пор. Капитализм бьется в агонии. Пусть никто не смущается тем, что он плавает на поверхности жизни. Даже знакомый нам К а р с а в и н говорил: «мертвый труп может еще долго плавать и колыхаться на волнах, точно живой». Кто не видит, что капитализм в Европе действительно является мертвым трупом, плавающим и колышащимся на волнах жизни?

Нам необходимо иметь полное и ясное представление о капиталистических отношениях в самой Европе. Нам на примере Европы нужно проверить критиков российского социализма и уяснить себе их деятельность в их собственных странах. Помимо этого обстоятельства, европейские капиталистические отношения для социалистического строительства в СССР вообще имеют чрезвычайно большое значение. Обратим поэтому внимание на эти капиталистические отношения, в окружении которых СССР приходится работать.

Капитализм в XVШ и XIX столетиях был экономическим фактором, разрушившим все старые основы затхлого феодализма и лозунгами братства, свободы и равенства выдвинувшим величайшие ценности цивилизации. По Л е в и внешняя торговля важнейших государств в 1800 году выражалась в сумме 1.479 млн. долларов, в течение первого пятидесятилетия она увеличилась почти что в три раза (4.049 млн .дол. в 1850 году), во втором пятидесятилетии в пять раз, составив 20,105 млн. дол. в 1900 году. За какое нибудь десятилетие XX столетия она еще удваивается. Если представить механическую картину этих характерных цифр, мы увидим, что каждое десятилетие показывало оборот внешней торговли в коэффициентах:

1750—1800 г.	2,9
1800—1850 „	8,2
1850—1900 „	40,2
в XX веке	84,2

Эти цифры прекрасно иллюстрируют бурный ход торговли в течение всего золотого периода капитализма. Только безпримерным в истории человечества расцветом производительных сил можно было об'яснить то обстоятельство, что к моменту мировой войны одна лишь Англия имела в иностранных государствах свыше 35 миллиардов руб., из коих по данным Гармса на американский континент падало 53%. Англия не оставляла без своего капитала ни одной части света. В Азии она имела 16% всего капитала, в Африке 14% и т. д. Если обратить внимание на характер расцвета Англии, этой водительницы всей Европы, мы увидим, что вывоз английских товаров составлял в 1800 г. 22,3 млн. фунт. стерлингов, в 1810 г. 32,9 млн. фунт. стерлингов, а в 1900 291,1 млн. фунт. стерл. и в 1910 — 430,5 млн. фунт. стерлингов. Какой контраст и рост оборотов показывают эти цифры? Английский вывоз за столетие увеличился в 13,4 раз, тогда как население увеличилось только в три раза. **На душу населения Англии внешняя торговля в 1830 г. составляла 72 мар., а в 1910 году — 453 мар., т. е. имеем увеличение в 6,3 раза; за это же время Франция увеличила внешнюю торговлю с 22 до 260 мар., т. е. почти что в 12 раз; Германия с 24 до 257, т. е. почти что в 11 раз.** Торговля, как зеркало, отражает производственные отношения мировых сил. Если мы возьмем тяжелые отрасли промышленности, определяющие всю политико-экономическую жизнь, то и здесь мы увидим гигантские успехи, которые делала Европа. В 1860 г. Великобритания выпускала 3.888 тыс. т. чугуна, в 1880 г. — 7.876 тыс. т., в 1913 году 10.424 тыс. т., Германия подняла производство чугуна с 0,529 тыс. т. до 16.764 тыс. т. в 1913 году, Франция с 0,894 тыс. т. в 1860 до 5.208 тыс. тонн в 1913 году. Аналогичную картину мы имеем в отношении стали: только три указанных государства Европы подняли свое производство с 0,365 тыс. т. в 1865 г. до 30.222 тыс. т. в 1913 г. Выплавку меди Великобритания и Германия поднимают с 18,6 тыс. т. в 1860 г. до 93,7 в 1913 г. [1])

В нашу задачу не входит детальный обзор экономической жизни всех стран и характеристика всех процессов бурного экономического расцвета Европы в XIX веке. В мировом товарном обороте Европа имела 62,3%, она превращалась, таким образом, в складочный и торговый центр для всего света. Движение транспортных средств иллюстрирует те связи, кои Европа могла иметь со всем прочим миром. Тоннаж судов Великобритании исчисляется в 1800 г. в 2,1 млн. т., в 1850 г. — 7.1 млн. т., в 1900 — 49,2 млн. т., а к моменту мировой войны (1912 г.) — 76,2 млн. т. Картина будет еще рельефнее, если мы возьмем данные по судостроению. В 1850 г. — 1,1 млн. тонн., в 1900 — 45,2 млн. т., в 1912 — 73,6 млн. т. Бросается в глаза головокружительный темп развития транспорта. Чтобы обслужить такое большое количество товаров, движение их, доставку на суда, нужно было покрыть всю Европу соответствующим аппаратом. Европа обстраивается железно-дорожными путями с поразительной быстротой. К 1850 году она имела 2.000 миль, за последующие десятилетие (1851—1860) она выстроила на 800 миль больше, чем в первой половине XIX ст. В 1875 г. ж.-д. сеть на всем земном шаре

---

[1]) Материалы см. Obst — „England, Europa und die Welt", Berlin 27; Harms — „Probleme der Weltwirtschaft", Jena 25; Sombart — „Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus", München 27.

достигла 294 тыс. км., а к 1909 г. — 1.006.748 км. Лихорадочное движение товарного оборота, быстрый рост транспортных средств вызвали коренное переустройство всей внутренней жизни Европы. Движение населения соответствовало движению товаров. Скопление европейского населения происходило вокруг скопления товаров. Товар сделался душой Европы. Во всей Европе в 1860 г. числилось городского населения, из общей массы народонаселения, 25,7%, а к 1900 году — 35,7%; за это время во всей Европе городов с более чем 5.000 населением увеличилось с 7,8% до 16,5%. В 1851 году 50.08% всего населения Великобритании находилось в городах, в 1891 г. это число увеличилось еще более, достигнув 72,05%, а к 1916 г. достигло 78,1%. Во всей истории человечества не было столь грандиозного и быстрого переселения народов. Лондон в 1911 году насчитывал 7,3 млн. душ населения, т. е. население Лондона равнялось всему населению Бельгии, было больше всего населения Голландии, почти что в 2½ раза превышало количество населения в Дании и в три раза население Норвегии. Один Манчестер с промышленным районом имел свыше 3-х миллионов населения; знаменательно, что к 1911 году 37,9% всех жителей Великобритании находилось в крупных городах, имеющих население свыше 100.000. Не подумайте, что это явление характерно только для Великобритании. В мелкобуржуазной, сельско-хозяйственной Франции наблюдается та же картина. В местах с 2.000 населением в 1851 году проживало 74,5% всего населения, а в 1910 году уже только 53%. Число обитателей одного лишь Парижа равнялось половине населения всех остальных городов Франции со 100 тыс. населением. Население Берлина превышает 4 млн. душ. Во всех больших городах Европы с населением более чем 100 тысяч душ жило в 1851 г. 12,4 млн., а таких городов было 43; по истечении каких либо 30 лет число этих городов поднялось до 95, население в них до 28,7 млн. душ, а в следующем тридцатилетие число городов с 100 тыс. населением удвоилось, достигнув 183 с населением в 60,8 млн. душ. Для показания интенсивности жизни этих городов приведу только характерные данные из жизни Берлина и Лондона. В 1866 году в Берлине омнибусы перевезли всего 12 млн. душ, в 1902 г. — 78 млн., а в 1913 — 170 млн. душ. В 1902 году каждый человек использовывал надземный и подземный транспорт около 9 раз, а в 1913 г. — 35 раз, при чем этот транспорт перевез всего 73 млн. душ. Помимо этого трамвайное движение приняло также головокружительный характер. В 1886 году трамвай перевез 0,9 млн. населения, а в 1913 году — 623 млн. Омнибусное движение Лондона достигло в 1911 году 821 млн. против берлинского 169 млн., городские ж.-д. и трамвай перевезли до 780 млн. душ. Еще более головокружительно движение населения в американских городах. Если на каждое лицо в Лондоне падает передвижений на транспорте 221, то в Нью-Йорке мы имеем цифру 396, Чикаго дает 462, Филадельфия — 480.

Вся экономическая и социальная структура Европы в XIX веке была в корне изменена. Когда мы иллюстрируем некоторыми фактами гигантские темпы капиталистического развития в прошлом столетии, эти факты нас не очень поражают, т. к. мы сами непосредственно ощущаем колоссальное могущество современного капитала. Если мы сравним усовершенствованный локомотив С т е ф е н с о н а, который в 1820 году на первой железнодорожной линии между Ливерпулем и Манчестером мог делать 25 километров в час, таща за собой 36 тонн груза,

— если сравним его с современными паровозами, делающими 100 клм. в час и способными перевозить сотню вагонов, ясно, какое развитие за сравнительное короткое время получил капиталистический строй.

Обратите внимание на такую пустяковину, как велосипед — его мы имеем только с 1889 года, мотоциклы появились впоследствии, автомобильная промышленность развивается только с зари XX века. Мы выше отметили ту связь, которая имеется между товарным обращением и движением населения. Мы обращаем на эти положения особое внимание наших читателей. Телеграфный аппарат Морзе был изобретен только в 1837 году, первая телеграфная линия во Франции проводится в 1845 году, т. е. после постройки первой железной дороги во Франции между Этьеном и Андрозиэ в 1823 году. Телефон является также изобретением новейшего времени. Подводный кабель между Калэ и Дувром был проведен в 1851 году. Принцип получния электрического тока был открыт в 1813 году и более или менее рациональные электрические лампочки были сконструированы Эдисоном в 1881 году. О современной химии, авиации, радио, медицине в средине XIX столетия и думать не приходилось. Имея перед собой 25 километровое движение локомотивов в час, медик Арго в 1836 году писал: «при внезапном переходе от тепла к холоду лица, подверженные испарине, заболеют, они схватят воспаление легких, плеврит, катарр». Известный нам министр Тьер утверждал, что железные дороги являются только лишь игрушкой. Мы совершенно сознательно умалчиваем о переворотах в важнейших видах промышленности, имеющих место в первой половине XIX столетия. Современная промышленность начала свою историю от Харгривса и Уайта, от Картрайта и Аркрайта, и это была знаменательная важнейшая глава в истории открытия основных технических принципов. Но указанные открытия еще не являются глубокой революцией, изменившей весь ход и сложения общественных сил населения, которые мы имеем после середине XIX века. [1])

О гигантских шагах самой промышленности, об исторических пробегах, сделанных ею, мы дали некоторые сведения. Я бы хотел оттенить элементы связи. Железные дороги, телеграф, электричество, радио, пароходы производят не только экономические перевороты. Земля действительно является хорошим об'ектом общения, но на земле можно жить очень замкнуто, тогда как железная дорога на земле заставляет людей связываться между собой, а пароходы об'единяют общества людей, которые друг о друге раньше не имели представления; телеграф способствует установлению связи людей, стран, государств. Таким образом, превращение продуктов в товар вызывает ломку всех старых отношений и быструю циркуляцию населения.

Именно с этой эпохи мы видим как изменяются границы государств, являющиеся помехой новым отношениям.

Какие процессы имеем мы в политической жизни?

Первая половина XIX столетия была эпохой разобщенных экономических сил, здесь нет экономического единства, сложных экономических связей. Эта разобщенность является характерным моментом не только экономической, но и политической жизни. Политическая исто-

[1]) Материалы у Пьер Бризона — «История труда и трудящихся», Кулишера — «Промышленность и условия труда на Западе в XIX столетии».

рия Европы всего XIX столетия есть история образования государств. С об'единением и развитием экономических отношений происходит об'единение разрозненных политических частей, слияние карликовых княжеств, графств, департаментов, королевств в более могучие национально-политические единицы. Интересы об'единения мелких княжеств, были интересами, выступающими из недр всей экономики Европы того времени. Когда Джузеппе Гарибальди совершал знаменитый национальный поход по Италии, то вся экономика и дух эпохи способствовал его победе. Самые упорные цитадели реакции Капуя, Гаэта и проч. падали перед влиянием эпохи. Даже Луи Наполеон мог разрешить наступательный ход национального движения, удовлетворившись только небольшой взяткой — Савоей и Ницией. Когда Виктор Эммануил взошел на престол об'единенной Италии в 1861 г., он уже являлся королем 22 миллионов итальянцев, а признание об'единенной Италии со стороны Англии, Франции и проч. произошло даже ранее известных на сей счет церемониалов. Сеньебос говорит, что когда то Германия была страной, на территории которой было расположено около 300 королевств. В эпоху Священного Союза (1814 г.) мы имеем в ней 38 государственных единиц. Вся эпоха 50—60 годов является для германского мира эпохой национального движения и национального об'единения. После южно-германского Союза возникает северный Bundesstaat в 1886 году, а после Седана 1870 года общегерманское об'единение в виде германской империи положило основание современной Германии, довольно крепко централизованной Бисмарком.

Замкнутые карликовые политические единицы средневековья, или только что вылупившиеся из него государства имели преимущественно территориальный признак. Обыкновенно князь являлся владетелем этой территории, помещичья власть над крепостным трудом была другой его особенностью, но там, где территориальные деления испещрялись этнографическим особенностями, там партикуляристские начала принимали еще большую окраску. Старая Австрия, или поздняя Австро-Венгрия являлась представительницей подобной политической парцеляции, основанной не только на экономической и территориальной силе, но и на силе этнографической. Но XIX век разрушал стены не только замкнутых государств с чисто территориальными признаками, но интегрирующие основы этого века переходили также границы этнографические, т. е. производили об'единение национальных государств. Немцы, чехи и др. были те этнографические группы, которые заполняли Цислейтанию и Транслейтанию. В итоге длительного экономического и национального брожения и здесь в 1867 году возникает политическое об'единение народностей под верховенством единой государственной власти в лице Австро-Венгрии. По всей Европе мы имеем эту консолидацию и укрупнение национальных политических единиц в мощные государства. Наполеон разрушал старые государственные границы мельчайших княжеств, но новая экономическая жизнь создавала новые границы крупных национальных государств.

Бурный ход экономического развития всей Европы, приведя к образованию крупных буржуазных государств, создал особо благоприятные условия для нее. Эксплоатация народов, находящихся за ее пределами, превращенных в сырьевые колониальные базы, еще более укреп-

ляла внутренние отношения Европы, в которой воцарился мир. Классовые противоречия в капиталистическом обществе хотя и обострялись, но не выливались в бурные революционные потоки. Междуусобная война, характерная для средневековой Европы, почти что изчезла. Одним словом, XIX век являлся веком чрезвычайно прогрессивным для внутренней жизни Европы, капитализм достигал максимальных высот в развитии своих производительных возможностей.

Мы отметили, что XIX век является веком образования крупных государственных единиц и государственных об'единений. От балканизации к федерации — вот политический смысл этого движения. На ряду с мощным развитием экономики происходило и развитие государства. Франция расходовала в конце восемьнадцатого столетия (в 1789 г.) 475 млн. фр., в 1850 г. — 1.473 млн. фр., а в 1901 млн. — 3,554 млн. фр.; Англия расходовала в 1797 г. 58 млн. фунт. стерл., в 1865 г. — 65 млн. фунт. стерл., а в 1901 году — 142 млн. фунт. стерл. Я пользуюсь сведениями Нитти «Основные начала финансовой науки», — по данным которого государственные расходы, например, Японии в 1868 г. составляли 30 млн. иен, а в 1901 — 275 млн. иен; Соединенные Штаты С. Ам. в 1800 г. расходовали 10 млн. дол., а в 1901 — 509 млн. долл.; федеральные расходы Германии в 1874 году выражались в сумме 672 млн. м., а в 1900 году в 2.197 млн. марок; расходы Швейцарского Союза выросли с 6 млн. франков в 1850 г. до 102 млн. фр. в 1900 году.

Это чрезвычайно быстрое развитие государственных расходов является только лишь бледным, адэкватным выражением развития общественной жизни. От карликовых единиц к национальному государству, от национального государства к интернациональному государству — вот какое течение лежало в основах развития Европы в девятнадцатом веке. Как развитие внутренней экономики и внутренней торговли приводило к оживлению внутренних сил страны и национальному об'единению и образованию крупного национального государства, так и постоянный выход внутренней торговли на внешний рынок превращает внутренюю торговлю в международную, национальная экономика переходит на рельсы международной экономики, и создаются всевозможные формы интернациональных об'единений. Даже самый яркий проповедник системы национальной экономии, Фридрих Лист не удерживается на теории замкнутого национализма и провозглашает дело федеративных об'единений. Если обратить внимание на группу Стиннеса можно увидеть, что эта группа не только сосредоточила в своих руках все важнейшие артерии хозяйственной жизни немцев, но и связалась с капиталистическими группами соседних государств, не исключая и враждебной Германии Франции (соглашение с концерном Шнейдер-Крузо). Эдо Фимен отмечает, что группа Стиннеса приобрела предприятия в Австрии, Чехо-Словакии, Скандинавии, Южной Америке, голландских колониях. Нечего говорить об единицах и группах, когда целые государства так видоизменили характер всего народного хозяйства, что совершенно вышли из рамок внутреннего национального рынка и все свое производство стали расчитывать исключительно на внешний рынок. Мы должны сейчас говорить не о нормальных типах государств, имеющих целью удовлетворить своими внутренними силами внутренние потребности страны, а о тех ненормально сложенных государствах, которые производят ценности для всего мира.

От единичных фабрикантов европейский капитализм привел нас к фабриканту нации, к фабриканту—государству. А. Каминка в статье «Тип будущего русского хозяйства»—правильно отмечает, что Англия и Германия ныне являются государствами такого типа. На этих интернационально-экономических отношениях складываются отношения общественно-интернациональные. И экономика, и политика, и частные, и государственные организации все в большей и большей мере создают эти связи международного порядка. XIX век является веком, переводящим жизнь от автархических начал хозяйства к хозяйству интернациональному. Нас уже мало интересуют показатели движения одного какого либо национального государства. Бернгард Гармс, иллюстрирующий жизнь современной почты, прекрасно показывает международный характер всей теперешней культуры. Движение пакетов мирового почтового Союза (Weltpostverein) составляло в 1875 году 2 миллиона, в 1890 — 25 млн., в 1900 — 56 млн. и в 1909 — 104 млн.

Естественно, что усиление интернационального движения создает соответствующие постоянные интернациональные учреждения, ограждающие и направляющие интересы этого движения. Мировой телеграфный союз был основан в 1865 году, а мировой почтовый союз — в 1874 г., международные положения о безпроволочном телеграфе были установлены в 1906 г., а 1889 г. регламентированы условия морских сообщений и путей. В 1909 г. вырабатываются международные правила автомобильного движения. С 1865 года по 1909 г. мы имеем подобного рода интернациональные соглашения, союзы, управления и т. д. по вопросам войны — 15, по вопросам политики (о нейтралитете Швейцарии в 1815 г., Бельгии — в 1831 г. и т. д.), сельского хозяйства — 5, социальной политики и науки — 9, права — 22, торговли — 9, связи и движения — 19. Помимо этих постоянно действующих статутов, бюро секретариатов и управлений, вопросы международного спора разрешались на всевозможных международных конгрессах и конференциях, коих по тридцатилетиям с 1815 г. было:

В 1815—1845 г.г.		— 10
„ 1845—1875 „		— 34
„ 1875—1905 „		—115

За последние четыре года с 1906 г. до 1910 г. мы имеем 27 конгрессов и конференций. Усложнение международных отношений не ограничивается созывом спорадических интернациональных совещаний. Мы здесь совершенно не затрагиваем международной связи и установления партийных, профессиональных, научных, религиозных, финансовых, кооперативных, спортивных и прочих организаций. Все вышеупомянутые сведения относятся к кругу вопросов, выдвигаемых и разрешаемых существующими государствами. Эти спорадические международные конгрессы и статуты не могут охватить массу проблем, имеющих конфликтный характер. Для разрешения постоянно возникающих международных конфликтов в 1899 году учреждается специальный трибунал в Гааге. До 1909 года Гаагским трибуналом были разрешены по трехлетиям:

В 1900—1903 г.г.		— 19 вопросов
„ 1904—1906 „		— 64 „
„ 1907—1909 „		— 59 „

На протяжении целого столетия случаев разрешения спорных вопросов между государствами было:

В 1794—1800 г.г.		— 4
„ 1801—1820 „		— 12
„ 1821—1840 „		— 10
„ 1841—1860 „		— 25
„ 1861—1880 „		— 54
„ 1881—1900 „		—111

Как видите, бурное экономическое развитие Европы и основы широкого интернационального хозяйства и управления возникают преимущественно со второй половины XIX века. Всякая сила, которая будет в какой либо мере препятствовать дальнейшему разворачиванию мировых экономических и социальных отношений, может только вызвать катастрофу и ниспровергнуть капиталистический строй. Капитализм мог существовать пока он мог обезпечить буржуазному строю обычный процесс международных отношений. Очень распространенное мнение, что капиталистический способ производства товаров обезпечивает правильное товарное обращение в международном масшатабе, мы оспариваем самым решительным образом. Капитализм создал крупное национальное государство, капитализм заложил основы широчайшего разделения труда и международного хозяйства, **но капиталистические условия международного хозяйства являются могилой, а не колыбелью всего капитализма.** Капиталистическое международное хозяйство не может быть единым, ибо это хозяйство немыслимо без господства одного сектора мирового хозяйства над другим. Правильное международное распределение труда. и правильный ход развития производительных сил мира обезпечивается только лишь социалистическим плановым способом хозяйства.

В самой Европе развитие производственных отношений все время сопровождалось кризисами. В начале XIX века Сисмонди великолепно отметил губительный характер этих кризисов, в сороковых и пятидесятых годах землевладелец К. Родбортус-Ягецов также отмечал органические язвы капиталистического хозяйства и он лишь в коммунистическом хозяйстве допускал особождение общества от противоречий, свойственных капитализму. О Марксе не приходится и говорить. Но мы должны особенно подчеркнуть, что паталогические явления капиталистического способа производства, т. е. промышленные кризисы, расстраивающие правильный ход экономической жизни, безработница, бедствия и пр. компенсировались теми чрезвычайно обильными доходами, кои Европа имела от внешних рынков. Капиталистическая Европа явилась первой страной, которой удалось присвоить и утилизировать девственные богатства лучших частей света. Капитализм есть система хищнических отношений, и когда представители этой системы говорят о какой либо общественной среде, о свободе, братстве и прочих прекрасных вещах, то именно в это время они где либо непременно осуществляют, вместо свободы и братства, подлинное рабство. Мир второй половины XIX столетия в Европе есть итог войны Европы. с народами вне Европы. Все внутренее и призрачное благосостояние Европы со второй половины столетия основано на безпримерном раззорении отсталых стран: буржуазия только в этих условиях является «миролюбивой» в своей собственной стране.

Мы уже отмечали, что война 1914 года является поворотным пунктом в мировой истории. Недостаточно знать, что мировая война искалечила около 30 миллионов молодых жизней, нужно знать историче-

ское значение этой войны: она безусловно является началом конца капиталистического строя, она является военной демонстрацией того, что капиталистический способ производства для всего европейского континента служит препятствием развитию производительных сил. То, что говорил в предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс находит здесь полное свое выражение. Каутский, Плеханов, вся реакционная масса лжесоциалистов и прочие буржуазные мыслители скрывают это важнейшее историческое обстоятельство. В мировой войне 1914 года этот момент имеет основное значение, все прочее — мелочь. Мы хотим показать, что **капиталистические отношения в Европе препятствуют развитию производительности труда,** что капитализм является не только политическим фактором реакции, что он является также реакционным фактором в экономике, что капиталистический способ производства приводит Европу к загниванию, и что она действительно находится сейчас в процессе этого загнивания.

Мы видели, что в течение всего XIX века идет совершенно правильный, закономерный, упорный под'ем капиталистического хозяйства. Каждый промышленный и торговый кризис, каждая война как будто означали новые волны капиталистического расцвета. В. Зомбарт в своей книге, «Капитализм и война», поддерживал теорию о том, что война является движущей силой развития народного хозяйства.

Чтобы на конкретных примерах демонстрировать правильность нашей точки зрения, возьмем ценнейший материал о состоянии современного хозяйства в последнюю эпоху, причем явления социально-экономического порядка мы делим на две части. Мы сравниваем довоенное десятилетие с послевоенным десятилетием. Показатели, расчитанные на десятилетнюю эпоху, не только чрезвычайно интересны сами по себе, но безусловно достаточны для логических выводов, хотя наш обзор не ограничен только лишь одним двадцатилетием.

Из нашего обзора мирового хозяйства читатель легко мог уловить следующую нить: со второй половины XIX столетия общее развитие экономических отношений происходит чрезвычайно бурным темпом, причем самым блестящим периодом расцвета капиталистической эксплоатации мирового хозяйства является предвоенное десятилетие, т. е. первое десятилетие XX века. Помимо этого мы должны подчеркнуть следующее, очень важное, обстоятельство. Капиталистическая Европа в течение последнего столетия вела очень много войн, но государства, участвующие в войне, хотя и выходили из войн с огромной государственной задолженностью, но, как правило, после заключения мира легко справлялись с военными разрушениями и в первом же послевоенном десятилетии показывали дальнейшее развитие своих экономических сил. Мы увидим ниже, как осуществилось в Европе это историческое правило в эпоху послевоенного десятилетия. Мы считаем чрезвычайно важным отметить, что когда мы производим анализ экономических отношений, для нас важны не экономические процессы страны, взятой в абстрактной изолированности, а изучение этих процессов с точки зрения исторического развития, т. е. генетическая связь и принцип преемственности должны быть в полной мере сохранены и использованы при исследовании. Каждый вид развития общественной жизни еще ничего не скажет обществу, важно и нужно знать основные характерные черты этого развития, т. е. установить сохраняются ли данной кон'юнктурой

те темпы развития, которые были характерны для этой эпохи и страны. Когда мы подходим с этих точек зрения к изучению экономики Европы послевоенного десятилетия, мы видим, что это десятилетие не дает нам бурного ее развития, мы видим, что здесь нарушена преемственная связь развития с историческим процессом капитализма и что вся Европа теряет свою бывшую роль в мировом хозяйстве. Одним словом, послевоенное десятилетие не обеспечивает нормального хода развития капиталистических сил, и вся система европейских капиталистических отношений препятствует развертываню и развитию производительных сил капиталистического общества.

Начнем с общего товарооборота.

Мы имели случай отметить выше, что до начала военных действий, т. е. в 1913 году в мировом товарооброте Европа занимала первое место, т. е. 62,3%. Что же мы видим дальше? Несмотря на все разрушения войны, мировая производительность труда не переставала развиваться и мировая торговля, выражавшаяся в 1913 году в сумме 165,7 миллиардов рублей, в 1924 году дала 236,2 миллиарда торгового оборота, т. е. 42,5% общего роста. Как распределен этот рост между материками:

Азия	имела . . .	88,8 % роста
Америка	„ . . .	74,7 „
Австралия	„ . . .	64,9 „
Африка	„ . . .	40,2 „
Европа	„ . . .	22,9 „

Мы видим, что отставание Европы имеет чрезвычайно больщие размеры и общая доля Европы в мировой торговле с 62,3% в 1913 году упала в 1924 году до 53,7%, т. е. из общего мирового оборота в 236,2 миллиардов Европа имела только 126,6 миллиардов. Если взять этот замечательный процесс в историческом аспекте, то перед нами откроется еще более знаменательная картина. В 1901—1905 годах участие Европы в мировой торговле определялось в среднем в 63,2% т. е. на протяжении первого десятилетия европейское участие в мировой торговле сократилось всего лишь на 0,9%, тогда как во втором десятилетии XX века европейское участие сократилось на целых 8,6%. Чтобы уяснить себе значение этих 8,6% напомним читателю, что участие в мировой торговле всей Африки равняется 3,4%, а Австралии — 2,8%. Правда, начиная с 80-х годов новые мировые страны постепенно отнимали у Европы позиции, но это происходило чрезвычайно медленным темпом и не означало быстрого падения европейской культуры. Так, процент снижения европейского участия в мировой торговле составлял по десятилетиям: к 1900 г. — 0,5%, к 1913 году — 0,9%, к 1925 году — 8,6%. Диаметрально противоположную картину показывают буквально все остальные континенты. Если ничего не говорить о тех континентах, которые только что пробуждаются к экономической деятельности и, естественно, будут иметь скачкообразные периоды развития, то нужно выделить особо американский континент, являющийся экономически вполне оформившимся целым. Бурный темп развития Америки был обеспечен мировой войной. Европа была занята войной и не могла уделить должного внимания экономике. Вместе с тем все мы считали за аксиому, что Европа немедленно займет все старые позиции и что она опять восстановит свои культурно-экономические силы. Однако, действительность опрокинула все наши предположения. Американский континент не только не остановился на приобретенных в войне позициях, но после войны в еще боль-

шей мере стал расширять свои исторические завоевания. Вот картина процентного роста американского континента по десятилетиям. Американский континент имел процент роста в мировой торговле:

К 1890 году	. . .	— 0,5 %
„ 1900 „	. . .	— 0,0 „
„ 1913 „	. . .	— 2,6 „
„ 1924 „	. . .	— 4,8 „

Эти чрезвычайно знаменательные материалы заслуживают особого внимания. Американский континент делает в самую критическую для Европы эпоху колоссальнейшие успехи. После войны, в эпоху мира эти успехи не только закрепляются, а делаются еще более поразительными. Знаменательную картину дает нам также азиатский континент. Прочие материки или развиваются более медленно, или же застывают на прежних позициях. В 1876—1880 г.г. участие Африки в мировой торговле определялось в 2,2%, в 1913 году — 3,5%, в 1924 — 3,4%. В соответствующие периоды Австралия имела 2,9%, 2,4% и 2,8%. Как видите, здесь мы имеем огромной важности явление. Европа действительно имеет все основания находится в особо тревожном состоянии: ведь **она выгнала большую часть населения из деревень в города, запрягла его в промышленный труд и именно торговлей должна была обеспечить труд своих промышленных армий.** А тут как раз ее вытесняют самым жестоким образом! Ставится вопрос не о дальнейшем развитии производительных сил страны, не о дальнейшем расширении рынка, а о том, как дать работу собранным в городах силам и обезпечить им материальные условия, к которым они привыкли.

Эта картина с поразительной точностью представляет положение вещей во всем мировом хозяйстве в целом. Дальнейшая детализация цифрового материала ни в коем случае не может изменить эту общую картину, — она будет только более рельефной. Возьмем чисто производственные отношения и показатели важнейших отраслей труда, характеризующие производственные силы мировых стран. Мировая добыча каменного угля (включая сюда бурый уголь) в начале XX столетия, т. е. в 1900 году выражалась цифрой 767 млн. тонн, а к началу третьего десятилетия XX века она дошла до цифры 1.300 млн. тонн (в 1920 году). В производстве этого основного вида промышленности, топлива, черного золота, как выражаются многие, превалирующее значение имеют в мире три индустриальных государства: Соед. Штаты С. Америки, Соединенное Королевство Великобритании и Германия. Эти три страны имели в нормальные 1910 и 1913 г.г. из общей добычи угля 767 млн. т., 624 млн., т. е. 83,9% мировой добычи, а все остальные страны 16,1%. В 1913 г. из общей добычи в 1342 млн. т. три указанные государства имели 1086 млн. т., т. е. 80,9%. Рассмотрим сейчас первое десятилетие XX века и дадим картину и второго десятилетия. В процентном отношении занимали в мировой добыче:

		С. Ш. Ам.	С. Корол.	Герм.
К 1900 году		32,0	28,8	19,5
„ 1910 „		38,4	23,6	20,0
„ 1920 „		45,0	17,9	18,9*)
„ 1927 „		42,6	14,5	24,7

Общая картина, выраженная в этих цифрах, не изменится по существу, если мы учтем прочие европейские государства, добывающие уголь в более или менее крупных размерах, как то: Австро-Венгрию,

[1]) Без Эльзас-Лотарингии и Саарской области.

Францию, Россию, Бельгию и т. д. Если учесть и эти государства европейского континента совместно с Соединенным Королевством и Германией, то получим следующую таблицу участия Европы в мировой добыче угля:

В 1900 г.	62,5 %
„ 1910 „	55,6 „
„ 1927 „	53,8 „

Как видите, общая картина падения одного важнейшего сектора капиталистического хозяйства Европы не только не изменилась, она сделалась более рельефной.

Картина будет еще полнее, если добычу угля в XX веке сравним с ближайшим прошлым. Было добыто в млн. тонн:

	С. Ш. Америки	Англия
В 1860 г.	13	97
„ 1870 „	29	135
„ 1880 „	63	162
„ 1890 „	140	194
„ 1900 „	245	229
„ 1924 „	505	255
„ 1927 „	544	255

Т. е. за указанное время добыча угля в С. Ш. Америки поднялась на 3115%, в Англии — на 227%.

Еще лучшим показателем промышленных отношений мировых стран, является потребность этих стран в электрической энергии. Обст приводит в этом отношении чрезвычайно интересные сведения Гальбфасса. В 1925 г. потребная энергия, выраженная в миллиардах киловатт часов определялась для С. Ш. С. Америки в 680 миллиардов часов, Великобритании — в 195 миллиардов к. ч., для Германии около 185, Франции — 76, Японии — 38 и т. д. Эту свою потребность в энергии С. А. С. Ш. Америки покрывали использованием водной силы в размере 40 миллиардов к. ч., Великобритания — 0,8, Франция — 10,0, Германия — 3,6. На душу населения приходило энергии:

В С. Ш. С. Америки	— 5 862 кил. ч.
„ Великобратании	— 4 162 „ „
„ Германии	— 2 936 „ „
„ Франции	— 1 900 „ „

В третьем десятилетии XX века в добыче угля европейский континент потерял свое доминирующее значение. Заатлантика здесь заняла главные посты, но, знаменательно, что в этом основном деле промышленности большое значение имеет не только указанный континентальный разрез, но и то, что конкуренты С. Ш. С. Америки более раздроблены и расчленены, чем это было в довоенное время. Топливо не только рычаг, но определяющий фактор всей промышленности. Если мы вспомним и другие виды топлива, станет еще более ясной та картина, какую нам открывает угольная промышленность. В отношении нефтяного топлива третье десятилетие XX века характеризуется тем, что добыча нефти перевалила за 100 млн. тонн. Какое решающее значение имеет нефть, легко можно усмотреть и из того, что темп развития использования нефти развивается сказочно. В 1900 году было добыто всего 19,8 млн. тонн, при чем больше половины (52%) добывала Россия. До самого последнего периода в деле добычи нефти доминирующую роль играют три страны: С. Ш. Америки, Мексика и Россия. Из общей добычи в 1920 году 99,2 млн. тонн, указанные три

страны имели 90,4 млн. т. Вот данные иллюстрирующие картину развития этой промышленности по странам:

	С.Ш.Ам. и Мексика		Россия
К 1900 году	8,3	—	10,3
„ 1910 „	28,1	0,4	9,4
„ 1920 „	62,2	24,4	3,8
„ 1927 „	124,1	9,7	10,1

В самой внутренней Европе, помимо России, добыча нефти производится в Румынии и Галиции. В этом районе было добыто в 1900 г. 0,5 млн. т., в 1910 г. — 2,9 млн. т., в 1920 г. — 1,8 млн. т. и в 1927 г. — 4,3 млн. т. Возьмем сейчас группу прочих важнейших отраслей промышленности: добычу железной руды, выплавку чугуна, стали, меди, свинца, цинка. По этим группам мы имели:

	В С.Шт. Америки			В Великобритании			В Германии			В Франции		
	В 1900 г.	В 1913 г.	В 1927 г.	В 1900 г.	В 1913 г.	В 1927 г.	В 1900 г.	В 1913 г.	В 1927 г.	В 1900 г.	В 1913 г.	В 1927 г.
	В миллионах тонн											
Железн. руды	26,3	62,9	69,8	14,3	16,2	11,4	12,9	28,6	6,6[1])	5,4	29,9	45,1[2])
Чугуна —	14,0	31,5	36,8	9,1	10,5	7,4	8,5	19,3	13,1	2,7	5,2	9,2[3])
Стали —	10,4	31,8	44,5	5,1	7,8	9,2	6,6	18,9	16,3	1,6	4,7	8,3
	В тысячах тонн											
Меди —	272,5	557,4	837,2	0,5	0,3	—	22,1	25,3	—	—	12,0	5,4[4])
Свинца —	269,0	407,9	650,0	35,5	28,8	26,0	121,5	188,0	—	15,2	28,8	26,0
Цинка —	112,1	368,7	537,5	30,3	5,9	—	154,5	250,3	—	36,3	67,9	82,6

Экономический переворот в этих важнейших и самых тяжелых видах промышленности показывает перемещение центра мировой тяжести из Европы в Америку и потерю Европой тех экономичских высот, кои обезпечивали ей гегемонию в мировом хозяйстве и обычный рост производительных сил. Если мы бросим взгляд не только на два десятилетия нашего века, но и на эпоху 60-х годов получится изумительная картина. Для сравнения перемещения производительных сил возьмем английское производство железной руды равное ста. Соотношения с другими государствами:

	В 1960 г.	В 1870 г.	В 1890 г.	В 1924 г.
Великобритания	100	100	100	100
Франция . . .	23,0	21,9	24,4	48,6
Германия . . .	13,6	23,0	58,0	13,8
С.Ш.С. Америки .	21,1	27,5	116,4	421,8

В 1860 г. Англия производила в пять раз больше железной руды, чем С. Ш. С. Америки, а в 1924 году С. Ш. Америки производят ее больше Англии в четыре раза. Возьмем еще производствос стали:

	В 1865 г.	В 1870 г.	В 1888 г.	В 1890 г.	В 1924 г.
Великтбритания	100	100	100	100	100
Франция . .	18,2	32,8	29,4	16,0	83,1
Германия . . .	44,4	59,2	47,2	44,4	120,4
С.Ш.С.Америки	6,2	23,7	96,0	119,4	458,1

В 1865 г. Англия производила стали почти в 16 раз больше С. Ш. С. Америки, а в 1921 году Америка производила в 4½ раза больше Англии.

[1]) В Лотарингии, отошедшей к Франции, было добыто в 1927 г. 19 млн. тонн.
[2]) Со включением лотарингской добычи — 19 млн. тонн.
[3]) В том числе Лотарингия — 3,4 млн. тонн.
[4]) В 1926 г.

Аналогичную картину мы имеем буквально во всех областях промышленности. Вопрос о производстве стали и развитие этой отрасли промышленности демонстрируется в абсолютных процентах ниже; к 1927 году по сравнению с 1900 годом мы имеем развитие:

В Великобритании . . .	на	180 %
„ Франции	„	341 „
„ Германии	„	247 „
„ С.Ш.С.Америки . . .	„	428 „

Нет отрасли труда и производства, как в тяжелой, так и в легкой индустрии, как в сельском хозяйстве, так и в торговле, где бы С. Ш. С. Америки не вытесняли Европу. Для точного и безошибочного представления положения вещей в мировом хозяйстве, приведенные нами основные сведения по отдельным видам промышленности, являются вполне достаточными. Из области машиностроения еще в 1900 году Велкобритания вывозила на 258 млн. м., а Германия на 183 млн. м. Эти цифры в 1913 году соответственно изменились: для Великобритании 674 млн. м., Германии 678 млн. м., а С. Ш. С. Америки — 614 млн. Но эти материалы составляют ныне реквизит истории. После войны вся продукция машиностроительной промышленности выражалась:

	В 1913 г.	В 1925 г.
С.А.С. Штаты . .	6.775 млн. м.	8.465 млн. м.
Великобритания .	1.602 „ „	2.007 „ „
Германия . . .	2.800 „ „	1.933 „ „
Франция . . .	263 „ „	347 „ „

В 1925 году приходилось машин на каждого

Американца	на	80,5 марок
Англичанина	„	41,9 „
Немца . .	„	30,7 „
Француза .	„	8,7 „

Эта таблица в полной мере вскрывает современное положение вещей. Европейские представители капитала и силы, следующие за продвижением капитала, не только переселялись из захолустной деревни в блестящие города, но обуреваемые инстинктом обогащения, направлялись в различные части света. Теперь незнакомая таинственная сила гонит их из богатейших частей мира и принуждает мириться с более постоянным местожительством в своей собственной стране и терпеть ряд лишений из за ухудшения коньюнктуры. Англичане получили в 1870 г. огромную материальную выгоду от своих колоний. В этом году Англия ввозила в Канаду 59% всего ее импорта. Но это блестящее положение англичан скоро изменяется к худшему, их вытесняют другие мировые силы. В своей же колонии (Канаде) к 1900 году английский экспорт падает до 24,7%, а к 1925 году — до 17,7%. В Китае проживает 448 миллионов душ, т. е. в 9 раз больше всего великобританского населения, он может потреблять огромное количество товаров, он может обогатить миллионы англичан. В 1870 гду 37% всего китайского ввоза англичане держали в своих руках. Но эту блестящую эпоху англичане должны забыть навсегда, т. к. их ввоз в Китай в 1900 году упал до 20%, а в 1924 г. даже до 12,4%. Япония со своим почти что шестидесяти миллионным населением представляет из себя культурнейшую страну, она открывает всевозможным видам промышленности блестящий и обширный рынок. Конечно, гордости англичан не было конца, когда они в 1870 году во всем ввозе товаров в Японию занимали 42,5%. Но эта сказочная эпоха канула в вечность. Английский экспорт в Японию доходит в 1900 году до 25%, а в 1925 году до 6,4%. В XVII столетии всю посредническую торговлю между Россией и Англией вели голландцы,

наживая на этом огромные барыши. Англичане держали в своих руках не только все нити непосредственного обмена, а также главную часть посреднической торговли. Никто не осваивался с принципами торговли так быстро, как англичане. Наполеон презрительно говорил о них, как о нации лавочников, и типы Диккенса не только не брезгали этой кличкой, а хвастались тем, что они «a nation of chopkeeper». В 1870 году богатейшая С. Америка, неселенная народами всевозможных рас и цветов, располагающая устойчивым денежным знаком и представляющая великолепный об'ект эксплоатации и источников обогащения для негоциантов всех стран, была в товарном импорте на 34,8% занята англичанами. Но времена меняются. Поднимите сейчас из могилы Великого Наполеона и он тысячу раз извинится перед англичанами за свои оскорбительные выражения. В 1900 году нужно было бы вооружиться микроскопом, чтобы в огромном количестве привозимых в Америку товаров различить 9,6% товаров, принадлежащих английским купцам.

В самую лучшую пору экономического расцвета европейские промышленники и негоцианты, за счет хищнической эксплоатации буквально всего угнетенного ими мира, обогащали текущие счета своих банков. Расширенное воспроизводство капитала открывало широкий простор приложению труда и давало возможность рабочим получать относительно высокую плату. Эта самая цветущая эпоха европейского капитала относится ко второй половине XIX столетия. Движение заработной платы рабочего бумагопрядильного производства в Англии на протяжении почти что 80 лет дает следующую картину. Средний годовой заработок рабочего:

В 1819—21 г.г.	. . .	—	26 ф.	13 шилл.
„ 1828—31 „	. . .	—	27 „	6 „
„ 1844—46 „	. . .	—	32 „	10 „
„ 1880—82 „	. . .	—	44 „	4 „

Средний годовой заработок рабочего Рейнско-Вестфальского Округа составлял в 1865 г. около 600 марок, в 1874 году — 800 мар., в 1890 — 1.100 м., а к началу 1900 — 1.300 марок. Заработная плата американских рабочих поднялась с 250 долларов в 1850 году до 400 дол. в 1890 году. Движение заработной платы французских рабочих дает приблизительно ту же картину. Индекс зарплаты 45 в 1853 году поднимается до 56, в 1880 г. — 98, а в 1900 — 103. Эпоха быстрого обогащения европейского капиталистического общества, в общем и целом, являлась также эпохой относительного улучшения материального положения европейского рабочего класса, но эта эпоха также канула в вечность, как исчезли условия патологического ожирения европейского капитала. Малейший под'ем экономической самостоятельности народов, порабощенных капиталистической Европой, первым долгом ударял по благосостоянию рабочих, ибо капиталистические магнаты каждое колебание процентов на инвенстируемый ими капитал возмещали увеличением эксплоатации европейских рабочих, снижением их заработной платы.

Действительно, к последнему моменту XIX столетия пролетариат представлял в Европе довольно внушительную силу, и в условиях усиленного предложения труда капиталисты довольно легко могли его эксплоатировать. По подсчетам, произведенным Коминтерном, в одной только Великобритании пролетариев и полупролетариев исчислялось 20.550 тысяч душ, в Германии в 1923 году — 29.500 тысяч, во Франции

— 14.600 тысяч, в Италии — 16.500 тысяч. В начале XX столетия их было меньше. В Германии рабочих в одной лишь промышленности было в 1882 г. — 4627 тысяч, в 1895 г. — 7.000 т., в 1907 г. — 10.000 т.; в 1906 г. во Франции одних промышленных рабочих было 4.449 т., а в Англии в 1911 году в промышленности, торговле и на транспорте — 16.333 тысяч. Но в условиях мирового господства Европы движение заработной платы не ограничивало накопления капитала. Если бросить взгляд на общее состояние заработной платы, в течение эпохи после 60-х годов, сразу заметно, что в движении заработной платы имеются те же тенденции, что и в промышленной жизни в целом. Бурное развитие промышленности с 60-х годов было ознаменовано значительным под'емом заработной платы. Проф. Кулишер приводит сведения, разработанные немецким экономистом и финансистом Тишка. Существует следующая градация в оплате рабочих. В денежном выражении, в довольно твердой валюте, самые высокие ставки существовали в С. Ш. С. Америки, второе место занимала Англия, за ней шла Германия, потом Франция, Бельгия и т. д. «Комбинируя рост денежной платы и падение расходов (на жизненные предметы) — говорит проф. Кулишер, [1]) — получаем реальную плату, повысившуюся с 55 в 1860 г., до 68 в 1885 г., до 84 в 1895 г. и, особенно сильно, до 100 в 1900 г. Реальная плата во Франции за полвека (1860—1910) обнаружила сильное возрастание (с 63 до 106 в 80-х и 90-х годах). Реальная плата быстро поднимается: в 1880 — 74,5, в 1890 г. — 89,5, и в 1900 — 100. У бельгийских рабочих также получается сильное возрастание покупательной способности: с 1870 г. по 1900 г. находим удвоение реальной платы с 51 до 100, причем возрастание происходит непрерывно». Несмотря на весьма тяжелые условия жизни рабочих даже в эту — можно сказать — лучшую капиталистическую пору жизни европейских рабочих, в дальнейшую эпоху в положении трудящихся происходит безусловное ухудшение общего материального состояния. Бурных под'емов, коими характеризовался период 60—90 годов, больше не замечается. В XX столетии положение европейских рабочих сильно ухудшилось, рабочие не только не удерживают условий довоенной жизни, но в ряду крупнейших отраслей промышленности ухудшение материального положения рабочих принимает угрожающие размеры. В такой важнейшей промышленности Англии, какой является промышленность машиностроительная и строительная, мы видим, что индекс реальной зарплаты скатился со 100 в 1914 году до 89 в 1920 г. и до 82 в 1924 г.; в строительной — со 100 в 1914 г. до 91 в 1920 г. и до 97 в 1924 г. Историческая эпоха гигантского развития мирового хозяйства (1900—1928 г.г.) является для рабочего класса в целом эпохой резкого материального ухудшения. Самым тяжелым периодом для рабочего класса явился период второго десятилетия XX века. Империалистической войне буржуазных государств рабочий класс принес в жертву не только около 32 миллионов жизней, но и огромные материальные средства. Великие потрясения, вызванные инфляцией денег и обогащающие буржуазные группы, раззорили только класс, производящий всякого рода ценности. Аргентариус совершенно правильно отмечал: «Инфляция — есть воровство. Страна без устойчивых денег есть страна беззакония, а страна с инфляцией есть страна грабежа!» Годы, непосредственно связанные с войной были годами аб-

---

[1]) Кулишер — «Пр. и условия труда на Западе в XIX ст.», стр. 185 и др.

солютного снижения заработной платы во всех крупных государствах Европы, хотя именно эти годы давали буржуазии неизвестные доселе спекуляции, ростовщические и торговые прибыли. Гарвей Фиск исчисляет непосредственную стомость войны в 80 миллиардов долларов, а «Нью-Иорк-Таймс» общую стоимость войны по подсчетам в 1926 г. определил суммой в 200 миллиардов рублей. Еще ни один экономист не удосужился подсчитать те материальные жертвы, которые принес войне рабочий класс, продолжающий нести последствия войны и доныне.

Реальная заработная плата рабочих строительной промышленности Германии против ста в 1913 г. дошла до 54 в 1923 году, заработок типограф. печатников упал до 55, а во Франции, стране победившей в войне, против средней ставки 117 по всем профессиям в 1921 г. заработная плата составляла 91 в 1926 г. Мы здесь ничего не говорим о миллионах безработных, и о тех, которые имеют только частичную работу.

Мы говорили выше о бурном развитии промышленной жизни в XIX ст. и о соответствующем под'еме зарплаты рабочих. Буржуазные исследователи приходили к следующему заключению: «Подводя итог всему сказанному относительно денежной платы, расходов на квартиру и на с'естные припасы в различных странах, Board of Trade приходит к тому выводу, что положение английского рабочего класса несравненно лучше, чем собратьев на континенте: немецкий рабочий выручает всего три четверти (75%) платы английского рабочего и при том расходует на 11% больше; французский получает еще меньше, всего ²/₃ (64%) платы англ. рабочего и тратит все же несколько больше, чем последний (на 4%). Бельгийскому рабочему жизнь обходится дешевле, чем английскому, но всего на несколько процентов (на 7%), плата же его не превышает половины платы английского рабочего (52%). Лишь американец расходует на 41% больше, чем англичанин, но выручает почти в два с половиной раза больше (140%) » (Кулишер). Уровень заработной платы рабочих Англии, находящихся в довоенное время в лучших (чем остальная рабочая масса всего европейского континента) жизненных условиях, за длинный период лет (до 1922 г.) очень снизился. В машиностроительной промышленности рабочие получали 75% прежнего заработка, в хлопчато-бумажной — 76%, в строительной — 64%, в каменно-угольной промышленности — 76%, в гончарной — 78%, в обувной — 79% и т. д.

В двадцатом веке положение рабочего класса значительно ухудшилось. Реакционная роль буржуазии в промышленности создает рабочим особо тяжелые условия жизни.

Капитализм ставит в настоящее время рабочих в самые худшие условия, какие только знала история. Жуткие картины, известные по работам Энгельса и Маркса, становятся обыденными в жизни европейского пролетариата. XX век является веком, когда европейский пролетариат вынужден прибегнуть к чрезвычайным мерам защиты своих прав, отказаться от одурманивающего тред'юнионистского либерализма и приступить к построению своих рядов для жестокой революционной борьбы. Волны классового движения являются характерными явлениями упадка европейского капитализма. Система, так называемой, рационализации промышленности или об'еднение промышленных предприятий в капиталистические тресты, синдикаты, а также рин-

ги и пр. создают для рабочих худшие условия быта. В связи с этим самодеятельность рабочих приобретает особую актуальность: рабочие организации, профессиональные союзы, кооперация, партия, превращаются в боевые органы рабочего класса. Характерно, что именно за последние 30—40 лет развитие профессиональных союзов принимает особо бурный характер.

В профорганизациях числилось тысяч человек:

	В Германии	Во Франции	В Англии	В С.Ш.С.Ам.
В 1893 г.	224	420[1])	1559	265[2])
„ 1903 „	888	716	1994	1457
„ 1913 „	2574	4846	4136	1996
„ 1923 „	7063	6597	5405	2926

Организованных рабочих еще гораздо больше, чем это видно из вышеуказанной таблицы. По сведениям проф. Г. Барнетт в С. Ш. С. Америки в 1920 г. организованных рабочих числилось 4.924, 3 тысяч. [3]) В 1921 г. возник так называемый Красный Профинтерн, и ко дню организации, в этой самой мощной и влиятельнейшей революционной и профессиональной организации числилось членов и сочувствующих свыше 14 миллионов рабочих. Эти организации оказывают на государственную власть Европы чрезвычайно большое влияние. Является знаменательным фактом хаотического состояния капитализма в Европе социал-демократизация правительств важнейших стран европейского континента. Чисто лабористское правительство Макдональда в 1924 и в 1929 году в Англии обозначает полное упадочное состояние английского хозяйства. Мелкобуржуазные и социал-демократические правительства Англии, Германии и Франции расчищают дорогу подлинно социалистическим правительствам в этих странах, ибо меньшевистские правительства этих стран обнаружили свою полную неприспособленность в разрешении основных вопросов капиталистического строя. Через голову социал-демократических правительств волна рабочего движения не только не прекращается, а еще больше усиливается.

Рабочее движение в настоящее время является движением не меньшинства населения, а его огромного большинства. Пролетариат действительно представляет сейчас основную базу всего самодеяельного населения всей Европы и, главным образом, крупнейших ее государств. «Среди всего самодеятельного населения Германии, — говорит Вл. Войтинский, — пролетариат составляет (не считая лиц без определенных занятий) 65,7%». По словам только что упомянутого автора средний коэффициент пролетаризации самодеятельного населения в Англии в 1925 году чрезвычайно высок — 79%. [4]) Даже в мелко-буржуазной и крестьянской Франции пролетариат составляет в общем 48,3% всего самодеятельного населения, а по отраслям хозяйства этот общий коэффициент выражается в следующем виде:

В сельском хозяйстве	—	32 %
„ промышленности	—	60 „
„ торговле и трансп.	—	50 „

---

[1]) В 1895 г.
[2]) В 1897 г.
[3]) Материалы у Вл. Войтинского, — „Die Welt in Zahlen", Zweites Buch, S. 137, Berlin, 1926.
[4]) См. Войтинский — «Силы современного социализма», Париж, 1929 г., стр. 19.

Чрезвычайно ценный матерал, собранный Вл. Войтинским, показывает, что по другим государствам пролетаризация самодеятельного населения составляла:

В Австри	— 63 %
„ Чехословакии	— 59 „
„ Швейцарии	— 59 „
„ Дании	— 67 „
„ Нидерландах	— 68 „
„ Бельгии	— 70 „
„ С. Ам. С. Шт.	— 73 „

«Прежде всего, — говорит Войтинский, — эти цифры подтверждают концепцию о пролетариате, как **о большинстве** населения в капиталистически развитых странах». [1]) Это большинство населения представляющее совершенно достаточную социальную базу для немедленного осуществления социализма во всей Европе, находится в условиях напряженной политической и экономической борьбы с капиталистами. Благодаря усилиям социал-реформистов Войтинских и социал-демократических правительств Европы, пролетариат Западной Европы еще не смог разорвать цепи капиталистического рабства. Но экономическая борьба рабочих, не говоря здесь о чисто политической борьбе западно-европейского пролетариата, как во втором, так и в третьем десятилетии XX-го века, имеет обширный размер, потрясающий основы капиталистического мира.

В 1913 году рабочие Англии имели 1459 конфликтов с капиталистами. В этих конфликтах участвовало 664 тысячи рабочих, было потеряно 9.804 тысяч человеко-дней, а в 1926 г. в конфликтах приняло участие 2.744 тысячи рабочих, потерявших 159.814 тысяч человеко-дней. 1926 год в Англии является рекордным годом борьбы, но если взять весь период с 1913 года по 1926 год, мы увидим, что в эту тяжелую эпоху кризисного состояния английского капитализма Великобритания имела 12.255 конфликтов, вовлекла в борьбу 13.267 тысяч рабочих и потеряла в этой борьбе 383.319 тысяч рабочих дней. Мы утверждаем, что вся история капиталистического развития Англии, как в период расцвета, так и в периоды колебания, не видела подобной растраты сил. В таком напряженном состоянии находится не одна только Англия, — эта предводительница всех реакционных начинаний Европы, а также и Германия — страна Веймарской конституции. За время 1913—1925 г.г. Германия имела 34.658 конфликтов, в конфликтной борьбе участвовало 11.240 тысяч рабочих, потерявших 186.926 тысяч рабочих дней.

Картину такой грандиозной борьбы пролетариата против устоев капиталистического общества мы наблюдаем не только в Германии. Возьмем Францию, родину воинструющего патриотизма Пуанкарэ и меньшевика Поля Бонкура. В эпоху 1913—1926 г.г. французские рабочие имели 17.395 конфликтов, в этой конфликтной борьбе рабочих с капиталистами участвовало 4835 тысяч рабочих, а рабочих дней потеряно 72 миллиона. Фашистская Италия имела за десятилетие (1913—1923 г.г.) 9992 конфликта, в них приняло участие 6.605 тысяч рабочих, потерявших 7486 тысяч рабочих дней. Маленькая Голландия с населением в 7 миллионов душ в эпоху 1913—1926 г.г. имела 4.569

---

1) Ibidem, стр. 29.

конфликтов, участвовало в конфликтах 493 тыс. рабочих, потерявших 13.801 тысячу рабочих дней. Мощную борьбу вел также пролетариат, нейтральной в мировой войне, Швеции. Она имела (в 1913—1926 г.г.) 3856 конфликтов, рабочих участвовало 631 тыс., было потеряно 31.714 человеко-дней. Аналогичные факты становятся обыденной хроникой для Норвегии, Дании, Польши, Бельгии и пр. стран. Только по странам, по которым мы тут привели цифровой материал, т. е. в 7 европейских центрах в открытой классовой борьбе было занято 37,1 миллионов рабочих, оставивших без деятельности фабрики и заводы на 762 миллиона рабочих дней.

Безработица во все увеличивающихся размерах стала постоянным явлением разваливающегося капитализма. В Великобритании в самой крупной отрасли промышленности — металлической индустрии 18,4% застрахованных рабочих постоянно находятся без работы; горняки дают безработных к январю 1928 г. 17,6%, текстильщики — 8,9%, строительные — 17,4, а в среднем во всех видах промышленности — 10,7%. За Великобританией идут и прочие страны. В Италии, стране М у с с о л и н и, число безработных металлистов с января 1927 г. по январь 1928 г. возросло с 16,6 тысяч до 38,6 тысяч, среди пищевиков мы имеем увеличение за тоже время с 19,8 тысяч до 35,0 тысяч, в сельском хозяйстве — 61,2 тысяч в 1927 и 123,9 тысяч в 1928 г.; среди горняков — 3,3 тысяч в первом случае и 13,6 тыс. во втором. Общее число безработных поднялось с 225,3 тысяч до 439,2 тысяч. [1])

Картина безработицы в Англии и Италии является характерной и типической для всей Европы. Безработица в Европе в настоящее время является не нормальным техническим явлением планомерного и разумного способа производства, а крупнейшим социальным злом запутавшегося анархического капиталистического строя. Это социальное зло является препятствием и тормазом развития производительных сил европейского общества и приносит этому обществу неисчислимый вред.

Если даже приблизительно прав буржуазный «Нью-Иорк-Таймс», определивший общую стоимость мировой войны суммой в 200 миллиардов рублей, то это означает, что в бездонный океан выброшен двадцатилетний доход такой могущественно страны, какой являлась довоенная Англия, или же исчезло вовсе состояние в полтора раз большее, чем все национальные богатства Англии, Австралии, Канады, Индии, Новой Зландии, Южной Америки и прочих колоний, взятых вместе. Является ли этот небывалый и величайший удар всей хозяйственной жизни Европы ударом по капитализму, сокрушением капиталистической мощи и препятствием к развитию производительных сил всего общества? Является ли препятствием и тормазом к развитию производительных сил капиталистического общества, замена вышеуказанных 762 млн. рабочих дней — днями борьбы, вместо труда. Весь материал воочию доказывает, что состояние европейского капиталистического общества есть состояние разлагающего, и на много процентов разложившегося, хозяйственного организма, и никакие профилактические средства не помогут ему вновь воспрянуть духом и двинуть все общество к лучшим и высоким формам жизни.

---

[1]) Материалы см. „Statistische Jahrbuch für das Deutsche Reich 1928", — Internationale Uebersichten, S. 148—149.

Еще один пример. Народный доход Англии по ценам 1913 года выражался в 1913 году в 10.900 миллионов долларов, а в 1927 году 11.330 млн. долл., германский народный доход составлял в 1913 г. 10.500 млн. долл., а в 1927 г. — 7238 млн. долл.; этот доход Франция исчисляла в 1913 г. в сумме 7.300 млн. долл., а в 1927 г. — 7352 милиона долл., в Италии мы имеем соответственно 3.900 и 2964. За четырнадцатилетний период хозяйственной деятельности системы капиталистического производства по четырем важнейшим государствам Европы, мы имеем следующую, чрезвычайно важную, картину: в 1913 году народный доход — 32.600 млн. долл., в 1927 г. — 28.884 млн. долл., т. е., вместо увеличения народного дохода и развития производительных сил населения, мы имеем уменьшение этого дохода на 3.716 млн. долл. [1]) Лучших показателей развала капитализма и падения производительных сил современного буржуазного общества быть не может. В этих условиях ни о каком излечении капиталистического общества говорить не приходится. **Необходима хирургическая операция, полный разгром отживших производственных отношений и принятие плановой системы в производстве, основанной на принципах социализма.** *)

Возьмите сейчас политико-государственные условия существования буржуазного общества. Современное политическое устройство европейских государств не находится ни в каком соответствии с основными нуждами развития производительных сил. После Кенигграца и Седана возникла об'единенная Германия, после ряда революционных войн произошел разгром самостоятельных итальянских республик. Весь XX век прошел под определенным знаком создания крупных национальных государств, уничтожения таможенных перегородок внутри государств и ослабления этих перегородок между государствами. Свобода торговли Питта, Кобдена и Гладстона были принципами расцветающего Британ-

---

[1]) За то же время народный доход С. А. С. Шт. увеличился с 32 миллиардов до 52 миллиардов долларов.

*) Как было нами указано выше, состояние капиталистической Европы нужно рассматривать не с точки зрения ее внешнего вида, а под углом зрения ее роли во всем мировом хозяйстве. Адольф Вебер делает непростительную методологическую ошибку, когда рассматривает экономику Европы вне связи с мировым хозяйством. Из ряда методологических ошибок, а также из недостаточного анализа состояния основных и, характеризующих всю экономику Европы, отраслей производства, Вебер дает такие социологические выводы, которые совершенно не соответствуют действительному положению вещей в Европе, и потому лишают их всякой научной ценности. Чрезвычайно характерно, что систему капиталистической конкурренции, азбуку классической политической экономии в конце XVIII века, А. Вебер продолжает считать прекрасным инструментом современного экономического прогресса, а кризисы, — последствия конкуррентной борьбы, — грозой, очищающей воздух для дальнейшего под'ема хозяйства. (См. его — „Ende des Kapitalismus?" — München, 1929. S. 11). Нужно быть слепым, чтобы в XX веке не видеть, как дорого стоит всему человечеству эта „luftreinigende Gewitter", нужно быть профаном, чтобы не знать, что именно свободное распоряжение капиталами, т. е. система капиталистической конкурренции, привела все важнейшие отрасли европейского хозяйства к отставанию от соответствующих отраслей прочих стран мира, и что эта система сулит Европе неминуемое колониальное состояние.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что только лишь плановое использование европейских капиталов (что невозможно в условиях капитализма) могло обеспечить Европе те позиции в главнейших отраслях мирового хозяйства, которые принадлежали ей раньше. Отсутствие плановости в европейском хозяйстве дало уже ощутительные результаты. Очевидно, этих результатов Веберы не заметят до тех пор, пока всеочищающая гроза окончательно не снесет всего европейского капиталистического здания!

ского капитализма, точно также, как проэкт общебританского Zollverein-a, выдвинутый в конце XIX века Джозефом Чомберленом и поддержанный Бальфуром, имел огромное политическое значение для интересов капитализма. Совершенно обратную картину видим мы в Европе. Мирные договоры в Версале (28 Июня 1919 г.), Сен-Жермене (10 Сентября 1919 года), Нейльи (27 Ноября 1919 года), Трианоне (4 Июня 1920 года), Севре (10 Августа 1920 года) и так далее означали в первую очередь балканизацию Европы. Образование ряда мельчайших и мелких политических единиц происходит в одной только Европе. Происходит балканизация Европейского континента. Данциг, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Чехо-Славакия, Финляндия, Венгрия, Сербо-Хорвато-Словенское королевство возникают в результате перекройки топографической карты Европы, ее расчленения, разделения. В связи с этим национальные отношения в Европе запутались и осложнились в высшей степени. Права угнетенных и национальных меньшинств делаются головоломными вопросами. Национальности возвращаются к условиям средневековья. Сейчас национальный вопрос и права меньшинств становятся основными вопросами для каждого четвертого по числу европейского гражданина. «Достаточно сказать, — говорит белоэмигрантский писатель Вишняк, — что он затрагивает интересы 25 миллионов из 100 миллионов общего населения 12 государств центральной Европы, т. е. каждого четвертого человека. По другим источникам — оно касается не меньше 20 миллионов человек в Центральной Европе и до 200 миллионов — во всем мире». Один из главных организаторов Женевского Конгресса национальных меньшинств в Октябре 1925 г., мадьяр из Чехо-Словакии Гец фон Шухло исчисляет меньшинства в Европе даже в 50 миллионов душ. [1])

Обострение национальных противоречий и углубление национальной борьбы дополняют картину конфликтов, данных нами выше. Послушаем эмигрантского писателя, специально изучавшего этот вопрос. Вишняк пишет: «Несовершенство и назавершенность предусмотренного актами — 1919/20 г.г. права меньшинств, как и всей системы Лиги Наций, высшего патрона и заступника меньшинств, не подлежит оспариванию. Даже восторженные почитатели Лиги Наций и преданные меньшинствам друзья не могут не отнестись отрицательно к практическому воплощению идеи защиты прав меньшинств Лигой Наций. Жизнь успела обнаружить ряд кричащих противоречий и незаполненных пробелов в правах меньшинств». Для разительного примера и характеристики варварского состояния дела национальных меньшинств мы приведем маленькую картинку из жизни Польши, республики Пильсудского, с которым так восторженно работают меньшевики всех стран и социалисты-революционеры всех рангов. «С принудительным введением польского языка, как единственного оффициального языка в школьной области, не существует больше ни одной Украинской школы для учителей не только в Галиции, но и на Украинской территории в Волыни, в Холмском крае в Подляше и Полесье, захваченных Польшей. На всей этой территории 7 миллионов украинцев насильственно лишены школьного обучения. При 74,4% украинцев и 12,% поляков в Восточной Галиции, мы имеем в Львовском учебном округе: первоначальных школ Украин-

---

[1]) Вишняк — «Право меньшинств», Париж, 1926 г., стр. 102.

ских 1.836, польских — 2.447. Школ для учителей: Украинских — 12, польских — 25, среднеучебных заведений: украинских — 22, польских — 96, профессиональных школ: украинских — 3, польских — 54. Неудивительно после этого — заключает Вишняк, — что Украинский Национальный Совет говорит «о Власти тьмы» при польском режиме и книге, которую издает сам Совет дают характерное заглавие — «Вне закона» — «Hors loi». [1]) 50 миллионов населения Европы, оказавшихся на положении национальных меньшинств, осложняют и запутывают национально-политические отношения буржуазной Европы. Эти условия в свою очередь являются лишним доказательством того факта, что европейское капиталистическое хозяйство и его правовые формы являются тормазом и препятствием для развития производительных сил и прекрасным об'ективно-политическим материалом социалистического движения. Но и помимо этого балканизация и автархизация Европы ставит прямо политические преграды развитию производительных сил европейского буржуазного общества. Мы имеем ввиду таможенную систему послевоенной Европы. По поводу таможенных границ, стесняющих нормальное кровообращение всего европейского организма, немецкий ученый Зигерт отмечает: вся эта система таможен, система запрета ввоза и вывоза товаров настолько примитивна, груба и не соответствует всей современой народно-хозяйственой жизни, что она в течение всего последнего 50-летия в Европе нигде не применялась. Даже самая строгая в этом отношении (после 1869 г.) Германия не применяла ее на практике, т. е. действительность отменяла те ограничения, кои вытекали из ее таможенных законоположений. Война изменила все. Первыми закрыли свои торговые пути воюющие страны, за ними погнались нейтральные государства. Нужно было думать, что подобное удушение свободы торговли являлось мероприятием только временного характера, расчитанное на военное время. Однако, эти мероприятия оказались необходимыми для мирного времени. Зигерт правильно отмечал, что перед Европой встали мероприятия, которые Франция уничтожила еще в 1860 году, а Англия — в 1822 году. [2])

Экономическая комиссия наиболее реакционных европейских государств на генуэзской конференции в 1922 году отмечала в параграфе 6-м, что «какова бы ни была важность тех соображений, на которые ссылаются некоторые государства, указывающие на исключительные условия, в которых они находятся и тем оправдывающие введенные ими импортные или экспортные ограничения, эти меры составляют в настоящее время одно из важнейших препятствий для международной торговли». Каждый спекулянт из Сити или Унтер ден Линден в 1913 г. прекрасно понимал эту истину, но слабые основы послевоенной промышлености и мировая ситуация, установившаяся после войны, опрокидывали теоретические взгляды лиц, воспитанных в духе свободной торговли. Штейн совершенно правильно отмечает, что именно после мира открывается ничем неприкрытая таможенная война между европейскими государствами, и что именно после войны сеть таможенных перегородок усиливается до невероятных пределов. «Таможенные

---

[1]) Ibidem, стр. 86.

[2]) „Handels- und zollpolitische Fragen der Gegenwart", Berlin, 1927, S. 7—8.

стены, — говорит Штейн, [1]) выросшие после Версальского мира в особом изобилии, автоматически растут, подвергаясь общему психозу повышения по всей линии. Малейшее повышение таможенных ставок в одном месте немедленно вызывает их повышение по всей линии». Тоже самое в отношении транспорта. «Созданные Версальским миром искусственные границы (польский Корридор — Данциг, Мемель, Восточная Галиция, Саарская область и т. д.) не только не облегчают положения транспорта, но, напротив, всячески ухудшают его. Там, где была единая линия, единое управление сети, единый парк, теперь имеется 5—6 парков, линий, управлений. Вместо экономии средств и усилий получается безумная расточительность. Вместо единства и простоты получается путанница, препятствия, разруха». Вопросы таможни, торговли, транспорта, транзита, репараций и т. д. делаются доминирующими вопросами всей послевоенной эпохи Европы, но буржуазные государства, в рамках искусственно созданных национальных границ, оказывались совершенно безпомощными в разрешении этих важнейших проблем. Конференции и совещания продолжались безконечно. Мы не говорим о ряде конференций, имеющих специально торговые задачи. На конференциях, происходивших как до Барселонской конвенции, так и на прочих мирных совещаниях в Вашингтоне (1921 г.), в Каннах (1921 г.), Генуэ, Женеве (1923 года), а также Пленумах Лиги Наций, обсуждались, главным образом, экономические вопросы, но эти совещания не вносили существенных изменений в торгово-экономические взаимоотношения европейских государств и не смогли освободить страны от состояния, которое Гувер характеризовал, как состояние деморализации производительных сил.

Как видите, европейские государства не могут распутать узел противоречий, еще более запутанный в Версале. Но выход должен быть найден. Об'единение европейских сил является вопросом не только развития Европы, но ее более или менее самостоятельного существования. Это знают не только нацинал-социалисты II-го интернационала, но это ясно буквально для каждого мало-мальски политически грамотного человека. Еще задолго до войны Науман пропагандировал идею «Срединой Европы», после войны сами капиталисты предпринимали ряд мер в этом направлении, и, представитель финансовой и промышленной группы Франции Т. Лушер в 1927 г. специально приезжал в Германию для пропаганды идеи интернациональных картелей всей Европы. В настоящее время европейские торговцы и промышленники в каждой стране мобилизуют все средства и усилия, чтобы об'единить и укрепить предприятия, свою торговую сеть и финансовую мощь различных экономических об'единений; они прилагают все усилия к интернациональному об'единению экономических сил, и первые шаги Лушера-Ратенау или Жилле-Руппеля Беммельмана-Кунтце и пр. явились лишь характеризующими моментами нового направления международной политики европейского капитала. Как видите, тенденции экономических сил выходят из рамок существующих замкнутых политических организаций Европы, как видите, сама экономика разрушает созданные Версалем автархические

[1]) Штейн — «Торговая политика западно-европейских государств после войны», Москва, 1924 г. стр. 211.

стены. Вся система европейского устройства государств находится в полном противоречии с элементарными уловиями развития производительных сил.

Если 1926 и 1927 годы были для государств центральной Европы годами об'единения некоторых отраслей промышленности, то в 1929 г. эти слабые попытки экономического оздоровления Европы потеряли свое значение. Происходящий в июле 1929 г. в Амстердаме, так называемый, хозяйственный парламент прошел под знаком тяжелого хозяйственно-финансового кризиса Европы и чрезвычайного ее отставания от Америки. Разрешение репарационного вопроса, идея всеевропейского банка и очищения оккупационных областей являются ничтожными паллиативами, неимющими решительно никакого решающего значения в деле хозяйственного оздоровления Европы. А, между тем, ухудшение экономической кон'юнктуры Англии, французские платежи Америке, все возростающая дороговизна в Германии с решительным преобладанием быстро развивающейся экономики С. А. С. Ш. с одной стороны, и быстрым темпом индустриализации в СССР — с другой, заставляют буржуазные правительства Европы искать новые пути ее спасения. Чрезвычайно характерно, что Аристид Бриан — ныне премьер-министр Франции — сейчас ставит вопрос о Соединенных Штатах Европы, т. е. политического и экономического об'единения европейских государств, направленного, как против Америки, так и Союза ССР. Насколько смехотворным является об'единительный план Бриана, видно из отзывов по поводу этого проекта самой буржуазной печати. В «Berliner Tageblatt» Гюнтер Штейн совершенно правильно подвергает этот проект уничтожающей критике. [1]) Бриан предполгает свой проект преподнести на рассмотрение пленуму Лиги Наций в сентябре, т. е. в тот самый момент, когда волны вооружения, протекционизма и автархизма захватывают одни страня за другими. «Das Ziel ist richtig in der Theorie, aber wie steht es in der Praxis?» — спрашивает Штейн. А на практике мы видим, что только лишь в мае—июне (1929 г.) Германия подняла таможенные ставки почти на все продукты сельского хозяйства, что о националистической защите промышленности ломают головы и в Англии, и во Франции, и в Италии и т. д. Наполовину сельско-хозяйственная Франция хочет играть руководящую роль над высокоиндустриальными Англией и Германией, она хочет плановость положить в основу анархического капитализма! Мы очень скоро увидим, что эти «идеалистические мечтания», как правильно указывает Штейн, не только не спасут буржуазные правительства Европы, а, наоборот, экономический кризис всей Европы будет развиваться еще быстрее, социальные конфликты все больше примут угрожающие размеры, и колониальное состояние капиталистической Европы будет признаваться самой буржуазией. Эти проекты еще ярче вскрывают тяжелое состояние и усиливающийся кризис всего европейского хозяйства.

Я полагаю, что мы имеем полное основание вывести логические заключения о делах Европы и европейского капитализма. Я думаю, мы вправе сказать, что во втором десятилетии в Европе произошел исторической важности экономический переворот, знаменующий кризис всего европейского капиталистического общества, что сама мировая

---

[1]) См. Его статью — „V.S.E." — „Berliner Tageblatt" — от 13-го Июля 1929 г. № 327.

война была величайшим физическим выражением этого кризиса, что, как в процессе войны, так и в послевоенную эпоху, кризис европейского капитализма все больше и больше усугубляется, что буржуазная Европа из этого кризиса абсолютно не находит выхода, и в создавшихся мировых экономических условиях капиталистическая Европа этого выхода найти не может.

Европа должна обеспечить интересы развития производительных сил. Культурная Европа не может превратиться в колониальную страну. Противоречия между старым и новым миром должны быть разрешены. Каждое разлагающееся общество освобождает пути новому возродившемуся строю. Французский феодализм поднял величайшую стихию революции 1789 года и разгромил все преграды, стоящие на пути нового общества. Разлагающийся европейский капитализм не может обеспечить развитие производительных сил общества, эти силы пробьют себе дорогу через ворота социалистической революции и, как об'ективно, так и суб'ективно, сама буржуазия будет толкать силы социализма и революции к этим историческим воротам. Мы видим, что империализм пришел к своему отрицанию экономически, мы видим, что империализм в XX веке создал в Европе совершенно невозможные архаические формы государственных отношений, мы видим, что империализм деморализован и дезорганизован.

Неприкосновенность частной собственности превратилась в фикцию в эпоху мировой войны, но с этой фикцией и нарушением принципа собственности буржуазия мирилась, как с мерой необходимой и неизбежной во время войны. Но, характерно, что издевательство над частной собственностью никогда не демонстрировалось со стороны буржуазии так ярко, как после войны. Версальский договор был направлен не только против **государства** Германии, но и против ее частных собственников, против частных обществ, против акционерных компаний, против банковских организаций и владений. Журналист аристократических салонов Парижа и мелодраматический дуэлянт — К л е м а н с о, подписывая Версальский договор, попирал божественные основы капиталистического общества, — институт частной собственности. Версаль являлся моральным и политическим банкротством всей системы буржуазии. На фоне общего падения буржуазии жесточайшие удары Версаля создавали исключительно благоприятные условия для под'ема революционных волн в странах немецкого мира. Восточная соседка Германии — Россия в это время была в огне революции, и диктатура пролетариата призывала немецких братьев к совместной борьбе за социализм. С конца Октября немецкие моряки поднимают на судах красный флаг, и восстание 4 Ноября кладет предел всему царству Гогенцолернов. С поразительной быстротой охватываются все немецкие государства пожаром революции, и всего лишь через несколько дней — 9 Ноября 1919 г. — германской монархии не стало.

Какую роль играла социал-демократия в этой революции? Германская революция могла быть только социалистической. Даже после войны, когда от «довоенного» Каутского не осталось и следа, К а у т с к и й пишет: «в Германии с Австрией, столь близкой к ней, и в Англии имеются больше чем где либо предпосылки социализма, и эти страны более других стран призваны играть руководящую роль в осуществлении социализма». Но и до войны К а у т с к и й совершенно правильно отме-

чал: «Класс капиталистов стал излишним. Первое большое поражение в борьбе за государственную власть, которое этот класс потерпит, должно повести к его полному крушению». Дальше: «Великий рычаг наших успехов есть революционный энтузиазм». Дальше: «Демократический строй не может устранить классовых противоречий капиталистического общества и не может предотвратить их неизбежного следствия — крушения этого общества». К. Каутский в самых решительных выражениях определял политическую линию германского пролетариата во время революции и учил пролетариат вести решительную и самостоятельную борьбу за пролетарскую власть. В настоящее время всякое развитие идет гораздо быстрее, чем раньше, и арена борьбы расширилась. «Чем непоколебимой, последовательной и непримиримой будет социал-демократия, тем скорее она восторжествует над своими противниками. Требовать от социал-демократии участия в коалиционной или блоковой политике именно теперь, когда понятие «реакционые массы» стало действительностью, значит требовать от нее политического самоубийства. Желать, чтобы социал-демократия связала себя блоковой политикой с буржуазными партиями именно теперь, когда они проституировали себя, желать, чтобы социал-демократия связалась с ними для поощрения этой проституции — значит требовать от социал-демократии морального самоубийства». Никто не высказывался так ярко, определенно и резко против коалиции и блока с буржуазными партиями, как К. Каутский. Он повторял самым решительным образом: «Социал-демократия может принять участие в государственной власти, лишь продавая свою политическую силу буржуазному правительству. Пролетариат, как класс, при этом никогда не может выиграть, в лучшем случае могут выиграть только парламентарии, которые заключили торговую сделку. Тот, для кого социал-демократия представляет собой средство для освобождения пролетариата, должен самым решительным образом воспротивиться подобному участию его партии в господствующей коррупции». Здесь все сказано ясно, решительно, великолепно. Каутский был восхищен: «столь величественной, — говорил он, — как поле битвы, представляется и та задача, которая вырастает перед пролетариатом — общественная организация мирового хозяйства». Каутский жаждет поля битвы: «Счастлив тот, кому суждено принять участие в этой благородной борьбе и величественной победе»—так восторженно оканчивал Каутский свою книгу. [1]) Это было не так давно, всего только в 1909 году, т. е. перед самым началов мировой войны. Энергия молодого человека, кровь революционера текла в жилах Каутского. Как же он показал свой пыл на действительном поле битвы? Куда он повел революцию Германии, происшедшую в исключительно благоприятных для Германии условиях? Разложившийся капитализм Европы, Версальский договор и обанкротившаяся Антанта, величайшая социалистическая революция 150 миллионной соседки, давали Германской революции величественные перспективы.

Но, как раз, в этих самых подходящих для революции условиях, каутскианская германская революция покрыла позором всю социал-демократическую партию. Социал-демократия явилась душительницей германской ноябрьской революции 1918 года. Когда в Киле образовался

---

[1]) Каутский — «Путь к власти», 23 г., Петроград, стр. 98 и др.

первый революционный солдатский совет, то, от имени еще здравствующего на престоле вильгельмовского правительства, социал-демократы посылают туда, известного впоследствии палача германской революции, меньшевика Носке, чтобы подавить движение кильских матросов. Когда канцлер, еще здравствующего вильгельмовского правительства, принц Баденский — видит победоносные волны революции, он призывает в свое вильгельмовское антиреволюционное правительство немецких меньшевиков, и социал-демократы — Густав Бауер и Филипп Шейдеман вступают в это правительство. Когда стихия революции помимо воли Шейдеманов делает свое дело, происходит низложение Вильгельма, и вся власть переходит к социал-демокротам, полновластный вождь меньшевиков Фриц Эберт об'являет, что «новое правительство» будет народным правительством и и в самый первый день революции 8-го Ноября призывает всех: «Сограждане! Я настоятельно прошу Вас не оставаться на улицах, разойтись по домам, ради сохранения порядка и спокойствия». Эдуард Бернштейн — этот превосходный фальсификатор всей истории германской революции, писал: «по всем признакам видно, как заботились вожди пролетариата о том, чтобы уважение было проявлено ко благу, безопасности и праву тех, кто в борьбе не участвует, а также о том, чтобы революция носила характер культурного движения». [1])

Взамен революции — «культурное движение» — вот до какого опошления и опозорения доводили социал-демократы великие перспективы революции в момент, когда революция еще только начиналась. В это время знакомый нам К. Каутский проживал в Шарлоттенбурге, этом центре Берлина. Буржуазия могла спокойно предоставить бразды правления меньшевикам. Бернштейн, восхищаясь мудростью Эберта, констатировал: «Буржуазии тревожится не приходилось, — возвание правительства обещало поддержку регулярного хода производства и охрану частной собственности» [2]). И, действительно, социал-демократы оставили нетронутыми буквально весь механизм вильгельмовского государства. Баварское меньшевистское правительства Ауэра и Эйснера призывало население: «Неприкосновенность личности и собственности обеспечивается, офицеры могут оставаться на службе, чиновники пусть остаются на своих местах!» Перлом мудрости меньшевиков нужно считать временное правительство Вюртемберга. Король Вильгельм Вюртембергский еще 16-го Ноября добровольно отказался от престола и ушел 30 Ноября в свой замок. Социал-демократы были восхищены благородством короля. «Временное правительство от имени народа благодарит короля, который всегда руководился любовью к родине, а своим добровольным отречением облегчил путь свободного развития страны. Вюртембергский народ не забудет также, с какой сердечностью и отзывчивостью король и его супруга всегда шли навстречу ближним [3]). Этот позорный аттестат королю был подписан также представителем левых социал-демократов, независимым Криспиным. Действия Криспиных не только были отлично известны К. Каутскому, но в это именно время Каут-

---

[1]) Эдуард Бернштейн — «Германская революция», т. 1, Петроград, 1922 г. стр. 25.
[2]) Ibidem, стр. 30.
[3]) Ibidem, стр. 40.

ский, Бернштейн, Криспин принадлежали к одной группе социал-демократии и характерно, что все трое изменили своей группе. Бернштейн оффициально перешел к правым социал-демократам, К. Каутский вошел в состав правительства и в бурный период штурма революции свой революционный пыл разменял на разработку архива в министерстве Иностранных Дел. Ясно, что и Криспин мог без зазрения совести подписывать похвальный лист Вюртембергскому королю.

Германская революция чрезвычайно характерна тем, что она была первой в истории человечества революцией, когда социал-демократия, как организованная партия, была проверена на деле, и это первое испытание социал-демократии покрыло эту партию позором реакции. История еще не знает ни одной политической силы, которая с первых же дней революции играла бы столь контрреволюционную, изменическую роль. Эд. Бернштейн говорит: «в вопросах национальных и военных социалисты большинства (социал-демократы типа Эберта и Шейдемана — Т. Гл) как бы подходили ко взглядам буржуазных партий, кроме того, они были склонны щадить интересы буржуазии».

Второй особенностью германской революции явилось то обстоятельство, что несмотря на всю изменическую роль социал-демократов, силы революции все время выступали с советскими принципами, и социалистичесие краски все время окрашивали первые же выступления пролетариата. Находясь в рабочих, солдатских, матросских и крестьянских советах, социал-демократы немедленно придавали этим советам контрреволюционный характер и опошляли их облик. Как только проблески ясного социалистического движения выявлялись среди революционных рабочих, социал-демократы немедленно принимали героические меры к его вытравлению и уничтожению. Когда К. Либкнехт и Р. Люксембург, категорически отвергнувшие совместную работу с социал-демократами, потребовали организации красных рабочих гвардий, разоружения офицерства, передачи всей власти советам, отмены права собственности на средства производства, транспорта, обобществления банков и пр., то социал-демократы устроили пролетариату Берлина варфоломеевскую ночь. В предместье Берлина—Далеме—собирали подонки армии, кадровых офицеров вильгельмовской армии и на третий месяц революции уничтожили энергию, волю ум и совесть подлинной пролетарской революции — Карла Либкнехта, Розу Люксембург, Вольфанга Ференбаха, Вернера Маллера и прочих. Карла Либкнехта убили, когда он был арестован: «Тело его, — говорит Бернштейн, — по приказанию лейтенанта Пфлугка-Гартунга, было доставлено на станцию «скорой медицинской помощи» близь Зоологического сада (как раз в районе местожительства знаменитого «революционера» К. Каутского — Т. Гл.) как тело «неизвестного», во избежание огласки и волнений» [1]). Так же позорно расправились с арестанткой Розой Люксембург. Ей разможжили голову, потом добили револьверным выстрелом, «ее тело» так и не было никуда доставлено: с привязанною к телу тяжестью она была сброшена в реку под мостом Корнелиус — там его нашли, несколько месяцев спустя».

---

[1]) Ibidem, стр. 89.

Социал-демократы физически задушили германскую революцию, растоптали идею советов и отбросили лучезарные принципы социализма. Чтобы обмануть рабочие массы и выграть время для окончательного удушеня революции, социал-демократы образовали специальную комиссию по мероприятиям социалистического характера. Комиссия так и называлась «Комиссия по социализации». Что же сделала социал-демократия в деле социализации? Послушаем историю этого дела в изложении эмигранта В. Чернова: «В самом начале Декабря 1918 г. Правлением германского Союза «Neues Vaterland» в Берлине была созвана первая социалистическая хозяйственная конференция, единственным вопросом, поставленным в ее порядке дня, был вопрос о социализации во всех ее видах. Мотивом созыва конференции была полная неудовлетворительность социализаторской политики правительства, которая ограничилась только назначением «Комиссии по социализации», к тому же работавшей при закрытых дверях и этим еще более раздражавшей и без того нервно настроенные рабочие круги. Создавшееся положение один из членов конференции А. Гольдшмит характеризовал так: «В начале революции перед социализацией в страхе остановились. О социализации рассуждали, ее требовали, но настоящей решимости не было. Было такое хаотическое смешение понятий, такое хаотическое смешание методов, которому поистине еще не было равного». Карл Экгоф писал: «народ взял свою судьбу в свои собственные руки, чтобы из рухнувшего военного государства воссоздать социалистическое хозяйственное государство. Быстро избранные рабочие Советы вверили ведение общественных дел старым партийным вождям. Казалось бы, эти последние также преисполнены благих намерений произвести обобществление капиталистических средств. Всю жизнь свою они вели в речах, писаниях и борьбе против капитализма и штудировали своего Маркса. Но увы, вот, теперь они — все равно, были ли то «независимые» или зависимые социал-демократы—уже не знали, как быть с социализацией. В своем смущении они составили лишь комиссию по социализации, которая доныне не дала ничего положительного, да по всей видимости не даст ничего и в будущем». [1])

Мы не можем ни в какой мере согласиться с Карлом Экгофом. Социал-демократы очень много сделали в деле социализации. Они с первых дней революции сообщили буржуазии, что частная собственность будет неприкосновенна, оставили нетронутыми весь бюрократический аппарат Вильгельма второго с генералами и полковниками во главе, давали королям исторические аттестаты в их любви к трудящимся, казнили и выбрасывали в реку подлинных деятелей социализма — смешно было от них же требовать проведения социализма. «Великий архивариус» Министерства Иностранных Дел — К. Каутский сейчас же умыл руки, заявив «что для решения новых задач нужны и новые люди, ибо проблемы организационного социализма для своего решения требуют счастливого сочетания глубокой теоретической подготовки с творческим, комбинаторским талантом прирожденного организатора. Среди нас, стариков, такое сочетание встречается редко, — о себе лично я должен признать, что не обладаю никакими организаторскими способностями». [2])

---

[1]) В. Чернов — «Конструктивный социализм», стр. 67-68.
[2]) Ibidem, стр. 73.

К. Каутский, еще вчера жаждавший огня революции и призывающий всех к перестройке всего мирового хозяйства, в первых же этапах рееолюции превращается в политического инвалида. К Каутский и здесь неискренен, он и здесь предатель рабочего класса и социализма. Не делая ничего практического в пользу революции, он не выбрасывает из рук пера и поднимает новый теоретический вопрос о существе социализации, а также его ученики, как А. Мюллер, Роберт Вилбрандт и пр. доказывают, что нельзя социализацию путать с национализацией.

Социал-демократы не тронули клочка земли германского крупного землевладения, чтобы утолить земельный голод деревенской бедноты, они не тронули ни одного предприятия крупнейших капиталистических картелей, чтобы пролетарская власть была усилена экономически; они оставили в покое все банки, чтобы финансовая аристократия имела возможность в каждую секунду утопить в крови безхребетную германскую революцию. Одним словом, германская социал-демократия не сделала миллионной доли того, что сделала сама буржуазия против власти и против собственности в революциях XVII века в Англии и в революции 1789 г. Франции. Социал-демократия, как мелко-буржуазная партия, с первых дней революции изменила всем основным требованиям пролетариата и революции.

Такова революционная роль социал-демократии в стране, которая по всем об'ективным и политическим условиям была вполне готова приобщиться к самым высшим формам социалистического общества. Опозорившись в борьбе за революцию и социализм, она должна была построить теоретический фундамент неоменьшевизма и доказывать трудность и несбыточность социализма, чтобы, таким образом, доказать свою невинность малоразвитым слоям пролетариата. Всеми силами разума мешая делу соцализации у себя, она стала мешать этому же и в других странах.

Ликвидируя социалистические начинания у себя социал-демократы не могли терпеть практических мероприятий социализма в «варварской России». Естественно, что каждый успех социалистического строительства в СССР являлся похороным звоном для германской социал-демократии. Социал-демократы и Каутский как раз и приступили к своему историческому делу по внедрению пессимизма в рядах пролетариата СССР, по ослаблению их энергии, по издевательству над ними. Вместо того, чтобы придти к рабочим СССР и своим познанием помочь строительству социализма он обрушивается на все достоинства и недостатки российских рабочих, не находя во всей их работе ни одного положительного элемента. Вместо того, чтобы дать им возможность, хотя бы и без немецкой помощи, вести положительную работу по построению социализма, они поднимают бурю ненависти против них, они вооружают силы реакции против СССР, чтобы осложнить и разрушить нашу работу.

Первый раз в истории мы видели социал-демократию во главе государства, первый раз видели их на поприще практической деятельности, и в этом первом случае социал-демократия, как в национальном, так и в интернациональном масштабе показала свою подлинно реакционную роль, роль предателя революции, роль хранителя всех основных интересов буржуазии.

Анализ экономических условий капитализма в Европе нам показал состояние деградации основных капиталистических отношений. Капиталистический строй препятствует развитию производительных сил европейского общества, делает зигзагообразное движение, колеблясь между незначительным под'емом и понижением. Капиталистический способ производства Европы, в общем движении капитализма в целом, в рамках мирового хозяйства, систематически падает, теряет свою гегемонию, уступает свои экономические позиции другим странам, как странам социализма, так и странам внеевропейского капитализма и все больше и больше оказывается в условиях подчиненной страны. Эти об'ективные условия все больше и больше обостряют с одной стороны противоречия между самими буржуазными государствами в Европе, и классовые противоречия между капиталистами и рабочими — с другой. Эта эпоха для Европы есть эпоха постоянного напряжения, эпоха конфликтов, эпоха локаутов, стачек, революций. Каждый день европейской общественно-экономической жизни будет нам приносить все новые и новые сведения о патологическом состоянии европейского общества, об его конвульсиях и об усилении сил, разлагающих и расстраивающих капитализм.

Это состояние европейского капиталистического мира имеет для социалистического строительства советских республик чрезвычайно большое, я бы сказал, определяющее значение. **Социалистические движения в Западной Европе XIX веке происходили в окружении бурно развивающегося капитализма.** Поэтому социалистические движения, оставляя глубокий след в истории, неминуемо терпели неудачи. После сотрясения всего мирового хозяйства и мировой войны в странах Европы создались неизвестные миру экономические и политические условия. В XX веке, в особенности со второго его десятилетия, **социалистичские движения европейского континента происходят в окружении явно деградирующего капитализма,** когда наступательная сила капитализма сравнительно подорвана. Как в экономике, так и здесь, т. е. в области политической борьбы движение, конечно, происходит зигзагообразно, но в процессе напряженного политического состояния, в процессе учащенного столкновения классовых массивов, в процессе поражений и побед мы неминуемо получаем деградацию капиталистического общества и победу социализма, того нового строя, который единственно принесет Европе необходимый ей мир, а экономическим силам Европы обеспечит развитие производительных сил.

Социалистическое преобразование европейского экономического строя должно быть главнейшим и непосредственным делом для всех подлинно социалистических партий. Развитие экономической и социальной жизни современной Европы нуждается в социалистической системе хозяйства гораздо больше, чем когда либо раньше. **Социалистическая система производства, социалистическая система потребления, в общем, социалистическое плановое хозяйство является единственным средством разрешения всех вопросов всеобщего европейского кризиса.**

Для разрешения всех политических и социально-экономических вопросов, т. е. для немедленного осуществления социалистического строя современная Европа в целом имеет исключительно благоприятную почву. Даже социал-демократическая партия, которая нигде в довоенной Европе не имела большинства в парламентах и нигде не играла руково-

дящей роли в правительствах, сейчас стала играть руководящую роль во всех правительствах важнейших стран Европы. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, социал-демократическая партия нигде не продвинула ни на шаг дело осуществления социализма. На дополнительных выборах в Престоне (Англия) в июле 1929 г. лидер консервативной партии Болдуин отметил в своей речи, что рабочая партия и правительство Макдональда осуществляют мероприятия консервативного правительства. «Разве я не вправе, — говорит Болдуин, — протестовать, если нахожу, что все происходящее является не чем иным, как осуществлением моей политики другим лицом?»

Из всего изложенного не ясно ли, что социал-демократы и родственные им партии не потому относятся отрицательно к социалистическому строительству в СССР, что Россия экономически бедна и слаба, а потому только, что эти партии просто перестали быть социалистическими партиями. Социал-демократическая партия была (по крайней мере на словах) социалистической партией тогда, когда социализма нельзя было строит, она перестала быть социалистической в тот самый момент, когда социализм может быть построен.

Интересы развития всех живых производительных сил всего человечества, интересы защиты огромного большинства самодеятельного населения во всех странах обязывает нас быть социалистом не только в Европе, но и во всех прочих странах.

Будем твердо помнить политическое и экономическое состояние всей Европы, и посмотрим сейчас на экономическую жизнь той России, котарая, по утверждениям лжесоциалистов, совершенно не приспособлена к социализму, где как будто нет никаких основ для немедленного построения социализма.

Глава четвертая.

Об экономических условиях социализма в СССР.

1. Возникновение классических форм капитализма в середине XIX века. 2. Закон неравномерного развития экономической жизни. 3. Ускоренный темп развития капитализма в отсталых странах. 4. Крупная экономическая роль государства в быстро растущих странах. 5. Развитие эк. жизни до падения крепостного строя. 6. Территориальное расширение России. 7. Новая эра в России после крымской кампании и реформы 1861 г. 8. О бурном росте капитализма. 9. Россия — мировая экономическая сила. 10. Империалистический характер иностранного капитала в России. 11. Эксплосивные формы развития капитализма. 12. Социализм обезпечивает органическое развитие всех сторон жизни.

По учению М. Вебера капиталистический способ производства приобретает свою классическую форму в середине XIX столет Мы уже имели случай убедиться, что первая половина XIX века б конструктивным периодом капиталистического строя. Ценнейшие технические изобретения и открытия, столь характерные для всего современного хозяйства, имеют место во второй половине XIX столетия. В эту эпоху на всем континенте Европы капиталистический способ производства является господствующей системой, тогда как в XX веке эта система препятствует основным условиям развития производительных сил современного общества. Капиталистические отношения сделались отношениями, препятствующими развитию прозводительных сил.

Если бросить ретроспективный взгляд на развитие экономической жизни России прошлого столетия, то общие контуры развития российской экономики, дают нам приблизительно аналогичную картину. Вспомним К. Маркса, утверждающего в предисловии «Капитала», что «более развитая в промышленном отношении страна только показывает менее развитым странам картину их собственной будущности». Дальше: «Одна нация должна и может учиться у другой. Если даже общество и напало на след естественного закона этого движения, то оно не может перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их посредством декретов.. **Но оно может сократить и уменьшить муки родов».** Этим самым К. Маркс открыл закон не только общего развития капиталистических отношений в любой стране, но вместе с тем Маркс указал на неравномерность в развитии капиталистической системы производства в различных странах. Развитие капиталистического способа производства в одной какой-либо стране создавало для другой страны необходимость в приспособлении к капитализму, как к высшей производственной форме. Капитализм являлся не только системой производства товаров, — капиталистическое производство обезпечивало национальное государство и в военном отношении, вооружая его сильнейшими орудиями борьбы с противникам

усиливая его в финансовом и экономическом отношениях. Поэтому капитализм в одной стране толкал и понуждал к капитализму другую страну; поэтому каждая страна, еще не облеченная в тогу капитализма, была вынуждена принимать героические меры к переустройству своих внутренних экономических отношений и быть конкурентно-способной по отношению к другой. Вот почему мы имеем скачкообразное, т. е. более быстрое развитие капиталистического способа производства в той стране, которой приходилось приспосабливаться к создавшимся экономическим условиям. Чем позднее какая либо страна вступала на путь капитализма, тем более ускоренный, скачкообразный характер принимает развитие ее капиталистических сил.

Не только в экономике, но также и в области политики, науки, литературы и т. д. мы имеем аналогичную картину. К. Маркс и Ф. Энгельс, недожившие до бурной эпохи расцвета империализма, гениальным чутьем предвидели формы неравномерного развития общества. В предисловии к 2-му изданию «Капитала», говоря о политической экономии Германии, К. Маркс прекрасно иллюстрировал закон этого развития. «В Германии, — говорил Маркс, — каптали-стический способ производства достиг зрелости уже после того, как его антагонистический характер шумно проявился во Франции и Англии»; еще выше: «С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время (в 1873 — Т. Гл.) уже находится в цветущем состоянии». Тоже самое явление наблюдается в области наук. Маркс говорил: «Политической экономии в Германии недоставало жизненной почвы. Она в виде готового товара была привезена к нам из Англии и Франции, немецкие же профессора ее остались учениками». В области философии эта мысль формулирована Фр. Энгельсом в письме к Конраду Шмидту. «Философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, материалом, который передан ей ее предшественникам, и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны, экономические отсталые, могут играть в философии руководящую роль: Франция в XVIII в., по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия, по отношению к первым двум». Современная эпоха дает блестящее подтверждение прогноза Маркса и Энгельса. Оставим в покое англичан, французов, немцев, — эти народы высокой цивилизации. Для иллюстрации неравномерного развития экономической жизни прекрасный материал дает Египет, где на ряду с архаическими формами труда имеются прозводственные системы, мало применяемые даже в Европе. Для орошения хлопковых полей европейцы из акционерного общества Sun Power Co. устраивают электрическую станцию (в 1912 г.) по системе инж. Шумана, питающуюся энергией солнечных лучей. А несчастные египеские крестьяне и поныне продолжают ведрами орошать свои поля! В. Зомбарт, у которого мы заимствовали этот материал, находит, что в «дикой» Африке могут найти место самые высшие формы современного капитализма.

На неравномерность капиталистического развития, т. е. особенно быстрое насаждение капиталистической системы производства, своевременно указал т. Ленин в своем классическом труде — «Развитие капитализма в России». Ленин писал: **Развитие капитализма в**

молодых странах значительно ускоряется (курсив Ленина) примером и помощью старых стран; иначе, как скачками, капиталистическое развитие вообще не может итти» [1]). В «Империализме, как новейшем этапе капитализма», Ленин писал: **«Быстрее всего растет капитализм в колониях и в заокеанских странах».** Дальше: «Финансовый капитал и тресты не ослабевают, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства» [2]). Этот закон известен также Каутскому, который несмотря на знание этого закона не делает отсюда соответствующих логических выводов. В «Путях к власти» Каутский отмечал: Эпоха империализма характеризуется вывозом, как финансового, так и промышленного капитала. Благодаря этому «в странах неевропейской цивилизации были положены начала крупной капиталистической промышленности и быстро уничтожены отжившие хозяйственные отношения. Вместе с европейской промышленностью развитие духа, у варварских до тех пор народов, внезапно поднялось до европейской высоты». В «Русской фабрике» Туган-Барановский, считает этот закон основным правилом развития современного капитализма. «Вообще можно признать, что в малокультурных странах перенесение или насаждение новых отраслей промышленности возможно только в форме крупного производства. Не мог же Петр устраивать для кустарей технические школы, промышленные музеи и т. д. Сколько лет ему пришлось бы ожидать возникновения новых производств в России?» [3])

Быстрое, скачкообоаразное развитие отставших стран обыкновенно производится как империалистическим капиталом, так и просредством искусственных мероприятий самого государства. Во всех отсталых странах мы имеем эти два фактора экономической жизни. Страны, в которых развитие экономической жизни происходило по классическим формам капитализма (прим. Англия), являются странами полного господства частных предпринимателей. **В странах отставших, или позже вступивших на путь капиталистического способа производства, мы имеем сильно выраженное участие самого государства в хозяйственной жизни страны.** В этих странах государственная власть сама вынуждена ускорить процесс капиталистического развития страны и в тоже время выступать в качестве крупнейшего производителя. Именно этим и об'ясняется, что в Англии и Франции государственное капиталистическое хозяйство было развито слабее, чем, например, в Германии и России, хотя экономическое преуспеяние первых стран стояло на более высокой ступени. Вместе с тем Россия имела в это время теснейшие отношения с западно-европейскими странами, и некоторые рфомы в политической и экономической жизни страны являлись необходимыми для существования самодержавной власти. В «Русской фабрике» Туган-Барановский писал: «не подлежит сомнению, что крупное производство возникло в России под непосредственным влиянием правительства. До Петра у нас почти не существовало крупных промышленных предприятий, а после него насчитывалось уже 233 казенных и частных фабрик и заводов». В «Богатстве народов» А. Смит предостерегал государства от вмеша-

[1]) Ленин — «Развитие капитализма в России», стр. 386.
[2]) Ленин — «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 93-94.
[3]) Туган. Барановский — «Русская фабрика», стр. 22.

тельства в хозяйственную жизнь. По Смиту хозяйственная деятельность присуща преимущественно частным лицам. «Не может быть особенно велико то государство, верховный представитель которого имеет досуг заниматься делом виноторговца или аптекаря. Я думаю, — утверждал Смит, — почта единственное торговое предприятие, которое велось с успехом всяким правительством». В России, как и во всех отсталых странах, смитовское начало чистого управления страной потеряло всякий смысл. В этом случае давно не существовала бы система национальных государств, ибо Англия своей экономической силой могла уничтожить зародыши новых и слабых национальных государств. Государства были вынуждены взяться за дела, как аптекарские и виноторговые, так и вообще за хозяйственные. Но непосредственные, ближайшие цели государства все же всегда являются целями самоохранения, обороны, защиты страны. В 5-ой книге Смит правильно указал: «Если внимательно проследить за великими преобразованиями, сделанными в России Петром Великим, то можно заметить, что они направлены были к учреждению регулярной армии». [1]) Железо-делательные и суконные фабрики XVIII века устраивались преимущественно в целях государственных и обслуживали потребности армии. В эпоху Петра Великого вооружение для армии выписывалось из заграницы. «Еще петровская пехота, — говорит М. Покровский, — была вооружена в 1700 году льежскими и мастрихтскими ружьями. Сабельных клинков делали (в 1763 г.) немного и они совсем плохи». Правительство не могло не видеть, что оно не может построить безопасность своего государства, находясь в постоянной зависимости от иностранного производства военных материалов. Чувство недоверия обуревало петровское правительство не только по отношению к иностранным заводам, но также и по отношению тех лиц иностранного происхождения, которые вкладывали свои капиталы в дела в самой России». Петр был убежден, — передает Покровский, — в злокозненности иностранцев, которые «фабрикам нашим сильно завидуют» всеми способами стараются их уничтожить подкупами». [2])

Концессия, данная голландцу Винниусу на железо-делательный завод в 1732 г., вполне оправдывала опасения правительства. Предприятие впоследствии перешло в руки датчанина Марселина, который, однако, производил «плохие пушки и хорошие сковороды». Единственным выходом из создавшегося положения являлось насаждение отечественной промышленности. Послепетровская эпоха и характеризуется грюндерством отечественных фабрик и заводов. «Русский капиализм, — утверждает Покровский, — родился из царских монополий. Царь был первым торговцем и первым промышленником в своем государстве». [2])

Мировое экономические условия и производственные и социальные отношения в России определяли развитие всей ее экономической жизни. Туган-Барановский передавал, что «из числа фабрик и заводов, возникших при Петре, были и очень крупные. Казенные горные заводы в особенности отличались огромными размерами. Об этом можно судить потому, что к девяти пермским заводам было при-

---

[1]) А. Смит — «Богатство народов», т. III, кн. 5., стр. 27.

[2]) Покровский — «Русская история т. III, кн. 5, стр. 126

писано 25.000 крестьян мужского пола. На Сестрорецком оружейном заводе работало 683 человека. К казенному оружейному заводу в Туле было приписано 508 крестьянских дворов. На парусной фабрике в Москве было 1162 рабочих. Большинство фабрик к заводов этого времени принадлежало русскими. Большая часть фабрикантов петровской эпохи были людьми чисто русскими и принадлежали в торговому сословию», — говорит Ту г а н.

Можно ли считать эти фабрики и заводы подлинным изображением наступления капитализма в России? Как в эпоху Петра, так и в эпоху Екатерины процесс разложения феодального хозяйства еще не закончен. Российские феодалы располагающие крупными поместиями, не только не утратили после Петра своего политического влияния, но, наоборот, в екатерининскую эпоху условия жизни рабочих на фабриках и заводах мало отличались от условий жизни римских рабов. Владельцами фабрик и заводов были преимущественно сами же помещики, так что крупное землевладение с одной стороны и промышленные предприятия с другой не только не ослабляли позиции феодальной аристократии, а наоборот, увеличивали и делали их крупнейшими факторами государственной власти. «В ведомостях Мануфактур-Коллегии, — гов. Т у г а н, — за 1773 г. приведено 328 фабрик, в числе их дворянам принадлежало 66, иностранцам 46 фабрик. Но одна общая цифра дворянских фабрик говорить очень мало. Дворянские фабрики были очень крупными, и в общей сумме фабричных оборотов участие дворянских фабрик выражается в более значительной цифре. Переход фабрик от купечества к дворянству еще усилился в последней четверти XVIII века. В важнейшей отрасли фабричной промышленности того времени — суконной — число дворянских фабрик так возросло, что к началулу XIX века значительно большая часть суконных фабрик очутилась в руках дворянства. По крайней мере, в числе 98 суконных фабрикантов, которые поставляли сукно в казну в 1809 г., мы встречаем только 12 купцов, 19 фабрик принадлежали титулованному дворянству, 55 — нетитулованным дворянам, остальные иностранцам и разночинцам». Т у г а н утверждал: «Правительство пыталось создать капиталистическую фабрику, но, силой вещей, создалась крепостная фабрика» [1]).

Тоже самое приходится констатировать Покровскому: «Это был первый случай приспособления феодолизма к капитализму в России. Петровская реформа представляет собой первый опыт прививки русскому феодолизму западной техники» [2]).

Английская революция 1648 года и Великая Французская революция 1789 создавали надлежащие условия развития труда, тогда как вотчинная и поссесионные фабрики, основанные фактически на рабском труде, делали невозможным развитие производительных сил русского общества. Экономическое усиление дворянства, комбинированное сочетание фабрики и земли на основе подневольного труда задерживало общий темп развития капиталистических отношений России. Мы имеем здесь не технический протресс в производстве и переход от крупной фабрики к крупнейшей, а, наоборот, разложение фабрики, процесс ее деконцентрации. Создались самые благоприятные условия для кустар-

---

[1]) Туган Барановский — «Русская фабрика», стр. 73.
[2]) Покровский — «Русския история т. III, кн. 5, стр. 133.

ного производства, и труд кустаря вытеснял труд фабричного «рабочего». Развитие капитализма задерживалось, дворянская фабрика являлась препоной новому строю.

Первые десятилетия XIX века являются для рабочего класса самыми мрачными. Тяжелая и упорная борьба рабочих за свое освобождение, довольно красочно описанная в «Русской фабрике», ярко характеризует этот период. Бегство рабочих с крепостных фабрик, борьба за повышение заработной платы, за свободу, за право заполняет всю историю этой эпохи. Дворянство могло помешать общественному развитию, но оно было бессильно приостановить экономические силы истории. Наряду с внутренними силами, постепенно разрушающими крепостные отношения, на Россию оказывали огромное влияние и силы внешние, с которыми она приходила во все большее и большее соприкосновение. Падение производительности труда внутри страны открывало широкие возможности товарам заграничного происхождения. К этому времени центр торговой тяжести из Архангельска уже был перемещен в Петербург, Нарву, Ригу, Ревель, Выборг. Ничто не могло помешать движению населения, которое постепенно все больше и больше выходило из деревень на отхожие промысла. В конце XVIII века 20% всего муского населения Ярославской губернии уходило на внедеревенские заработки, а в 1799 г. 49 тыс. чел. уходило из сел Московской губернии, — в 1803 г. — 53 тыс. По Т у г а н у в 1804 году на фабриках вольнонаемных рабочих было уже 48%, а в 1825 году больше половины — 54½. Сами помещики-фабриканты приходили к сознанию, что вольнонаемные рабочие выгоднее, чем крепостные. Поссесионная фабрика с призрачным наемным трудом была переходным приодом к раскрепощнию труда. Вся первая половина XIX столетия является эпохой постепенного падения крепостного права, завершенного только лишь в 1861 году. Ни в экономическом, ни в политическом отношении самодержавное правительство, точно также, как и брачный союз помещичьего и фабричного владений, не могли задушить или приостановить общего хода развития экономической жизни. Величашую выгоду от железной дороги Англия могла использовать только с 1829 года, когда первый локомотив системы «Ракета» был пущен в ход, Франция перешла на новый транспорт с 1832 г. Россия не могла (при всем своем страхе пред пассажирским движением) оставаться безучастной к этому величайшему делу экономики веей страны и очень быстро приступила к постройке железных дорог. Первая железная дорога была проведена в России в 1836 году. Первая телеграфная линия проводится в Америке в 1844 году, во Франции — в 1845 г., а в России — в 1855 г.

В силу ряда обстоятельств Россия не могла быть пионером в проложении новых путей в промышленности и торговле, технике и науке. Она была вынуждена слепо следовать развитию экономичской жизни Европы и ломать социальные перегородки, мешающие этому развитию. Эпоха Никалая I-го, самая гнусная эпоха во всей истории самодержавия, всеми своими жандармскими мероприятиями мешала росту народного хозяйства. В деле помехи развитию экономических сил николаевское самодержавие действительно занимало первое место в Европе, пока оно всеми обстоятельствами истории не было принуждено к некоторому изменению курса экономической политики. До перехода западно-европейских государств на паровую силу и механическое производство,

Россия своим крепостным трудом легко могла конкурировать с ними. В конце XVIII столетия Англия производила приблизительно столько же чугуна, сколько Россия, а из общего русского вывоза товаров по европейской границе (26,0 млн. руб.) в 1792 г. обработанные и полуобработанные изделия, а также железо, полотно, холст занимали 14,1 млн. руб. т. е. 54,2%. Но технический прогресс Англии и Франции, основанный на ликвидированном французской революцией феодализме и свободнонаемном труде, делал заграницей громадные успехи, тогда как правительство Александра I-го и Николая I-го в каждой машине видело крамолу и символ революции. Ввоз машин, этих единственных средств к поднятию экономической мощи населения, был запрещен вплоть до 1842 года. Только этими жандармско-крепостническими мероприятиями об'ясняется безпомощное состояние русской промышленности в первой половине XIX века. За первое пятидесятилетие прошлого столетия выплавка чугуна в России едва ли могла удвоиться и достигнуть с 8 млн. пуд. — 16 млн. пудов, тогда как приблизительно за это же время английское производство чугуна с 8 млн. пудов дошло в 1859 году до 234 млн. пуд., т. е. выплавка чугуна увеличилась почти-что в 30 раз. Т у г а н говорит: «Еще в 30-х годах Россия выплавила около 12% общей мировой добычи чугуна (90 млн. пуд.) и стояла впереди Бельгии, Пруссии, Соединенных Штатов. В 1859 году на долю России приходилось лишь около 4% мировой выплавки чугуна (460 млн. пуд.»). Об этой важнейшей отрасли капиталистической промышленности лучшие сведения дает нам Л е н и н. В 20 годах XIX века, — говорит Л е н и н, — Россия получала (выплавляла) чугуна в 1½ раза больше Франции, в 4½ раза более Пруссии, в 3 раза более Бельгии». [1]) В дальнейшем производство этого материала падает. Это падение об'ясняется Л е н и н ы м следующим образом: **«То же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма».** (Курсив наш — Т. Гл.). Эпоху первого пятидесятилетия прошлого века русские экономисты времен 70—80 г., не успевшие еще ознакомиться с бурным промышленным под'емом России в пореформенное время, поняли совершенно превратно, создавши целую теорию специфического развития русской культуры и невозможности развития у нас капитализма. Докатившись до славянофильства в обожествлении этого специфизма, русская общественная мысль внедряла в сознании широких слоев народа мысль, что капитализма в России нет. Очень многие впоследствии не могли освободиться от взгляда на Россию, как на варварскую страну. Даже автор «Наших разногласий», удачно критикующий основные положения русских народников, не был свободен от этих взглядов. Л е н и н прекрасно видел динамику этой эпохи и на примере железной промышленности выявил ее. «Развитие железной промышленности шло на Урале очень медленно, — говорил Л е н и н — В 1718 году Россия добывала чугуна около 6,5 млн. пудов- в 1767 году — около 9,5 млн. пудов, в 1806 — 12 млн. пуд., в 30-х г.гз — 9-11 млн. пуд., в 40-х г.г. 11—13 млн. пуд., в 50-х г.г. 12—16 млн. пуд., в 60-х гг. 13—18 млн. пуд., в 1867 г. 17,5 млн. пуд. За сто лет производство не успело удвоиться, и Россия оказалась далеко позади других европей-

---

[1]) Ленин — «Развитие кап. в России», стр. 381.

ских стран, в которых крупная машина и индустрия вызвала гигантское развитие металлургии. Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, и основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве». Движение цен на железные изделия в эту эпоху делеат совершенно ясным технический переворот, происшедший в экономике. «Пуд железа в Петербурге в 1824—26 г.г. стоил 1 р. 26 коп. сер., в 1848 г. — 1 р. 27 коп., В Англии в это время цена железа понизилась на 60% (Туган). Неудивительно, что, наряду с падением вывоза чугуна, падал и вывоз железа. Из России заграницу вывозили железа:

В 1760 г.	—	820 т. п.
„ 1795 „	—	2966 „ „
„ 1851 „	—	747 „ „

Мы приводим ниже разработанные Туганом материалы по внешней торговле конца XVIII столетия. Сопоставим сейчас аналогичные сведения конца 50-х годов, чтобы иметь точную картину развития и состояния экономики России в первой половине прошлого века.

Вывезено по европейской границе в милиионных рублей:

	Всего на	В том числе обраб. и полуобработ. изд.	В числе их железа.	Полотна и холста.
В 1792 г.	26,0	8,4	3,3	2,4
„ 1850 „	80,8	7,4	0,8	1,4

Эта краткая Тугановская табличка в высшей степени точно передает весь смысл процесса русской экономической жизни в первой половине XIX столетия. При весьма медленном росте общего экспорта, вывоз фабрикатов не только не поднимался, но, наоборот, они составляли в 1850 г. 11,8%, тогда как в 1792 году они занимали 53,4%.

В легкой промышленности усовершенствованная техника не могла себя так быстро проявить, как в тяжелой. В хлопчато-бумажной промышленности, даже в эпоху беспросветного режима Николая I-го, мы мы имеем иную картину.

Чрезвычайно низкий уровень заработной платы на фабриках при довольно большой оплате труда русских ткачей-кустарей создавали конкурренцию машинам, кои еще требовали больших изменений и усовершенствований. Поэтому, процесс отставания русской хлопчато-бумажной промышленности являлся процессом более длительным. Кроме того, обнищание крестьянских масс во всю эпоху после Петра шло быстрым темпом, и дешевые продукты легкой хлопчато-бумажной промышленности имели исключительно благоприятные рынки сбыта. Всеми этими обстоятельствами об'ясняется тот факт, что в эпоху первого пятидесятилетия мы имеем показатели развития этой отрасли труда. Ввоз хлопка-сырца в 1812 году определялся в 500 т. пудов, в 1825 г. — в 700 тыс. пуд., в 1840 — в 820 тыс. пуд., а в 1850 г. — в 1.200 тыс. пуд. «О развитии в России бумагопрядильного производства можно судить потому, — гов. Туган, — что к началу 50 годов Россия занимала по числу прядильных веретен (1.100 тысяч) пятое место и уступала только Англии (20.977 тысяч), Франции (4.200 тыс.), Соединенным Штатам (2.500 тысяч) и Австрии (1.400 тысяч), и стояла впереди Германии». Медленно росли и общие фабричные предприятия. В 1815 году мы имели 4.189 фабрик с числом рабочих 172,8 тысяч, в 1825 г. фабрик было 5266

и 210,6 тыс. рабочих, в 1840 г. фабрик — 6.863, рабочих — 435,8 тыс., а в 1856 г. фабрик — 11.556 и рабочих 518,7 тысяч.

В конце XVIII столетия, точно также и в первой половине XIX столетия Россия являлась одним из крупнейших политических государств мира. В экономической жизни она безусловно занимала одно из передовых мест, а в политических событиях Европы Россия играла крупнейшую роль, зачастую определяя колебания европейской политической жизни. Оспаривая основные моменты конструкции российского государства, данные Ключевским, мы можем согласиться с ним в том, что Россия в короткий исторический период сконструировалась как могущественное и централизованное государство. Вторую часть своего «Курса русской истории» В. Ключевский заключает так: «Западная Европа, освободившись от магометанского напора обратилась за океан, в Новый Свет, где нашла широкое и благородное поприще для своего труда и ума, эксплоатируя его нетронутые богатства. Повернувшись лицом на Запад, к своим колониальным богатствам, к своей корице и гвоздике — эта Европа чувствовала, что сзади со стороны ураловалтайского востока ей ничего не угрожает и плохо замечала, что там идет упорная борьба, что, переменив две главные боевые квартиры на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы, и что здесь в XVI веке образовался центр государств, которые, наконец, перешли от обороны к нападанию на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. [1]) Другой труд проф. Ключевского—«Сказания иностранцев о Московском государстве»—дает нам некоторое основание не соглашаться с историком в том, что московское государство росло для европейцев «плохо заметно». Это совсем не так. Россия быстро стала собирать девственные земли вокруг себя и вырастала, как сильнейшая политическая и экономическая держава, находящаяся в постоянной торговопромышленной связи с Европой. С XVII и в особенности с XVIII столетия расширение и политическая консолидация России шли быстрым темпом. Преобразованная петровская армия являлась сильнейшим кулаком в деле порабощения ряда «земель». Расходуя две трети всего государственного дохода на военное дело и имея свыше 250 тысяч человек постоянного войска, петровская Русь действительно открывала блестящие военные перспективы. Со времени Андрусовского перемирия в 1667 году Россия имела двух явных врагов, на Востоке — Турцию, а на Западе — Швецию. Важно отметить, что в это время Россия постепенно продвигается на Западе, все больше и больше делаясь в территориальном отношении страной Запада. В эпоху Екатерины Россия получает лучшие части Польши с 6 миллионным населением и завоевывает Крымский полуостров. По Фридрихсгамскому миру в 1809 году к России присоединена Финляндия, а Бухарестским миром в 1812 году — Бессарабия. Помимо этого Россия оказывает влияние на судьбы европейских владений Турции, а также на судьбы Греции, Сербии, Валахии, Молдавии и пр. На Востоке продвижение России идет быстрыми шагами. В завоевании всего Кавказа решающее значеение сыграла Грузия, присоединившаяся к России в 1783 и 1801 г.г. В след за Грузией идут Имеретия, Мингрелия, Гурия (1804 и 1810 г.г.), а в 1795

[1]) Ключевский — «Курс Русской истории», стр. 516.

году, в 1813 году, в 1828, в 1859, в 1864, в 1878 были заняты Дербент и ряд персидских ханств, Ахалцых, Карс, Батум и пр.

На Востоке расширение России происходит таким же образом. В 1865 г. ген. Черняев занимает Ташкент, Кокандское ханство присоединяется к России в 1876 году. Бухарский эмир теряет в 1868 г. Самарканд, в 1873 г. ген. Кауфман занимает Хиву, в 1884 году границы России достигают Афганистана, а с 1858 г. айгунским договором Россия занимает область Амурии и присоединяет к левому берегу Амура весь его правый берег и, т. образом, достигает Кореи. [1])

Наступительное шествие России в XVIII столетии не может быть об'яснено исключительно силой постоянного войска. Экономичеекое превосходство над окружающим ее миром давало ей возможность побед. Эти экономические процессы внутри страны постепенно разрушали исторически сложившийся феодальный строй и тянули страну к социальным преобразованиям, исходом коих единственно могло быть установление буржуазного правопорядка.

Великая французская революция несомненно оказывала громадное влияние на социальный уклад всего европейского континента, включая сюда и Россию. Величайшее значение имело для облегчения экономических отношений страны снятие внутренних таможенных перегородок, — системы, аналогичной французскому «октруа». Внутренние таможенные сборы отменяются в России в 1753 г. Но свобода экономических отношений имеет свое историческое значение при свободе людских отношений, при свободе миграции населения, при свободе труда и производства продуктов для рынка. Т. е. товарное хозяйство являлось действительной основой подлинной свободы внутренних экономических отношений. Крепостное право, неограниченная власть помещиков-дворян над личностью и трудом крестьянина превращала в фикцию знаменательный акт 1753 года. 1789 год покончил с крепостным правом Франции, оно было формально отменено в Австрии в 1782 году, в Германии — в 1807 году, а в России при Екатерине II-ой о крепостном праве был первый раз поставлен вопрос в 1797 году. Несмотря на эти законодательные акты, подлинное уничтожение крепостного права в Европе (кроме Франции и Англии) относится к 40—50 годам прошлого века, а в России к 60 г.г.

Мы знаем, что французская рационалистическая философия имела известное влияние на екатеринскую эпоху, но в общем и целом эпоха Екатерины была периодом чрезвычайного усиления прав дворянства и угнетения широких масс крестьянства. Несмотря на это, дух нового экономического порядка не мог не проникнуть в двери екатерининских и александровских дворцов и не заложить основ новых буржуазных отношений. Нельзя не отметить законодательного акта 12-го Декабря 1801 года, первого закона в России, по которому право свободного распоряжения земельной собственностью было предоставлено так называемому четвертому сословию. Не менее важное значение имело положение 1803 г., допускающее с согласия помещика освобождение крестьян целыми селениями. В 1816 г. отменяется купля-продажа крестьян, право, еще в 1747 г. закрепленное за дворянством.

---

[1]) Материалы у Покровского — «Дипломатия и войны царской России в XIX в.», Ключевский — Кр. обзор русской истории, Дебидур — Политическая история XIX в.».

Мы видели, что попытка скомбинировать развитие промышленности с феодальным хозяйством не удалась российским самодержцам. Эта попытка привела Россию только лишь к культурно-экономическому упадку. Нечто подобное происходило и в социальной жизни. Самодержавие попыталось на общем фоне укрепления феодальных прав дворянства дать некоторые права и прочим слоям населения, но и эта попытка окончилась крахом. К 1840 году «свободных» крестьян исчислялось не более 1-го процента общей крестьянской массы.

Прекрасным политическим примером банкротства всей системы самодержавия безусловно являлась крымкая война 1853—55 г.г. Первый раз во всей истории Россия встретилась с коалиционной силой Европы. В это время Россия, несмотря на всю свою материальную и техническую слабость, являлась для всей Европы известным страшилищем. Европа совершенно не могла примириться с Ункиар-Скелесским договором 1833 года, предоставлявшим только русским военным судам свободный проход через Босфор и Дарданеллы, она не могла хладнокровно смотреть на огромное влияние России на Балканский полуостров, и с поразительным единодушием все главные государства Европы стали защищать Турцию от России. В это время не только Вена, но и Берлин изменили России. Крымская война интересна тем, что она воочию обнаружила загнивание русской экономики и ее отсталость перед техникой Франции и Англии. Корреспондент Николая I-го, Погодин был прав, когда писал: «Нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении, не следить за ее изобретениями, открытиями физическими, химическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрия и Пруссия могут в день примчать свои войска к границам Польши, то нельзя нам волочиться туда два месяца. Если их штуцера берут на две тысячи шагов, то нельзя довольствоваться нам тульскими ружьями и надеяться на один штык, который и не доходит теперь до своего места назначения. Если их конические пули уходят глубже в тело и производят смертельную рану, то нельзя нам стрелять прежним горохом». [1]) Эти критические замечания императорского публициста прекрасно характеризуют все состояние Николаевской России. Как раньше было ясно даже для самых дворян, что вольнонаемный труд продуктивнее и полезнее подневольного, точно также и теперь становилось понятным, что в условиях подгнившего феодализма Россия, как европейское государство, существовать не может. Но как в первом случае, так и во втором, дворянское русское правительство могло только профанировать необходимые стране реформы и задерживать развитие производительных сил. Крымская война обнаружила для всех полное политико-экономическое банкротство России. Внутренние силы страны давно уже прорывались наружу и волнения, как рабочих, так и крестьян открывали новый фронт классовой борьбы, что создавало совершенно новые условия развития творческих сил населения. В это время в товарообороте страны произошли большие изменения. Вывоз хлеба, требующий для себя исключительно налаженного и дешевого транспорта, занимал в общем вывозе товаров исключительно большое место. Более 80% вывозной торговли по европейской границе занимал хлеб. В 1800 году Россия вывозила хлеба на сумму около 4-х млн. руб., тогда как к 1850 г.

---

[1]) Покровский — «Дипломатия и войны», стр. 178.

эта цифра возрасла более чем в восемнадцать раз. Вне всякого сомнения, транспорт должен был притти на помощь экономической действительности. Первая железная дорога стала функционировать в России в 1836 г., а к 1850 г. — протяжение всей линии железных дорог не превышало 468 верст. Чрезвычайно быстрый рост в последующие годы нашего железно-дорожного строительства в большой степени диктуется экономическими потребностями страны. Группа первых железнодорожных разветвлений тянется к портам Балтийского моря с центрами в Ревеле, Риге, Либаве; черноморское направление идет по маршруту — Одесса, Николаев, Севастополь, Поти и т. д. Лихорадочное железно-дорожное строительство создает обширный рынок для тяжелой индустрии. Подозрительная смерть Николая I-го, катастрофа всей крымской кампании ясно определили общий фон русской жизни. Реформа 1861 года была исторической необходимостью. Падение крепостного права, происшедшее для крестьян в самых тяжелых формах, все же создавало России об'ективные условия быстрого под'ема всей экономической и культурной жизни. Вторая половина XIX столетия для экономической жизни России является периодом ее быстрого развития. Лишь жандармским условиям самодержавия нужно приписать то, что Россия не могла занять во всем мировом концерте соответствующего ей места. Огромные потенциальные возможности России, необ'ятные рынки создавали исключительно благоприятные условия для превращения России в первоклассную мировую державу. Несмотря на тяжелый самодержавный режим, она все таки делала большие успехи, хотя эти успехи вовсе не соответствовали ее потенциальной энергии.

Для характеристики общего размаха развития экономической жизни России мы обратимся к наиважнейшим отраслям промышленности. Возьмем юг, этот очаг и родину русской тяжелой индустрии. «В развитии капитализма» Л е н и н писал: «Насколько Урал стар и господствующие на Урале порядки освящены веками, настолько юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия не знает ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В Южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки труда перевозятся из Америки целые заводы». [1]) На следующей странице этого замечательного труда Л е н и н дает картину исторического размаха тяжелой промышленности. В 1867 году на юге было выплавлено 56 тысяч пудов чугуна, в 1887 — 4, 159 тыс., в 1902 г. — 84, 273 т. п. Во всей России выплавка чугуна с 17,0 млн. пуд. в 1867 г. — достигла в 1902 году 158,6 млн. пуд. «Теперь мы видим, — писал Л е н и н, — что развитие горной промышленности в России идет быстрее, чем в Западной Европе, отчасти даже быстрее чем в Северной Америке. За 10 последних лет (1886—96 г.г.) выплавка чугуна в России утроилась, тогда как Франции понадобилось на это 28 лет (1852—80 г.г.), С. Штатам — 23 года (1845—68 г.г.) Англии — 22 (1824—46 г.г.) Германии — 12 (1858—71 г.г.)». Финн-Енотаевский пишет: «В 1890 г. Россия занимала 6-е место по выплавке чугуна, в конце этого десятилетия она занимала 4-е место, обогнав Австро-Венгрию и Францию; по производ-

[1]) Ленин — «Развитие капитализма», стр. 384.

ству железа и стали она также заняла 4-е место, обогнав кроме того и Бельгию. В то время, как Франция увеличила свою выплавку чугуна за 1890—1900 г.г. на 58%, Великобритания на 13%, Соединенные Штаты на 76%, Германия на 61%, в России оно возросло за это время на 142%. Сравнительный рост этой промышленности у нас значительно превышал таковой, как всего мирового производства, так и каждой из остальных капиталистических стран в отдельности».[1]) Аналогичную картину мы имеем и в отношении прочих основных отраслей промышленности. Ленин дает сведения о добыче угля и нефти: Каменного угля было добыто в 1867 г. 26,7 млн. пудов, в 1887 — 276,8 млн. пудов, а в 1902 г. — 1.005,2 млн. пудов; в 1865 году нефти было добыто 557 тыс. пуд. в 1870 г. — 1,7 млн. пудов, в 1880 г. — 21,5 млн. пудов, в 1890 г. — 242,9 млн. пудов, а в 1902 г. 637,7 млн. пудов. «Данные о развитии горной промышленности представляют особенную важность, — писал Ленин, — они особенно наглядно показывают сущность той смены общественно-экономических отношений, которая происходит во всех областях народного хозяйства». Здесь мы имеем, — характеризовал Ленин, — полный разрыв со всякой традицией, технический переворот «и быстрый рост чисто капиталистической машинной индустрии».[2])

Проф. В. В. Святловский в своем «Практическом справочнике» дает нам некоторые сведения о различных видах труда. Дадим маленькую табличку рисующую положение фабричных предприятий:

В 1866 г.	насчитывали	644	фабрики с	231,7 тыс. раб.
„ 1879 „	„	1229	„ „	496,4 „ „
„ 1890 „	„	1421	„ „	599,2 „ „
„ 1894 „	„	1468	„ „	655,7 „ „
„ 1902 „	„	2366	„ „	1258,6 „ „

Конечно, эти фабрики не имеют ничего общего с фабриками первого десятилетия XIX века. Фабрики настоящего времени являются продуктами последнего слова техники, крупнейшими производственными предприятиями. В отношении размера предпрятий Россия занимала одно из самых первых мест в мире. Проф. Святловский пишет: «В XX веке началась усиленная концентрация русской капиталистической промышленности. Количество предприятий гигантов, с числом рабочих свыше 1.000 человек возросло. В среднем на одно промышленное предприятие гигантского размера приходилось перед войной 2.445 человек — более, чем в самых развитых промышленных странах, Соединенных Штатах и Германии». Аналогичную картину мы получим и по другим справкам. По сведениям Погожева, приведенным Финн-Енотаевским, было основано фабрично-ремесленных заведений.

Время основ.	Число пред.	В %% к общему числу.
До 1861 г.	2.177	15,1
В 1861—1870 г.г.	1.285	8,9
„ 1871—1880 „	2.100	14,5
„ 1881—1890 „	3.036	21,0
„ 1891—1900 „	5.788	40,0

В 1894 году разрешено было акционерных обществ 63, в 1895 г. — 94, а в следующем пятилетии — 1896—1900 г. — 970 с основным капиталом в 1.234,1 млн. руб. По линии железно-дорожного строительства в первом шестилетии 1892—97 г.г. было пущено в эксплоатацию 8.270

[1]) Финн Енотаевский — «Капитализм в России», т. 1, стр. 78-79.
[2]) Ленин — «Развитие капитализма в России», стр. 389.

верст, во второе шестилетие 1898—1903 г.г. — 10.875 верст, при чем в шестилетие 1894—1899 г.г. было израсходовано 1.273 рублей на постройку ж. д. и подвижного состава.

Чрезвычайно обширный и быстрый размах грюндерства и развитие экономической жизни России этого исторического периода можно лишь сравнить с размахами двух или трех крупнейших государств. Как по своим пространственным условиям, так и по об'ективным условиям своей экономики Россия заняла в концерте мировых держав одно из первых мест и была увлекаема течениями, характерными для всех мировых государств. В империалистической политике мира и в деле дележа территорий и населений, Россия также стала придерживаться своей собственной политики, и, как и прочие государства, она также готовилась к мировому владычеству. Россия шла за Англией, Германией, Соединенными Штатами. Паркер Т о м а с М у н в своем «Империализме и мировой политике» пишет: «К концу XIX столетия в России, хотя и оставшейся по преимуществу сельско-хозяйственной страной, возникла крупная промышленность, появился класс капиталистов, и среди правящих классов приобрели популярность такие же доктрины империализма, какие господствовали в Западной Европе». Мы можем только лишь усилить муновское положение. Россия не только усваивала империалистические доктрины, но и была типичной империалистической страной, душившей, в первую очередь, свои многочисленные народы и угнетающей национальности, находящиеся за белой чертой Российской Империи. После того, как в XV веке турки прогнали византийцев из Константинополя и европейцам был закрыт ближайший и удобнейший для того времени проход в Азию, европейцы только лишь в 70-х годах устроили себе подходящий путь на Восток через Суэц, а американцы открыли себе эту дорогу только лишь в 1914 году, подняв торговый флаг в Панаме. Грандиознейшим затеям Англии, Америки и Германии (дорога на Багдад) Россия ответила еще более грандиозной мерой, построив для связи с Дальним Востоком Великий Сибирский путь. Одна из величайших дорог в мире — она имеет 8.300 верстное протяжение — обошлась больше, чем Панамский и Суэцкие каналы взятые вместе и соединила Петербург с Великим Океаном. Ответвление этой дороги по маршруту Харбин-Мукден—Порт-Артур воочию показало всем, что А л е к с а н д р III и В и т т е не из за прекрасных глаз китаянок выбрасывали сотни миллионов золотых рублей.

В нашей истории мы имеем ряд примеров наивного отношения к русскому капитализму. Когда русский капитализм был в зачаточном состоянии, то говорили, что Россия минует вообще капиталистический строй, после гакстгаузеновского «открытия» русской общины продолжали утверждать, что формы русского капитализма примут своеобразныц характер; когда же находились в империалистическом периоде русского капитализма, утверждали, что русский капитализм слаб, неразвит, что русская экономика не способна воспринять высшие формы лучшей системы хозяйства и что не следует трогать основные пружины капитализма. В действительности же Россия всеми своими корнями и формами переплетена с мировым капиталистическим хозяйством и не только следует за друг. государствами в торжественном капиталистическом шествии, но является одной из активнейших участниц этого шествия. По-

лагаю, что следующая таблица даст некоторое представление «о бедном» русском капитализме. Ко времени мировой войны Россия занимала:

	В Европе:	В Мире:
По сбору пшеницы	1-е место	1-е место
„ „ ржи	1 „	1 „
„ „ ячменя	1 „	1 „
„ „ овса	1 „	1 „
„ „ льна	1 „	1 „
„ „ с. свеклы	1 „	1 „
„ „ доб. нефти	1 „	2 „
„ „ „ золота	2 „	4 „
„ „ „ платины	1 „	1 „
„ „ „ марганца	1 „	1 „
„ „ „ меди	2 „	8 „
„ „ „ угля	3 „	4 „
„ „ „ стали	3 „	4 „
„ „ „ чугуна	3 „	4 „
„ „ „ жел. руды	5 „	6 „
„ произв. машиностр.	3 „	4 „
„ потреб. хлопка	2 „	3 „
„ колич. веретен	3 „	4 „
„ длине жел. дор.	1 „	2 „
„ судооборот. порт.	2 „	3 „

Эти общие основные данные крупнейших отраслей промышленности и сельского хозяйства нам показывают, что к моменту мировой войны (в 1913 г.) Россия экономически играла мировую роль и минуя Россию нельзя было разрешать ни одну мировую проблему. На европейском континенте Россия была в полном смысле слова европейским государством по всем политическим и экономичеким связям, которыми она была связана с жизнью европейских государств. Обратите внимание на торговый оборот России. В 1913 году Россия экспортировала товаров на 1.520 млн. рублей, из коих только в Германию, Великобританию, Голландию, Францию, Австро-Венгрию и Италию вывезено было на 1.133 млн. руб., т. е. 74,6%. В это же время было ввезено в Россию на 1.374 млн. руб., при чем из только что указанных государств было вывезено на 1.039 млн. рублей, т. е. 75,5%. Эти цифры показывают, что Россия, как одна из самых величайших стран мира, всеми своими естественными и промышленными рессурсами целиком и в полной мере была связана со всем хозяйством Европы и была органической, составной частью всего европейского хозяйства. Таким образом, русский вопрос для Европы был таким же вопросом, какими являлись вопросы немецкий, французский, английский и т. д. При разрешении ряда важнейших вопросов мы настаиваем на таком понимании истории, а также на тех логических выводах, которые следуют из него.

Из общего обозора экономического развития России за столетие, я думаю, мы довольно ясно видим, что Россия вышла из состояния натурального хозяйства и превратилась в страну подлинного капиталистического способа производства. Общий ход экономического развития России всецело соответствует тому ходу вещей, которые были набросаны Марксом и Энгельсом, т. е. развитие России происходило неравномерно, скачкообразно, без прохождения всех ступеней, кои были свойственны капитализму в странах его естественного оформления. Самый бурный темп развития русского капитализма мы имеем, как в большей части Европы, в пореформенную эпоху, в особенности в последние три десятилетия XIX столетия. Если мы расшифруем и пока-

жем разрез русской экономической жизни, то сразу будут видны те формы капиталистического развития, которые были предусмотрены теоретиками марксизма, производившими анализ развития капитализма в странах молодых или отставших от тех стран, в которых развитие капитализма происходило по классическим формам первоначального развития капитализма: т. е., развитие русской экономики происходило через посредство перенесения, как денежных, так и промышленных капиталов и самых предприятий, орудий производства, новейших методов производства и т. д. на русскую почву. Вот почему мы имеем в России развитие капитализма в самых крупных и империалистических его формах.

Анализируя русскую экономическую жизнь в ее разрезе мы сразу видим, **что «насажденный» капитализм не был тесно связан со всеми нитями всего народно-общественного хозяйства страны, и при наличии крупнейших капиталистических предприятий, при быстром развитии городской жизни вся целина русской действительности капитализмом была весьма в малой степени затронута.** Это обстоятельство давало очень многим реформатского характера экономистам, а также Г. В. Плеханову, право утверждать, что русский народ еще малокультурен, что перспектива дальнейшего развертывания капитализма у нас обширна, и что ряд десятилетий ближайшего будущего должен дать именно это общее развитие народно-хозяйственной жизни страны. Анализ всей экономической жизни России на самом деле дает нам совершенно иной материал, приводящий к выводам, в корне отличным от только что упомянутого взгляда. Во всем этом торжествующем ходе капитализма в России, собственные внутренние силы русского народа, точно также силы самого русского правительства, принимали, далеко не соответствующее этому капиталистическому размаху, участие. Мы не имеем ни одной крупной современной отрасли промышленности, в которой иностранный капитал, иностранная техника, иностранная изобретательность не играли бы или исключительно большой роли, или же не имели бы определяющего значения. Мы приводили взгляд Ленина на тяжелую промышленность юга, идущую американским темпом; крупнейшую роль в ней играл иностранный капитал. В нефтяной промышленности, в деле добычи марганца, в производстве меди, машин, электрической энергии и буквально во всех остальных крупнейших и новейших отраслях наивыгоднейшей промышленности мы видим капитал иностранного происхождения. Даже в гордости русского империализма — в постройке великой сибирской дороги принимал участие французский капитал. Если бы мы механически исключили участие иностранного капитала из производственных отношений России, пред нами предстали бы во всей наготе обанкротившиеся самодержавные правительства всех последних царей России и буржуазные слои населения, неспособные на какое либо крупное развитие производительных сил народа. Это обстоятельство имеет огромное значение в деле изучения динамики русского хозяйства и определении той политики, которая необходима для возрождения России.

Какое значение имеет иностранный капитал? Привлечение иностранного капитала и иностранного опыта в деле возрождения страны безусловно имеет огромное положительное экономическое значение, но только в том случае, если это участие идет по урегулированному пути, т. е. если иностранный капитал идет не так, как это его стихии угодно, а направляется в нужнейшие отрасли труда и, что особенно важно, если иностранный капитал не является доминирующим капиталом. В процес-

се общего развертывания всех производственных сил народа участие иностранного капитала усиливает какой либо фронт труда и об'ективно является органической частью под'ема всего народного хозяйства страны. В противном случае мы получаем секторальный процесс развития хозяйства, получаем эксплосивные, если можно так выразиться, формы развития страны, **получаем диспропорцию между некоторыми отраслями промышленности и всего хозяйственного развития страны в целом.** В этом последнем случае участие иностранного капитала правильнее, иностранного империалистического капитала, оставаясь абсолютно положительным для страны, в которой он применяется, является относительно вредным, ибо это участие всегда выражается в самых уродливых формах.

Движением иностранного капитала в России Николая II-го никто не руководил. Иностранный капитал шел в России в те отрасли, какие он себе выбирал. Самые лакомые куски нашего богатства были об'ектами иностранного капитала, самые выгодные предприятия были его очагами. Нефть, марганец, медь, уголь, золото, серебро, электричество, гарантированные железные дороги — вот пути иностранного капитала в старой России. Все экономическое развитие России шло именно в этом направлении и по этим путям. Внутренние скудные средства русской буржуазии или плелись в хвосте иностранного капитала или же размещались частично в легкой промышленности с легкой оборачиваемостью капитала или в торговых предприятиях, в которых спекулятивный характер капитала гарантировал наиболее неущемленное его размещение. Царское правительство походило на буржуазные правительства Европы в том смысле, что оно было преимущественно занято делом охраны прибылей, владеющих капиталами классов, обуздыванием всяких проблесков культурно-прогрессивного движения народа, но никогда не заботилось о поднятии производительных сил страны, о культурных преуспеяниях населения, о решительных мероприятиях по обезпечению развития многих сторон сельского хозяйства и промышленности. Вот почему **мы наблюдаем в российской действительности внешне привлекательный, внутренне совершенно незаконченный, но всьма вредный, с точки зрения интересов народа, процесс экономического развития жизни.** Империалистический капитал, затрагивающий лишь некоторые отрасли хозяйства, вызывающий рост некоторых торговых пунктов, но оставляющий крестьянское хозяйство и все прочие отрасли труда в условиях феодально-помещичьей эксплоатации, является паразитическим капиталом в нар. хозяйстве в целом. Свет и тьма, мотор и деревянные орудия, электричество и лучина—вот естественные последствия неравномерного развития производительных сил страны, последствия империалистического шествия капитала. Явления социальных контрастов нигде не выявляются так ярко, как в странах, являющихся об'ектами иностранного, правильнее, империалистического капитала. Головокружительное развитие торговли, богатство кучки капиталистов, преимущественно иностранных, при неслыханнейших размерах народного бедствия и трущобной нищеты рабочих—вот классическая картина, характерная для царства капитала. Прочтите блестящие страницы «Накопления капитала» Розы Люксембург, трактующие о формах и итогах иностранного капитала в колониальных странах и вы увидите, что кошмарные картины, нарисованные Фридрихом Энгельсом в книге «Положение рабо-

чего класса в Англии» или труд В у р м а о положении немецких рабочих, бледнеют перед картинами, взятыми из жизни имприалистического капитализма России. Вот в этих условиях находилась старая Россия. **Никто не рассматривал пышного развития русского капитализма с точки зрения шествия империалистического капитала, никто не понимал этой экономики правильно.** Не понимал ее и П л е х а н о в, не понимали ее русские ревизионисты, еще более не уразумели ее социалисты-революционеры. В характеристике социального состояния российского общества, данной Л е н и н ы м«В развитии капитализма в России» мы имеем квинтессенцию блестящего понимания этой действительности. Крестьяне прекрасно видели, что иностранная сила занята постройками крупнейших заводов, фабрик и т. д., но крестьяне видели также, что никто никакого внимания не обращает на его проселочную дорогу, на деревенскую школу, на больничную его койку, на устройство леса, полей, садов и т. д. Рабочий видел переполнение товарами наших городов, обнищание населения от тяжести империалистических налогов, и хищничексую капиталистическую эксплоатацию труда и т. д., он видел бегство крестьян из деревень, создававшее тяжелые условия конкурренции в городах, вызывающее падение заработной платы; крестьяне и рабочие видели безвыходное положение их труда, безпросветность в будущем, необходимость борьбы против всего создавшегося, но этого не видели и не освещали подлинным пролетарским светом науки многие публицисты, любящие говорить высокие фразы и издававшие книги под фирмой «Буревестник». Соединяя вместе сельско-хозяйственное промышленное и непроизводительное население, — писал Л е н и н [1])—получим для всего населения России такое приблизительное распределение по классовому признаку:

		Все население об. пол.
Крупная буржуазия, помещики, высшие чины админ. и проч.	около	3,0
Зажиточные мелкие хозяйства	„	23,1
Беднейшие мелкие хозяйства	„	35,3
Пролетарий и полупролетарий	„	63,7
Всего . .	„	125,6

«Мы не сомневаемся, что со стороны наших кадетских и кадетствующих экономистов и политиков раздадутся возмущенные голоса против такого «упрощенного» представления об экономике России. Ведь это так удобно, так выгодно затушевывать глубину экономических противоречий в детальном анализе и в тоже время жаловаться на «грубость» социалистического взгляда на целое этих противоречий».

Кто мог защитить социальные и экономические интересы этих 99 миллионов беднейших крестьян, пролетариев и полупролетариев? Кто мог обезпечить интересы развития производитльных сил народного хозяйства в целом. **Во всех странах, являвшихся об'ектами империализма, основным условием органического развития всего хозяйства может быть сила общественная, сила государственная, иначе этого органического развития не будет вообще.** Вот почему мы видим, что во всех колониальных и полуколониальных странах общественно-революционные движения с самого начала их возникновения принимают социалистический

---

[1]) Ленин — «Развитие капитализма в России», стр. 399.

характер и революции этих стран всегда окрашиваются в социалистический цвет. Империализм в России и власть в России, являющаяся слугой этого империализма, всецело препятствовали органическому развитию народного хозяйства. Уничтожение, как империалистического характера капитала, так и власти, об'ективно базирующейся на признании прогрессивности этого капитала и служившей ему, являлось необходимым и предварительным условием подлинного развития народных производительных сил.

Таково было социально-экономическое состояние России, когда в 1914 году вспыхнула мировая война. Интересы России, связанные с интересами Европы, делали неизбежным участие России в этой европейской войне. Как один из крупнейших болтов огромной европейской машины Россия играет свою роль в этом европейском механизме. Наперед можно было определить участие России в этой войне. Из общей суммы капитала, вложенного европейскими государствами в русские предприятия только Англия, Франция и Бельгия занимала 72%. Естественно, что Россия должна была отложить в сторону родственные симпатии к Германии и итти против своих родственников, по зову и требованию французских держателей русских ценных бумаг. Нас мало интересует сейчас процесс этой войны. Мы имеем дело с итогами, с которыми наши читатели уже знакомы. Россия также была раздавлена и разгромлена в мировой войне, как и все прочие государства Европы. Но последствия войны еще более усугубили тяжелое положение России. Развитие русского хозяйства происходило на базе европейского капитала. С уничтожнием мощи этого капитала пред русским 150 миллионным населением стал исторический вопрос: на какой почве должно произойти развитие производительных сил российского хозяйства? После войны Россия имела два пути: или превращение из полуколониальной страны в страну в полном смысле колониальную с худшими формами империализма, или же уничтожение этого империализма, дабы собственными силами направить ход экономической жизни в русло планового регулирования всех народных рессурсов, и обезпечения развития всех живых сил страны. Обнищавшее крестьянство, пролетариат и полупролетариат стомиллионной массы ответили на этот историческй вопрос социалистической революцией.

Вся структура российской экономики, все силы социальной жизни российского народа, вся политическая ситуация российского государства воочию показывали, что старые отношения России препятствовали органическому развитию производительных сил страны, и что только социалистическая власть могла открыть российским народам новую эру возрождения.

В отношении России вопрос о развитии производительных сил, как видите, стоял не совсем так, как в странах естественного и органического развития капитализма. В России мы имели ускоренный темп развития экономики, развитие некоторых отраслей труда, развитие, связанное с империалистическим шествием европейского капитала. Плеханов, Каутский и все прочие экономисты не подходили к российской экономике с точки зрения империалистического шествия европейского капитала и не обращали никакого внимания на те тяжелые последствия, которые вытекали из этого.

Приложение сил империалистического иностранного капитала совместно с прислуживающим ему российским капиталом, имело два последствия. 1. Оно выпячивало некоторые виды промышленности и купеческий капитал в некоторых центрах. 2. Оставляло страну в общем на недопустимо низком увовне культуры. Это последнее обстоятельство создавало для промышленных рабочих чрезвычайно тяжелые условия труда. Эти особенности российской экономики правильно подмечены даже таким буржуазным экономистом, каким является Зомбарт. Он сравнивает нашу крупную промышленность с крупной промышленностью Германии и получает следующую картину.

В промышленных предприятиях было занято рабочих:

	В России в 1913 г.	В Германии в 1907 г.
До 20 рабочих . .	38 %	43 %
От 21—100 „ . .	10 „	22 „
„ 101—500 „ . .	17 „	21 „
„ 501—1000 „ . .	10 „	6 „
свыше 1000 „ . .	24 „	8 „
	99 %	100 %

Эта чрезвычайно важная таблица вскрывает всю действительность русской жизни. Она как будто показывает большие достижения российской экономики, и мы должны были бы иметь при нормальном и ограниченном развитии капитализма совершенно иные социально-культурные показатели. Но дело именно в том и заключается, что развитие российской промышленности не имело под собой соответствующего общего фундамента; разбухание промышленности не сопровождалось общим под'емом всей культурно-хозяйственной жизни страны, что особенно резко обостряло отношения между трудящимися и эксплоататорами. З о м б а р т правильно отмечает исключительно тяжелые жизненные условия рабочих Петрограда, сконцентрированных в крупнейших заводах и фабриках и находит в этих об'ективных условиях об'яснение их социалистическим выступлениям. [1])

С таким об'яснением нашей политической истории мы всецело согласны. Российские рабочие и трудовые крестьяне должны были взяться за историческую метлу, чтобы вымести всю капиталистическую грязь из жизни России. **Только после этого могли быть созданы условия нормального и органического развития всех сил страны.** Социалистическая революция являлась именно этой метлой, очистившей Россию от всего капиталистического мусора.

Ниже мы увидим, разрешила ли социалистическая власть России исторические задачи эпохи, обезпечила ли органическое развитие производительных сил всего народа и привела ли старую Россию к условиям расцвета и возрождения?

Прежде чем ответить на этот вопрос нам надлежит ответить на вопрос о социализме вообще и разобраться в той борьбе, которая ведется вокруг разных проблем социализма.

---

[1]) Sombart — Der proletarische Sozialismus", Zweiter Band, S. 509.

Глава пятая.

Социализм в одной стране.

1. Развитие новых соц-эк. отношений обуславливает возникновение новых оппозиций. 2. Незначительность и безпочвенность вновь возникающих оппозиций. 3. Постановка вопроса о построении социализма в одной стране. 4. Различные формы перехода от капитализма к социализму в разных странах. 5. Система тов. Сталина о построении социализма в одной стране. 6. Историческая справка о соц. колониях утопистов. 7. Энгельс против социалистических утопий. 8. Троцкий против Сталинской системы постороения социализма. 9. Учение тов. Сталина не имеет ничего общего с системами изолированных хозяйств утопистов, Фольмара и др. 10. Невозможность построения социализма в эпоху зарождения феодального или капиталистического хозяйства. 11. О взгляде Маркса и Энгельса на построение социализма в одной стране. 12. О цитатах из трудов Ленина. 13. Три периода во взглядах Ленина на построения соц. в одной стране. 14. Постепенное оформление взгляда Ленина в пользу построения социализма в одной стране. 15. Об окончательной победе социализма. 16. Бердяевский бред о гибели коммунистов от улучшения экономического состояния СССР.

Разрушение старого и создание нового уклада жизни есть чрезвычайно трудный исторический процесс, которому различные общественные группы оказывают соответственное сопротивление. Жизнь, покончив с сопротивлением этих групп, еще не может считать вопросы борьбы оконченными. В самом этом историческом процессе вырастают наново общественные группировки, которые в свою очередь оказывают новым социально-экономическим напластованиям соответствующее сопротивление, пока начало новой жизни не укоренится более или менее твердо в сознании и понимании широких масс населения. Вот почему мы наблюдаем в нашей действительности все новые и новые варианты и все новые и новые виды всевозможных оппозиций. Эти оппозиции, как одно из проявлений борьбы с властью и новым порядком, по существу продолжают ту же борьбу, которую вели прежние оппозиционеры, все равно называются ли они белогвардейцами, зеленогвардейцами, или как нибудь иначе.

Утверждение оппозиции (в коммун. партии) о невозможности построения социализма в одной стране является по существу новой формой борьбы с советской властью. Эта борьба, как об'ективно, так и суб'ективно генетически увязывается с борьбой всех контр-революционных сил.

В первый период большевистского переворота разные оппозиционеры видели в нем комедию, (Плеханов, Каутский), затем, когда из этой «комедии» вышло что-то большее, стали утверждать, что большевики строят «социализм, как ребенок делает солнце из красной бумаги» (Далин). Когда же из красной бумаги получилась прочная

красная «материя», стали утверждать, что вырастает капитализм (П о т р е с о в, А к с е л ь р о д, С т а л и н с к и й, З а г о р с к и й), а когда социализм все же стал вырисовываться и вызвал под'ем благосостояния народа, стали утверждать, что капиталистические элементы поднимают голову и получается термидор и бонапартизм («Соц. вестник», Т р о ц к и й и пр.). Когда в вопросах расслоения оппозиция потерпела крах, они стали выдвигать другой мотив: — для чего все эти эксперименты, ведь социализма вообще нельзя построить в одной стране — (Т р о ц к и й, З и н о в ь е в, Р а д е к, С м и л г а).

Таким образом, на ряду с самыми крайними противниками советской власти (от белогвардейцев до К а у т с к о г о), против нее выступают новые слои общества, окрашенные уже радикализмом, доходящие до демагогии и даже махаевщины, которые со рвением, достойным лишь М а р к о в а II и. Ш у л ь г и н а, ведут борьбу против авторитета советской власти. Конечно, этими группами не исчерпывается оппозиции, хотя выступления этих последних будут все более и более безпочвенными. Но природа и история всей этой кампании одна и та же — вся эта оппозиция не разделяет, не понимает и не хочет понять порядка, установленного и утверждающегося в стране советов.

Мы говорили выше о некоторых основных контр-революционных теоретических выступлениях различных оппозиционеров. Коснемся теперь новейшей теоретической вылазки против теории построения социализма в одной стране. Прежде всего, что является основной характерной чертой современного империализма? Основным характерным моментом империализма является выход высокоразвитых капиталистических стран из их национальных рамок и **господство** над странами экономически и культурно отсталыми и мало развитыми. Не только одно геополитическое различие, но также вся система различий стран, находящихся на различных ступенях экономической культуры, является главным базисом империализма. Еще миру не известна эпоха, в которой все бы страны находились на одной ступени развития, и мы пока еще не можем указать исторический момент, когда все страны так вольются в систему одного мирового хозяйства, чтобы эти различия оказались стертыми.

Это различие в экономических ступенях развития проходит красной нитью в истории человечества. Более передовые страны раньше заканчивают цикл своего развития, чем страны отсталые, и раскрывают общую картину истории, по которой эти последние будут развиваться.

Таким образом, процесс экономического развития имеет некий органический характер. Вот почему экономические формы жизни соответствует конкретным условиям производства данной страны, и почему мы нигде не видим, что бы данная форма экономической жизни нашла свое выражение единовременно и повсеместно. Слишком уже механически нужно было бы тогда представить всю историю человеческого развития.

Социализм тоже одно из явлений экономической и сцоиальной жизни и совершенно немыслимо, что бы развитие социализма в одно и то же время произошло повсеместно. Социализм возникает впервые в одной стране, потом в другой, что может произойти, как одновременно, так и разновременно, как возникали и развивались и все прежние формы экономической жизни.

Капиталистический способ производства установился во всех европейских странах не одновременно, а разновременно. Говоря о капитализме в Англии в XVIII столетии, нельзя было о нем говорить в Пруссии, России, Турции и т. д. Правда, если мы последуем, например, методике не Вебера, а Ешли, Зомбарта и др., то элементы капитализма мы найдем не только в XVIII, а чуть ли не в XV веке, но так можно будет говорить и о социализме. После установления социалистического строя историю возникновения основных начал социализма будут искать не в торжественных актах диктатуры пролетариата, а в исторических недрах самого капиталистического строя. Таким образом, неравномерное экономическое развитие, существующее при капиталистическом строе, и чрезвычайно разнообразные социально-политические условия в различных государствах совершенно исключают возможность единовременного воцарения социализма, или же однообразных переходов от капитализма к социализму.

В каких формах будет происходить переход от капитализма к социализму? В одной или многих странах единовременно восторжествует социализм? Эти вопросы до настоящего времени не являлись разработанными, или во всяком случае, они недостаточно разрабатывались раньше. Мы увидим ниже, что не только о конкретных и детальных формах, но и о самой природе социализма, о сущности и основных чертах коммунизма, взятого в абстракции, не имеется более или менее общепринятого взгляда, и эти вопросы о самых основных формах социализма и сейчас являются спорными даже для лиц, принадлежащих к одной и той же партии. Советский Союз поставил вопрос о соцализме в практической плоскости и, вне сомнения, проблемы социализма во многих своих, как основных, так и практических чертах будут выявлены. Во всяком случае, обсуждение и практическое разрешение социалистических проблем в СССР сослужит огромную услугу мировому рабочему классу и развитию социалистических движений. Огромное значение имеет одно лишь освобождение рабочего класса от тех фантастических взглядов на социализм, кои были насаждены утопическим социализмом в XVIII и XIX веках, безусловно оказавших делу социализма медвежью услугу.

Вопрос о строительстве социализма в одной стране, как теоретически, так и практически поставлен в СССР товарищем Сталиным. Это совершенно не значит, что до тов. Сталина о социализме в одной стране никто не говорил. Нет, о социализме в одной стране говорили и до Сталина, об этом говорил Ленин, о нем говорили и до Ленина. Но систему построения социализма в одной стране, освобожденную от противоречий и разноречий, история связала с именем тов. Сталина. И до Маркса говорили о материализме, и до Маркса говорили о диалектике и исторических процессах, однако диалектический материализм не принадлежит ни Фейербаху, ни Гегелю, а только лишь Марксу. Оформление теории построения социализма в одной стране имеет для дела освобождения трудящихся великое историческое значение. Эта теория является новым орудием борьбы, новым идейным арсеналом пролетариата. Конечно, это учение Сталина всеми своими нитями связано с общей системой Ленина, но это обстоятельство не только не ослабляет силы учения о построении социализма в одной стране, но еще больше ее укрепляет.

Прежде чем перейти к непосредственному критическому очерку системы строительства социализма в одной стране и критике этой системы, данной Троцким в его «Проекте программы Коминтерна», мы считаем необходимым вспомнить некоторые факты и материалы, имеющие теснейшую связь с этой теорией.

Как известно, утописты нигде не говорили о построении социализма в одной стране, но все школы утопизма строили социализм не во всех или многих странах, а в конкретных областях, никогда не представляя себе, что без единовременного распространения социализма по земному шару, им не удастся сохранить своего существования.

Характерной особенностью всей первой половины XIX века являлось возникновение и оформление национальных буржуазных государств. Все социально-экономические движения этого времени, хотя и имели международный смысл и характер, протекали в рамках национальных государств. Насколько этот период шел под знаком оформления национальных государств, настолько вторая половина XIX столетия протекала под флагом международного движения. Узкие рамки местничества, мероприятия локального характера также налагали свой отпечаток на социалистов утопической школы. Международное социалистическое движение, в современном понимании этого движения, мы имеем только лишь во второй половине XIX века. Первая половина этого столетия является детским периодом социалистического движения. Действительно, пролетарское движение, принципы классовой борьбы, научный анализ всего капиталистического хозяйства мы имеем только с эпохи «Капитала» К. Маркса. **Не классовая борьба, а гармония и добрые намерения были содержанием систем утопической школы. Не преобразованием всей экономической жизни, а созданием социалистических ячеек думали утописты создать новый мир.** Эта вера в добрые намерения людей служила основанием утопических обществ. Первая половина XIX столетия есть классический период возникновения многих социалистических и коммунистических общин.

Вспомним сейчас о тех коммунистических и социалистических обществах, которые устраивались всякого рода общественными группами.

«Должен быть отмечен, — говорит Каутский, — ряд религиозно-коммунистических колоний в прошлом веке, процветавших в Соединенных Штатах и успешно ведших сельское хозяйство на товарищеских началах. Под влиянием Оуэна в 1830 г. был предпринят некиим Vandaleur в своем имении Ralahine в Ирландии опыт организации товарищества, давший превосходные результаты». Дальше: «Уже в прежние века существовали коммунистические организованные общества, не говоря уже о первобытном коммунизме. Мы напомним лишь о коммунистических «хозяйствах» анабаптистов Моравии, сохранившихся там в течение всей эпохи реформации, с конца крестьянских войн (1526 года) до тридцатилетней войны, до победы контр-реформации в битве при Белой Горе (1620 г.) Еще дольше сохранились они в Венгрии и впоследствии в Соединенных Штатах, где еще недавно (1908 г.) существовали некоторые из этих домохозяйств и, может быть, существуют еще в настоящее время. Они покоились на коммунизме не только производства, но и потребления. На той же основе покоилась коммунистическая организация, учрежденная иезуитами в Парагвае и успешно развивавшаяся в течение долгого периода с 1612 по 1768 год. В связи с этим надо упо-

мянуть о коммунистических общинах, учрежденных в Соединенных Штатах последователями различных европейских сект в середине 18 века и сохранившихся до наших дней. Коммунистическое государство иезуитов насчитывало в период наивысшего своего развития 150.000 жителей, населяющих 30 пуэбло (деревень). Советская Россия была первой и, конечно, последней в этом роде». [1])

Первая половина XIX века была полна попытками построить социалистические и коммунистические общества главным образом на территории Нового Света. Морис Хилкуит приводил в своей «Истории социализма» много примеров подобного рода. История шекеров, общество «Гармония», немецкие об'единения Зоар, Амана или помимо прочих оувеновских организаций Фаланги Шарля Фурье, Брук Фарм и т. д. дают для изучения утопического периода социалистического движения прекрасный материал. Сам Хилкуит о жизни этих обществ говорит следующее: «Сектантские или религиозные общины достигли крупных успехов в смысле продолжительности существования и степени материального благосостояния. Большинство коммунистических обществ сектантского типа существовали более полувека, а некоторые продолжают существовать и теперь, имея за собой столетнее прошлое. Общество шекеров «Экономия», «Онейда» и «Амана» накопили значительное состояние. Напротив того, существование «нерелигиозных» коммунистических обществ было обыкновенно весьма непродолжительно и полно всевозможных лишений. Средняя продолжительность существования коммунистических обществ оувеновской группы вряд ли выше двух лет, тоже самое можно сказать и о фурьеристских обществах, за исключением «Северо-Американской фаланги», «Брук Фарм» и «Уисконсинской фаланги», что же касается икарийских обществ, то они все время переживали процесс разрушения и реорганизации. «Чем об'ясняется то обстоятельство, что некоторые «коммунистические» общества сохранились, достигли даже комфорта и изобилия, а некоторые развалились? Материальный успех некоторых об'ясняется не их приверженностью к социализму, — говорит Хилкуит, — а, наоборот, пренебрежение к нему. «Нерелигиозные» общества оставались верны до конца коммунистичскому режиму и почти всегда были недолговечны и неуспешны. [2]) Эти попытки показывают, что «основатели всех коммунистических общин исходили из той теории, что они могут создать особенное небольшое общество, изгнать из него все черты современной цивилизации, показавшиеся им предосудительными, организовать его в полном согласии с их взглядами на социальные отношения и **изолировать** его от всего окружающего мира и его разрушительных влияний. Критикуя систему изолированной попытки построения социализма, Хилкуит утверждает, что «ни один человек, ни одна группа людей не может, не впадая в варварство, отделить себя от этого кооперативного труда. Современные социалисты давно уже расстались с мыслью о возможности починить капиталистическую социальную и промышленную систему при помощи отдельных коммунистических заплат. Они полагают, что общество не есть скопление не-

---

[1]) Каутский — «Пролетарская революция и ее программа», стр. 358, 359, 360, 410, 411.
[2]) Морис Хилкуит — «История социализма» стр. 94.

зависимых, ничем не связанных между собой групп, а представляет собой одно органическое целое и поэтому все свои надежды они возлагают на прогресс социального организма». [1]) Эти утопические секты, общества, школы не имели никакой политически государственной силы, никаких корней в современном обществе и, естественно, что они погибали. В. Зомбарт пишет: „Sie haben noch nicht eigentlich „Leben" gewonnen, sind noch nicht „praktisch" geworden, weil sie nicht Wurzel geschlagen haben in dem Mutterboden des politischen und gesellschaftlichen Wirkens". [2])

Нас здесь совершенно не интересует критический разбор системы утопического социализма. Мы только отмечаем, что сто лет тому назад главари утопистов считали совершенно естественным построение социализма и коммунизма не только в одной стране, но и в отдельных общинах. Я думаю, мы не ошибемся, если пойдем еще дальше и установим, что как представители утопического социализма, так и другие социалисты в различных формах, условиях и комбинациях сил допускали возможность построения социализма в одной стране. Об отношении к этим теориям и попыткам утопистов системы т. Сталина мы поговорим ниже.

Помимо практических примеров мы можем по отрывочным сведениям характеризовать отношение некоторых, как старых, так и новых социалистов к проблеме построения социализма в одной стране.

Предполагал ли Бабеф в этоху Великой Французской Революции (1796—1797) введение социалистических порядков во Франции? Безусловно! Считал ли Фихте свое «Замкнутое хозяйство» возможным в окружении капиталистических государств? Конечно! Строил ли свою «Икарию» Кабэ в одной стране? Без сомнения! Предпологал ли Луи Блан со своими товариществами строить социализм во Франции? — Безусловно! Предполагал ли Лассаль социализм в Германии, которая к тому же была отсталой? — Безусловно! Вообще никто не предполагал, что бы какая нибудь хозяйственная форма могла бы установиться во всех странах одновременно. В «Капитале» (т. I) Маркс учил, что «одна нация должна, может учиться у другой», что «более развитая в промышленном отношении страна только показывает менее развитым странам картину их собственной будущности». Нельзя нигде найти у Маркса ни одного места, что бы он отрицал возможность торжества социализма в одной стране. Маркс говорил вообще о социализме, о социалистической революции, но он не высказывался нигде против возможности построеня социализма в одном каком нибудь государстве. Мне думается, что Карл Маркс и Фр. Энгельс не подвергли бы строжайшей критике действия коммунаров, если бы они считали безнадежным построение социализма во Франции. Сарториус фон-Вальтерсгаузен совершенно правильно отмечал, что К. Маркс жил в эпоху мировой торговли, и что на системе народно-хозяйственной жизни отдельных стран он (Маркс) признавал построение социализма в одной стране. [3]) Ни один из теоретитков, как анархизма, так и синди-

---

[1]) Там-же, стр. 95.

[2]) Sombart — „Der proletarische Sozialismus", Zweiter Band, S. 312.

[3]) Матерuалы A. Sartorius von Waltershausen — „Weltwirtschaft und Weltanschauung", S. 46—49.
Ibidem, S. 60.

кализма, как коллективизма, так и гильдеизма, не связывает построение социализма непременно с мировым масштабом. Установление пессимистического взгляда на социализм в одной стране является по существу самым реакционным политическим взглядом и понятно, почему не существует ни в одной социалистической школе ни одного представителя, выдвигающего безусловную необходимость построения социализма одновременно во многих странах. В этом отношении троцкизм является подлинно реакционной идеологией.

В конце концов, система построения социализма в одной стране увязывается с системами существования различных хозяйственных форм. Ведь еще совершенно не известен порядок, который в самых чистых формах выявлял бы свое лицо, или что бы во всех, даже только капиталистически передовых странах были одинаковые формы хозяйства. Нужно забыть самые элементарные азы марксизма, чтобы этого не понимать. Эти положения известны даже такому ренегату марксизма, каким является Д а л и н. Капиталистическая промышленная Англия существовала на ряду с феодальным континентом в течение всего 16 и 17 веков, буржуазная Франция — с феодальной Европой, Индия и сейчас остается страной полу-натурального хозяйства. [1]) «В Германии начинают теперь с того, чем кончают во Франции и Англии» — говорил М а р к с [2]).

Из всего этого вовсе не следует, что социального переворота не может быть во многих странах; нет, социалистические перевороты могут иметь место одновременно во многих странах, что будет величайшим делом. Но нельзя проникнуться пессимизмом лишь потому, что социальная революция возникнет сначала только в одной стране. Некоторые русские социалисты до войны тоже считали возможным построение социализма в одной какой-либо стране. Они утверждали: необходимо, «что бы во время революции победившие в одном месте массы сейчас же, не дожидаясь ничьей указки, начинали дело нового общественного переустройства на той территории, которая находится в данный момент в их руках». [3]) Эти социалисты именно и указывают на возможность социализма в одной стране: «Кризисы на первых порах будут теоретически возможны под влиянием заграничной конкуренции, под влиянием конкурренции дешевых товаров». [4]). Социалисты типа Чернова даже допускают особенное осложнение, если социализм наступит единовременно в разных странах [5]) — но на этом вопросе нам сейчас незачем останавливаться. Пойдем дальше.

Немецкий мыслитель Отто Н о й р а т вообще считает совершенно немыслимой идею единого мирового социализма и его построения во всех странах единовременно. В единых формах социализма во многих странах Н о й р а т находит черты насилия и извращения действительности. Нельзя не согласиться с автором, что формы развития и установления социализма в Китае, Индии, Центральной Африке и других странах будут различны, своеобразны и что идея единовременного установления социализма во всех странах может толкнуть нас в утопию.

---

[1]) Далин — «После войн и революций», стр. 230.
[2]) К. Маркс — «К критике гегелевской философии права», стр. 345, Лит. Насл. т. I.
[3]) Чернов — «Конструктивный социализм», т. I, стр. 153.
[4]) Ibidem, стр 159.
[5]) Ibidem, стр. 169.

Эта идеология может направить по ложному пути всю нашу положительную практическую работу, как по установке проблемы построения социализма в одной стране, так и всю работу над международной социалистической революцией. **Ein solches Weltprogramm des Sozialismus stellt heute noch** — говорит Н о й р а т.[1])

В довольно конкретные рамки ставит вопрос о построении социализма в одной стране также О. Б а у е р. Автор даже не представляет себе, чтобы имела какое нибудь практическое значение мысль единовременного построения социализма во всех или во многих странах. На развалинах германской коалиции мы имели кратковременную историю установления социализма в Венгрии, где первые шаги по установке социализма были уничтожены интервенционными силами антантовской реакции. Отсюда является совершенно несомненной мысль, что каждое опубликование или практическое осуществление начал социализма в этой стране не является гарантией утверждения социализма в этой стране. Социализм не установится мирным путем, как это думают и хотят, например, К а у т с к и й и Б а у е р. Естественно, что установление социализма и его победа произойдет только лишь в результате жесточайшей гражданской борьбы, и не во всякое время и не везде исход этой борьбы будет положительным для страны социалистической. Осуществление социализма, таким образом, является делом не одного революционного размаха, а возникает в результате ряда революционных выступлений, ряда поражений и побед. Торжество социалистической революции зависит от очень многих факторов и конкретных обстоятельств. О. Б а у е р считает основным условием австрийского социализма вступление, например, немецкой Австрии в какую-нибудь федерацию. Действительно, после разгрома германской коалиции старая Австро-Венгрия совершенно уничтожена, и современная немецкая Австрия не представляет абсолютно никакой социальной и политической самостоятельной силы. В данных условиях осуществление социализма в Австрии потребовало бы чрезмерных революционных усилий, тогда как при нормальной геополитической конфигурации Австрии социалистическое движение имело бы более обширный и более внушительный характер. Б а у е р намечает два пути немецкой Австрии — один путь лежит в направлении балканской федерации, другой — путь слияния Австрии с современной Германией. Учитывая конкретные обстоятельства Отто Б а у е р высказывается за вхождение Австрии в систему германских государств и дает в этом случае положительный ответ на вопрос об осуществлении в Германии социалистического правопорядка.[2]) Как видете, нам приходится с фонарем Д и о г е н а искать у различных авторов кое-какие мысли о построении социализма в одной стране, но при всем этом ничего путного и цельного мы не находим. Некоторым уником является в этом отношении старая работа Ф о л ь м а р а **«Der isolierte sozialistische Staat»**, помещенная в Рихтеровском **«Lehrbuch der Sozialpolitik»** в 1879 г., т. е. в эпоху ортодоксального понимания Ф о л ь м а р о м марксизма. В этой работе Ф о л ь м а р говорит: «Я именно верю, что попытаюсь доказать в дальнейшем изложе-

---

[1]) **Otto Neurath — „Vollsozialisierung", S. 42.**
[2]) Отто Бауер — **„Der Weg zum Sozialismus", S. 35—36.**

нии, что окончательная победа социализма, сперва только в единичных странах, исторически не только возможна, но что существованию и благосостоянию изолированного социалистического государства ничего не препятствует». Напротив, не только возможно построение социализма в одной стране, но по всем видимым признакам Фольмар утверждает, что единовременное установление социалистического строя во многих культурных странах прямо таки исключено. Дословно: „Unter den heute und auch für die heute absehbare Zukunft maßgebenden Verhältnissen erscheint sonach die Annahme eines gleichzeitigen Sieges des Sozialismus in allen Kulturländern als schlechthin ausgeschlossen, nicht weniger und aus denselben Gründen aber auch, daß dem Beispiele eines sozialistisch organisierten Staates notwendig sofort alle übrigen zivilisierten Staaten folgen würden".

Эта работа Фольмара своевременно не вызвала живого отклика, т. к. вообще в ту эпоху к конкретным планам социалистического строя и формам, в каких социализм мог выявиться после победоносной социалистической революции, социалдемократические группы относились весьма скептически. Работа Фольмара и сейчас не может приковать к себе нашего внимания, хотя бы потому, что со схемой тов. Сталина она не имеет ровно ничего общего. Кто будет подходить к системе построения социализма в одной стране, данной тов. Сталиным с точки зрения изолированного социализма, тот, конечно, ничего не понял в учении Сталина. Изолированного социализма у нас никто не предполагает и о нем и думать не приходится. Фольмар только в том смысле характерен, что он в свои лучшие марксистские времена допускал построение социализма в изолированном государстве.

В чем же заключается сущность сталинского построения социализма в одной стране? При разрешении вопроса о построении социализма в одной стране тов. Сталин рассматривает вопрос с точки зрения, как внутренних сил, так и сил внешних. Мы не остановимся здесь на вопросе о возможности построения социализма в СССР. Об этом мы говорили выше и показали, что внутренние отношения и силы Союза СССР диктуют построение социалистического способа производства. Нас сейчас интересует внешняя политика и степень необходимости помощи внешних сил при построении социализма в СССР. Чтобы лучше всего понять Сталина используем Троцкого. Троцкий в своем «Проекте программы Коминтерна» пишет: «Социалистическое Общество можно построить только на самых передовых производительных силах, на электрификации, на химизации производственных процессов, в том числе и земледелия, на сочетании обобщении и кульминации наивысших элементов нынешней техники» [1]). Даже пионеры знают, что это положение Л. Троцкого, выдвинутое им на одинадцатом году революции, отбрасывает нас самым основательным образом к меньшевизму, ибо именно это положение является генеральной философией меньшевизма и не имеет ничего общего с Ленинизмом. Увязывая вопрос построения социализма с высшими формами техники и культуры. Троцкий все время подчеркивает внутреннюю немощность и слабость российской экономики. Как известно, это положение Троцкого является генеральным пунктом, как русских меньшевиков, так и

---

[1]) Троцкий — «Проект программы Коминтерна», стр. 23.

меньшевиков Европы — Каутского, Макдональда, Вандервельде и прочих, писавших о России. Под победой социализма в одной стране, — говорит Троцкий, — Ленин понимал не фантасмагорию самодавлеющего социалистического общества, **да еще в отсталой стране».** [1]) Дальше: — «экономически победить буржуазию в отдельной стране нельзя, тем более в **отсталой стране».** [2]) Дальше: «Вопрос непрерывной борьбы двух систем о том, что социализм может опираться только на наиболее высокие производительные силы, словом, марксова динамика смены одной общественной формации другой, на основе роста производительных сил, все это полностью шло на смарку. Революционно-историческую диалектику заменяла реакционная утопия замкнутого социализма, который строится на низкой технике, развивается «черепашьим шагом» в национальных границах, связанных с внешним миром только страхом перед интервенцией». [3]) Еще дальше: «Наши внутренние противоречия, непосредственно зависящие от хода европейской и мировой борьбы, могут быть разумно регулируемы и смягчаемы правильной внутренней политикой, но преодолены они могут быть только вместе с устранением классовых противоречий, о чем до победоносной европейской революции не может быть и речи». [4]) Все эти цитаты, которыми испещрена вся книга Троцкого, конечно, не могли быть изданы при жизни Ленина, так как игнорирование внутренних социальных и экономических сил российского общества противоречило всему духу Ленина. **Основное различие между ленинизмом и меньшевизмом в русском вопросе заключалось в том, что Ленин находил в российских внутренних условиях достаточно собственных сил для Октября, а меньшевики этих внутренних сил в России не видели.** Вот почему меньшевики пошли против Октября и почему Ленин мобилизовал все силы российского пролетариата и пролетарского крестьянства произвести Октябрьский переворот. В своей самой неудачной книге Каутский писал: «Сознание экономической отсталости заставляло марксистов (читай меньшевиков — Т. Г.) приходит к выводу, что Россия еще далеко до той зрелости, какая необходима для построения социалистического общества». [5]) В этой книге Каутского это основное положение повторяется без конца, на нем держится вся меньшевистская философия. Россия внутренне не готова для социалистической Революции, Россия отстала, она слаба, она не может построить социализма — это есть азбука, начало, конец, весь дух меньшевизма. В самые плохие свои годы Плеханов указывал, что социалистическая революция в России невозможна вследствие экономической отсталости России. [6]) Когда меньшевики утверждали, что из за отсталости внутренних производительных сил в России не может быть социалистической революции, они честно и открыто отказывались от этой социалистической революции. Г. Плеханов писал в заключение своего вышеприведенного положения: «Если капитализм еще не достиг в данной стране (говорится о России — **Т. Гл.)** той высшей ступени на которой он делается препятствием для развития ее

1) Там-же, стр. 12.
2) Там-же, стр. 15.
3) Троцкий — «Проект программы Коминтерна», стр. 20.
4) Там-же, стр. 27.
5) Каутский — «От демократии к государственному рабству», стр. 74.
6) Плеханов — «Год на родине», т. I, стр. 27.

производительных сил, то нелепо звать рабочих городских и сельских и беднейшую часть крестьянства к его низвержению» [1]). Здесь мы видим меньшевика Плеханова, но видим меньшевика открытого, прямого, честного. Троцкий же, тоже, не верит во внутренние силы российской социалистической революции. Что это значит? Ответ ясен: мы имеем здесь меньшевика-каутскианца, плехановца, но в самом худшем их издании — труса в обличии героя, тайного предателя, вместо открытого врага, противника нашей революции в позе мирового революционера. В мировой революции последний болдвиновец сделается революционером, точно также как заядлый реакционер Гучков во время Февральской Революции кричал: «Я тоже революционер». Чтобы быть революционером мировым — нужно быть революционером и в собственной стране, и чтобы построить социализм вообще — нужно строить его у себя.

В 1917 году Ленин верил во внутренние социалистические силы российского общества и пролетариата и он призывал пролетарскую Россию к социалистической революции, к социализму. Каждый день, приносивший укрепление внутренних социалистических сил России, был днем торжества ленинских взглядов, каждый успех на политическом и экономическом фронтах еще больше ободрял Ленина и усиливал его энергию. **С каждым успехом социалистического строительства в СССР, взгляды Ленина на социализм в России делаются все определеннее и ярче.** В 1917 году он мог думать и предполагать, в 1923 году он мог проверить социалистические мысли и шаги 1917 г. и, естественно, что на счет построения социализма в одной стране Ленин мог высказываться более определенно и решительно. Так вот тов. Ленин после шести лет социалистической стройки в статье «О кооперации» пишет: «Советские республики **обладают** необходимыми достаточными материальными предпосылками в стране для построения полного социализма». Эту замечательную статью, которая всей коммунистической партией великого Союза признана классической и ценнейшей работой из всех работ Ленина, которая подитожила прошлое и дала блестящие перспективы на будущее, ободряя рабочих, окрыляя их социалистические надежды, Троцкий бросает в грязь и пишет: «Эта статья продиктована Лениным во время болезни и опубликована после смерти». Дальше: «либо Ленин обмолвился при диктовке, либо стенографист ошибся при расшифровке». [2]) Не мерзость ли все это? Всем известно, что в 1923 году, точно также и в 1924, вопрос о возможности построения социализма в одной стране не стоял в партии так остро, как в последующие годы, Ленин не высказывался по этому вопросу специально, т. к. этот вопрос не стоял перед партией. И почему именно больной Ленин должен был высказываться именно против Троцкого? Почему не больной стенограф должен был именно против взглядов Троцкого расшифровать стенограмму диктовки Ленина? Троцкий утверждает, что в вопросе построения социализма в одной стране Ленин был с ним солидарен. Ничего подобного! Но допустим на секунду, что Троцкий в этом прав: если троцкистские взгляды на построение социализма в одной стране были действительно восприняты Лениным и эти взгляды были его внутренними, постоянны-

[1]) Плеханов — «Год на родине», стр. 98.

[2]) Троцкий, Упомянутое, стр. 14.

ми взглядами, то при состоянии болезни он мог именно высказывать взгляды, усвоенные при жизни, а не наоборот. Ясно, что общее состояние здоровья Ленина здесь не причем. Тут мы имеем только лишь инсинуацию Троцкого на партию и на Ленина и лишнее доказательство того, что Ленин и во время болезни продолжал оставаться величайшим революционером и великим строителем социализма. От 1917 г. до смерти крепли в Ленине дух бодрости и глубочайшая вера в строительство социализма, тогда как в людях, подобных Троцкому, крепла обратная мысль: — меньшевистские бациллы, глубоко сидящие в организме Троцкого, постепенно проявляли свою активность и, заразив весь троцкистский организм, отбросили его от бодрости духа к отчаянию, от веры к унынию, от социализма к реакции. Между Лениным и Троцким оказались только противоречия, между Троцким и Лениным осталось то «общее», что первый оказался на хребте капитализма, второй на вершине социализма.

Вернемся сейчас к т. Сталину. Известно, что т. Сталин считается одним из правовернейших учеников Ленина, известно, что т. Сталин из всех товарищей Ленина имел с ним наименьшее расхождение. Некоторые мысли т. Ленина, все более и более офармливающиеся в гороскопе Ленина, на счет построения социализма в одной стране вообще, и на российской почве в частности, нашли свое завершение в положениях, вполне оформившихся у Сталина. Полная уверенность в возможности построения социализма в 1/6 части света, унаследована Сталиным не только от здорового, но и от «больного» Ленина. Троцкий ополчается против тов. Сталина самым беспощадным образом. Иначе не могло быть. Стоя на позиции построения социализма в СССР, дав этой теории свое полное оформление и завершение, Сталин не мог не заслужить троцкистских громов, ибо именно в этом пункте особенно ярко разоблачался меньшевистский дух учения Троцкого. Троцкий уличает Сталина в российском национализме, национал-реформизме, в бюрократическом самодовольстве. «Мы имеем теперь теорию, — говор. Троцкий, — которая учит, что построение полного социализма возможна в одной стране, и что взаимоотношения этой страны с капиталистическим миром могут быть построены на «нейтрализации» мировой буржуазии». (Сталин) [1])

Эта точка зрения по существу национально-реформистская, а не революционно-международная, — говорит Троцкий. Дальше: «Партия всегда исходила, — цитирует Троцкий Сталина, — из того, что победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, при чем эта задача может быть разрешена силами одной страны». Партия из этого никогда не исходила» — утверждает Троцкий. Заявление тов. Сталина, что «социализм у нас на 9/10 осуществлен», приводит Троцкого в бешенство. Ведь у нас нельзя осуществить социализма не только на 9/10, но и на 1/9. «Не найти более анти-социалистического и антиреволюционного утверждения, чем утверждение Сталина о том, что социализм у нас осуществлен на 9/10. Это как бы специально расчитано на самодовольного бюрократа». [2])

---

[1]) Троцкий — «Проект программы Коминтерна», стр. 7.
[2]) Там-же, стр. 27.

Прежде чем раз'яснить основы системы т. Сталина о построении социализма в одной стране, необходимо осветить вопрос о значении для нас международной революции и об отношении тов. Сталина к международному социалистическому движению. Нужно отметить, что величайшего значения международной социалистической революции не только не отрицал кто-либо из членов коммунистической партии, но не найдется ни одного социалиста, по крайней мере теоретически, который не признавал бы за этим движением величайшего значения. Тов. Сталин в течение более чем 25 летней своей литературной деятельности не только не отрицал выдающегося и решающего значения международной социалистической революции, но, наоборот, принципы этого движения были и остались основными положениями всей его политической философии. В «Речи в Свердловском Университеле», тов. Сталин говорил, «Победа социализма в одной стране является не самоцелью, а средством для развтия и поддержки революции во всех странах». [1]) Дальше: «Ясно, что на основе последовательного интернационализма, только на основе внешней политики Октябрьской Революции может сохранить за собой первая победившая страна роль знаменосца мирового революционного движения, что путь наименьшего сопротивления и национализма во внешней политике означает путь изоляции и разложения первой победившей страны. Вот почему потеря международной революционной перспективы ведет к опасности национализма и перерождения». [2]) Дальше: «Работа по линии укрепления социалистических элементов нашей страны, по линии победы этих элементов над элементами капиталистическими имеет решающее значение для революционирования рабочих всех стран». Дальше: «Наша борьба в нашей стране, борьба за победу социалистических элементов в нашей стране, наша строительная борьба является также международной, интернациональной по своему значению, ибо наша страна есть база мировой революции, ибо наша страна есть основной рычаг для развертывания международного революционного движения». [3]) Можно было исписать целую книгу цитатами соответствующего рода, но мы убеждены, что приведенный материал совершенно достаточен для того, что бы установить точку зрения борца за теорию построения социализма в одной стране, на значение и решающую роль международного социалистического движения для торжества социалистического строя вообще. Является совершенно очевидным для всех, что если Советская Россия делает из-зо дня в день важнейшие экономические завоевания, и на производственных фронтах ее борьба ознаменована крупнейшими успехами в условиях труднейшей борьбы с представителями международного капитала, то, при наличии социалистических государств в Европе, наше собственное социалистическое строительство пошло бы несравненно быстрее, легче, безболезненее. Кому эта истина неизвестна? Нет у нас ни одного партийца, нет даже ни одного противника из самых заядлых реакционеров, который бы отрицал те огромные усилия, которые прилагаются, как российской коммунистической партией, так и всем Коминтерном на укрепление мощи и расширение рамок международного социалистического движения во

---

[1]) Сталин — «Вопросы Ленинизма, стр. 289.

[2]) Там-же, стр. 290.

[3]) Там-же, стр. 358.

всех странах. Сам Троцкий не приводит ни одной цитаты из трудов тов. Сталина, говорящей о малом значении для нас социалистической революции в международном масштабе.

Международный социализм является целью, наша социалистическая республика является базой международной социалистической революции, — вот что говорит тов. Сталин, вот что он утверждает.

Но можем ли мы построить социализм, если европейский пролетариат, стиснутый в узкие рамки национальных государств Европы, еще долго не сумеет уничтожить буржуазию и установить социалистический строй. Можем ли мы поднять и развить нашу социалистическую промышленность? Сталин спрашивает: «Сумеем ли мы действительно без иностранной помощи произвести переоборудование и значительное расширение основного капитала нашей крупной промышленности?» Сталин отвечает: «Да, сумеем. Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом испытывать тяжелые последствия, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем произвести, несмотря на все затруднения». [1]

Троцкий утверждает, что теория построения социализма в одной стране притупляет революционную энергию европейских рабочих, которые мол, успокаиваются мыслью — чего бороться за русских, коль скоро они и без нас устраивают свой собственный социализм. Откуда это исходит? Из чего это видно? Перед европейским революционным движением стоит не только русский вопрос, а проблема рабочего класса вообще и свои собственные интересы в первую очередь. Теория Троцкого о невозможности построения социализма в одной стране без победы пролетариата в мировом масштабе является явно реакционной теорией в данную историческую эпоху, когда вопросы торжества революции являются практическими вопросами дня. Может ли с соответствующим пылом поднять знамя борьбы за социализм, например, английский рабочий, если он будет думать по Троцкому, что все равно они ничего существенного не добьются, если не пройзойдут революции в Америке, Франции, Германии и т. д. Дух уныния воцарится среди немецких и польских рабочих, если им будет известно, что их борьба не имеет решающего значения, если не будет социализма также в Англии, Америке, Франции и т. д.

Теория построения социализма в одной стране имеет огромное историческое и революционное значение для всемирного пролетарита, так как, при сегодняшнем состоянии европейского капитализма, каждая европейская страна может обеспечить развитие производительных сил своей страны, в случае низвержения рабочими буржуазии. Каждая социалистическая страна должна и будет только знать, что **установление в соседних странах социалистического строя облегчает, ускоряет и еще больше обеспечивает укрепление социализма в своей собственной стране,** и что для этого каждая социалистическая страна должна бороться за закрепление и установление социализма в прочих странах. Если, в условиях сравнительной слабой российской экономики, рабочие сами без капиталистических вожаков могут разрешить сложнейше проблемы промышленности и обеспечить ее расцвет, то тем легче это могут сделать рабочие в Германии, Франции, Великобритании и т. д., умудренные исто-

[1]) Сталин — «Вопросы Ленинизма», стр. 130.

рическим опытом, в условиях более высокой техники и науки. Глубочайшая вера русских рабочих в построение в современных мировых экономических условиях социализма в СССР и каждая табличка, показывающая под'ем социалистической промышленности, имеет величайшее мировое значение. Каждый успех советской промышленности является величайшим ударом по международной реакции и буржуазии. Каждая неудача русских рабочих окрыляет капиталистов, дает им возможность говорить своим рабочим, что развитие производства немыслимо без капиталистов, что социализм является утопией. В период военного коммунизма, когда мы находились в открытой борьбе с европейскими буржуазными правительствами, когда мы находились в процессе перестройки всех наших внутренних экономических отношений, а производство наших фабрик и земель падало, буржуазный идеолог, знакомый всем, Петр Струве кричал: «Смотрите на Россию, мы имеем на примере России опытное опровержение социализма». В «Размышлениях о Русской революции», изданной в Софии в 1921 году, Струве писал: «Мы знаем теперь, что большевизм есть и крушение социализма. В большевизме столкнулись две идеи, две стороны социализма, и это столкновение на опыте обнаружило невозможность социализма. Социализм, — учит марксизм, — требует роста производительных сил. Социализм, — учит опыт русской революции, — несовместим с ростом производительных сил, более того, он означает их упадок. Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение социализма.» Дальше: «Русские дали в социалистической революции великий урок: **опытное опровержение социализма».** [1])

Таким образом, ясно, что каждый провал экономической и социальной политики в СССР окрыляет не только птенцов русской буржуазии, но и буржуазии всех стран. Каждая неудача в социалистической политике и социалистическом строительстве Союза окрыляет также меньшевиков, и эта неудача принимает международный характер. Меньшевики утверждали, что большевизм является системой разрухи, варварства, ужасов. Большевизм и невозможность развития экономических сил при большевиках являются препятствиями международной революции, — говорил Церетели. В одной из своих тифлисских контрреволюционных речей Церетели утверждал: Большевистской разрухой пользуется буржуазия, которая рисует перед народными массами действительную (?! — **Т. Гл.**) картину большевизма и говорит ей: выбирайте между тем, что у вас есть теперь и большевизмом, к которому стремятся социалисты». Чтобы освободиться от большевистского влияния нужно, что бы рабочие сами удостоверелись в ужасах производимых большевиками». Только тогда, — говорил Церетели, — когда будет изжит большевизм в России, или когда европейские рабочие, в лице своих делегаций, получат возможность непосредственно ознакомиться с действительной картиной большевистской России, европейкий пролетариат будет во всех своих слоях оздоровлен и сможет выступить, как сплоченная творческая сила, способная осущетвлять поставленные перед ней историей великие задачи». [2]) Так говорил меньшевистский злотоуст в 1920 году. Таким образом, внутреннее положение советских республик

---

[1]) Струве — «Размышления о русской революции», стр. 16—17.
[2]) См. мою «Азиатская политика большевиков», стр. 41—48.

имеет колоссальнейшее значение для международного социалистического движения. Построение социализма в одной стране имеет решающее значение для гибели всего желтого интернационала и воодушевления широчайших слоев трудящихся всего мира. Революционизирующее значение строительства социализма в СССР прекрасно понимал тов. Сталин. Нужно показать наши экономические достижения всем европейским рабочим, нужно показать европейским рабочим, как русские рабочие управляют государством и с успехом руководят социалистической промышленностью. Тов. Сталин писал: «Ни перед какими расходами, ни перед какими жертвами мы не можем и не должны останавливаться для того, чтобы помочь рабочему классу Запада посылать к нам своих делегатов, чтобы помочь им убедиться, что рабочий класс, взявши власть, способен не только разрушить капитализм, но и строить социализм. Они, рабочие Запада, по крайней мере многие из них, все еще уверены, что рабочий класс без буржуазии не может обойтись. Этот предрасудок есть основная болезнь рабочего класса на Западе, прививаемая ему социал-демократией». Сталин особо подчеркивает эту мысль. Придавая величайшее значение построению социализма в одной стране, Сталин считает нужным показать европейским рабочим социалистические отношения СССР. Не только мы, но и они могут построить социализм в их стране. Сталин повторяет: «Ни перед какими жертвами мы не остановимся для того, чтобы дать возможность рабочему классу запада через своих делегатов убедиться в том, что рабочий класс, взяв власть, способен не только разрушать старое, но и строить социализм». [1]) Таким образом, практика российской социалистической действительности, как и теория построения социализма в одной стране, имеет великое революционизирующее значение. Строить социализм у себя, и где можно, поощрять, поддерживать и всеми силами помогать международному социалистическому движению, ускоряющему и облегчающему построение социализма, как в одной стране, так и во многих странах — вот в чем заключается дух и сущность теории построения социализма в одной стране.

Конечно, всеми этими доводами вовсе не исчерпывается смысл системы построения социализма в одной стране. Исторические и экономические условия, в рамках которых выдвигается эта теория, имеют не побочное, а основное значение. Мы выше указывали, что утописты также считали возможным построение социализма в одной стране, даже в одной какой нибудь колонии, коммуне. Тоже самое говорил и Фольмар и другие, но между учениями утопистов и учением Сталина нет ничего общего, нет никакого, даже самого отдаленного сходства. **Утописты не обращали никакого внимания на общие исторические и экономические условия того мира, который их окружал,** а Фольмар говорил об изолированном и даже автархическом социалистическом государстве. Кто будет подходить к системе построения социализма в одной стране с точки зрения изолированного и автархического государства, тот никогда не поймет основных черт учения Сталина. Тов. Сталин никогда не предполагал строить изолированного государства, точно также и автархического общества.

---

[1]) Сталин — «Вопросы Ленинизма», стр. 351.

Система построения социализма в одной стране исходит из учета всех тех исторических и экономических сил, в условиях которых приходится эту систему строить.

Конечно, построение социализма в одной стране немыслимо представить себе вне пространства и времени. **Безусловно нельзя построить социализм даже в нескольких странах, если мы находимся в процессе зарождения только лишь феодального хозяйственного строя. В 20 веке социализм возможно построить потому, что об ективные мировые условия вполне погдотовлены для социализма,** что общественные основы хозяйства настолько широко развиты в самом капиталистическом мире, что капитализм уже не является лучшим фактором политического и экономического прогресса. В это же время политическая ситуация капитализма настолько усложнена, противоречия внутренних и внешних классовых сил настолько перепутаны, что эта ситуация оказывает задерживающее влияние на развитие существующей системы экономической жизни. **Нужно знать, что страны советов покоятся не только на своих внутренних силах, но эта запутанность интересов внешних сил облегчает странам советов также их дальнейшее поступательное движение и развитие.** Мы оставляем вне обзора всю кооперативную систему потребления и производства, коими так изрезан весь современный капиталистический мир.

Эд. Бернштейн был совершенно прав, когда, исходя из подобных фактов, констатировал громадный успех социализма в 20 веке. Социалистическая ячейка и социалистическая организация по существу настолько проникли во всю систему капиталистического строя, что один из самых ярких буржуазных деятелей и мыслителей, Эдмунд Фишер доказывал: **уже нельзя установить, где кончаются границы буржуазного общества и где начинаются границы социалистического общества.** Мы живем, — говорит Эд. Фишер, — в буржуазном обществе, в котором развиты социалистические отношения. Когда эти отношения достигнут известной высоты и одержат перевес над другими, сможем сказать: мы живем в социалистическом обществе». [1]) В устах буржуазного мыслителя эти положения приобретают особую ценность.

Даже такой настойчивый защитник капиталистического способа производства, каким является В. Зомбарт, в своем новейшем труде вынужден признать, что в самом ближайшем будущем капитализм потеряет свое господствующее положение: «Der Kapitalismus wird die vorherschaft verlieren» [2]). **Вся социально-экономическая атмосфера современности проникнута социалистическим духом.** Социализм перестал быть вопросом философии и социологии, он — программный вопрос, он — вопрос тактики и действия. Это ясно даже для такого меньшевика, как Отто Бауер. «Социализм сделался исторической необходимостью, — говорит О. Бауер, «Kommen wird er auf jeden Fall» — он придет во всяком случае». Вопрос только в том, каким путем он придет». [3])

Естественно, что **в условиях современного капитализма, когда социалистическими отношениями проникнута вся общественная жизнь,**

---

1) Edmund Fischer — „Das sozialistische Werden", Leipzig, 1918, S. 552. — Ed. Bernstein — „Der Sozialismus einst und jetzt", Berlin 1923, S. 142, 144.

2) Sombart — „Das wirtschaftliche eZitalter des Hochkapitalismus". S. 1012.

3) Bauer — „Der Weg zum Sozialismus", S. 36.

каждая социалистическая республика вовсе не является островом Робинзона Крузо или «Замкнутым государством» Фихте. Социалистические отношения в одной стране тесно увязаны с социалистическими отношениями в других странах. Нужно помнить, что в европейских государствах социализм не восторжествовал по причине ряда локальных и местных условий и по причинам политического порядка. Мы продолжаем настаивать на мысли, **что тот, кто сейчас думает, что советские социалистические отношения являются отношениями исключительно российскими, и что эти отношения не связаны об'ективными социалистическими условиями прочих стран, тот, очевидно, совершенно не разобрался в самых элементарных политико-экономических явлениях и вопросах** всей окружающей современности.

Тов. Сталин, при построении системы социализма в одной стране, все время имеет в виду и учитывает исторические и экономические условия, в окружении коих приходится строить социализм. «Очень может быть, — говорит тов. Сталин, — что производство и торговля в Европе могут дойти до довоенного уровня. Но это еще не значит, что капитализм этим самым достигнет той устойчивости, которую он имел до войны. Такой устойчивости он никогда не достигнет больше. Европейские страны, продолжая эксплоатировать свои колонии, сами попали теперь в финансовое подчинение Америке, в виду чего в свою очередь Европа эксплоатируется и будет эксплоатироваться Америкой» [1]. Как видите, тов. Сталин дает в первую очередь общую характеристику состояния капитализма, по которой внутренняя слабость европейского капитализма обеспечивает поступательный ход социализма у нас. «В лагере капитализма, — говорит Сталин, — нет единства интересов и спайки, там царит борьба интересов, распад, борьба между победителями, борьба между всеми империалистическими странами». [2] Это противоречие и общее распадочное состояние капитализма, раньше неизвестное истории капитализма, осложняется ежедневно тем, что правовое и материальное положение рабочих масс все ухудшается, что пролетариат Европы чрезвычайно быстро освобождается от империалистического угара, ослеплявшего его в эпоху довоенного времени. На фоне оскудения капитализма пролетариат открывает против своей национальной буржуазии тяжелый фронт экономической и политической борьбы. В настоящее время рабочий вопрос для всех европейских буржуазных государств является сложнейшим вопросом, внутренняя классовая борьба рабочих в странах Европы запутывает карты буржуазии и в высшей степени связывает ей руки во внешних контр-революционных наступлениях. Вспомните эпоху интеренции Одессы французскими войсками совместно с войсками румынскими, греческими, алжирскими и сенегальскими. Французские офицеры все время боялись большевизации французских солдат, а Френдамбер заявлял: «большевистская армия, похожа на французскую (революционную) армию 1794 года, которая сражается из за идеи» [3]. Эта боязнь Френдамберов является весьма симптоматической для состояния духа армий империалистических государств. После этих заявлений Френдамбера прошло больше

---

[1] Сталин — «Вопросы Ленинизма», стр. 388.

[2] Там-же, стр. 348.

[3] И. Милюков — «Россия на переломе», Париж, 1927 г., т. II, стр. 100.

9 лет, за это время очень многое изменилось. Положение победившей буржуазии ухудшилось, ее блестящие перспективы потерпели крах, страх перед развалом и обострение классовой борьбы перепутали ее карты и обуздали ее авантюристические аппетиты.

Вот при таких конкретных исторических условиях закладывались основы строительства социализма в одной стране. В противовес сомнительной стабилизации пошатнувшегося Запада мы имеем «в нашей стране, — по заявлению тов. Сталина, — здоровую крепнущую стабилизацию, рост нашего хозяйства, рост нашего социалистического строительства».[1])

Отстающий капитализм Европы, состояние которого в высшей степени осложнено и запутано географией Версаля, ставит всю Европу в тяжелые политические условия. Все главные государства Европы фактически представляли из себя огромную фабрику, производящую фабрикаты для всего мира. Внутренняя сила экономики заставляет буржуазные правительства Европы входить в торогово-промышленные отношения с силами, с которыми в иных условиях они вовсе не вели бы торговли. Мы торгуем с Америкой, хотя не имеем с ней нужных политических отношений, мы продолжаем торговать с Англией, хотя она порвала с нами дипломатические отношения. Если капиталистическая Европа об'явит нам блокаду, эта блокада будет нарушена самими европейцами также, как французы нарушали об'явленную ими же блокаду Англии. Нам нужны экономические связи с промышленностью Европы и никто не в силах эти связи уничтожить. Эти отношения необходимы и нам и им. Мы можем основывать наше соцалистическое строительство и на этих отношениях. **Таким образом, система построения социализма в одной стране покоится не на замкнутости нашего хозяйства (Фихте), не на изолированности нашего государства (Фольмар), и не на строительстве коммун в виде колоний (утописты), а на самой широкой связи со всем миром. Плановое хозяйство вклинивается в анархическое капиталистическое царство и подчиняет его себе.**

Теперь несколько слов об отношении Маркса, Энгельса и Ленина к теории построения социализма в одной стране. Во времена Маркса и Энгельса капиталистическое общество знало ряд попыток устроения «социалистических» обществ разного рода утопистами, к которым К. Маркс и Фр. Энгельс относились отрицательно. В «Коммунистическом манифесте» мы имеем критику этих попыток. «Собственно коммунистические и социалистические системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. появились в первый раз в значительный период борьбы между пролетариатом и буржуазией. Творцы этих систем видели уже антогонизм классов, но они не видели в пролетариате исторической самодеятельности, никакого свойственного ему одному политического движения. Еще неразвитая борьба классов, равно как и собственное положение, приводили к тому, что утописты считали себя стоящими выше всякого антагонизма классов. Они хотели улучшить положение всех членов общества, не исключая самых высокопоставленных. Поэтому они обращались всегда безразлично ко всему обществу и даже преимущественно к господствующему классу. Они стремились достигнуть своей цели мирным путем и посредством малень-

[1]) Сталин — «Вопросы Ленинизма», стр. 348.

ких, естественно неудавшихся экспериментов, они хотели силой примера проложить путь новому общественному евангелию». [1]) Капитализм в это время представлял из себя весьма сложную механику международного разделения труда, с широким товарообменом и сильной политической организацией. **Он был фактором, двигающим историю вперед. Он уничтожал все препятствия на своем пути, на него не могли оказывать какого либо влияния хрупкие и безжизненные ячейки утопистского происхождения.** Маркс, полный иронии, писал: **«До сих пор еще пытаются они осуществить свои утопии путем учреждения отдельных фаланстеров, заведения коммунистических колоний, маленьких Икарй — этого карманного издания нового Иерусалима.** Для постройки всех этих воздушных замков они вынуждены взывать к человеколюбию буржуазных сердец и кошельков. Мало по малу они переходят в категорию реакционных и консервативных социалистов». [2]) К. Маркс и Фр. Энгельс не могли иначе относиться к этим незаконорожденным филантропическим попыткам утопистов в особенности в тот момент, когда развитие мировых экономических отношений вызвало бурный расцвет всего общества.

Буквально тоже самое сказано Энгельсом, в «Принципах коммунизма». Как известно, этот труд является одним из вариантов «Коммунистического Манифеста». В сороковых годах, в этой эпохе увлечения утопическим социализмом, когда со всех сторон были слышны призывы к насаждению коммунистических колоний фаланстеров, икарий и пр., когда обществу преподносили в буквальном смысле слова «карманный» социализм, Энгельс выступил против утопистов и дал совершенно иную концепцию: «эта (социалистическая — **Т. Гл.**) революция не совершится в какой либо одной стране» [3]). С этим общим положением Энгельса, конечно, нельзя не согласиться, ибо в условиях экономики 40-х годов и увлечения утопическим социализмом это положение являлось совершенно необходимым. Нужно хорошо знать, что в это время они вообще не представляли себе возможности построения социалистического общества — ибо Энгельс и Маркс только лишь закладывали фундамент теории классовой борьбы пролетариата. В это время пред рабочими Европы стояли самые элементарные вопросы социализма, а в брошюре — «Принципы коммунизма» — Энгельсу приходилось ставить для раз'яснения вот какие вопросы: «Что такое пролетариат?, «Как возник пролетариат»?, «Чем отличается пролетариат от крепостного?, «Какие трудящиеся классы существовали до промышленной революции» и т. д.

Как известно, Маркс и Энгельс не дожили до эпохи, так называемого империализма, когда капиталистический строй, по признанию самых буржуазных экономистов, изжил себя. Они не имели случая быть свидетелями той мировой бойни, до которой капитализм довел человечество, они не знали **разрухи и упадочного состояния капитализма,** чтобы ставить соответствующие прогнозы. Но **они жили в эпоху капиталистического расцвета,** с которым они не могли не считаться. «При всеобщем благополучии, — писал Маркс «в Новой Рейнской

[1]) Маркс и Энгельс — «Коммунистический манифест», стр. 85.
[2]) Там-же, стр. 86.
[3]) «Принципы коммунизма», стр. 24.

газете», — когда так пышно развиваются производственные **силы буржуазного общества, насколько это вообще возможно внутри буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи».** [1]) Вся эпоха «Капитала» характеризовалась под'емным состоянием капитализма, постепенным расширением и применением во всех областях новых способов капиталистического производства, так что, за единственным исключением (Комуна 1871 г.) авторы научного социализма не имели конкретного материала для всестороннего освещения тех форм революции и социализма, какие мог иметь капиталистический строй, находящийся в стадии разложения. Система построения социализма в одной стране перед К. Марксом и Фр. Энгельсом не вырисовывалась ни в какой степени, и этот вопрос не был нигде освещен. Даже в частной переписке они не обомолвились об этой системе ни одним словом. Однако, родоначальникам научного социализма был известен закон неравномерного хозяйственного и политического развития стран, хотя ими этот закон не был в достаточной степени формулирован. На основании этого закона нельзя было выработать схему шаблонных политических мероприятий, пригодных одновременно для различных стран с разнообразными социально-экономическими условиями. По системе Маркса мы могли здесь иметь ряд мероприятий, соответствующих об'ективным условиям места, времени, ситуации и т. д. Известно, что Ленин учитывал все обстоятельства для победы, известно, что Маркс указывал парижским коммунарам план действий, расположение фортов, тактики и т. д. В 1896 году Маркс писал Энгельсу: «ступени развития различных слоев рабочих одной и той же страны и также степень развития рабочих классов разных стран, конечно, очень различны, а потому действительное движение получает свое выражение в теоретических формах чрезвычайно различных». [2]) Исходя из этих основных положений, Маркс и Энгельс прекрасно видели, что английские политические условия складывались иначе, чем французские, германские еще иначе, чем итальянские и т. д. В письме от 20-го Июля 1870 г., а также и в других письмах, К. Маркс обращает внимание Энгельса на эти особенности». [3])

К. Маркс был не только величайшим абстрактным мыслителем, но и великим политиком и стратегом. Мельчайшие Кельнские злободневные вопросы он умел ставить в плоскость больших и принципиальных вопросов современности и, приписывая решающее значение об'ективным силам исторического развития, не упускал из виду мелких случайностей, подчас играющих огромную роль. Поэтому общая точка зрения Карла Маркса на исторические явления не укладывалась в рамки предвзятых шаблонов, и он не приводил к одному знаменателю чрезвычайно разнообразных условий государств, находящихся на различных ступенях культурного, политического и экономического развития. В 1871 г. Маркс писал Кугельману: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы случайности не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно,

---

[1]) К. Маркс — «Кольнский процесс коммунистов», стр. 21.
[2]) К. Маркс и Фр. Энгельс — «Письма», 1923 г., стр. 207.
[3]) Там-же, стр. 215.

сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих случайностей, среди которых фгурирует также и такой случай, как характер людей, стоящих в начале во главе движений». [1]) При наличии огромных экономических достижений мирового хозяйства мы имеем на одном лишь европейском континенте чрезвычайно различное расположение экономических и политических сил, и, естественно, учтенные Марксом случайности подчас играют довольно значительную роль. Мы имеем прекрасный материал, иллюстрирующий эти положения, в исторических событиях 1917—1919 г.г. в Европе. Таким образом, международное движение в практической действительности может разложиться на ряд даже самостоятельных национальных движений, принимая в рамках национального государства, свойственные этому государству специфические черты. В известных конкретных условиях это обстоятельство не может помешать наступательному ходу социализма. Мы категорически возражаем против догматического и шаблонного восприятия идей международной революции. Международную революцию нельзя отрицать или принимать по чисто внешним признакам. Международная революция не может быть оспариваема тем обстоятельством, что она начнется и завершится сначала в одной какой либо стране. Революция в России, Австро-Венгрии и Германии в 1917—18 г.г. являются великими движениями международного характера, и мы продолжаем утверждать, что эти революции пока еще не являются окончательно завершенными. Последствия этих революций еще скажутся в ближайшем будущем.

Международные революции преимущественно свойственны капиталистической эпохе. Но процесс социалистической международной революции является для буржуазного общества самым тяжелым. Переход от капиталистического общества к социалистическому нельзя ни в какой мере сравнить с переходом от феодального общества к буржуазному. В этом последнем случае мы имеем два общества, основанных на одном и том же принципе — частной собственности, тогда как переход от капитализма к социализму означает ломку всех принципиальных позиций и нарушение основных постулатов всех систем обществ, кои только известны истории человечества. Ясно, что революционная борьба социализма с капитализмом будет протекать в самых тяжелых формах, социалистическим силам придется принести этому движеню огромнейшие жертвы, и можно наперед сказать, что эта напряженная борьба, во первых, будет иметь довольно затяжной характер, и, во вторых, эта борьможет выражаться в различнейших формах и вариантах, применительно к конкретным обстоятельствам места и времени. Идея международной революции должна быть усваиваема только лишь с этой точки зрения. Все эти условия и обстоятельства весьма четко оформлены последним (VI) Конгресом Коминтерна.

К. Маркс и Фр. Энгельс не имели перед собой современного упадочного капиталистического строя и не могли высказываться ясно и конкретно о возможностях торжества социалистической революции и построения социализма в одной стране в условиях разваливающегося капитализма. Но по всему духу марксистского учения можно

[1]) К. Маркс — «Гр. война во Франции 1871 г.», «Прибой», 1926 г., стр. 72.

заключить, что они такую возможность допускали совершенно определенно. Если считать тов. Ленина лучшим истолкователем марксизма, то изучая взгляды Ленина, мы можем понять отношение основоположников научного социализма к теории построения социализма в одной стране.

Наши противники стараются и любят проводить разные цитаты из трудов т. Ленина, говорящие о возможности построения социализма только лишь при одновременном установлении социализма во многих странах. Они, действительно, находят у т. Ленина соответствующие цитаты. И это совершенно неудивительно. О величайшем решающем значении международной социалистической революции можно подобрать множество цитат не только у Ленина, но и у каждого заурядного социалиста. Это всем великолепно известно. Мы можем еще больше сказать: при наличии социалистического окружения и Россию можно было бы социализировать если бы даже эта Россия была социалистически совершенно неподготовлена. В письме к Ткачеву Фр. Энгельс о России в 1875 году писал: «при известных условиях можно будет придать теперешней русской общине высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общиной собственности в России, в Западной Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянству предварительные условия для такого перехода». Дальше: «Если что и может спасти русскую общину и дать ей возможность перейти в новую форму, так это именно пролетарская революция в Западной Европе». [1]) Эту знаменательную выписку из довольно большого письма Фр. Энгельса мы приводим исключительно потому, что она в высшей степени резко определяет большое значение международной пролетарской революции. Международная социалистическая революция и установление социалистического строя в важнейших государствах Европы чрезвычайно ускорит оформление и укрепление нашего социализма и поможет быстрому под'ему благосостояния широчейших слоев нашего трудового населения. Сколько сотен миллионов рублей было бы вложено нами в нашу промышленность, наше сельское хозяйство, если бы мы не были вынуждены выбрасывать их на дело обороны! Разгром окружающего нас империализма и установление вместо капитализма социализма имеет для нас величайшее значение и, естественно, что т. Ленин всегда призывал нас и европейских рабочих к международной революции. И было бы удивительно если бы Ленин к этому не призывал!

Когда оппозиционеры и позиционеры роются в сочинениях тов. Ленина, что бы выудить у него соответствующие места о невозможности или возможности построения социализма в одной стране, обоим лагерям удается находить желаемые места у Ленина. Это бесспорно. Где же тут истина? Всем известно, что тов. Ленин обладал железной логикой, крепкой волей, известно, что он чеканил мысль и точно определял исторические перспективы. Спрашивается, откуда эти противоречия у Ленина? Действительно, тов. Ленин обладал железной логикой, но если мы хотим познать эту логику, то должны сами об-

---

[1]) См. сб. «Революция и Р.К.П. (б)», т. I, стр. 40—41.

ладать хотя бы простейшим рассудком, иначе, ясные мысли тов. Л е н и н а сделаются для нас египетскими иероглифами.

Чрезвычайно характерно, что оппозиционеры берут цитаты тов. Л е н и н а, как начетники, ни разу не представляя себе выступлений и статей тов. Л е н и н а в конкретной исторической обстановке. Мыслимо ли изучать мысли тов. Л е н и н а с точки зрения чистой абстракции и метафизически? Никогда! **Изучая мысли Л е н и н а, вы должны изучить обстановку, общие условия, место, эпоху, буквально все важнейшие социально-политические и исторические моменты, влияющие на его мысли, определяющие их.** Иначе Л е н и н а никогда не познать. Этой методике не следует ни один оппозиционер, хотя они на каждом шагу говорят об историческом материализме и ленинизме.

Во взглядах тов. Л е н и н а на счет построения социализма в одной стране мы должны установить три периода. Первый период до эпохи мировой войны, второй период 1914—1921 г.г., вплоть до новой экономической политики, и третий период после НЭП'а. Мы отметили выше, что рассматривая в историческом процессе взгляды тов. Л е н и н а на теорию построения социализма в одной стране, мы увидим, как **тов. Л е н и н постепенно и все ярче определял возможность построения социализма в одной стране.** Если мы проследим взгляды тов. Л е н и н а с точки зрения установленных нами периодов, это положение будет еще более ясно. Действительно, в первую эпоху (до 1914 г.) Л е н и н не высказывался относительно этой теории также, как и все прочие марксисты. Во это время Л е н и н придерживался того положения, которое своевременно было формулировано К а у т с к и м, говорящим: «Мы говорим не о том, **что будет,** а о том что **может быть».** В эту эпоху взгляды Л е н и н а на строительство социализма в одной стране неизвестны. Во вторую эпоху (1914—1921 г. г.) у Л е н и н а мы находим соответствующие мысли, а в третью эпоху мысли Л е н и н а все чаще и чаще останавливаются на этой теории.

В «Проекте программы Коминтерна» Л. Т р о ц к и й берет обращение Л е н и н а к швейцарским рабочим для характеристики взглядов Л е н и н а, на невозможность построения социализма в России. Это письмо Л е н и н а появилось в печати в Сентябре 1917 г. Л е н и н говорит в этом обращении следующее: «Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию». Еще: «В России не может непосредетвенно и немедленно победить социализм». Еще: «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм». [1]) Мы выписали здесь из этого ленинского обращения все то, что так радует троцкистов. Но что же говорят эти цитаты? В каких исторических и конкретных условиях писал Л е н и н эти строчки? Мы утверждаем, что в эту эпоху и в этот момент не нашелся бы ни один человек, ни С т а л и н, ни Р ы к о в, ни Б у х а р и н, ни М о л о т о в, ни кто либо другой, которые могли бы предложить иные мысли. В это время не только нельзя было хладнокровно сидеть в кабинете и взвешивать силы социализма в России, но даже самые элементарные политические и экономические вопросы не были еще сформулированы. А вместе с тем тов. **Л е н и н находился**

---

[1]) Ленин — «Письма», т. XIV, ч. 2, стр. 107.

в обстановке поднимающейся международной революции. В начале 1917 года в статье «Политические партии в России и задачи пролетариата» Ленин писал: «необходимо, что бы советы рабочих и пр. депутатов тотчас делали практические возможные шаги к осуществлению социализма». [1]) Так писал Ленин в условиях только что ликвидированной войны, когда ликвидация войны создала благоприятную почву для международной революции. **«Надо считаться с об'ективным всемирным положением социализма».** [2]) «Война привела все человечество на край пропасти, гибели всей культуры. Выхода нет, кроме революции пролетариата». В сентябре этого же года Ленин писал: **«Социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно практически».** [3]) Дальше: «Наша революция непобедима, если она не будет бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, **ибо за нами стоят еще неизмеримо большие всемировые силы пролетариата».** [4]) В это же время: «В Германии капиталисты травят, как изменника, К. Либкнехта. Во Франции правительство капиталистов республиканцев держит в тюрьме французского Котана и русского Раева. В капиталистической Англии держат на каторге английских правдистов». [5]) Дальше: **«Власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены в России и во всем мире».** [6]) Дальше: «Не наше нетерпение, не наши желания, а об'ективные условия, созданные империалистической войной, завели все человечество в тупик, поставили его перед диллеммой: или погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру, или передать власть во всех цивилизованных странах в руки реолюционного пролетариата, осуществить социалистический переворот». [7]) **Вот в каких мировых политико-экономических условиях писал тов. Ленин свое обращение к швейцарским рабочим. Находясь еще на чужбине, не располагая еще властью, не имея никакой возможности взвешивать свои собственные силы, при условии, когда стены империалистических государств шатались во всей Европе, мог ли Ленин, или кто либо иной, говорить швейцарцам, что мы только лишь в России построим социализм.** В условиях и в эпоху, когда на революционном языке еще торчали слова «демократия», «учредилка», «совещания», когда нужно было писать о том, «удержат ли большевики государственную власть», нужно было быть не Лениным, а набитым дураком для того, чтоб говорить о построении социализма в своей собственной стране. Мыслимо ли приводить подобные места из Ленина и не указывать содержания всей эпохи и характера момента. Приведенные Троцким цитаты не только не оправдывают явно реакционных взглядов Троцкого, но они обличают его в недобросовестности использовании материала с целью заведомо запутать читателей и ввести в заблуждение партийную массу.

---

[1]) Ленин — «Политические партии в России и задачи пролетариата», т. XIV, ч. I, стр. 65. Курсив везде мой — **Т. Гл.**

[2]) Там-же, стр. 62.

[3]) Там-же, т. XIV, ч. II, стр. 209.

[4]) Там-же, стр. 250.

[5]) Там-же, стр. 85.

[6]) Там-же, стр. 271.

[7]) Там-же, стр. 406.

Повторяю, немыслимо было утверждать в это время систему построения социализма в одной стране, ибо, кроме общих и основных международных революционных показателей, Ленин не мог видеть более конкретных и детальных форм социализма в каждой стране в отдельности. Чтобы понять ситуацию этой эпохи достаточно взять из указанного же обращения Ленина к швейцарским рабочим следующее место: «Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России, на известное, **быть может,** очень короткое время, застрельщиком революционного пролетариата всего мира». [1]) Вот при каких условиях писал Ленин и какие перепективы открывались перед ним. Не смешно ли требовать от Ленина в это время формулировки системы построения социализма в одной какой либо стране? Троцкий, демонстрируя мысли Ленина о международном характере революции, выступает перед нами в позе победоносного героя, забывая, что это геройство не заслуживает никакого уважения.

Еще несколько слов о других цитатах Ленина, приводимых Троцким. Все эти цитаты принадлежат эпохе 1918—1920 г.г. Ни одну мысль тов. Ленина нельзя понять, если не иметь точного представления о характере и существе эпохи, в какой действовал и мыслил тов. Ленин. Нужно знать Ленина, чтобы пользоваться его цитатами, а Ленин показывал нам пример, как нужно относиться к цитатам. Когда Бухарин на книгу Ленина «Государство и Революция» дал восхищенную рецензию, Ленин обрушившись на Бухарина, писал: «Бухарин не увидел того, что нужно было увидеть, и это случилось потому, что **он писал свою рецензию в апреле, а брал в цитатах то, что для апреля устарело».** (т. XV, стр. 242). Нужно ли удивляться, что Троцкий, Зиновьев и др. никогда не брали цитат тов. Ленина с учетом исторической обстановки и тех перспектив, в условиях коих статьи и речи Ленина появлялись.

После швейцарского обращения тов. Ленина мы имеем период 1918—1920 г.г. В октябре 1917 года Ленин поднял знамя социалистической революции в России. Нужно заметить, что вся жизнь тов. Ленина, любое выступление его было проникнуто величайшим духом оптимизма и все обстоятельства времени, все условия борьбы, буквально каждое явление жизни он использовывал для внесения этого оптимизма и бодрости в среду рабочего класса, никогда не теряя уверенности в победе социалистического дела.

Два факта имел Ленин перед собой в 1917—1920 г.г. Первый — полнейшую растерянность, разруху и путаницу в Европе, где вся атмосфера была пропитана революционным духом, и второй: страшную экономическую разруху и бедствие в России при наличии диктатуры пролетариата.

Как харатеризовал Ленин внутренние отношения России? В июне 1918 г. Ленин писал: «Перед нами сейчас стоит самая основная задача всего человеческого общежития — **победить голод, уменьшить, по крайней мере, немедленно непосредственный мучительный голод,** которым охвачены обе столицы и десятки уездов в земледельческой России. **Нужно каждый пуд хлеба взять на учет,** чтобы ни один пуд

---

[1]) Курсив Ленина, стр. 406.

хлеба не пропал. Только так можно спасти страну от голода». [1]) Наряду с голодом промышленная жизнь страны находилась в полной разрухе и развале. И вопросы голода и промышленности приходилось разрешать «в обстановке гражданской войны, самого бешенного отчаянного сопротивления эксплоататоров всех рангов, всех мастей, всех цветов и ориентации». [2]) Внутреннее положение России осложнялось еще и тем, что гражданская война против всех сил реакции перемежалась с войной почти что со всеми крупнейшими государствами мира. По Черчилю 14 европейских государств боролись против большевистской России. В этих отчаянных внутренних и международных условиях находилась страна в годы 1918—1920. Это было время, когда приходилось реконструировать буквально все производственные отношения. Кто мог в этих исключительно тяжелых условиях говорить, что мы в России, без всякой помощи извне, окончательно построим социализм! **О каком окончательном построении социализма можно было говорить, когда голод и вражеский меч висели над головой октябрьской рволюции?**

В эту тяжелую эпоху история должна была выдвинуть Ленина, этого железного революционера, который мог внести бодрость духа в массы и организовать революционные силы, могущие преодолеть величайшие затруднения. К тому же европейские отношения действительно давали чрезвычайно богатый материал для воодушевления наших рабочих. **Чем слабее мы были у себя, тем больше мы возлагали надежд на помощь извне.** «Наше спасение от всех трудностей, — говорил тов. Ленин, — во всеевропейской революции. Германская революция зреет. **У меня нет и тени сомнения, что пролетарские массы Петрограда и Москвы, шествуя впереди революции, поймут обстоятельства, поймут, какой мы переживаем сейчас грозный момент,** они будут еще решительнее, и пролетариат свергнет и англо-французское и чехо-словацкое наступление в интересах социалистической рволюции». [3]) Дальше: **«Кризис в Германии только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата.** Российский пролетариат с величайшим вниманием и восторгом следит за событиями». [4]) Дальше: «Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег во всемирной рабочей революции. Возможны самые быстрые перемены». [5]) Чрезвычайно характерно, что все выступления Ленина **за это время, все его крупные статьи неизбежно кончаются верой в мировую революцию,** и Ленин глубоко убежденный в об'ективных социалистических силах все время воспламеняет наших рабочих и крестьян международной революцией. **За крайне редким исключением все выступления Ленина в эту эпоху проникнуты этой верой.** Ленин использовывал буквально все моменты, буквально все обстоятельства для дела социализма. Для дела торжества социализма у него все средства святы, все мероприятия приемлемы. Весьма характерно, что в эту эпоху Ленин очень мало говорил о наших социалистических достижениях, о том, что мы одни сумеем построить социализм в одной стране, но **сквозь все выступления Ленина бьет ключем вера и мысль и на-**

---

[1]) Там-же, т. XV, стр. 294 и 313.
[2]) Там-же, стр. 313.
[3]) Там-же, стр. 403, 129 и др.
[4]) Там-же, стр. 420.
[5]) Там-же, стр. 422.

дежда, что мы и без посторонней помощи можем построить социализм. Но демонстрировать эту точку зрения именно в этой обстановке, в конкретных условиях момента было бы менее целесообразно, менее тактично, ибо то что видел и осязал Ленин могли видеть очень немногие.

Мировые события для дела социализма Ленин использовал в полной мере. В этот исторический момент, когда на ряду с российской революцией поднимались волны европейских революций, нельзя было говорить о нашей революции, как революции одной страны. **Данная эпоха была лучшей эпохой международных вопросов,** международных докладов, международных действий. **Девять — десятых выступлений Ленина в это время трактуют именно проблемы международного характера.** Но если бы кто-либо поставил ему вопрос конкретно о том, можем ли мы одними своими силами построть социализм, то, вне всяких колебаний, против таких пессимистов и маловеров, поставивших такой вопрос, Ленин выступил бы как лев и громил бы их за малодушие. Нет, «абсолютно безвыходного положения не существует» — утверждал Ленин, он верил в наш социализм в первую очередь при всех обстоятельствах, он никогда, ни в каких условиях не терял этой веры. В «докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров» от 11-го января 1918 г. Ленин говорил: «Мы далеки от того, чтобы закончить даже переходный период от капитализма к социализму. Мы никогда не обольщали себя надеждой на то, что сможем докончить его без помощи международного пролетариата. Мы никогда не заблуждались на этот счет и знаем, как трудна дорога, ведущая от капитализма к социализму, но мы обязаны сказать, что наша республика Советов есть социалистическая, потому, что мы на этот путь вступили и слова эти не будут пустыми». [1]) В этом же докладе (11 января 1918 года) Ленин говорит: «Конечно окончательная победа социализма в одной стране невозможна», [2]) но Ленин никогда не представлял Россию в изолированном виде, он всегда видел те об'ективные внешние силы, которые **фактически** поддерживали и помогали нашей социалистической революции. Когда после разгрома германской, австро-венгерской, болгарской, сербской и пр. революций вопрос о международной революции в Европе был снят с порядка дня, Ленин не переставал верить, что даже ослабевшие руки европейских рабочих оказывали помощь нашей революции. На Московской Губернской конференции в 1920 году Ленин говорил: «Мы говорили, что наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран. Вышло так, что они поддержали наполовину, ибо **ослабили** руку, поднявшуюся против нас, но все-же и этим оказали нам помощь». [3]) Эта помощь все время шла, идет и будет итти дальше. Социализм в Европе живет и крепнет сейчас, но если мы этого не видим сейчас, то это прекрасно видит великолепно видящий, наш классовый враг, — буржуазия. Для Ленина эти обстоятельства были ясны во все этапы его деятельности. И, когда он писал на странице 87 (т. XV) вышеприведенной статьи, что «окончательная победа социализма в одной стране невозможна», понимая эту страну как изолированное хозяйство, то на этой же странице он утверждал: **«Когда нам изображают**

---

[1]) Ibidem, стр. 82.
[2]) Ibidem, стр. 87.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 192.

трудность нашего дела, когда нам говорят, что победа социализма возможна только в мировом масштабе, то в этом мы видим только попытку, особенно безнадежную, буржуазии и ее невольных сторонников извратить самую непреложную истину». [1]) Увязывая построение социализма в России с торжеством социалистической революции на Западе, пропагандируя это основное положение многие думают, что для российской социалистической революции международная революция является единственной базой. К. Каутский писал: «Революция в Европе, которая принесла бы там социализм и укрепила его, должна была также стать средством для устранения тех помех, которые ставились в России осуществлению социалистического призводства экономической отсталостью страны. Все это было очень логично и хорошо обосновано, если только допустить основное предположение: что русская революция неминуемо должна развязать европейскую. Ну, а как же в том случае, если этого не случится?» Как видите, вопрос был поставлен К. Каутским совершенно элементарно, как мог поставить любой бюргер из каутского Шарлоттенбурга. Ленин дает на этот важнейший для настоящего дня вопрос решительный ответ: «Если бы большевики построили свою тактику на ожидании революции в других странах к определенному сроку, это была бы бесспорная глупость». [2]) Что бы точно усвоить эту тактику тов. Ленина нужно взять еще следующее место из следующей страницы данной статьи: «Каутский рассуждает, как типичный филистер-мещанин или темный крестьянин: наступила всеобщая европейская революция, или нет. Если наступила, тогда и он готов стать революционером. Но тогда всякая сволочь (вроде тех негодяев, которые иногда примазываются теперь к победившим большевикам), станет об'являть себя революционером. У Каутского нет и тени понимания той истины, что революционера-марксиста отличает от обывателя и мещанина уменье **проповедывать** темным массам необходимость назревающей революции, **доказывать** ее неизбежность, **раз'яснять** ее пользу для народа, **готовить** к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплоатируемые массы». [3])

Ясно, какое политическое, воспитательное и организующее значение придавал Ленин идее международной революции. Как только возьмете взгляды Ленина на счет построения социализма в одной стране в историческом разрезе, вы сразу увидите, что эта идея у него формируется изо дня в день, с каждым днем продления существования советской России, с каждым успехом внутри страны. Не две три цитаты о возможности построения социализма у нас, как говорит Троцкий, а весь дух Ленина проникнут этой мыслью. Еще 20 апреля 1918 г. в «очередных задачах Советской власти» Ленин писал: «Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. **Лишь в том случае, если пролетариат**

---

[1]) Ленин, т. XV, стр. 87, курсив наш — **Гл.**
[2]) Ibidem, стр. 498.
[3]) Ibidem, стр. 499—500, курсив Ленина.

и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самостоятельности, настойчивости, — победа социалистической революции будет обеспечена». [1]) Как видите, тов. Лениным построение социализма в СССР и обеспечение победы российской социалистической революции определяется исключительно внутренними силами. Дальше: «Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить в главных чертах дело завоевания власти и подавления эксплоататоров, успела подойти вплотную к задаче управления. Надо, чтобы мы оказались достойными выполнителями этой труднейшей и благодарнейшей задачи социалистического переворота. Надо подумать, что для успешного управления необходимо, кроме уменья победить в гражданской войне, уменье практически организовать. Это — самая трудная задача, **ибо дело идет об организации по новому самых глубоких экономических основ жизни. После ее решения в главных и основных чертах можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой».** [2]) Дальше: «Может показаться парадоксом, но на самом деле, в силу указанных обстоятельств, является совершенно несомненным, что советская власть **в данный момент может упрочить переход России к социализму только в том случае, если практически решить, вопреки противодействию буржуазии, меньшевиков и правых с. р., именно эти самые элементарные и элементарнейшие задачи сохранения общественности».** Дальше: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде — именно эти лозунги становятся теперь после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента. **И практическое проведение в жизнь этих лозунгов массой трудящихся является с одной стороны единственным условием спасения страны, необходимым и достаточным для окончательной победы социализма».** [3]) Еще дальше: **«Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма».** [4]) В речи «о положении Советской Республики» 29 июля 1918 года Ленин говорил: «Как ни тяжело достался нам мир, как ни много жертв он от нас потребовал, как ни силится враг отнять у нас еще и еще территории, но все же Россия пока, несмотря ни на что, пользуется миром и может укрепить свои социалистические завоевания. **На этом пути мы пошли даже далее, чем многие из нас себе представляли. Наш рабочий контроль, далеко ушел от тех форм, в какие он вылился, и в настоящее время, мы стоим у превращения государственного управления в социалистический порядок.** Мы далеко ушли вперед на почве нашей практической работы, у нас уже полное управление рабочих промышленностью». [5])

Как известно, в эту историческую эпоху Европа не оправдала в полной мере надежд российской социалистической революции. 11-го октября 1918 года в статье «Пролетарская Революция и ренегат Каутский» Ленин писал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии. Есть партии предателей,

---

[1]) Ibidem, стр. 194—195, курсив наш — **Т. Гл.**
[2]) Ibidem, стр. 196.
[3]) Ibidem, стр. 197, — курсив везде наш — **Гл.**
[4]) Ibidem, стр. 210.
[5]) Ibidem, стр. 401.

вроде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Уэббов и Ко, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной». [1]) **Но по мере ослабления внешних вспомогательных факторов, по мере продления существования Советской республики надежды Ленина на торжество социализма в России переносится на собственные внутренние силы России.** В «речи на конференции московских работниц» в конце 1919 года Ленин призывал женщин: «Преследуя социалистический идеал, **мы хотим бороться за полное осуществление социализма,** и здесь для женщин открывается очень большое поприще работы. Мы теперь серьезно готовимся к расчистке почвы для социалистической постройки, а самая постройка **социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиною».** [2]) Эту же речь Ленин кончает следующим образом: «Начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, **когда, вместо сотен женщин, во всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строения, мы уверены, будет упрочено. Тогда трудящиеся докажут, что они могут жить и могут хозяйничать без помещиков и капиталистов. Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние силы в других странах и внутри России не будут советской республике страшны».** [3]) Весной 1920 года на С'езде Профессиональных Союзов», предлагая ряд мероприятий по укреплению внутренних сил страны, т. Ленин заключал: **«А если мы проведем эти решения партии, как один человек,** через три миллиона рабочих, а потом через десятки миллионов крестьян, которые будут чувствовать моральный авторитет, силу людей, жертвовавших собой за победу социализма, **с этим мы будем абсолютно и окончательно непобедимы».** [4]).

После военного периода коммунизма, и, в особенности, после системы НЭП'а мысли Ленина на счет построения социализма в России, как в одной стране, делаются все более и более опрделенными. По мере укрепления внутренних сил нашей социалистической революции собственные силы и мотивы внутреннего порядка имеют превалирующее значение. Все работы тов. Ленина 1922 года доказывают это. 27-го марта 1922 г. в «Докладе о деятельности Ц.К. Р.К.П. Ленин говорил: «У нас государственная власть, у нас масса экономических средств, **если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой установим, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море».** [5]) В речи на «Пленуме Московского Совета Р.К. и К.Д.» 19-го ноября 1922 г. Ленин утверждает, что наш социализм постепенно проникает в жизнь и что его осуществление не за горами: **«Социализм,** — говорит Ленин, — **уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой нибудь отвлеченной картины. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться.** Вот, что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача

---

[1]) Ibidem, стр. 429.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 359. Курсив везде наш — **Т. Гл.**
[3]) Ibidem, стр. 362.
[4]) Ленин, т. XVII, стр. 106.
[5]) Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 40—41.

не трудна, как она не нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам не причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая». [1])

Статья: «О кооперации» от 26 мая 1923 г. как бы является **некоторым завершением** взглядов Л е н и н а на торжество социалистического дела у нас: **«При условии максимального кооперирования населения,** — пишет Л е н и н, — **сам собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы. . . .** И дальше: «В самом деле, — продолжает Л е н и н — власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали. . . **разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?** Это еще не построение социалистического общества, **но это все необходимое и достаточное** для этого построения». [2]) Дальше: «Строй цивилизованных кооперативов при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией, — это есть строй социализма». [3])

Достаточно внимательно проследить за всеми мыслями Л е н и н а, которые мы демонстрировали здесь, учесть исторические условия, в которых эти мысли Л е н и н а **постепенно** развивались, представить себе динамику международных политических отношений и укрепление социалистической власти у нас, и можно понять, как колеблющиеся, зигзагообразные, подчас даже кажущиеся противоречивыми, **мысли Л е н и н а приобретают все более и более определенную формулировку** и точность. Только действительно больной человек может приписать болезни Л е н и н а взгляды его на теорию построения социализма в одной стране. Как видим, **взгляды Л е н и н 1923 г. со всей логической строгостью проходят сквозь все годы военного коммунизма и НЭП'а и находят в 1922—23 г.г. только лишь естественное свое завершение.** «Теперь мы вправе сказать, — пишет Л е н и н, — что простой рост кооперации для нас тождествен с ростом социализма». Дальше: **«Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории** (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все таки теперь стоим.

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной». [4])

---

[1]) Ibidem, стр. 109.
[2]) Ibidem, стр. 140.
[3]) Там же, стр. 142.
[4]) Ibidem, стр. 144—145.

Ленин скончался в начале 1924 года. Но в 1922—23 году, когда он писал полные надежд статьи о победе социализма у нас силами нашего же пролетариата и беднейшего крестьянства, социальная и экономическая наша жизнь была еще чрезвычайно слаба. 1928 и 1929 г.г. ни в коей мере несравнимы с годами 1922—23 г. Падающая валюта, бумажный бюджет, значительно слабая промышленность и торговля, внешние обороты, не выходящие за пределы нескольких десятков млн. рублей — вот общий фон 1922—23 г.г. В эту эпоху, в конце 1921 года в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской Революции» Ленин писал: «Во что бы то ни стало, как бы тяжелы не были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, **мы духом не упадем и свое дело доведем до победоносного конца».** [1]) Если контуры экономического возрождения и элементарные проблески мира приводили Ленина к построению системы социализма у нас, **естественно, что последующие годы, годы эпохи денежной реформы, а также стабилизованного нашего рубля, должны были заложить прочный фундамент этой теории.** Правда, последующее развитие у нас социалистической экономики запутали головы некоторых наших видных товарищей « а ля Троцкий», которые при жизни Ленина частенько ошибались и спотыкивались, а после смерти Ленина как будто никогда не ошибаются, но **тов. Сталин дал нам завершение и оформление этой теории строительства социализма у нас.** В учении Сталина мы имеем, освобожденное от всяких возможных кривотолков, изложение **этой теории строительства социализма у нас.**

С постепенным развитием и укреплением нашего социалистического хозяйства мысли Ленина постепенно оформливались в пользу теории построения социализма в одной **стране. После смерти Ленина социалистические отношения охватили буквально все стороны нашего общественного хозяйства, и уже на этом прочном экономическом базисе зачаточные мысли Ленина нашли свое классическое оформление в учении т. Сталина. Таким образом, система построения социализма в одной стране т. Сталина является правильным развитием основных мыслей Ленина и отображением тех крупных достижений, кои имеются в нашей культурной, политической и экономической жизни.** Теория построения социализма у нас, воодушевляя наших социалистических строителей в своих исторических начинаниях, ускоряя темп нашего строительства и вселяя глубокую уверенность в победе, — играет также огромную роль в развитии классового самосознания рабочих всего мира; она является новым фактом в деле раскрепощения пролетариата и дает новую силу всемирному пролетариату для окончательного разрушения разваливающегося капитализма.

В соответствующей главе мы посмотрим, как строится у нас социализм, имеем ли мы достижения и какие. Сейчас я считаю необходимым сказать пару слов об **окончательной** победе социализма в одной стране.

Правда, Ленин употребляет выражение «окончательная» победа (кстати сказать, очень редко), все время употребляют это выражение Троцкий, Зиновьев, Бухарин, а также Сталин и др., но я считаю необходимым отметить, что от этого выражения нужно непременно отказаться. Что же вообще значит оконча-

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 370.

тельная победа какого либо исторического явления? Мыслимо ли так ставить вопрос? Подобная постановка вопроса в корне ошибочна, так как вообще нельзя говорить, об окончательной победе исторического и экономического строя. Можно говорить об окончательном поражении, или об окончательном отходе какого либо экономического строя, но о порядке, которому принадлежит будущее, внутреннее содержание и формы которого вырисовываются, развиваются и измняются, об этой форме абсолютно немыслимо говорить, как о форме окончательной, или окончательно установившейся. А разве исторический материализм рассматривает социально-экономические явления в окончательно установившихся формах? Разве социализм является окончательным институтом нашего хозяйственного развития? Разве капитализм окончательно победил феодализм? Правда, капитализм разложил и свел в могилу феодализм, но это вовсе не означало окончательного торжества капитализма. Вспомните рационалистическую философию XVIII столетия, вспомните классическую школу в политической экономии во главе со Смитом и Д. Рикардо, разве они не считали капитализм окончательно установившимся хозяйственным порядком? Разве исторический материализм не за этот идеализм и метафизику распял всю концепцию рационалзма?

Вопрос об окончательной победе социализма в одной стране надо безповоротно отбросить, как вопрос не соответствующий марксистскому пониманию истории.

Вопрос можно поставить иначе: является ли окончательным поражение капитализма в одной стране? Такой вопрос можно поставить и на этот вопрос можно дать соответствующий ответ. Мы здесь же дадим ответ: построение социализма в одной стране еще не значит разложение и гибель капитализма во всех странах. Существование социализма в одной стране, при современном укладе капиталистического способа производства, означает наличие открытой раны на мировом хозяйственном организме, оно означает обострение борьбы между социализмом и капитализмом, оно означает пробитие бреши в капиталистическом здании, оно показывает, что ликвидация мирового капитализма является вопросом не утопии, не теории, а практики, не иллюзии, а действительности.

Если мы расчленим этот вопрос на две части, на политическую часть и часть экономическую, то как в первом, так и во втором случае нас может интересовать, главным образом, вопрос не об окончательной победе какого либо строя, а просто о победе вообще. **Дайте нам победу, а об окончательной победе судите сами.**

Вопрос об окончательной победе социализма является вопросом безрассудным. Он в корне ошибочен, потому что коммунистическая партия вовсе не борется за окончательную победу социализма, потому что для нас социализм не является нашим конечным идеалом хозяйственного порядка, а только лишь первым историческим шагом, первым общественно-свободным строем после развала капитализма, и дальнейшее развитие социализма, а не окончательное его установление, является программным делом коммунистов.

Помимо всего остального **это весьма неудачное** выражение вносит много путаницы в проблемы и от него следует не только воздержаться, а окончательно отказаться.

Кончая главу, мы хотим еще остановится на богоискателе Н. Бердяеве. Он выдвинул оригинальную теорию.

Чрезвычайно характерно, что наши эмигранты, находящиеся за рубежом, беспорно имеют большие достижения в отношении изучения русской проблемы. В начале они утверждали, что большевистская власть лопнет, как мыльный пузырь, потом уверяли свою публику, что развитие экономических сил в России при большевиках совершенно невозможно. Впоследствии пессимизм среди эмигрантов укрепляется. Они постепенно теряют веру в то, что большевики скоро погибнут и вот Ст. Иванович после большевистского пятилетия пишет в своей книге: «С тех пор прошло уже пять лет. Если бы тогда кто нибудь сказал, что этот режим столько продержится — его бы сочли сумашедшим. Если кто нибудь теперь после этих пяти лет скажет, что большевики продержаться еще пять лет, его сочтут всего только пессимистом». [1]).

В развитии производительных сил советского союза сейчас не сомневаются даже эмигранты. Во главе этих эмигрантов беспорно стоит Загорский, утверждающий, что развитие, происходящее в России, носит капиталистический характер. Об этом капиталистическом характере нашей экономики мы ниже поговорим, но сейчас Бердяев, думая что положения Загорского будут большевистской жизнью опрокинуты, старается ободрить эмиграцию: «Конец большевизма придет не от ухудшения, а от улучшения положения России», утверждает он. [2]) Бердяева не интересует вопрос от какого экономического улучшения погибнет большевистская власть. Бердяев думает, что коммунисты погибнут от всякого улучшения экономического положения Союза ССР. Слишком детским является это утверждение Бердяева, чтобы следовало на нем остановиться. Оно показывает только безнадежность положения эмиграции. Навряд ли приведет Бердяев хоть один пример из всей истории человечества в доказательство того, что правительства теряли власть от улучшения экономического состояния страны. Такого примера история не знает. Пусть эмиграция питаеся праздной иллюзией гибели большевиков. Систематический и быстрый под'ем экономческого благосостояния советского Союза создает условия укрепления советской власти и ее дальнейших успехов. Не роковая гибель, а безусловная победа над всеми силами капитализма является уделом Союза ССР.

Два момента, совершенно неизвестных истории, характеризуют жизнь Советского Союза: первое, продолжительность революции и второе, **закладка основ возрождения страны теми же силами которые вызвали революцию.** Своеобразность октябрьской революции в том и заключается, **что коммунистическая партия разгромила старый порядок и та же самая компартия явилась вождем в построении и развитии нового социалистического строя.** Эти особенности российской социалистической революции являются блестящими страницами истории человечества. Они являются надгробной плитой, под которой похоронены на веки веков вся эмиграция и оппозиция социалистической власти в СССР.

---

[1]) Ст. Иванович — «Пять лет большевизма», Берлин, 1922. Стр. 9.
[2]) Бердяев — «Новое средневековье», стр. 104.

Глава шестая.

Замечания о социализме.

1. О сущности социализма. 2. Марксисты избегали дать картину соц. общества. 3. О формах социализма не существует одного мнения. 4. Маркс и «родимые пятна» соц. общества. 5. Переходный период, как составная часть общего социалистического процесса. 6. Об основном характере социализма. 7. Какие мероприятия и формы считают соц-демократы достаточными для социализма? 8. Неосоциализм О. Бауера. 9. Крестьянское хозяйство и социализм. 10. Обращение ценностей в социалистическом обществе.

Куда идет Союз ССР? Идет ли он от коммунизма к капитализму, как говорит Трутовский, — или от социализма к капитализму, — как утверждает Загорский?

Если мы будем иметь более или менее правильное и не идеалистически фантастическое представление о социализме, мы сумеем распознать суть экономики, в условиях которой живет СССР. Научное понимание хотя бы некоторых сторон социализма раскроет тайну движения экономики СССР и мы сможем тогда с уверенностью сказать, идет ли СССР к укреплению социалистических целей, или же он своей повседневной работой вырывает себе яму, готовя триумфальное шествие «больших циклов» капиталистической коньюнктуры.

В первую очередь нужно отметить, что в эпоху Октябрьской революции мы знали только общие черты, самые основные характерные моменты социализма. В эту эпоху мы не имели никакого серьезного практического социалистического опыта и **материала,** над которыми могли бы работать теоретические силы общества, для определения более точных и детальных черт социализма. Только после завоевания власти пролетариатом в СССР установились более или менее общепризнанные взгляды на социализм.

Об основных деталях социализма нельзя было говорить с императивной определенностью еще и потому, что о них радоначальники научного социализма говорили очень мало. В работе — «На другой день социальной революции» — К. Каутский писал: «Когда германская социал-демократия обсуждала более десяти лет тому назад новую партийную программу, было предложено внести в нее требование таких мероприятий, которые должны послужить средством для перехода от капиталистического способа производства к социалистическому. Тогда я был в числе тех, которые выступили против внесения в программу подобных требований, так как я считал неправильным предписывать партии уже теперь определенный образ действий на случай такого события, которого мы себе не представляем, лишь смутно предчувствуем его,

и которое будет заключать в себе очень много неожиданного для нас».[1]) В этой же работе данную мысль К. Каутский выразил еще более определенно: картину социалистического общества нельзя дать и потому, что «после завоевания политической власти пролетариатом, выдвинутся такие проблемы, о которых мы теперь не имеем никакого представления».[2])

Подобное отношение к социализму всецело соответствовало основным воззрениям марксистов последних десятилетий XIX века. В чрезвычайно сложных политических и социальных взаимоотношениях, существующих в капиталистическом обществе, было весьма трудно, подчас невозможно, нарисовать картину будущего общества. Политические и социально-экономические отношения в современном обществе так запутаны, что иногда делается совершенно невозможным нарисовать подлинную картину не только более отдаленного, классического социализма, а даже первых этапов его развития. По этим причинам столь великий мыслитель, каким являлся К. Маркс, открывший систему капитализма в истории человечества, (выражение Зомбарта из «Современного капитализма») первый отказался от этой задачи. В «Гражданской войне во Франции в 1871 г.» К. Маркс говорит: «Рабочему классу предстоит не осуществлять какие либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые развились в недрах разрушающегося буржуазного общества».[3])

Даже утописты, сидящие у королей и обращающиеся за помощью к государям и капиталистам, не могли увязать свои планы со сложными условиями капитализма и строили свои социалистические организации совершенно изолированно от него. Роберт Оуен бросил в 1825 г. Англию и выехал в Америку, чтобы основать свои общества в стране, свободной от капиталистических отношений Европы; свой «Город солнца» Кампанелла строит на острове «Тапробано» (Цейлон), а «Утопия» Т. Моора ничего не имеет общего с английскими условиями его времени (XVI век). Тоже самое делали буквально все утописты. К. Маркс тем и отличается от всех этих и прочих утопистов, что он вовсе не скрывался от окружающего его капиталистического мира, а, наоборот, из условий современного ему и нам капиталистического способа производства выводил необходимость революционного преобразования капиталистического общества в общество социалистическое. Но К. Маркс не считал необходимым рисовать будущее общество, которое могло возникнуть в различных политических условиях и в различных формах.

Все то, что нам известно о порядках будущего социалистического общества в более или менее детальных формах, принадлежит перу утопистов. Томас Моор, находясь под сильным влиянием Платона, выдвинул идею равенства и уничтожение собственности. Рабочий труд у него продолжается 6 часов в несколько приемов, уничтожается вся структура нынешних городов и деревень, уничтожаются ремесла, не имеющие общественно-необходимого характера, трудящиеся свои произведения выносят на городские рынки, а необходимое берут с рынка без денежного вознаграждения. Представляя себе «Утопию», как одно

[1]) К. Каутский — «На другой день социальной революции».
[2]) Ibidem; стр. 4.
[3]) К. Маркс — «Гражданская война во Франции», стр. 47.

цельное хозяйство, Томас Моор предполагал что одна местность утопического острова будет брать у другой нужные материалы без соответствующего их возмещения. По проекту Кампанеллы будущее общество должно быть основано на любви к обществу. «Власти препятствуют тому, чтобы кто либо имел более, чем он заслуживает, ни в чем необходимом не будет отказано никому». Каждый работает по способности, хотя и получает различное вознаграждение», современная семья уничтожается, производство детей об'является делом республики, а женщины по распоряжению власти совокупляются с назначенными для того оплодотворителями. Половой акт имеет целью лишь выработку хорошего человеческого приплода. Шарль Фурье основывает своё общество исключительно на преимуществах крупного производства и процессах общественного труда. Индивидуальный труд, оплачиваемый жалованием он считает косвенным рабством. Совершенное общество он строит не на принуждении, а на принципах взаимного доброжелательства. Процесс труда должен быть разбит на множество приемов, или, как он выражается, серий, при чем каждый прием должен продолжаться не более 1½—2 час. В этом случае эффективность труда будет соответствовать энузиазму рабочих. Человек будет питаться сложными продуктами, хлеба потреблять будет мало, т. к. он будет дороже фруктов и сластей. Фурье детальным образом рисует картину своих ассоциаций, расположение дома, производственных и культурно-просветительных учреждений и т. д. Бедные имеют обеспеченный минимум и будут жить даже лучше, чем богатые буржуа. [1])

Мы совршенно не ставили себе задачей дать хотя бы в кратком изложении учения утопистов — мы взяли два-три только примера лишь для характеристики этих учений. Современным читателям или борцам за социализм ясно, как нелепо рисовать контуры будущего экономического и социально-политического быта, когда это новое общество может быть построено тольк лишь на основе преобразования существующего общества, выведено из недр этого общества, а не вне и помимо его, как предполагали утописты. Естественно, что многочисленные конкретные условия могут наложить свой отпечаток на это новое общество, и оно может постепенно оформливаться преимущественно мерами практического порядка, основанными на самых общих первоначальных научных теоретических положениях. **Утописты, давая детальную обрисовку будущего социалистического общества, внедрили в сознание масс фантастические взгляды на социализм, и мы думаем, что еще много воды утечет, пока социализм и, в особенности, первые этапы социалистического строительства, будут в полной мере освобождены от влияния картин, данных утопическими социалистами.** Я хочу сказать еще больше: совершенно безсознательно в **деле обрисовки социалистического общества многие современные литераторы продолжают находиться под сильным влиянием утопистов, хотя они оффициально на каждом шагу открещиваются от них.** Единственное, что имело положительное значение из всего наследства, полученного от утопистов, это критика существующего строя. В «этих социалистических и коммунистических произведениях, — говорит К. Маркс, — заключаются также и критические эле-

[1]) Материалы — «Великие утописты» под редакцией проф. Удальцева; Лаврова — «Из истории социальных учений» и др.

менты, они затрагивают все основания существующего общества. В этом отношении они доставили драгоценный материал для просвещения рабочих». [1]) В остальном, т. е. в изложении картины будущего общества, их фантастические рассказы безусловно оказывают вредное влияние в особенности на те силы, которые действительно находятся в процессе строительства подлинного социалистического общества.

Естественно, что социалистическое движение и социалистическая мысль, находящаяся под сильным влиянием К. Маркса, избегали этих ошибок утопистов. Этим и об'ясняется, что если эпоха до половины XIX века полна произведениями, рисующими утопические картины социалистического и коммунистического общества, то вторая половина этого же века характерна именно отсутствием аналогичных описаний. **Живая борьба рабочих за социализм,** широкие работы по организации сил пролетариата и исследования основных начал капиталистического общества заполняют вторую половину XIX века. Даже слишком мало внимания уделялось формам самого социалистического общества.

Я обращаю на это обстоятельство особое внимание читателя, ибо мы должны быть чрезвычайно осторожным, когда исследуем, изучаем и определяем социалистический или несоциалистический характер экономического строя Союза. Среди коммунистов и, тем более, среди противников большевиков, не существует и по сей день одного общепризнанного взгляда на социализм в таком виде чтобы эти вгляды можно было, как готовые шаблоны, применить к изучению основ и черт нашей экономики.

Особенною запутанностью в вопросах социализма отличаются взгляды представителей западно-европейского социализма. Они дают блестящий пример того, как трудно распознать социалистические явления, когда они претворяются в действительность. Государственные «социалистические» партии западной Европы в отношении к российскому социалистическому движению показали всю свою реакционную мелкобуржуазную душу, которой всецело соответствует их теоретическое убожество. Еще в 80-х годах XIX-го столетия Альфред Шэфле, этот буржуазный истолкователь социализма, имел полное основание констатировать, что «содержание и цель социалистической пропаганды почти совершенно неизвестны не только в мире трактирных политиканов, но и в среде классов, владеющих и культурных; мало того — даже во многих рядах самих приверженцев социализма». [2]) Чрезвычайно характерно, что работу этого Шэфле немецкое общество встретило особенно сочувственно, раскупив в течение одного года шесть изданий «Сущности социализма». Успех шефлевского предприятия об'ясняется исключительно большим спросом на социалистичекий товар.

Конечно, буржуазный мылитель по меньшей мере мог исчерпать важнейшие вопросы социализма и установить какой-нибудь общий взгляд на его природу. Характерно, что именно в эту эпоху экономисты высказывали совершенно противополжные взгляды на сущность социализма. В «Спорных вопросах социализма» Эд. Бернштейн констатирует: «Шмоллер понимает социализм иначе, чем Рошер, Зомбарт иначе, чем Шмоллер, Оппенгейм в свою очередь

---

[1]) К. Маркс — «Коммунистический манифест», стр. 86.
[2]) Альберт Шэфле — «Сущность социализма», стр. 6.

иначе, чем З о м б а р т и так дальше». Еще в 1893 г. представитель немецкой буржуазии Б а х е м говорил в рейхстаге: «Я внимательно штудировал всю социалистическую литературу, но я нигде не нашел даже ясных контуров, не говоря уже об ясном, исчерпывающем его изображении. Не нашел я раз'яснения, как именно, в каких конкретных формах социалисты хотят урегулировать потребление, урегулировать производство. Я только и нашел, что они хотят их урегулировать, и больше ничего». Для ответа на настойчиво поставленные вопросы Б а х е м о м социал-демократическая партия Германии выпустила двух своих ответственных представителей — Б е б е л я и Л и б к н е х т а. Какой ответ они дали представителю буржуазии? Какой свет они бросили на социализм? Послушаем Б е б е л я, который дает вытиеватый, совершенно расплывчатый ответ: «Что касается вопроса, поставленного г. Б а х е м о м, — говорит Б е б е л ь, — то, если бы я хотел быть коварным, я ответил бы на него другим вопросом. Я спросил бы его: ну, а как вы представляете себе воскресение после смерти и вечную жизнь, которую ваша церковь проповедует вот уже восемнадцать столетий, тоже не пред'явив на это никаких доказательств? И этих доказательств вы представить не в состоянии. Или можете? Тогда я жду их с величайшим нетерпением. И это мое напряженное ожидание, обращенное по вашему адресу, еще более, чем ваше по отношению ко мне и моим раз'яснениям относительно структуры государства будущего». Таким образом, Б е б е л ь, не дав конкретного ответа на поставленный Б а х е м о м вопрос, выступил только лишь со встречным вопросом.

Послушаем сейчас Л и б к н е х т а. Какой ответ дал В и л ь г е л ь м Л и б к н е х т? «Что касается государства будущего, — говорит Л и б к н е х т, — то это дело фантазии. Каждый без исключения — и мы и вот и вы, в этой зале — имеете свое «государство будущего», хотя в большинстве случаев у вас этот идеал корнями уходит в прошлое. Что касается нашего идеала, то он, к нашему счастью, впереди нас. Каждый рисует свое блаженство на свой лад. Государство будущего это в некотором роде идеал, но наука не имела никогда ничего общего с этим. И наша партия — социал-демократическая партия — никогда не принимала в свою программу утопии какого бы то ни было государства будущего. У нас есть программа: мы даже единственная партия, у которой есть ясная и всеохватывающая программа. **Никогда не говорила наша партия рабочим о каком либо государстве будущего, кроме тех случаев, когда приходилось говорить о нем, как об утопии.** Если кто нибудь скажет: «после осуществления нашей программы, после уничтожения наемного труда и эксплоатации человека человеком, я себе представляю государство будущего вот так, — хорошо, мысли ведь не облагают пошлинами. Всякий может строить себе свои представления в свое полное удовольствие. Кто хочет в него верить — верит, кто не хочет — не верит. Это лишь фантазия и ничего более. В другом смысле социал демократия никогда не ставила вопроса о так называемом государстве будущего». Этот чрезвычайно ценный, интересный материал мы заимствовали у В. Ч е р н о в а. Даже В. Ч е р н о в не может ограничиться простым приведением этого материала и вынужден отметить: «Неужели наше положительное учение о том экономическом строе, которое будет называться социализмом, есть такая абракадабра, в которой

возможно только верить, не рассуждая и заставляя молчать голос разума». [1])

Третий социал-демократический оратор Фроме добавил: «То, что вы называете государством будущего — не может быть и не будет, то что мы отстаиваем — это лишь естественный продукт развития, ближайший этап органической революции — не более и не менее». Дальше: **«Только дурак** может ответить на вопрос о государстве будущего» — заключал Либкнехт. Каутский, папа германских социал-демократов, в этом не отставал от своих политических друзей. «Механизм человеческого общества, — писал он, — необыкновенно сложен, и даже для самого острого ума невозможно, так исчерпывающе исследовать все его стороны, так точно измерить все действующие в нем силы, чтобы с точностью предвидеть, какие общественные формы будут результатом совместного действия и взаимодействия этих сил».

Да самого последнего времени, как видите, немецкие социал-демократы, которые все время считали себя находящимися под особым покровительством Маркса и Энгельса, не имели установившегося взгляда на социализм. Все время они откладывали решение вопроса о характере социализма до окончательного развала капиталистического строя, и до дня, когда наступит социалистический переворот. Но как встретила немецкая социал-демократия день, когда этот исторический момент наступил? Мы должны отметить, что социал-демократия была застигнута врасплох и оказалась совершенно беспомощной перед социалистическими событиями.

С самого начала германской революции 1918 г. вопросы социализма были поставлены на практическое разрешение. В известной нам книге Эд. Бернштейна мы читали: «Рабочие требовали и суб'ективно были вправе требовать, чтобы было немедленно приступлено к осуществлению социализма. Рабочие роптали против своих «вождей». Шейдеман говорил: «Есть немало людей недовольных (социал-демократическим — **Т. Гл.**) правительством, но и мы недовольны народом». Тоже самое заявлял «архивариус« Министерства Иностранных Дел К. Каутский: «В Германии мы имели зимой в 1918—19 г. в течение нескольких месяцев чистое социалистическое правительство. Но германский пролетариат обнаружил в это время свою незрелость тем, что не нашел более разумного дела, как заняться кровавой междуусобицей».

Мы знаем, что кровавая междуусобица была вызвана преступной бездеятельностью социал-демократов в деле практического и немедленного осуществления основных начал социализма, и такой же преступной активностью в уничтожении молодых коммунистических сил — К. Либкнехта и Розы Люксембург, этих лучших вождей революционных немецких рабочих, могших обеспечить действительный переход немецкого капиталистического общества в общество социалистическое.

Мы знаем какую активность, силу воли и стремительность проявила немецкая социал-демократия в 1919 году при подавлении юного коммунистического движения. А какую же инициативу и стремительность проявили они в деле социализма? Обратимся опять к материалам

---

[1]) В. Чернов — «Конструктивный социализм», т. I, Прага, 1925 г. стр. 55.

эмигрантов. «В самом начале Декабря, — пийшет В. Чернов, — правлением германского союза «Neues Vaterland» в Берлине была созвана первая социалистическая хозяйственная конференция: единственным вопросом, поставленным в ее порядке дня, был вопрос о социализации во всех ее видах. Мотивом созыва конференции была полная неудовлетворительнось социализаторской политикой правительства, которое лишь ограничилось назначением «Комиссии по социализации», к тому же работавшей при закрытых дверях. Вот, что говорил один из участников этой конференции Альфонс Гольдшмит: «К началу революции перед социализацией в страхе остановились. О социализации рассуждали, ее требовали, но настоящей решимости приступить к ней не было. Со всех сторон выступали с социализаторскими предложениями и тенденциями, с проектами, с целыми планами. И это было такое хаотическое смешение понятий, такое хаотическое смешение методов, которому, поистине, не было еще равного».

Послушаем сейчас другого автора: «Все социалистические теоретики, от Бернштейна до Каутского, — говорил Карл Экгоф, — не поняли сущности социализма. Если бы не это, они тотчас же приступили бы к социализации, вместо того, чтобы быть пассивными свидетелями растущего со дня на день раздражения и возмущения рабочих. Вместо того, чтобы заниматься этими жизненно необходимыми вещами, правительство занято чисто академическими вопросами и оставляет государство рушиться, погребая его под собою». Тоже самое говорит ученик К. Каутского Генрих Штрейбель: «Не без основания враги социализма не мало надсмехаются над тем замешательством, в которое впал немецкий социализм, когда, после своей победы, он оказался таким беспомощным лицом к лицу с хозяйственными потребностями. В момент, когда социалистическому пролетариату свалилась прямо в руки политическая власть, вожди его ни на минуту не могли прийти к единогласию в вопросе о том, какими мерами необходимо приняться за систематическое прогрессивное преобразование существующего способа производства». [1])

Таково социалистическое литературное наследство, которым мы могли пользоваться. Если даже кроме этого будут учтены «новые» течения, которые именуются гильдейским социализмом, кооперативизмом, муниципальным и конструктивным социализмом, анархизмом, коммунизмом и пр., — то нельзя сказать, что бы все эти системы в детализацию и разрисовку социалистического строя вносили надлежащую ясность и определенность. Наоборот, все эти системы со всеми сопутствующими разновидностями вносят путаницу в головы очень многих мыслителей, укрепляют догматическое отношение к вопросам социализма и лишают эти головы способности правильно распознавать социализм, представленный в живой действительности.

Чем об'ясняется это замешательство социал-демократии и иных групп в деле разрешения вопросов социализма? Конечно, это замешательство ни в коем случае нельзя приписать теоретической неясности сущности социализма, новизне построения социалистического общества. Германская социал-демократия и все прочие подобные политические группировки, на словах пропагандирующие социализм, на самом

---

[1]) Ibidem, стр. 72, 68, 67 и др.

деле не имеют ничего общего с социализмом, точка зрения этих партий насквозь буржуазна, либеральна, они представляют картину социалистического общества и, в особенности, его первого периода в таком ложном виде, что подчас становится невозможным различить социалистический строй от капиталистического строя. Как известно, социал-демократы отрицают необходимость революционного преобразования капиталистического общества в общество социалистическое, для этого преобразования социал-демократы призывают всю мелкую буржуазию, так называемую демократию, на предмет тайного и прочего голосования и думают постепенным эволюционным процессом завершить дело осуществления социализма. Вот точно таким-же либерализмом проникнуто все об'яснение сущности социализма, и эти буржуазные либеральные взгляды помешали социал-демократии приступить к осуществлению социализма в Германии в то время, когда вся политическая власть находилась в их руках. Мы ниже увидим мелко-буржуазное понимание социализма в интерпретации вождей социал-демократии.

Теперь же следует отметить, что совершенно иное было отношение к социализму в России.

Октябрьская Революция и коммунистическая партия вопросы социализма и социализации не только не замариновали в кабинетах закрытых заседаний ученых специалистов, а, наоборот, вопросы социализма с самого начала сделались достоянием самих рабочих, об'ектом интереса тех слоев общества, которые единственно могут его претворить в действительность.

В письме к Браке по поводу Готской программы К. Маркс пишет: **«Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ».** Октябрьская Революция сделала именно так, она пустила в ход все силы социалистического движения, она проводила в жизнь самые существенные и основные начала марксистского социализма и из-за возможных теоретичеекких ошибок не похоронила величайшего исторического дела. Дело осуществления социализма в первую очередь является родным, собственным делом самих рабочих, только рабочие являются основной базой и силой социализма. Прочие группы населения основные черты социализма могут уразуметь. но никто не чувствует сути социализма так доподлинно, так правильно, как пролетарий. Вот почему К. Маркс неоднократно утверждал, что дело освобождения рабочего класса является делом самих рабочих.

В Российской социалистической революции теоретические искания социализма не только не мешали социалистическому преобразованию общества, а, наоборот, теоретические искания опирались на имевшиеся в наличии социалистические отношения.

Социалистический пролетариат, очутившись у власти, совершенно естественно, приступил к организации форм и органов социалистического общества. В СССР торжествовал не либерализм, а социализм; от социалистического факта к дальнейшим социалистическим теоретическим исканиям — вот какой путь видим мы в странах советов. Прежде чем познакомиться с некоторыми теоретическими перипетиями в СССР, вернемся к социал-либералам, ознакомимся с теми предварительными формами социализма, кои они считали достаточными для социализма.

В первую очередь нужно отметить, что предварительным условием преобразования одного экономического строя в другой необходимо на-

личие такой политической силы, которая может провести в жизнь нужные преобразования. Очевидно, **основным условием для проведения анти-капиталистических мероприятий является завоевание пролетариатом государственной власти.** Всем известно, какое значение придавал марксизм политической силе. Фр. Энгельс своевременно писал Конраду Шмидту. «К чему мы бьемся за политическую диктатуру, если политическая власть экономически бессильна. Сила (т. е. государственная власть) это есть точно также экономическое могущество. Die Gewalt (das heißt die Staatsmacht) ist auch eine ökonomische Potenz.»

Наличие политической власти в руках пролетариата, всецело и безраздельно распоряжающегося этой властью является необходимым условием укрепления социалистического способа производства.

Одно наличие политической диктатуры пролетариата имеет огромное экономическое значение. Выражаясь словами Энгельса, оно само означает экономическое могущество, конечно, понимая это выражение с точки зрения политико-экономической потенции. При существовании политической диктатуры пролетариата весь механизм товарно-капиталистического хозяйства приходит в расстройство. **В эпоху империализма государственная власть буржуазии переплетена со всем механизмом капиталистического производства гораздо больше, чем в период первоначального накопления капитала. Низложение этого государства поэтому имеет огромное экономическое значение, одним даже этим обстоятельством, кладется предел правильным отношениям капиталистического общества.**

Можно исходить, как из общепринятого положения, что завоевание политической власти пролетариатом, или точнее, диктатура пролетариата является как бы началом конца капиталистического механизма.

После захвата политической власти пролетариатом, т. е. установления пролетарской диктатуры, как можно именовать строй, проводящий антикапиталистические мероприятия? Как называется тот строй, который открывается экономикой пролетарской диктатуры?

Переход от капиталистического общества к социалистическому является самым трудным переходом, какой только знала история человечества. Этот переход является особенно трудным потому, что установление социалистического способа производства нарушает священный принцип частной собственности и систему эксплоатации трудящегося, являющиеся характерной чертой всех производственных систем досоциалистической эры.

Общество, основанное на рабском, плебейском, крепостном или пролетарском труде имело в своей основе принцип частной собственности на средства производства. Переходные формы здесь идут больше по линии формальной, чем существенной, т. е. сама система присвоения прибавочной стоимости, владения средствами производства, сама система эксплоатации рабочего для обогащения владеющего средствами производства частника оставалось непоколебимой. Если даже эти «формальные» переходы сопровождались кровопролитнейшими столкновениями, боями и революциями, то естественно, что уничтожение этих священнейших прав владеющих капиталом классов вызовет небывало трудные формы перехода, небывалые формы борьбы, небывалые революции. Социалистические революции не могут не быть самыми жестокими, самыми трудными из всех известных миру революций. Фр.

Э н г е л ь с писал в 1875 г. Бебелю по поводу проекта готской программы, **что в эпоху диктатуры пролетариата ярко реакционный характер носит все классы и общественные группы, которые стоят за частную собственность на средства производства.** Эта мысль важна в том отношении, что характеризует в полной мере ту ожесточенную борьбу, которая сопровождает социалистическую революцию. Во вторых, в эпоху под'ема волн социалистической революции буржуазные слои общества и правительства этих буржуазных слоев в военном отношении организованы в сильнейшей степени, достаточно снабжены военным материалом для защиты своих классовых интересов, такчто и в этом отношении борьба за социализм делается весьма ожесточенной и упорной.

М а р к с и Э н г е л ь с окрыто указывали пролетариату на тяжелые формы классовой борьбы во время перехода от капиталистического общества к обществу социалистическому, однако, после победоносной пролетарской революции, в эпоху первоначального периода социализма они считали неизбежным присутствие в социалистическом обществе элементов, характерных для капиталистического строя. После победы пролетариата в открытой классовой борьбе ему (пролетариату) придется выдержать упорную экономическую борьбу по социалистическому преобразованию всех производственных отношений. Поэтому, в первоначальный период социалистического строительства мы не будем иметь чистых социалистических форм. Как известно, капиталистический строй начал свое существование и историю при наличии тех хозяйственных форм, которые были не свойственны его духу. Очевидно, тоже самое будет с первоначальным периодом и социалистического строя.

К. М а р к с говорил: **«После победоносной социалистической революции мы будем иметь дело с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, в каком оно еще только выходит из капиталистического общества, значит, еще покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном родимыми пятнами старого общества, из лона которого он выходит».** [1]) Эти родимые пятна являются совершенно неизбежными для довольно длинного периода, как социалистического, так и коммунистического общества. Эти **«родимые пятна»,** конечно, искажают некоторым образом общий фон нового общества, но не смысл и не общий вид и содержание всего нового общественного производства.

Наличие этих «родимых пятен» в социалистическом обществе нужно понимать исторически, марксистски.

Они являются остатками чрезвычайно трудного процесса политической и экономической борьбы, которую требовало новое общество для своего конструирования. Эти пятна спровождаются рядом явлений, несвойственных чистому социализму или коммунизму. «Но этих зол, — говорит К. М а р к с, — нельзя избежать в первой фазе коммунистического общества, когда оно только что вышло из капиталистического общества **после долгих мук родов».** [2]) Никто не смотрел так реально на процессы преобразования общества и на его формы, как К. М а р к с. «Рабочий класс, — пишет К. М а р к с, в «Гражданской войне во Франции», — знает, что для того, **чтобы добиться своего освобождения**

---

[1]) К. Маркс — «Критика готской программы», стр. 53, Курсив мой — **Т. Гл.**

[2]) К. Маркс — «Критика», стр. 56.

и достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу своего собственного экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства». [1]) В другой своей работе — «Кельнский процесс коммунистов» — К. Маркс писал: «Мы говорим рабочим: **Вам придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить строй, но чтобы изменить и себя самих».** [2]) Каким бы сильнейшим орудием не была социалистическая революция в деле преобразования всего капиталистического общества, все же нет никакой возможности одним ударом приблизить все массы общества, исторически воспитанные в духе капитализма к делам и задачам социализма. Маркс и ученики Маркса были бы классическими представителями чистого идеализма и рационализма, если бы они допускали возможность такого немедленного исцеления всего общества от исторических недугов, унаследованных им от старого капиталистического общества. Вот почему при переходе от одного общества к другому необходим известный переходный период, известный период приспособления возраждающихся сил к новому, очистки этих новых элементов для усвоения начал новой эпохи. Во всех своих работах К. Маркс дает об этом соответствующие указания. В своем классическом труде — «Капитал» — К. Маркс писал: «Переворот в общественном способе производства совершается при посредстве целого ряда переходных форм». [3]) Как видите, К. Маркс во всех своих трудах предусматривает этот переходный период. Предусматривает его и, великий ученик К. Маркса и вождь Октябрьской революции, Ленин. Солидаризируясь с Марксом и Энгельсом, Ленин подчеркивал: «Великие основоположники социализма, Маркс и Энгельс, наблюдая в течение ряда десятилетий развитие рабочего движения и рост мировой социалистической революции, видели ясно, что переход от капитализма к социализму потребует долгих лет родов, долгого периода ломки всего старого, беспощадного уничтожения всех форм капитализма». [4]) Дальше: «Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и начать переход к социализму. Сколько еще будет переходных этапов к социализму, — говорит Ленин, — мы не знаем и знать не можем». [5]) Когда в процессе Октябрьской революции был принят ряд мер по уничтожению «источников капиталистических богатств и их распределению» Ленин на этом не успокоился, заявляя: «Мы далеки от того, чтобы закончить даже переходный период от капитализма к социализму». [6])

Что такое этот переходный период, и как нужно к нему относиться? Состояние переходного периода нужно понимать исторически, а не догматически. Напряженность и протяжение переходного периода зависит от целого ряда конкретных исторических условий, в которых происходит инкубация и осуществление социалистического строя. По-

---

[1]) — «Гражданская война во Франции», стр. 47.
[2]) К. Маркс — «Кельнский процесс коммунистов», стр. 28.
[3]) К. Маркс — «Капитал», перевод Струве т. I, стр. 338.
[4]) Ленин — т. XV, стр. 87.
[5]) Ibidem; стр. 151.
[6]) Ленин — т. XV, стр. 82.

этому, переходный период будет протекать не однотипно, а различно в разных местах. **Чем больше и больше разрывается кольцо капиталистического окружения, тем благоприятней становятся условия для осуществления социализма, тем легче будет протекать развитие основных сил социализма, тем короче будет весь переходный период.** На характер переходного периода оказывают свое огромное влияние, как состояние внутренних экономических и социальных отношений, так и условия внешние, окружающие его. «Переход от капитализма к социализму, — говорит Л е н и н, — усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет. Следовательно, не только возможно, но и неизбежно, что в Европе эти переходные стадии будут иными». [1])

Как некоторое правило можно предположить, **что в стране, где социалистические отношения устанавливаются впервые, переходный период будет длительнее, чем в странах, в которых установление социализма произойдет, как расширение, т. е. распространение уже существующего социализма.** Л е н и н допускает даже такую возможность, когда переходный период для некоторых стран будет или вовсе ненужным или будет длиться очень короткое время. Но важно не это, важно следующее: как вообще надо к нему относиться, что из себя этот **переходный период** представляет? Очень многие товарищи **стали рассматривать переход от капитализма к социализму, как самостоятельный политический, социальный и экономический строй.** У некоторых товарищей выходит так, как будто переходный период есть строй, находящийся между капитализмом и социализмом, т. е. период открывающий самостоятельную историческую эпоху. Против такого понимания переходного периода нужно возразить решительным образом и необходимо вести настойчивую борьбу против распространения подобных взглядов. **Переходный период есть один из процессов социалистического общества,** одна часть из преобразовательных процессов общества. **Переходный период не лежит между капитализмом и социализмом, как какой либо самостоятельный хозяйственный строй, а сам характеризуется и базируется на том обществе, в котором этот переходный процесс происходит.**

Переходный процесс, переходный период вовсе не свойственен одному только периоду разложния капитализма и установления социалистического строя. При всяких экономических преобразованиях имелся свой переходный период, но никогда никто этот период не рассматривал, как какой либо самостоятельный хозяйственный процесс или строй. Мы должны отметить, что переходный период имело феодальное хозяйство, переходный период имеет также социалистическое хозяйство. Мы живем в переходный период социалистического хозяйства. **Социализм, как хозяйственный строй, покрывает переходный период и этот переходный период мы с полным основанием можем назвать первоначальным периодом социализма. Переходный период от капитализма к социализму является периодом быстрого очищения социализма от родимых пятен, оставшихся от капиталистического общества,** некоторым санитарным периодом для здорового и правильного развития возникающего, складывающегося социалистического организма. Особенно

---

[1]) Ibidem; стр. 152.

широкое поле деятельности в переходном периоде открывается для государственной власти, точно также, как в широких профилактических мероприятиях огромное значение имеет колонна врачей, уничтожающая бациллы заразных болезней. Так понимал К. Маркс задачи государственной власти при установлении капиталистического хозяйства в эпоху переходного периода от феодализма к капитализму. «Все пользуются, — говорил К. Маркс, — государственной властью, этой концентрированной и организованной силой общества для того, **чтобы ускорить превращение феодального способа производства в капиталистический и сократить переходные ступени».** [1]) Но переходный период от капитализма к социализму в корне отличается от переходных периодов обществ, основанных на частной собственности средств производства. Принципиальное отличие нового строя от старого делают переходный период от капитализма к социализму весьма сложным, а в известных конкретных исторических условиях, чрезвычайно тяжелым и продолжительным.

Между переходным периодом от капитализма к социализму и переходным периодом от феодализма к капитализму тов. Бухарин устанавливает следующее различие: «Капитализм не строили, а он сам строился. Социализм, как организованную систему, пролетариат строит как организованный коллективный суб'ект». [2]) Не возражая по существу против этого положения, нужно внести тут коррективы. Действительно характерной особенностью развития капиталистического общества является отсутствие плановости в построении общественно-производительных сил, но будет неверно, если ограничимся констатированием того обстоятельства, что капиталистическое общество строится самопроизвольно, без некоторого вмешательства, например, государственной власти. Laissez faire, laissez passez! нельзя оценивать, как невмешательство государства в экономическую жизнь капиталистического общества. **Это невмешательство есть на самом деле организованное вмешательство государственной власти в экономическую жизнь страны. Указанное формальное невмешательство в полной мере ограждает капиталистическую иррациональную игру сил от всякого посягательства со стороны антикапиталистических сил.** Во всякую пору капитализма государственная власть была охранителем и проводником интересов капиталистического общества, она всецело служила и помогала развитию капиталистических отношений, и в этом смысле мы можем с полным основанием сказать, что капиталистическое общество не только строилось, но его и строили также. Приведенная нами выше цитата из «Капитала» К. Маркса подтверждает это в полной мере.

В переходный период от капитализма к социализму пролетариат превращается в государственную силу, организуется в государство и, как организованная государственная сила, уничтожает остатки капиталистического общества и строит новую общественно-экономическую жизнь. Самый этот переходный период от капитализма к социализму при диктатуре пролетариата не имеет по существу ничего общего с капиталистическим обществом, этот период является в первую очередь периодом антикапиталистическим. Для распознания этого периода чрез-

---

[1]) К. Маркс — «Капитал», т. I, стр. 543.

[2]) Бухарин — „Экономика переходного периода", 1920, стр. 60.

вычайно важно вспомнить одно положение Е д е н а, взятое Марксом в «Капитале». Мы читаем: «Не обладание землей и деньгами отличает богатого от бедных, а господство над трудом». [1]) Ничто не является столь характерным для всех досоциалистических обществ, как именно момент господства над трудом. Подчинение рабочего, или различные формы эксплоатации труда, всевозможные варианты господства капитала (буржуазии) над трудом (рабочих) проходят красной нитью во всех хозяйственных системах досоциалистической эпохи. Даже, не момент владения капиталом, не степень имущественных различий, **а, именно, момент господства над трудом** является определяющим и характерным для буржуазного общества; это положение, разделяемое К. Марксом, должно быть понято в самом широком, в самом глубоком смысле слова. Если для капиталистического общества, а также для прочих обществ, основанных на системе частной собственности на средства производства, характерным является господство капитала над трудом, то характерным моментом для социалистического общества и, в особенности для его первоначального периода является **господство труда, господство рабочих над капиталистичсекой собственностью.** Б у х а р и н правильно отмечает: «Пролетариат, как класс, есть единственный класс, который в общем лишен собственнических предрасудков». [2]) Господство труда, господство пролетариата, т. е. силы, лишенной капиталистических собственнических предрасудков и инстинктов eo ipso является господством социалистических начал над началами капиталистическими. Вот почему момент господства трудящихся над капиталистами, выраженный в соответствующих формах, имеет для эпохи переходного периода, основное, определяющее, историческое значение. Является ли частное владение и частная собственность символическими выражениями господства капитала над трудом, или простым аксессуаром изменяющейся жизни?

Это замечательное положение в самом глубоком смысле было усвоено Лениным. Л е н и н никогда не путался в мелочах, он все время брал типичнейшие и основные моменты. Как известно, этим отличается и вся система мышления К. М а р к с а. В конкретной исторической действительности России никто, лучше Ленина, не придавал аксессуарного значения многим остаткам общественно-хозяйственной жизни. Правда, Л е н и н серьезнейшим образом изучал эти явления, считался с ними, классифицировал их, но никогда не путался в них, не терялся из-за них. «Присмотритесь внимательно, — говорил о «Продналоге» Л е н и н, — мы наблюдаем в России по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, — это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или, когда находится в состоянии кочевом или полукочевом, и таких у нас сколько угодно. — Второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок. Третье — капиталистическое. Четвертое — государственный капитализм, а пятое — социализм». [3]) Но эти важные явления нашей хозяйственной действительности на общем фоне гос-

---

[1]) К. Маркс — «Капитал», т. I, стр. 440—441.
[2]) Бухарин — «Экономика переходного периода», стр. 145.
[3]) Ленин — Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 197, Апрель 1921 г.

подства труда над капиталом, когда, — как говорил Л е н и н, — «мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт, заграничную торговлю и власть», т. е. когда в руках пролетариата находились основные двигательные силы, эти явления не являлись решающе опасным. Раз все это находится в руках рабочих «нам не страшен этот капитализм. Пускай мелкая промышленность разовьется до известной степени, пускай разовьется государственный капитализм — это не страшно советской власти». [1]) Ведь момент владения еще не говорит за все, **важен характер** этого владения. Вот почему Л е н и н, разбираясь в этих конкретных обстоятельствах и силах, никогда не предполагал построения социализма каким нибудь одним ударом так, чтобы существование капиталистических сил в социалистическом обществе было искоренено одним таким ударом. «Эксплоататоров можно разбить сразу, при удачном восстании в центре или возмущении войска. Но, за исключением разве особенно редких случаев, эксплоататоров нельзя уничтожить сразу. Нельзя сразу экспроприировать всех помещиков и капиталистов в сколько нибудь большей стране. Одна экспроприяция, как юридический или политический акт далеко не решает дела, ибо нужно фактическ **сместить** помещиков и капиталистов, фактически **заменить** их рабочим управлением фабриками и имениями». [2])

Таким образом, Л е н и н великолепно учитывал экономические условия России, все суб'ективные моменты, могущие быть в эпоху переходного времени, он великолепно понимал, что в эпоху переходного периода **господство труда над капиталом** имеет определяющее и решающее значение. «Я не делаю иллюзий на счет того, что мы начали лишь переходный период к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть социалистическая республика. Вы поступите также правильно, как те, кто называет многие буржуазные республики Запада демократическими, хотя всем и каждому известно, что нет ни одной из самых демократических республик, которая была бы демократической вполне». [3])

В определении какого либо хозяйственного строя мы все время должны исходить из основных и общих условий, а не случайных и частных. Так подходили к вопросам М а р к с и Л е н и н. Когда Б е м - Б а в е р к в Австрии и Т у г а н - Б а р а н о в с к и й у нас критиковали теорию стоимости товара К. М а р к с а, они все время искали конкретные товары, опровергающие теорию стоимости Маркса. Когда Б е р н ш т е й н опрокидывал теорию обнищания Маркса, он брал не все капиталистическое общество в целом, а часть этого общества — Европу. Когда опорочивают социалистические отношения в СССР, опять таки берут частные явления и остатки капитализма. Таким способом мы никогда не сумеем распознать общественные явления.

Не конкретным, принимая это выражение в самом узком смысле слова, владением капиталом, не фактом владения землей и деньгами определяется экономический характер какого либо строя, **а динамическими и общественными условиями** владения капиталом. Переходный период от капитализма к социализму, в общем и целом, является состо-

---

[1]) Ibidem; стр. 199.
[2]) Ленин — т. XV, стр. 466.
[3]) Ibidem; стр. 81.

янием антикапиталистическим и социалистическим. Образование стоимости товаров, характерное для капиталистического хозяйства, мы не найдем не только в этом переходном периоде в целом, но и в том крестьянском хозяйстве, которое еще не целиком вовлечено в орбиту социалистического хозяйства.

Наш переходный период от капитализма к социализму является эпохой социалистической, наш настоящий строй является по существу строем социалистическим. **Социализм есть обобществление средств производства, ликвидация всей системы товарного фетишизма, устранение классов, производство благ, не для создания прибавочной стоимости, а для общества.** Эта дефиниция социализма является дефиницией совершенных, чистых, абстрактных форм социализма. Конечно, мы не имеем формально совершенных форм социализма, но мы имеем по существу основные его формы.

Могут ли при социализме существовать хозяйственные формы, несовместимые с чистыми, абстрактно-совершенными формами социализма? Маркс и Ленин дают исчерпывающий ответ на этот вопрос. Остановимся дольше на этой стороне вопроса, так как наши противники в существующих экономических формах, свойственных капиталистическому обществу, находят у нас искажения социализма.

В первую очередь нужно отметить следующее. Каждое общество является обществом, производящим определенные **блага.** Между социализмом и досоциалистическим обществом в этом отношении имеется большое сходство. Но разница заключается в следующем: производство благ в досоциалистических обществах, преимущественно в капиталистическом обществе, производится постолько, посколько это выгодно для производителей. **В социалистческом же обществе блага производятся, не с точки зрения выгодности, а с точки зрения общественной необходимости. Заведомо невыгодных производств капиталистическое общество не знает, тогда как заведомо убыточные предприятия в социалистическом обществе могут быть самыми важными предприятиями.** Многие публицисты и экономисты оценивают нашу хозяйственную деятельность и наши предприятия исключительно с точки зрения выгодности, прибыли, забывая, что прибыльность наших предприятий и мероприятий является моментом второстепенным. Мы стремимся, чтобы наше хозяйство было рациональным, чтобы максимально использовывались об'ективные условия производства. В этом отношении мы должны обратить на оптимум величайшее внимание, но наше хозяйство в целом вовсе не двигается силами и стимулами производства прибавочной стоимости. Принцип рационалзации во всем хозяйстве, принцип рационального использования труда является высшим принципом социалистического общества. Но принцип рационализации социализм проводит не только в производственных отношениях, а также в области потребления. Капиталистическое общество знакомо с отвлеченными принципами рационализации, но оно никогда не может ее осуществить в действительности, ибо **рациональное производство совершенно не совместимо с иррациональными началами капитализма.** Капиталистическое общество совершенно не знает рационализма в потреблении. Рационализация потребления имеет величайшее значение. Ни в одном хозяйстве не регулируется и не рационализируется потребление так широко, как в социалистическом обществе. Система социализма является системой ра-

ционального пторебления. Вот почему в социалистическом хозяйстве будут уничтожены различные производства, являющиеся паразитическими и излишними для общественного рационального потребления. Социализм производит не только перераспределение ценностей, но также реконструкцию всего народного хозяйства, обращая главное внимание на общественно необходимое производство и нужды общественно-необходимого потребления.

В переходном периоде, периоде оформления социалистического хозяйства, еще долгое время могут существовать частные предприятия. Но эти частные предприятия по сравнению с общественными производственными предприятиями будут во всех отношениях слабыми **и вместе с тем вполне зависимыми от социалистических производственных организаций.** Ни в переходном периоде, ни в более или менее оформившемся социалистическом хозяйстве **вполне самостоятельных частных предприятий не может быть.** В действительности Сюза ССР и сейчас частные предприятия чрезвычайно зависимы от общей системы советской власти, об их самостоятельной роли и речи быть не может, их существование определяется формулой — «постольку поскольку». Даже эти частные предприятия **по существу** во многом отличаются от чисто капиталистических предприятий, хотя бы потому, что какую-то полезную хозяйственную функцию, согласованную с общим ходом социалистической экономии, они безусловно выполняют. **Как общее правило паразитические предприятия уничтожаются, или в корне видоизменяются в самом ходе победоносной социалистической революции.** В этом отношении и эти остатки, формально являющиеся остатками от **капитализма, по существу носят в себе черты нового общества и продолжают свое существование на почве приспособляемости к новым отношениям, отношениям социалистическим.**

Степень обобществления средств производства зависит от конкретных исторических условий, в которых протекает социалистическое преобразование общества. Еще в «Манифесте» указывал К. М а р к с, что «эти мероприятия (по преобразованию общества — **Т. Гл.**) будут, конечно, различны в различных странах». [1]) Но из ряда этих различных мероприятий, естественно, выделяются те общие мероприятия, кои действительно необходимо будет проводить на другой день социалистического переворота. Эти мероприятия упираются в сохранение и поднятие темпа производства благ. И действительно, главной задачей социалистического общества является урегулирование производственных вопросов. Одно лишь правильное решение этих вопросов окончательно решает и ускоряет решение всех прочих проблем, связанных с совершенством социализма.

Из всего вышеизложенного воочию явствует, что социалистические производственные отношения могут иметь правильное направление лишь после того, когда социалистическое общество будет опираться на свои собственные социальные силы, т. е., когда частные собственники, как классовые враги социализма, политически и экономически будут деклассированы, когда буржуазия будет сломлена в полном смысле слова. Для действительного осуществления социализма нужна общественная организация производства и распределения во всем народном

---

[1]) К. Маркс — «Манифест», стр. 77.

хозяйстве, иначе совершенно невозможно развитие социализма. Социалистический Союз ССР на примере показал, что частники не пропускают ни одного подходящего случая, чтобы помешать общественному хозяйству и повернуть руль истории в сторону капитализма. Маркс, Энгельс и Ленин точно предвидели опасность со стороны этих классовых противников пролетариата и потому предполагали неизбежность, как глубокой политической борьбы против них, так и необходимость обобществления всех важнейших форм производства.

Посмотрите-ка сейчас как выглядит социализм у либеральных социалистов, сегодняшних вождей европейской социалдемократии.

В каких формах выражается у них социализм? «Величайшего напряжения сил будет стоить пролетариату борьба за уголь, железо и железные дороги в Англии и Америке. Если вырвать их у капитала, — говорит Каутский, — вопрос о социализации решен. Конечно, дальнейшее развитие социализма может еще встретить большие экономические затруднения в отдельных видах производства, но, как **вопрос силы,** вопрос о социализации будет решен». [1]) Более ярко и определенно эта мысль выражена у Р. Гильфердинга: «Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, будет достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванную пролетариатом государственную власть, овладеет финансовым капиталом: это немедленно передает ему распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей производства зависят все остальные, и, потому, господство над крупной промышленностью уже само по себе равносильно наиболее действительному общественному контролю, который осуществляется и без всякого дальнейшего непосредственного обобществления». [2]) После революции Р. Гильфердинг считает достаточной передачу в распоряжение пролетарского государства тех предприятий, которые характеризуют и определяют ход капиталистического процесса. Дайте этим предприятиям новое направление, подчините их обществу, пролетарскому государству — вам незачем будет трогать прочие хозяйства. «В переходный период, — говорит Гильфердинг, — когда капиталистический метод производства представляется еще целесообразным, экспроприацию незачем будет распространять на многочисленные крестьянские и промышленные мелкие производства, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях, когда процесс экспроприации оказался бы в силу децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно медленным развитием подготовить этот процесс зрелости, т. е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоряемое теми экономическими выгодами, которые сознательно представляются обществом: ведь финансовый капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма». [3])

---

[1]) Каутский — «Пролетарская революция и ее программа», стр. 332.
[2]) Гильфердинг — «Финансовый капитал», стр. 548.
[3]) Там-же — стр. 549.

По Гильфердингу нет необходимости прибегать к сплошной экспроприации и обобществлению не только собственности, но и средств производства. В этом отношении еще дальше идет К. Каутский, который дает более полную картину мероприятий, нужных в эпоху социалистического строительства и социализма. В первый период социалистической эпохи,—говорит К. Каутский,—мы будем иметь различные виды собственности: собственность государства, общины, товариществ. Наряду с ними может сохранится частная собственность на некоторые средства производства. Мы видим, что и организация предприятий будет разнообразная». Еще ярче: «В социалистическом обществе могут существовать рядом друг с другом самые разнообразные виды собственности на средства производства, самые разнообразные формы предприятий — бюрократическое, тред-юнионистское, кооперативное, единоличное, — самые различные формы вознаграждения работников: постоянное жалование, повременная плата, поштучная плата, участие в выгодах от сбережения сырья, машин и т. д., участие в выгодах от более интенсивного труда, самые различные формы обращения продуктов: контракты на поставку, покупка из магазинов государств, общин, потребительских товариществ, у самих производителей и так далее и так далее. В социалистическом обществе экономический механизм, может отличаться такой же разновидностью, как и теперь». [1]) Свои мысли о некоторых формах и отношениях в эпоху социализма детальнее развил Каутский в своей книге — «Пролетарская революция и ее программа». Не подвергая критическому анализу многие положения Каутского мы приведем его взгляды на социализм, как он ему представляется. Еще в своей старой работе — «На другой день социальной революции» — Каутский выставил генеральное положение, выдвинутое еще Марксом, что «трудности, ожидающие пролетарский режим, лежат не в области собственности, а в области производства». Эту мысль автор «Пролетарской революции» развивает дальше: «При плановом (социалистическом — Т. Гл.) хозяйстве капиталистическая собственность продолжает существовать, но вместо прибыли двигательной силой и регулятором производства выступает хозяйственный план, предписываемый государственной властью». [2]) «Организация социалистического производства в отдельных конкретных случаях может принимать самые разнообразные формы. Эти формы будут различны, соответственно различию отраслей производства, различию стран, различию фаз их развития».[3])

Если иметь в виду формальную организацию социализма и общие взгляды европейских «социалистов» на социализм, нельзя будет не согласиться с т. Сталиным, что в СССР сегодня социалистические отношения выражены и оформлены больше чем думали вышеупомянутые мыслители. Разные формы организации производства создают различные условия труда. «Как и при капиталистическом способе производства, — говорит Каутский, — вознаграждение рабочего будет находится в теснейшей зависимости от процесса производства. Конечно, при социализме рабочая сила перестает быть товаром. Ее цена уже

---

[1]) Каутский — «На другой день социальной революции», 15,32.
[2]) Каутский — «Пролетарская революция», стр. 246.
[3]) Каутский — «Пролетарская революция», стр. 314.

не определяется спросом и предложением на рынке труда. Но заработная плата рабочего попрежнему, не только в отношении ее, должна будет определяться результатами процесса производства, но и в отношении формы должна быть подчинена требованиям дальнейшего производства. Социалистические предприятия должны будут прибегать к различнейшим видам вознаграждения труда, в зависимости от характера выполняемой работы. Ибо, если рабочая сила и перестала быть товаром, то все же влияние спроса и предложения исчезает не вполне». [1])

Подобные взгляды на социализм мы встречаем не только у Гильфердинга и Каутского. Почти у всех писателей разных слоев общества мы видим аналогичные возрения.

В «Новом учении о государстве» А. Менгер констатирует: «На ряду с подчинением крупной собственности социалистическому правопорядку, средняя и мелкая собственность продолжала бы существовать в формах частного права. Только после того, как социалистические правовые формы, благодаря продолжительному практическому применению будут испытаны и выработаны в деталях, было бы желательно перейти к социализированию средней и мелкой собственности». [2]) В. Зомбарт в своем труде „Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Kapitalismus" утверждает, что, «как в современных хозяйствах, так и, без сомнения, в последующем будущем хозяйстве будем иметь, как товарищеские, общинные, ремесленные, крестьянские, так и капиталистические формы», [3]) Отто Нойрат в своей книге «Vollsozialisierung» также не представляет возможным ликвидацию тех мелких торгово-промышленных и крестьянских трудово-хозяйственных процессов, существование коих затемняет мысль очень многих социалистически настроенных экономистов. [4]) Еще дальше идет австрийский социал-демократ Отто Бауер. По Бауеру в социалистическом обществе не только мелкие торговые предприятия должны быть оставлены не социализированными, но и средние и многие крупные промышленные организации не должны быть обобществлены. «Наличие их не будет искажать сущности социалистического общества». [5])

Чрезвычайно характерно, что Нойраты, Менгеры, Зомбарты, Каутские и прочие представители различных слоев буржуазии совершенно одинаково представляют картину социалистического общества. Если бы мы действительно поверили этим ученым буржуазии в трактовке социализма, то некоторые капиталистические страны Европы можно было и сейчас подогнать под понятие социализма. Ведь в конце концов, у этих «социалистов» и либералов никакой **ломки** и преобразования капиталистического хозяйства не происходит и по своему они совершенно правы, когда считают пролетарскую революцию излишней.

На самом деле нужно быть детски наивным, чтобы допустить, что основная масса буржуазии и многочисленный класс собственников будут, сложивши руки, следить за социалистическими экспериментами «наивных фантазеров». В первую очередь эта собственническая масса разгонит этих политических детей с общественной арены и ответит такой

---

[1]) Каутский — «Пролетарская революция», стр. 207.
[2]) Менгер, А. — «Новое учение о государстве», стр. 303.
[3]) В. Зомбарт гл. 60 — „Das Wirtschaftsleben der Zukunft", — стр. 1009 и др
[4]) Отто Нойрат — «Vollsozialisierung», стр. 22—23 и др.
[5]) Отто Бауер — «Der Weg zum Sozialismus», стр. 12, 13, 25.

ракцией, что от этих либералов-социалистов не останется и следа. Кому эта азбука социалистического строительства не известна сейчас? Но эта либеральная теория социализма им нужна для того, чтобы свою буржуазно-либеральную политику в настоящее время увязать с таковой-же политикой в будущем.

Посмотрим сейчас на социализм в деревне, как он выглядит у Ленина, Маркса и Энгельса, как сказывается он у Каутского и др. Отметим здесь же, что у Каутского в его старых работах мы имеем ряд правильных замечаний, но они пропитаны таким общим духом реформизма и либерализма, что, идя по пути Каутского, пролетариату навряд-ли когда либо удалось перевести капиталистическое сельское хозяйство в хозяйство социалистическое.

Но чрезвычайно интересным является разрешение крестьянского вопроса в социалистическом обществе. С уничтожением крупного землевладения и помещичьего хозяйства мелкая крестьянская собственность и крестьянское хозяйство без сомнения будут играть самую крупную роль. Известно, что с крестьянским вопросом Ленин связывал исход социалистической революции. Будет ли существовать частное крестьянское хозяйство в социалистическом обществе? «Как не трудно наше положение в смысле рессурсов, — говорил Ленин, — а задача удовлетворить среднее крестьянство должна быть разрешена. Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию». [1]) Еще К. Маркс дал соответствующий пароль: «Коммуна имела полное право, — писал Маркс, — **об'явить крестьянам: наша победа — ваша надежда».** [2]) Большое внимание уделяет крестьянскому вопросу в социалистическом обществе К. Каутский. «Беря в свои руки распоряжение жизненными источниками, пролетариат должен подумать, — пишет Каутский, — о том, как включить сельское хозяйство в общую систему социализированного хозяйства». [3]) Но, по мнению автора, вовлечение крестьянства в сферу социализации потребует ряда предварительных условий. «Социализация невозможна для мелких хозяйств в том виде, в каком они существуют теперь. **Для них, как и для крупных хозяйств, должен быть создан предварительно целый ряд условий,** прежде чем станет возможным их вовлечение в сферу социализации». [4]) В другой своей работе Каутский настаивает: «Было бы ошибочно предполагать, что исчезнут все частные мелкие предприятия. Не исчезнут они прежде всего в области сельского хозяйства. По всей вероятности останутся такие предприятия, которые будут продолжать вести свое маленькое хозяйство с помощью одного батрака или служанки. При теперешнем консервативном складе характера наших крестьян, в высшей степени вероятно, **что многие из них захотят продолжать вести хозяйство попрежнему.** Пролетарская государственная власть, в свою очередь, тоже **не будет иметь ни малейшего желания** брать в свои руки такого рода мелкие хозяйства. До сих пор ни один социалист не требовал никогда, чтобы крестьяне были экспропрированы, или что бы их земли были конфискованы. Крестьянину нечего бояться социалистического строя. Очень вероятно, что **эти крестьянские**

---

[1]) Ленин — «Собр. Соч.», т. XVIII, стр. 138.
[2]) К. Маркс — «Гражданская война во Франции», стр. 48.
[3]) К. Каутский — «Пролетарская революция», стр. 340.
[4]) К. Каутский — Там-же, стр. 364.

хозяйства окрепнут благодаря социалистическому режиму. Пролетариат в своих собственных интересах должен позаботиться о поднятии отсталого крестьянского хозяйства на наиболее высокую ступень развития, доставляя ему скот, машины, удобрение, производя мелиорацию почвы и т. д.». [1]) Во всех прочих своих работах К. Каутский проводит ту же самую мысль. Нужно отметить, что Каутский вовсе не имеет в виду конкретно такую сельско-хозяйственную страну, какой являлась Россия. Его мысли и работы носят общий теоретический характер и, одинаково, касаются как высоко индустриальных стран, так и отсталых. Знакомую уже нам мысль Каутский широко развивает также в своем «Аграрном вопросе». Автор полагает: «Переход от капиталистического сельского хозяйства к социалистическому может совершится и без экспроприации землевладельцев-крестьян. Не только мелкому крестьянству, но и владельцам мелких предприятий вообще, в том числе и ремесленникам нет никаких оснований опасаться победы пролетариата». Дальше: «Сельско-хозяйственные рабочие и мелкие крестьяне, занимающие в современном (капиталистическом) обществе положение едва ли не самых нелюбимых пасынков, должны сильно подняться в социалистичском отношении и получить огромное значение. Нелепа, поэтому, даже самая мысль о том, будто социалистический режим сгонит крестьян с их земель. Это было бы безумием, далеко превосходящим даже меру того, что возводят на нас самые безсовестные и самые ограниченные из наших противников».

Каутский, как автор лучших старых работ, наполняет ряд своих правильных замечаний в корне несоциалистическим смыслом. По Каутскому выходит, что в социалистическом обществе даже для — существующих частных крупных хозяйств должен быть создан **целый ряд предварительных условий,** что пролетарская власть **не будет иметь** ни малейшего желания перевести частное мелкое хозяйство в хозяйство социалистическое, и что даже эти частные хозяйства окрепнут и т. д. Спрашивается, если же все это действительно так и произойдет в социалистическом обществе, то когда же, и как-же могут возникнуть в деревне социалистические общества? По этому вопросу К. Каутский не хочет ломать голову.

Практика советской жизни дает нам прекрасный материал для правильного освещения этого вопроса. Повторяем, нужно быть слепым и не видеть, как частные зажиточно-кулацкие хозяйства в деревне ставят огромные препятствия всякого рода социалистическим мероприятиям пролетарского государства, и мы видим, что пролетариат к формам обобществления сельского хозяйства не только не равнодушен, но что социалистические ячейки, т. е. обобществленные хозяйства являются единственной серьезной опорой социализма в деревне. Мы ясно видим основную линию политики в сельском хозяйстве, как капиталистических, так и социалистических сил: **если всей системой капитализма поддерживается система разобщенного крестьянского хозяйства, то социалистический режим ставит своей основной целью облегчение условий труда, как в крупном хозяйстве города, так и в мелких хозяйствах деревни, достигая этих целей широким обобществлением сельского хозяйства.** Это как будто ясно для К. Каутского, который правильно отмечает преиму-

---

[1]) К. Каутский — «На другой день социальной революции», стр. 32.

щества крупного обобществленного хозяйства на селе, хотя он процессы обобществления сельского хозяйства опять таки наполняет ядом реформизма. «Наиболее совершенные средства производства крестьянин может применить только в крупном хозяйстве, и социалистический режим непременно должен будет стремиться к быстрому расширению крупного производства. Но чтобы побудить крестьян, — говорит Каутский, — соединять свои земли для ведения на них крупного хозяйства товариществами или общинами, для этого нет никакой надобности прибегать к экспроприации крестьянства. Раз крупное хозяйство, ведущееся на товарищеских началах, оказывется выгодным для членов товарищества, то **один уже пример** предприятий, находящихся в руках государства, побудит крестьян поступить таким же образом». [1])

Что говорит нам Фр. Энгельс о крестьянском вопросе в эпоху социализма? Фр. Энгельс выдвигал следующее генеральное положение: **«Единоличное хозяйство, обусловленное единоличной собственностью, ведет крестьян к гибели:»** [2]) Естественно, что исходя из этого основного положения нельзя расчитывать, что мелкое крестьянское хозяйство сумеет действительно и правильно выполнить хозяйственные функции социализма. Однако, Энгельс считает необходимым относиться к крестьянам чрезвычайно осторожно и предупредительно. «Обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприровать мелких крестья (с вознаграждением или нет, — это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. **Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели».** [3]) **Дальше: «Главное дело тут в том, чтобы выяснить крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можем, только превратив их в товарищескую собственность и товарищеское производство».** [4])

Как видите, Фр. Энгельс рассматривает положение крестьянина в социалистическом обществе под углом зрения **его материального благосостояния,** а не с точки зрения сохранения за крестьянином системы частного земледелия. Раз земля является главнейшим источником существования и благосостояния крестьянина, то по Энгельсу **превращение** крестьянской земельной собственности в общественную собственность является единственным средством, как максимального улучшения материального состояния крестьянства, так и правильной организации социалистического общества.

Если по Энгельсу нужно частную крестьянскую собственность **превратить** в товарищескую собственность, то, по уразумению теоретиков современной социал-демократии, в социалистическом обществе частное крестьянское замледелие не только будет превращено в земледелие общественное, а, наоборот, частное крестьянское земледелие может еще более расшириться. Для освещения позиции современных социал-демократов нам нужно здесь использовать Отто Бауера, име-

---

[1]) К. Каутский — «Общественные реформы», М. 1905 г., стр. 222, 215 и др.

[2]) Ф. Энгельс — «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», 1920, стр. 38.

[3]) Ф. Энгельс — Там-же, стр. 37, Курсив наш — **Т. Гл.**

[4]) Там-же, стр. 38.

ющего, как в аграрном вопросе, так и по многим иным вопросам, особенно большое влияние на теоретическую мысль социал-демократов немецкого мира.

Нужно предварить читателя, что вождь австрийских социал-демократов — О. Бауер выделяется из среды его товарищей своей шумной революционной фразеологией, хотя каждый сознательный рабочий весьма легко увидит в его социалистической фразеологии бьющий фонтаном мелко-буржуазный и либеральный характер меньшевистского социализма.

Характерно, что О. Бауер всю эпоху научного социализма, эпоху Маркса и Энгельса от 50-х годов до 90-х годов прошлого века, относит к эпохе старого социализма, а дальнейшую эпоху, эпоху преимущественно послевоенную — к эпохе нового социализма. По существу же этот бауеровский неосоциализм есть ни что иное, как социализм, отвергающий все основы революционного марксизма, социализм оппортунистический, равизионистский, мелко-буржуазный. В отношении крестьянского вопроса в социалистическом обществе мы увидим характер этого неосоциализма, всю его мелко буржуазную и мещанскую сущность.

О. Бауер отмечает: «Социализация крупных землевладельцев должна быть произведена одновременно с социализацией крупной индустрии, горной промышленности, крупной торговли и банков. Этими мероприятиями цели социализма будут достигнуты». [1]) Но как нужно произвести социализацию крупного землевладения? Бауер предлагает произвести отчуждение крупного помещечьего землевладения по образцу 1848 г., или, конкретно, посредством выкупа. В том случае, если помещики не устроят контр-революцию (в этом «социалист» Бауер должен сомневаться?! — Т. Гл.) и не прибегнут к помощи иностранной реакции для низвержения революционного правительства, то социал-демократы предлагают выкуп помещичьих земель». [2]) Мы не будем здесь распространяться о том, что меньшевики ставят новое социалистическое общество в тяжелую финансовую зависимость от помещиков в течение целых 40 лет (выкупной период), но, спрашивается, что-же предполагают немецкие меньшевики сделать с «экспроприированной» землей?

По Бауеру, точно также по принятой австро-германскими меньшевиками программе, отчужденные помещичьи земли должны перейти к государству, общине и трудовым крестьянам. Само это отчуждение помещичьих земель помимо выкупа должно иметь ряд предварительных переходных стадий. Бауер говорит: «Если государство произведет отчуждение имений крупных помещиков, то оно должно подумать о том, чтобы никакому ущербу не подвергалась производительность хозяйства. В этих целях государство хотя и берет в свои руки право собственности, но производство пока что должно оставить в руках помещика или арендатора». [3]) Как правило, само государство и община сельским хозяйством непосредственно не занимаются, они имеют только вроде показательных пунктов, а перешедшую к ним землю передают в пользование на условиях аренды крестьянам; при чем по Бауеру в социалистическом обществе земли могут быть предоставлены исключительно

---

[1]) **Otto Bauer — „Sozialdemokratische Agrarpolitik", Wien, 1926, S. 169.**

[2]) **Ibidem, S. 166.**

[3]) **Ibidem, S. 164.**

энергичным и прилежным крестьянам, тогда как «ленивые» крестьяне должны быть изгнаны и зобщинных земель. «Такое арендное хозяйство (Pachtwirtschaft), — говорит Б а у е р, — представляет из себя форму переходного периода от капиталистического хозяйства к хозяйству социалистическому». [1])

Чрезвычайно важно отметить совершенно ложный взгляд Бауера на крестьянское хозяйство вообще. «Крестьянские хозяйства, — утверждает Ба у е р, — не представляет из себя ни капиталистической, ни социалистической формы хозяйства; они не исчезли в капиталистическом обществе и не исчезнут и в социалистическом хозяйстве». [2]) Этот насквозь антимарксистский и ложный взгляд на крестьянское хозяйство определяет всю дальнейшую мелко-буржуазную концепцию меньшевиков на социализм. Раз частное крестьянское хозяйство является специфической формой хозяйства, умещающееся во всех формах хозяйства, то оно сохранится и в социалистическом обществе, но только лишь с той разницей, что социалистическое общество, по мнению Бауера, должно помогать и поддерживать это частное крестьянское хозяйство. Даже развитие общинных сельских хозяйств не является началом конца индивидуального крестьянского хозяйства. «С развитием сильного общинного социализма, — говорит Б а у е р, — община будет значительно поддерживать мелкие крестьянкие хозяйства». [3]) Здесь мы имеем, вместо марксистского и энгельсовского **превращения** мелкого крестьянского частного хозяйства в обобществленное социалистическое хозяйство, меньшевистское частное крестьянское хозяйство, укрепленное общиной.

Для социалистического общества имеет решающее и важнейшее значение обобществление основных форм хозяйства. Доминирующим фактором хозяйства на крестьянском селе является земледелие. Обобществление именно земледелия является базой социализма на селе. Это самое важное, это самое решающее дело у меньшевиков делается самым незначительным, они на эти основы социализма не обращают почти никакого внимания, тогда как они прочитывают ряд лекций об общественном пользовании постбищными угодиями и лесами. Даже тогда, когда Б а у е р говорит о кооперировании крестьянских хозяйств и о возможных формах действительного обобществления крестьянского хозяйства, то это обобществление каким то образом совмещается у него с увеличением крестьянской собственности [4]). Собственнический социализм, собственническое хозяйство, своеобразный характер собственнического крестьянского хозяйства — вот каково учение современных социал-демократов в области социализма. Естественно, что здесь мы имеем, тоже самое, что и во всех прочих случаях — в учении классовой борьбы, демократии, диктатуры, революции и т. д. Что этими средствами и путями нельзя будет никогда осуществить социализма это известно в Союзе любому пионеру начальной школы, хотя это недосягаемо великим теоретикам социал-демократии Европы.

Крестьянское хозяйство имеет большое экономическое и социальное значение не только в советском Союзе, но и во всей Европе. Соци-

[1]) Ibidem, S. 165.
[2]) Ibidem; S. 177.
[3]) Ibidem, S. 180, 145.
[4]) Пример, — стр. 183.

альное и экономическое значение сельского хозяйства в европейских странах возрастает сильнее при социализме, чем оно имеет место сейчас в условиях капитализма. В этом отношении вопросы сельского хозяйства приобретают сейчас особую актуальность.

Необходимо отметить, что структура сельского хозяйства значительно сложнее, чем структура городского и индустриального хозяйства. В этом последнем всякого вида **крупные хозяйства сейчас играют доминирующую роль,** определяющую характер всей жизни в городе, тогда как **в деревне такую определяющую роль продолжает играть мелкое крестьянское хозяйство.** Вот почему разрешение вопросов, касающихся мелких хозяйств на селе, имеет такое же значение, какое имеет разрешение вопросов крупного хозяйства в городе и индустрии. **Если социализация крупных предприятий в городе и индустрии имеет решающее значение для социализма, то социализация мелких хозяйств, обобществление основных производственных процессов мелкого крестьянского хозяйства имеет для социализма на селе доминирующее и определяющее значение.**

Как мы видели, социал-демократический мещанский социализм не решает именно этого основного вопроса деревни, социал-демократическая аграрная программа всецело проникнута мелкобуржуазным содержанием и ни на шаг не продвигает нас к социализму.

Основной задачей социалистического правительства, как на селе, так и в городе, является превращение мелких карликовых частных хозяйств в хозяйства крупные, в **общественные** об'единения. Естественно, что это превращение не может быть произведено единовременным актом социализации и для этого понадобится ряд практических мероприятий. Практика советского Союза показывает нам именно эту практическую реальную сеть мероприятий по преобразованию всего мелкого хозяйства в стране.

Естественно, что до завершения этого важнейшего процесса в социалистическом обществе будут продолжать свое существование частные мелкие хозяйства. Эти мелкие хозяйства и в социалистическом обществе будут иметь характер, свойственный природе частного мелкого хозяйства.

В какие бы социальные условия не ставил социалистический режим мелкие частные хозяйства, как бы они не были зависимы и подчинены общим условиям социализма, мелкое частное хозяйство все же является потенциальным носителем частных эгоистических классовых интересов. Естественно, что динамика и тенденции его развития будут предметом особо бдительного внимания пролетариата, который руководит основными крупными отраслями социалистического хозяйства. Социалистическое пролетарское государство видит под'ем производительных сил мелких хозяйств и улучшение быта, вовлеченных в эти хозяйства трудящихся масс, в первую очередь в обобществленном хозяйстве, ибо лишь крупное обобществленное сельское хозяйство дает возможность полного применения всех достижений техники и науки, т. е. об'ективных и суб'ективных условий подлинного освобождения трудящихся от рабского подчинения условиям мелкого хозяйства и допотонным средствам производства.

Обобществление сельского хозяйства, коллективные формы важнейших производственных процессов на селе превращает крестьянина в

нового человека, в новый тип, еще неизвестный истории человечества. Это перерождение крестьянина в свободного трудящегося гражданина делает его **социалистом,** подлинной силой нового самого культурного, самого свободного, самого прогрессивного социалистического общества. Действительная смычка крестьянина и рабочего индустрии, **подлинная смычка деревни и города произойдет только лишь тогда, когда производственные процессы в деревне будут также обобществлены, коллективизированы и социализированы, как в городе.**

Коллективизация важнейших сельско-хозяйственных производственных процессов на селе является завершением, оформлением всего социалистического строительства СССР и как ни труден этот великий иторический процесс преобразования всего строя нынешней советской деревни — он должен быть завершен во что бы то ни стало. Только тогда, когда воля крестьянина будет волей социалистической, только при этом социально-экономическом преобразовании деревни крестьянство будет твердыней и неразлучным союзником советской власти в деле дальнейшего строительства социализма.

Социализм есть в первую очередь обобществленное народное хозяйство. Степень обобществления городского и деревенского хозяйства, промышленности и сельского хозяйства, а также распределительных форм экономической жизни показывает нам степень, дистигнутую социализмом. **На фоне обобществления всего хозяйства прочие формы жизни, известные капиталистическим хозяйственным отношениям, приобретают совершенно иной вид и характер.** Обобществленное хозяйство не знает ренты от земли, прибыли от капитала и заработной платы за труд, как общественных категорий распределения всего национального дохода. Как правило, как основная пружина общественного развития, капиталистическая рента и прибыль не имеют места в социалистическом обществе. В Союзе ССР мы имеем уже осуществленное общество, где эти важнейшие формы дохода социальных групп капиталистичского общества не имеют определяющего и главного значения.

В условиях обобществления основных и главнейших, а также массовых производственных явлений все прочие формы экономической жизни — рынок, цена, заработная плата, деньги и пр. приобретают относительное значение и наличие их ни в какой степени не искажает сущности социализма. **Основным условием, характеризующим и определяющим социализм, является обобществление хозяйства,** оно — фундамент социализма, все прочее — просто виды, производные, совершенно не существенные. При **содержании** социализма, т. е. при **бытии** социализма — формы могут быть различными, **эти формы могут быть видоизменены во всякую минуту, вопрос об этих формах является вопросом технической целесоообразности, удобства и проч.**

Характерно, что очень многих пугает наличие именно этих второстепенных переходящих форм, внешние признаки коих напоминают им капиталистический строй. Обратимся сейчас к этим формам, могущим быть в социалистическом обществе.

По Тугану-Барановскому коммунизм в отношении распределения продуктов предполагает «полную свободу потребления каждому по его потребностям, для ближайшего же времени коммунизм выставляет тре-

бование качественного и количественного равенства потребления». [1]) Обоснование коммунистической системы потребления в общих чертах дал К. Маркс, защищая формулу, — с каждого по его способностям, каждому по его потребностям». [2]) Проф. Лященко все виды социализма делит на две части. Его классификация сводится к следующему: «Все вообще системы социализма, — пишет Лященко, — могут быть разделены на две: 1) собственно социализм, в узком смысле слова или коллективизм, как такая система, при которой обобществлены лишь средства производства, предметы же потребления остаются в личной собственности и 2) на коммунизм, как такую систему, где обобществление распространяется не только на процесс производства, но и на процесс и на предмет потребления. В системах собственно социалистических, где обобществлены (национализированы) только средства производства, там сохраняются трудовые индивидуальные доходы». [3]) Логическое развитие этих положений приводит нас к системе «свободного расходования каждым лицом своих доходов и (значит) предполагает известные ценностные сравнения одних благ с другими», т. е. наличием денег». [4]) Частный оборот ценностей и обмен их посредством денег отмечал также проф. Туган-Барановский: «Система социалистических отношений, т. е. система социализма в узком смысле слова во всяком случае в первый период его строительства предполагает отношения покупки и продажи предметов потребления». [5]).

Вопрос об обращении ценностей в социалистическом обществе имеет огромное значение и мы остановимся на этом подробнее.

Обращение ценностей посредством денежных знаков, происходящее в социалистическом обществе, не имеет ничего общего с системой обращения, известной капиталистическому обществу. Система капиталистического хозяйства основана на безпредельном накоплении капитала в средствах производства именно частного и нетрудового элемента, тогда как при социалистической системе частное накопление ограничено всеми вспомогательными мероприятиями пролетарского государства, защищающего общественное производство и общественное накопление всеми способами государства. Государству надлежит сыграть в этих отношениях крупную роль. Туган-Барановский полагает, что социалистическое государство *) станет наиболее важной хозяйственной организацией будущего. Именно оно должно в большинстве случаев заменить собой современного капиталистического предпринимателя. Государство

---

[1]) Туган-Барановский — «Социализм, как положительное учение», Пет. 1918 г. стр. 97.

[2]) К. Маркс — «Критика готской программы», стр. 56.

[3]) Лященко — «Экономика торговли», — М. 1925 г., стр. 203.

[4]) Ibidem; — стр. 204.

[5]) Туган-Барановский — «Социализм, как положительное учение», стр. 97.

*) «Историческое государство, как правильно учил Маркс, есть организация, прежде всего, классового господства и насилия; государство выросло из классового общества и с прекращением классового насилия, с установлением социалистического строя, естественно, исчезнет и современное государство. Правда, это отнюдь не значит, что социалистическое общество упразднит за ненадобностью все элементы современного хозяйственного строя. Политическая власть, во всяком случае, останется, ибо без политической власти была бы невозможна та сложная организация общественного хозяйства в широких размерах, которая требуется социализмом». (Т. Барановский, стр. 69) ср. Ленина — «Революция и государство», а также «Критика готской программы», стр. 89.

должно занять место торговца нашего времени». Дальше: «Непосредственное распределение продуктов между населением было бы целесообразно поручить органам местного самоуправления — муниципалитетам». Помимо этих двух главных факторов социалистического общества, по мнению Туган-Барановского, «трудовая кооперация должна явиться при господстве социализма дополнением к государственной и муниципальной организации промышленного труда».[1])

Главным распорядителем в социалистическом обществе, пока еще не устранены все остатки капиталистического режима, является пролетариат, его государство, как его политическая организация. Главным двигателем всех производственных процессов, главным фактором по снабжению, как фабрик, заводов и всех прочих предприятий является пролетарское государство. Главной силой, снабжающей города продовольствием, а внегородские массы продуктами городского хозяйства, т. е. промышленности, является также сила пролетарского государства. Таким образом, в социалистическом обществе пролетариат несет полную ответственность за правильное отправление всех общественно-необходимых функций хозяйства, населения, страны.

Пролетарское государство, пролетарская организация со всеми своими органами (местное управление, кооперация и т. д.) берет на себя удовлетворение развития производительных сил города и деревни. Все важнейшие нити производства и распределения продуктов находятся в руках пролетарского государства. Но мы должны картину социалистического общества представить конкретнее. Трудно предположить, чтобы социалистическое общество осуществилось на земном шаре одновременно. Подобный исход социалистической мировой революции облегчил бы положение социализма и дело социалистического строительства в высшей степени. Но естественнее всего предполагать, что социализм установится в какой либо одной стране и будет распространяться постепенно на другие страны. Во всяком случае социалистическое общество будет иметь экономические и политические отношения со странами капиталистическими; не нужно забывать того обстоятельства, что капитализм привел современное общество к широкому разделению труда. Разделение труда постепенно приняло международный характер. Отсюда ясно, что **пролетарскому государству придется иметь дело не только с силами своей страны, но и с силами чужих стран. Продукты труда нужно будет обменивать не только между своими производителями и потребителями, но и между производителями и потребителями чужих стран, часто находящихся в чрезвычайно неудобных географических условиях, осложняющих международные отношения.** При этом нужно помнить следующее: социалистическая страна, которая силой революционного движения вышла из капиталистического общества, как правило, будет обмениваться с другими странами произведениями своей страны.

Вне всякого сомнения, **при социалистическом обществе будут существовать и укрепляться экономические отношения между различными странами и разными частями света, но эти экономические отношения будут отношениями естественными, разумными, рациональными, общественно-необходимыми.** Современное капиталистическое общество ус-

---

[1]) Туган-Барановский — «Социализм, как положительное учение», стр. 89, 90.

ложняет мировые экономические взаимоотношения, — **зачастую эти отношения вовсе не являются необходимыми.** Ведь капитализм является неплановой системой хозяйства, фабрики и заводы строятся не там где следует, а там, где это выгодно и удобно империалистическому государству. Поэтому, **социалистическое общество, вне сомнения, сократит те излишние международные экономические связи, которые являются только лишь расточением народного богатства.** Но несмотря на всю систему рационального размещения средств производства, естественные особенности и различия, существующие между странами, создают необходимость международного общения и обмена ценностями. Исходя из этого Атлантикус в своем «Взгляде на государство будущего» считал необходимым, чтобы социалистические общества и впредь продолжали иметь колонии. Конечно, социализм и даже подобие современной колониальной системы друг с другом совершенно несовместимо. Одно то соображение, что современный культурный человек не может удовлетворить всех своих потребностей исключительно произвдениями какой нибудь страны, даже какого нибудь одного пояса земного шара не может служить оправданием того, чтобы социалистические государства держали страны и народы в колониальном состоянии. К а у т с к и й справедливо критиковал эти взгляды Атлантикуса: «Мы не можем себе представить, чтобы социалистическое население примирилось с какой нибудь формой эксплоататорской принудительной работы. Если оно и вмешивается в дело рас'стоящих на более низкой ступени развития, то, разумеется, с целью воспрепятствовать сохранению и укреплению каких бы то ни было форм эксплоатации в их среде, а отнюдь, не с целью самому водворить среди них какую нибудь форму эксплоатации». [1]) Внешние отношения социализма, как с культурными странами, так и с странами отставшими будут в корне видоизменены. Нельзя будет рассматривать страны, как пункты сбыта своих произведений, или как пункты снабжения своих фабрик сырьем. Социалистическое общество на своей территории будет производить все то, что соответствует естесвенным условиям этой территории, в этом смысле ряд капиталистических стран и в первую оечредь Англия будет вынуждена внести в систему своего хозяйства коренные изменения. Без сомнения, чайные плантации не могут быть насаждены в Архангельской губернии, а их родиной и в социалистическом обществе будет Цейлон, Ява, Формоза, Бразильская Индия, Южный Кавказ и т. д., тогда как кофе будет выращиваться в Бразилии, Колумбии, а бананы попрежнему будут привозить из Африканских тропиков. Аналогичный естественный обмен будет происходить прочими более существенными предметами. Не все страны смогут удовлетворить свои потребности в нефти, угле, пшенице и пр.; но трудно себе представить, чтобы, например, маврикандские сахарные плантации остались чуть ли единственным хозяйством населения этой страны, или чтобы Великобритания производила ткань для того, чтобы не обращать никакого внимания на производство хлеба у себя.

Если классифицировать виды обмена ценностей с внешним миром можем получить следующую картину:

1. Вывоз и ввоз ценностей могут сохранить равновесие, как, например, отношение между СССР и Германией.

---

[1]) К. Каутский — «Общественные реформы», стр. 210.

2. Вывоз может превалировать над ввозом, как, например, отношения СССР с Англией.

3. Ввоз будет перевешивать вывоз, как, например, отношения С. А. Штатов с СССР.

4. Может быть чистый вывоз.

5. Может быть чистый ввоз.

Эти отношения будут иметь место не только тогда, когда весь земной шар покроется сетью социалистических обществ, но и тогда, когда социалистическое общество будет иметь место в какой либо одной стране. В этих условиях обращения ценностей социалистическое общество стоит перед необходимостью заботиться о состоянии своего платежного баланса и регулировать внешние платежи внутренними производственными отношениями.

Каким способом будут производиться расчеты по операциям обмена с внешним миром? Обмен будет происходить приблизительно по вышеприведенной схеме, а потому для нормального производства расчетов и платежей необходимы как раз платежные средства. Этими платежными средствами могут быть только лишь реальные ценности, все равно будут ли эти ценности реальными ценностями социалистического общества, или общества несоциалистического. Во всяком случае необходимо обладание теми платежными ценностями, которые будут признаны обменивающимися странами одинаково ценными. Естественно, что платежные средства будут, по мере возможности, не различными для каждой страны, а однообразными для всех стран одновременно. В капиталистическом мире таким реальным платежным средством обыкновенно считалось золото или валюта той страны, которая смогла обеспечить свою валюту золотом и которая признается всем миром равноценной золоту. Ныне такой валютой, мировой валютой, можно считать американские доллары. Таким образом, социалистическое общество, в особенности в условиях капиталистического окружения, вынуждено иметь свое собственное платежное мировое средство или использовать признанную мировую валюту. Это, конечно, не исключает использования одновременно и твердых валют прочих стран.

Как видно, проблема платежных средств, проблема денег является важнейшей частью всего хозяйства социалистического общества. Пока социалистическое общество само не производит в обобществленном секторе всего необходимого для стопроцентного удовлетворения всех потребностей страны, до тех пор платежное средство в виде денежных знаков является настоятельной необходимостью социалистического общества. Как внешний рынок, так и внутренний пред'являет спрос на это средство, на валюту. Социалистическое общество может также иметь для внешнего обращения одну валюту, а для внутреннего обращения другую валюту и другие расчетные знаки.

При одном лишь упоминании о деньгах перед нами сразу всплывают силуэты капиталистических денег, капиталистических отношений. Мы так привыкли ассоциировать одно лишь наличие денег со всем капиталистическим режимом, что без особенного страха не можем видеть денежного обращения в системе социалистического хозяйства, хотя всем как будто известно, что система денежных расчетов свойственна не только капиталистическому государству, но ею характеризовалось бук-

вально все хозяйства, известные миру до наступления капиталистической эры.

Поэтому следует особо остановиться на вопросе о деньгах в социалистическом обществе. История социалистического строительства СССР дает нам в этом отношении довольно богатый и характерный материал. Еще тов. Бухарин писал: «Деньги являются той вещно-общественной связкой, тем узлом, которым связана вся развитая товарная система производства. Понятно, что в переходный период, в процессе уничтожения товарной системы, как таковой, происходит «самоотрицание» денег. Оно выражается, во первых, в так называемом «обесценении денег», во вторых в том, что распределение денежных знаков отрывается от распределения продуктов и наоборот. Деньги перестают быть всеобщим эквивалентом, становясь условным и притом крайне несовершенным знаком обращения продуктов. Заработная плата становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания. При системе пролетарской диктатуры «рабочий» получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату». [1]) Вождь Венгерской Советской Социалистической Республики тов. Варга так характеризовал роль денег. Варга пишет: «Необходимо создать монополистические организации для хлеба, масла, молока, мяса и т. д. Железные дороги и пароходы должны перевозить продукты только для организаций. Всякая частная купля-продажа, вне определенных внутренних границ, должна быть строго воспрещена и наказуема». По мнению тов. Варги натурализация распределительно-торгового хозяйства является главным делом пролетарского государства. Он утверждает: «Окончательный путь — это предоставить деньгам умереть собственной смертью. Пролетарское государство принципиально имеет дело только с потребительными благами, оно является натуральным хозяйством». [2])

Если так «определенно» высказывались о роли денег коммунистические литераторы, усвоившие диалектический образ мышления, то весьма характерны взгляды лиц, получивших подлинно капиталистическое воспитание. Прежде всего Е. С. Лурье отмечал, что «финансовая идеология» вырабатывалась в ходе самой революции и установление основной линии политики советской власти в области денежного обращения довольно затруднительно, так как эта линия не шла по прямому направлению, а изламываясь и изгибаясь получила то выражение, которое нам становится ясным сейчас». [3]) Нужно отметить, что вопросы денежного обращения, поставленные в плоскости сохранения системы денежного обращения, особо остро стояли в 1919—20 г.г., для чего, как при ВСНХ, так и при НКФ были сконструированы специальные комиссии с участием лучших русских теоретиков финансовой науки. Но на работы этой комиссии и на лиц, участвующих в них, самым сильным образом влияло то нерешительное, неопределенное и неустойчивое состояние, которым эти годы вообще отличаются.

Поэтому в работах ученых этого периода мы не имеем законченного и вполне определенного мнения, лучшим примером чего служат до-

---

[1]) Бухарин — «Экономика переходного периода», стр. 185.

[2]) Варга — «Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре», 1922 г., стр. 110, 125 и др.

[3]) Лурье — «Из истории идеологии и законодательства о денежном обращении РСФСР», стр. 444, сб. «Денежное обращение и кредит», т. I, 1922 г.

клады, наприм., проф. Каценеленбаума 2 июля 1920 г. и 1 апреля 1921 года, не имеющие между собой никакой связи.

В своем первом, довольно обширном докладе—З. С. Каценеленбаум утверждал: «Если исходить из традиционной классификации, функции денег в капиталистическом хозяйстве распадаются на 4 группы. Деньги являются орудием обмена, мерилом ценности, средством накопления и средством погашения отстроченных платежей. Надо признать, что из 4 функций—три должны отпадать в социалистическом обществе, и в этом, быть может, лежит причина того, что самое устранение денег представлялось старым писателям социалистического направления несложной задачей. **В самом деле, в социалистическом государстве не нужно «орудие обмена»,** ибо в нем, вообще, не должно быть обмена». [1]) Дальше: «Основа кредита,—говорит Каценеленбаум,—заключается в переносе капиталов из одного предприятия в другое. Общество без права частной собственности на землю и капиталов не имеет базы для развития кредита и долговых отношений. В социалистическом обществе мыслим чисто «потребительский кредит, разумеется, без процентов, для которых источника не существует, но этот потребительский кредит вполне может осуществляться в натуральной, продуктовой форме и нисколько не нуждается в деньгах, как абстракции». [2])

Соратник З. С. Каценеленбаума—С. В. Воронин в общем развивал ту же идею. «Хозяйство социалистическое, построенное на противоположных началах государственной собственности на средства производства и централизованного руководства промышленной работой, повидимому, не нуждается в денежном механизме для своего оборота и должно отвергать значение цены, как регулирующего фактора народно-хозяйственной жизни. Учет социалистического хозяйства представляется более статистическим учетом и техническим описанием обобществленной промышленности страны, чем ее бухгалтерским денежным учетом, так как в обороте чисто социалистического хозяйства деньги и ценность, выраженная в деньгах, то-есть цена, не имеют той руководящей роли, как в капиталистическом. Несомненно,—однако, что и для социалистического хозяйства необходима какая то единица учета. В соответствии с общим трудовым характером социалистического общества такая единица, естественно, представляется связанной с человеческим трудом, и именно в этом направлении работает над ее конструированием социалистическая мысль». [1]) Народный Комиссариат Финансов специально разрабатывал вопрос о трудовой единице труда и был представлен окончательный, принятый ведомством (НКФ) проект декрета: «Положение о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р.С.Ф.С.Р.». »В качестве единицы трудовой ценности я предлагаю,—писал Струмилин,—принять ценность продукта труда одного нормального дня работника первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки в 100%. Эту нормальную трудо-единицу, соответствующую работе в 100.000 килограммометров, обозначим со-

[1]) З. С. Каценеленбаум — «Проблема денег и оценки в социализме», стр. 292, курсив наш.

[2]) Ibidem, стр. 294.

[1]) С. В. Воронин — «Счетоводство государственных предприятий при падающем курсе рубля», стр. 240, Сб. «Ден. обр. и кр.».

кращенно буквами «тр. ед.» или словом «тред». Тысячу таких «тредов» назовем «килотредом», миллион—«мириатредом». [1])

В эпоху килотредизации и мириатредизации методов трудового учета, среди специалистов проф. Железнов не терял равновесия и, приводя и Платона и Маркса и Зиммеля и Г'ельфериха и даже «записки из мертвого дома» Достоевского, писал: «Я ограничусь немногими указаниями на роль денег в современном трудораздельном хозяйстве и обращу внимание на то, что к деньгам нельзя относиться слишком легко, считая их несущественной принадлежностью хозяйственной жизни, без которой можно обойтись при новых формах социального строя, значительно урезывающих круг частно-правовых отношений. Я пытался показать, что **дело здесь не в этих формах, а в самом фундаменте народного хозяйства,** без которого немыслимы рациональные формы социального порядка. Деньги нужны постольку, поскольку есть нужда ставить хозяйство рационально; можно мыслить, конечно и иррациональные формы хозяйства, можно мечтать о временах величайшего изобилия, когда незачем будет кропотливо считать и мерить хозяйственные ценности, а предоставить всем и каждому беззаботно черпать, что захотят, из невидимо наполняемого общего запаса и, значит, совершенно позабыть о деньгах и денежном счете,—но сейчас едва ли в России найдется человек, которому была бы охота предаваться таким мечтаниям». [2])

Дело здесь не в формах, а в самом содержании народного хозяйства—мы много раз должны повторить и хорошо запомнить эти слова Железнова, но, конечно, это положение исходит не только от проф. Железнова. Ведь камнем преткновения между К. Марксом и Прудоном, Энгельсом и Дюрингом, всем марксизмом и утопической школой социализма было именно разногласие в отношении проблем формы и содержания. Деньги, кредит, обмен, цена не суть «вещи в себе», не суть категории с самостоятельной субстанцией, а только лишь отражение и выражение отношений, происходивших из организационных начал производства. Для правильного понимания этих явлений, в первую очередь нужно отметить, что еще не существовало и не существует ни одного социалистического течения, которое не считало бы совершенно необходимым какое-нибудь орудие обмена, а также какую-нибудь общепризнанную меру учета. «Треды» и нормальные рабочие дни у Струмилина, рабочие деньги и чековые книжки у Родбертуса, Банк обмена у Прудона или «Банк справедливого обмена труда» у Р. Овена, все они обязательно предполагают сохранение средства обмена.

Лучшим средством обмена являются деньги. Как было отмечено, деньги, как средство обращения, вовсе не присущи только капиталистическому способу производства. Деньги, как мерило ценности, известны и кочевым племенам, и пастушеским обществам, и феодальному времени, но они в капиталистическом обществе приняли особый характер, приобрели большое значение, поскольку вообще обменными операциями капиталистический строй выделялся особо выгодно. Само по себе существующее общество занято не производством денег, как

[1]) Цитата у Шмелева — «Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата», стр. 395. Сб. «Ден. обр. и кр.»

[2]) Проф. Железнов — «Роль денег в товарообмене», стр. 272.

благ, носящих в себе ценность, а товаров, деньги только проявляют присущую товарам ценность. «Товары—говорит К. Маркс,—становятся соизмеримыми не благодаря деньгам. Наоборот, так как товары, как ценность, суть овеществленный человеческий труд, а потому сами по себе соизмеримы, все они могут измерять свою ценность одним и тем же специфическим товаром и, таким образом, превратить его в общую меру ценности или в деньги. **Деньги, как мера ценности, суть необходимая форма проявления присущей товарам (имманентной) меры ценности».** [1]

Это основное и весьма важное положение Маркса опрокидывает вверх дном все учение меркантилистов, по которому количеством денег измеряется стоимость товаров. Если бы деньги носили эти свойства богатства страны, конечно, одно только появление денег, как явление буржуазного порядка, было бы развалом социалистического хозяйства. В действительности этих внутренних свойств деньги не имеют. По этому поводу у Маркса мы находим следующее: «Иллюзия, согласно которой, наоборот, товарные цены определяются массой средств обращения, а последняя, в свою очередь, массой находящегося в стране денежного материала,—эта иллюзия у ее первых представителей (имеются в виду В. Петти и меркантилисты—Т. Гл.) опирается на ту нелепую гипотезу, что в процессе обращения товары вступают без цены, а деньги без ценности». [2]

Первым основным и характерным моментом природы денег является их циркуляторная способность. В совершенно нормальных товарообменных условиях поэтому нет никакой необходимости иметь такие средства обмена, которые соответствовали бы вполне стоимости товара. Мы еще не знаем ни одного такого способа или символа обращения в развитом капиталистическом обществе, который бы носил всецело соответствующую стоимости товара цену средства обращения. Самыми лучшими, самыми ценными и удобными средствами обращения в капиталистическом обществе является золото, но, как учит Маркс—«путь золота из монентного двора есть вместе с тем и дорога к плавильному тиглю, так как золотые монеты в обращении более или менее стираются. Наименование золотых монет и их вещество, их номинальное содержание и их реальное содержание начинают, таким образом, раз'единяться». Дальше: «Раз денежный оборот сам отделяет реальное содержание монет от их номинального содержания, их металлической сущности, их функциональной сущности, то он в скрытом виде содержит уже в себе возможность заменить металлические деньги в их монетной функции знаками, сделанными из другого материала, или разными символами. Монетное бытие золота отделяется совершенно от субстанции его ценности. Вещи почти без всякой ценности, бумажные билеты, могут поэтому функционировать вместо него, как монеты». [3]

Но деньги имеют не только циркуляторные, но также платежные способности и, что особенно важно, **способности накопления.** Современные нам металлическе деньги, как нормальное явление,—продукт капиталистической эпохи. Только способ производства, основанный на

---

[1]) К. Маркс — «Капитал», т. I, стр. 45. Курсив наш — **Гл.**
[2]) Ibidem, стр. 67.
[3]) Ibidem, стр. 68, 69.

системе частной собственности и накопления капитала, создал современные знаки из благородных металлов. Только для капиталистов золото является кумиром и средством накопления. Для пролетариата, существование которого не находится ни в какой непосредственной связи с накоплением капитала, т. е. который это накопление для себя не производит, металлические деньги являются только балластом, на производство чего совершенно напрасно производится затрата общественного труда. О качественной стороне металлических денег Маркс указывает, что они служат всеобщим представителем материального богатства, **так как они могут быть непосредственно превращены в любой товар».** [1]) Вот именно это свойство металлических денег придает им способности накопления и вот почему они для всего буржуазного мира являются центром внимания и особого интереса. Конечно, для пролетариата не может быть никакой привязанности к деньгам, ибо для народного хозяйства металлические деньги совершенно не являются необходимостью.

Это было ясно и для К. Каутского: «Если цены и деньги продолжают существовать и при социалистическом способе производства, приспособляющем для потребностей обмена унаследованные им исторически-установленные цены, то столь же необходимо должно существовать и золото, как денежный товар, как исторически-установленные деньги. Однако, сохранение золота необходимо не в натуре. Эту радость мы можем доставить защитникам натурального хозяйства. Как мерило стоимости, всегда необходимо только воображаемое золото или, скорее, стоимость золота. Для того, чтобы исчислить цену пары сапог в золотых марках, совсем не нужно иметь золотых марок в натуре». [2])

Только что мы сказали, что металлические деньги являются также платежным средством. Этот момент непосредственно связан с интересами и нуждами народного хозяйства. Современный мир представляет из себя хозяйство—левиафан, части которого на основании широкого разделения не только труда, но и разделения производственных отношений по отраслям и по странам, об'единены в одно целое, но окончательные расчеты между которыми производятся реальными ценностями, платежными знаками, признанными всеми. «Функция денег,—учит нас Маркс,—как сокровища, коренится поэтому частью в их функции, как внутреннего средства обращения и платежа, частью в их функции, как всемирных денег. **Для этой последней роли требуется всегда действительный денежный товар, материальное золото и серебро,** почему Джемс Стюарт и характеризует золото и серебро, в отличие от их местных заместителей, прямо как money of the world (всемирные деньги)». [3])

В своем историческом развитии деньги, как средство обмена видоизменялись, переходя от самых элементарных форм к сложнейшим. Меха, шкуры, камни, злаки, минералы и т. п. постепенно заменялись более устойчивыми и ценными материалами, как олово, медь, никель, серебро, золото.

Золото, как средство обмена, было известно и распространено и в Риме, и в Византии, Вавилонии, Ассирии и Персии, но в дальнейшем золото появляется только лишь в эпоху расцвета итальянских городов, т. е. в VIII столетии. «С возрождением общественной и торговой жиз-

[1]) Ibidem, стр. 74.

[2]) См. Каутский — «Прол. революц. и ее программа», стр. 396.

[3]) К. Маркс, — «Капитал», т. I, стр. 83.

ни,—говорит З. П. Евзлин,—и с развитием торговли итальянских городов—Флоренции и Венеции—золото опять начинает входить в обращение. В половине VIII ст. Флоренция, по настоянию своих купцов, стала чеканить золотые флорины, за ней последовала Венеция и ряд других итальянских городов». [1]) По всей Европе и во всем мире до самого последнего времени мы имеем установившееся господство этих двух металлов, и вся монетная борьба в капиталистическом мире происходит на почве столкновения интересов классов, заинтересованных то в серебряном, то в золотом обращении. Биметаллизм, монометаллизм, допущение параллельного обращения двух благородных металлов или исключительное господство одного из них — является только отражением и выражением интересов победившего класса.

Мо можем отметить только одно: с развитием национальных богатств и мирового товарного обращения общее количество серебряных и золотых монет возросло во много раз, система государственной чеканки монет усовершенствовала технику монетного дела. Урегулирование вопросов, связанных с циркуляцией денег, оказало всей капиталистической культуре неоценимые услуги, хотя еще никогда количество денежных знаков, все равно металлических или бумажных, не облегчало миру тягот, происходящих от кризисов, промышленных застоев и революций. Деньги никогда не являлись определяющими факторами существующих экономических отношений, роль денег подвергалась всевозможным колебаниям благодаря изменившимся условиям в средствах производства.

Следует обратить еще особенное внимание на следующее обстоятельство: ценность самих металлических денег подвержена большим колебаниям и изменениям, чем сами товары и, во всяком случае, на движение цен и ценностные колебания металлические деньги не оказывают опредляющего влияния. Само капиталистическое общество, в стадиях своего более или менее нормального и спокойного состояния, само же создает в качестве средств обмена различные символы металлов и прибегает к символическим (бумажные деньги и всевозможные бумажные ценности) знакам в целях сохранения сокровищ и накопления капитала. Система государственной теории денег, связанная с именем Кнаппа, является только лишь последним выражением эпохи нормального расцвета финансового капитала. Основные положения этой системы имеют огромное историческое значение. Капиталистические отношения, система частной собственности на средства производства, вызвали к жизни разные системы металличеких денег, и этот же капитализм роет всем этим системам могилу.

Экономическая система производственных отношений, основанная на системе обобществления средств производства, совершенно не нуждается в металлических знаках, как в средствах обмена.

Деньги являются душой капиталистического общества, **когда они в полной мере сохраняют способность превращения в разного рода капиталы.** Здесь же должны отметить, что царство денег сосредоточено, главным образом, в области промышленности и в городах, где в большой степени имеют место условия обмена, обменные операции и где есть особенная, настоятельная необходимость превращения денег в ка-

---

[1]) Евзлин — «Деньги», стр. 50, Петроград, 1923 г.

питал в громадных, обширных размерах. Помимо этого, царство денег—царство свободной стихии, когда экономические отношения развернуты при полной неограниченности всех форм обмена, торговли и промышленности. Ведь всех этих условий как раз и нет в социалистическом обществе. Каутский совершенно правильно говорит: «Если деньги сохраняются и в социалистическом обществе, то все же функции их тогда будут не совсем те, что в настоящее время. **Важнейшая из функций денег при нынешнем способе производства (капитализме) есть их превращение в капитал.** Всякий капитал начинает свое функционирование в форме определенной суммы денег. Если он ссужается под проценты, то денежная форма его сохраняется: он образует **денежный капитал.** Но он может быть превращен и в форму товаров, в неизменном виде перепродаваемых с прибылью,—такая его форма есть форма **торгового капитала.** Наконец, он может быть обращен и на покупку средств производства и рабочей силы для производства новых товаров, заключающих в себе прибавочную стоимость — такое его применение образует высшую форму капитала, **промышленный капитал.** Но в социалистическом обществе, в котором все средства производства являются общественной собственностью (как в крупной промышленности и сельском хозяйстве у нас—**Гл.**), нет никакой возможности для частных лиц затрачивать деньги на покупку средств производства и, следовательно, превращать их в промышленный капитал». В странах советов это не происходит и потому, что превращение денег в средства производства ограничено для частных лиц хотя бы тем, что лучшие рынки средств производства для частников почти целиком закрыты. С сокращением системы производства в целях получения прибавочной стоимости (у нас, приб. стоимость имеет место только лишь в исключительных случаях и не имеет общего характера), для частных лиц исчезает та основа, при которой они могли получать торговую прибыль и денежный процент. (При плановой организации кредита частные ссудные операции имеют только нелегальный характер, т.-е., они не являются силами общего порядка—**Гл.**). «Купец вытесняется потребительскими организациями, а также непосредственной куплей и продажей крупных производительных организаций друг у друга». [1]) Таким образом, деньги в социалистическом обществе выполняют исключительно и, главным образом, техническую функцию: **«В качестве мерила стоимости** и средства обращения **продуктов** деньги должны будут существовать и в социалистическом обществе». [2])

Мы уже сказали, что металлические деньги играют роль сокровища, они могут быть хранимы, т.-е. они являются лучшими материалами для капиталистического накопления. Золото именно в этом отношении играет особо решающую роль. Но могут ли металлические деньги в частности, а денежные знаки вообще служить средством капиталистического накопления **во всех случаях и при всех обстоятельствах?** Ни под каким видом! Деньги сами по себе не образуют ценность, стоимость, деньги сами по себе не определяют стоимость товара, деньги сами по себе не являются факторами капиталистического накопления. Помимо этих соображений мы должны знать, что для **капиталистического накопления требуется ряд социально-экономических и политических усло-**

---

[1]) См. Каутский — «Прол. пр....», стр. 387.

[2]) Ibidem, стр. 387. Курсив мой — Гл.

вий, помимо коих ни о каком накоплении не может быть и речи. Мы должны вспомнить основное положение Карла Маркса, что не всякое владение ценностями означает капиталистическое владение, что **господство капитала** должно сопровождаться обязательным овладением способами производства, т.-е., капиталом в подлинном смысле слова. Советская политика и экономика, весь смысл советского режима, все советское существование, т.-е., все условия социалистического общества противоречат капиталистическому накоплению. Мыслимо ли капиталистическое накопление при условии национализации сельских и городских земель, при национализации внешней торговли, при государственном кредитном аппарате, при советской системе налогового обложения, при советской политике коллективных договоров и т. д. и т. п.?

История еще не имела примера, чтобы при подобных социально-политических и экономических условиях **капиталистическое накопление** осуществляло свои основные предначертания.

Итак, денежная система вообще, как лучшая система для правильного продуктового обращения при социалистическом строительстве может быть сохранена абсолютно без всякого ущемления интересов трудящихся, без всякой опасности для власти. Наличие этой денежной системы абсолютно не показывает извращения социалистической экономики и воцарения факторов капиталистических. Напротив, при этой денежной системе, в условиях социалистических отношений деньги, как обменные средства, могут служить новыми средствами укрепления всей социалистической жизни. **Явления видоизменяются и приобретают совершенно иной характер в различных общественно-экономических условиях.**

Таким образом, социализм, даже первые этапы социалистической жизни создают вообще такие конкретные политико-экономические условия, что ни о каком капиталистическом кругообращении товаров и речи быть не может. Это известно не только многим социалистическим мыслителям, но даже многим ученым из лагеря самого буржуазного мира, заведомо настроенным против социализма.

Сами по себе деньги, как средство обмена, лучший инструмент для учета хозяйства и этот инструмент должен быть всецело использован и в социалистическом обществе. Некоторые ученые даже утверждают, что положительные качества денежной системы, **как системы учета и обмена** именно в социалистическом хозяйстве будут всецело выявлены, так как капитализм затемняет проявления подлинной природы денег. Отто Ляйхтер утверждает, например, что «насколько, вообще, важны деньги (лишь при помощи их возможно сводить качества к количеству), настолько в капиталистическом хозяйстве эта существенная функция денег—быть общим знаменателем для всех товаров — затемняется и искажается».[1]) Дальше: «С уничтожением товарообмена исчезнет также наиболее важная функция денег, **с товарным производством и отпадет товарный характер денег».**

Мизес в своем „**Gemeinwirtschaft**" всецело обрушивается на социализм, но вынужден признать, что «социалистическое хозяйство не должно обязательно устранить деньги».[2]) И Карл Каутский утверждает, что «для превращения денег в капитал в завершенном социали-

[1]) Отто Ляйхтер — «Хозяйственный учет в социалист. обществе», стр. 10.
[2]) **Ibidem**, стр. 16.

стическом обществе отсутствуют все предпосылки; однако, этим еще не исчерпываются все функции денег... **как мерило ценности и орудие обращения, деньги должны будут существовать и в социалистическом обществе, по крайней мере, до тех пор, пока мы не вступим в благословенный второй фазис коммунизма».** [1])

Мы должны отметить следующее: исчерпывающих сведений и научной обрисовки деталей социалистического устройства общества мы не имеем. Детали и законы развития социалистического хозяйства могут быть установлены только лишь после утверждения социализма, так что никаких окончательно установленных форм производства и обмена для социалистического общества мы не имеем.

Еще второе обстоятельство: общие контуры социалистического устройства были даны, главным образом, до половины прошлого XIX столетия, т.-е., в эпоху, когда торжествующее шествие капитала, сопровождающееся раззорительными кризисами, народными бедствиями, одних ввергало в реакционный романтизм, а других—в утопизм. Этот период капиталистического развития характеризуется, как эпоха развития капитализма в рамках национальных государств. Идеологическое завершение эпохи этого национального капитализма мы имеем в учении германского экономиста Фридриха Листа. Но как раз со второй половины XIX века и в особенности в XX столетии мы имеем небывалое в экономической истории перераспределение всех материальных ценностей, широчайшее разделение труда, производственных и сырьевых баз на основе мирового хозяйства. Все социалистические системы ранней эпохи капитализма имели ввиду преимущественно рамки национального хозяйства, все они в своих перспективных взглядах исходили, главным образом, из постулатов изолированного хозяйства, из возможности получения всевозможных благ внутри страны, даже внутри одного города и общины. В своем окончательном шествии социалистическое хозяйство также захватит весь мир, как он захвачен современным капитализмом и развитие социалистических систем в мировом масштабе, вне сомнения, будет иметь в основе мировое хозяйство, т.-е. еще большее и дальнейшее развитие производительных сил населения, приближение к производственным началам источников естественного бытия. В каких именно формах будет производиться обмен благ между Херсонской губернией и Мысом Доброй Надежды, или слив Нового Афона на резины Рача из Амазонского леса,—нельзя еще в точности установить, но для социалистического мира мы имеем одно общее и совершенно правильное марксистское положение—социалистическая система производства безусловно будет основана на началах обобществления способов производства. В экономических условиях жизни, конечно, именно производственное начало имеет определяющее значение.

Как же относился Ленин к этому вопросу? Из всех писателей и деятелей, интересующихся финансовыми вопросами, только один Ленин сохранил здравый взгляд на явления финансового хозяйства. В разгар периода подавления Ленин вел борьбу против денег, исключительно, желая подорвать экономическую мощь буржуазии. В это же время всем казалось, что и банки являются исключительной функцией капитализма. Только Ленин ставил вопрос иначе. Послушаем замеча-

---

[1]) К. Каутский — «Пролетарская Революция», стр. 41, (немецкого издания).

тельные слова этого вождя октябрьского переворота: «Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам **нужен** для осуществления социализма и который мы **берем готовым** у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь **отсечь** то, что капиталистически уродует этот **превосходный аппарат,** сделать его **еще крупнее,** еще демократичнее, еще всеоб'емлющее. **Количество перейдет в качество.** Единый крупнейший из крупнейших Государственный Банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике,—**это уже девять десятых социалистического аппарата.** Этот «государственный аппарат», который не вполне является государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме, мы можем «взять» и «привести» в движение».[1]) Эти замечательные места у Ленина и его диалектический подход к вопросу делают ясным также и всю денежную систему при социалистическом строе. Ничего подобного мы не видели у спецов, окруживших В.С.Н.Х. и Н.К.Ф. Отвергнув всю денежную и банковскую систему вначале «военного коммунизма» они совершенно изменили взгляды после новой экономической политики и стали теоретически оправдывать необходимость денежной системы, внося путаницу во все вопросы экономики. Особенно отличился в этом отношении проф. Каценеленбаум. В своей первой работе—«Проблемы денег и оценки в социализме» он ломает копья, доказывая, что природа и система денег несовместимы с социалистическим строем, а на заре НЭП'а, через несколько месяцев после только-что указанной работы проф. Каценеленбаум делает ряд ответственных открытий, вроде следующего: «Правильно ли говорить об упразднении денег, как задаче финансовой политики сегодняшнего дня? На этот вопрос приходится ответить решительным: нет! Поскольку мы признаем (кто это мы—не понятно! — **Т. Гл.**), что наше народное хозяйство не является в данный момент социалистическим, поскольку мы признаем, как составную часть этого хозяйства, мелко-буржуазное крестьянское хозяйство и промысла, постольку мы обязаны сделать тот вывод, что это хозяйство без денег, как всеобщего товара, как орудия обмена и измерителя ценности, существовать не может».[2]) В связи с НЭП'ом ликвидируя социализм проф. Каценелебаум сейчас находит нужным отметить, что на деньги нужно смотреть проще,ибо деньги, первым долгом, явление исторического порядка и ими вовсе не характеризуется капитализм. Автор утверждает: «Нельзя ведь, утверждать, что деньги вообще представляют собой форму оборота именно в крупно-капиталистическом хозяйстве. Этому противоречит вся история денег. (Не мешало бы эту историю знать при разработке темы—«Проблемы денег...»—**Т. Гл.**). Всем известно, что деньги возникли задолго до появления капитализма. Они развились и получили свои черты как раз в до-капиталистическую эпоху. В этом смысле можно, наоборот, утверждать, что деньги являются созданием не капиталистического хозяйства, а хозяйства мелко-буржуазного. Развивая подобные положения дальше проф. Каценелебаум даже считает деньги противовесом капиталистическому хозяйству. «Мы полагаем, что регулирование денежной системы в настоящих условиях должно явиться скорее средством для борьбы против восстановления

[1]) См. Ленина — том XIV, стр. 231. Цитата использована т. **Сталиным.**

[2]) З. С. Каценеленбаум — «Задачи РСФСР в области денежного обращения», стр. 425.

крупно-капиталистического хозяйства, нежели стимулом к такому восстановлению». [1])

В более опреденные рамки вопрос о деньгах ставит А. А. Соколов. «В социалистическом обществе,—говорит Соколов,—может, а с нашей точки зрения и должна, сохраниться свобода потребления, в социалистическом обществе может, а с нашей точки зрения и должно, существовать и нечто, напоминающее тепершние рыночные цены и рыночный обмен. Из изложенного вытекает, что закон спроса и предложения должен сохранить свою силу и при социалистическом строе». Дальше: «Номинальные деньги, возможность которых Струве допускает, не следует обязательно понимать в смысле чисто-автогенических денег, т.-е., денег, являющихся вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества». Но если даже под номинальными деньгами разуметь только хорошо известные уже и капиталистическому строю бумажные деньги, являющиеся по мысли Туган-Барановского, лишь эмброином социалистических денег, а номинализацию денег понимать в смысле возможности денег, совершенно оторвавшихся от всякой материальной или вещной основы, то все же существование денег, совершенно лишенных внутренней ценности, совершенно оторвавшихся от металлической или, вообще, вещной основы... может быть достигнуто лишь при особо благоприятных условиях. Значит, ли это, однако, что бумажная валюта невозможна? Отнюдь, нет! Бумажная валюта, при том не только расстроенная, но и вполне здоровая, конечно, возможна, и прогресс денежного обращения, несомненно, клонится в эту сторону, т.-е., в сторону замены металлических денег бумажными деньгами». [2])

А. А. Соколов вносит путаницу в политико-экономические вопросы говоря о полной свободе игры спроса и предложения при социалистическом хозяйстве, но, несомненно, буквально для всех ученых одно основное положение является бесспорным, а именно: что в социалистическом обществе какое-нибудь мерило рынка, цены и срдство обмена будет существовать и что этим внутренним мерилом могут быть бумажные деньги.

Мы не претендуем на то, что изложенные нами некоторые взгляды на социализм являются единственно правильными. Для нас является несомненным: вещи и явления, характерные для капиталистического общества в общих условиях социализма приобретают иное значение. Каждое явление служит установившимся социально-экономическим условиям, они являются орудием общих условий, и эти условия дают характер и направление этим явлениям, а не наоборот. Явления и учреждения никогда не изменяют характера самой жизни. Такие, даже чисто капиталистического характера учреждения, какими являются банки, никогда не изменяют существа, например, социалистического общества, они, наоборот становятся орудиями этого общества. В 8 главе, упомянутой нами работы Бауер производит анализ банковских функций в социалистическом обществе. Он видит исключительно огромное влияние банков во время войны на всю народно-хозяйственную жизнь стран, но он старается доказать, что в изменившихся социально-экономических условиях банки могут играть противоположную роль банков в капита-

[1]) Ibidem, стр. 438.

[2]) См. А. Соколов—«Социалистическое хозяйство, цена и деньги», стр. 337 и 367.

листическом обществе. По Бауэру как раз **банки, а также деньги, теряющие свою товарно-капиталистическую природу,** превращаются в сильнейшие орудия по укреплению социалистических начал жизни и служат делу дальнейшего обобществления оставшихся несоциализированными средств производства (см. гл. «Die Vergesellschaftung der Banken», стр. 28, 29, 30). Не формы общественной жизни, а существо, содержание жизни вскроют нам подлинную ее картину. **«Дело не в названии, а в существе, не в юридических категориях, а в экономических последствиях»**—справедливо утверждал Каутский в «Аграрном вопросе».

Мы видим, что научная социалистическая литература сознательно избегала обрисовки деталей и форм, в которые могло вылиться социалистическое государство. Мы видели, что великий учитель пролетариата—К. Маркс в условиях плановой организации производства видел основы нового социалистического общества, мы знаем, что великий вождь пролетариата—Ленин в установлении власти труда, государства пролетариата видел основные предпосылки осуществления социализма.

Мы должны в этих обективных условиях искать основы социализма. Все то, что охватывает страну, чем проникается город и деревня, чем определяются и направляются основные начала производства и потребления, чем двигается все общество—находится в полном распоряжении пролетариата Союза.

Важно еще не то, что есть, а движение того, что мы имеем: **социалистический переворот может быть актом, но построение социализма—только лишь процессом.** Диктатура пролетариата есть господство труда, и мы видим, что при господствующем состоянии пролетариата все основные руководящие силы хозяйства постепенно развиваются, силы общественного производства расширяются, с каждым шагом захватывая все стороны общественно-экономической жизни. Вот почему мы можем с полным убеждением сказать, что С.С.С.Р.—живой символ социализма, СССР — живой пример социалистического преобразования, С.С.С.Р.—живое дело пролетарской диктатуры. Перевернем исторические страницы величайшей и знаменательнейшей жизни С.С.С.Р. и посмотрим куда увлекает нас и все человечество космическая сила этого колосса, какие перспективы он открывает миру и какой строй хочет он установить во всем мире.

Глава седьмая.

Процессы социализма в СССР.

> «Если бы большевикам удалось снова оживить промышленность в современной России, тогда бы ничто не смогло поставить преграду новому оживлению самостоятельного пролетарского движения и его окончательная победа не подлежала бы сомнению».
>
> **К. Каутский** — «Социалистический Интернационал и Советская Россия».

1. О нашей социалистической революции. 2. О возможном отношении Маркса к нашей революции. 3. Три периода в нашем социалистическом строительстве. 4. О периоде подавления. 5. Обычные формы борьбы в эпоху подавления. 6. Основные задачи эпохи подавления. 7. Период подавления — важнейший этап нашего социалистического строительства. 8. О периоде управления. 9. Об ошибках некоторых коммунистов в оценке эпохи управления. 10. Выявление оставшихся у буржуазии средств и их обобществление в эпоху управления. 11. О первоначальных процессах укрепления социалистического сектора. 12. Денежная реформа, как выражение укрепления нашего хозяйства. 13. О строительном периоде социализма. 14. Капиталистическая и социалистическая система расходов и условия бурного развития производительных сил соц. общества. 15. Характерные черты нашего социалистического общества. 16. О развитии нашей промышленности. 17. Об исторических сдвигах в нашем сельском хозяйстве. 18. Процессы обобществления в нашем народном хозяйстве. 19. Направление всех средств на под'ем и развитие производительных сил. 20. Бюджет и социализм. 21. Об улучшении материального положения трудящихся. 22. Стадия усиленного производства средств производства. 23. Обслуживание нашего внутреннего рынка исключительно собственными фабриками и заводами. 24. Выводы. 25. О политическом устройстве государства. 26. Союз рабочих, трудящихся крестьян и освобожденных национальностей составляет твердыню дня полного осуществления социализма.

Установление любого социально-экономического строя является величайшим историческим процессом. Что это значит? Это значит следующее: В каких бы об'ективно готовых условиях не складывался новый строй, классические, т. е. совершенные формы этого строя могут быть выявлены лишь в течение известного промежутка времени, в итоге упорного и систематического строительства новых форм жизни. Не только марксисты, сторонники реалистического понимания исторических явлений, но даже самые яркие идеалисты и утописты не допускали неожиданного, неподготовленного возникновения новых форм жизни, вроде появления Минервы из головы Юпитера. Российскую социалистическую революцию нужно рассматривать не только как величайший акт, а как событие, открывавшее миру величайшие перспективы, нужно самым конкретным образом представить себе сложную механику прогнившего капитализма, приведшего все человечество к опустошению и раззорению, нужно запомнить, что в XX веке в условиях

капитализма нельзя пустить в ход **все исторические рычаги** производительных сил, и что величайшие исторические сдвиги производства мыслимы только в обществе, освобожденном от капиталистических противоречий,—и исходя из этих основных возрений, Российскую социалистическую революцию должно оценить всеми силами мирового социалистического движения, как новую главу в стории человечества, как новую эпоху, приносящую с собой реконструкцию всего существующего экономического правопорядка: освобождение трудящихся от ига капиталистической эксплоатации. Революционный и социалистический взгляд на Октябрьский переворот отыскал бы в величайших событиях Октября не скоропроходящий бунт возмутившегося пролетариата, а начало нового исторического процесса, именуемого социализмом. В условиях этого социалистического возрения мы стали бы выискивать не дефекты, неизбежно сопровождающие любые исторические сдвиги, а лучшие явления жизни, **факторы и силы**, ободряющие и оживляющие энергию пролетариата для победоносного завершения борьбы против своих классовых противников.

Революционный подход к событиям имеет не только политическое, но также глубоко теоритическое значение, ибо только лишь при революционном взгляде могут быть освещены величайшие процессы, следующие за социалистическим переворотом.

Как бы отнесся К. Маркс к нашему октябрьскому перевороту? Если мы вспомним отношения Маркса к выступлениям парижского пролетариата, то сумеем безошибочно представить его отношение к героическим боям ленинградского пролетариата. Известно всем, что Парижская Коммуна, существование которой продолжалось всего несколько месяцев, была знаменитым историческим эпизодом в политической жизни Франции. Что могли сделать парижские коммунары за это ничтожное время в окружении раекционных сил? Конечно, ничего! Ведь мы знаем точно: вся реакционная Франция и весь реакционный мир обвиняли парижских рабочих в небывалых зверствах, разрушениях, баснословных криминальных преступлениях, в уничтожении семьи, поругании собственности, убийствах и пр. и пр. Но как относился Маркс к этому взбунтовавшемуся Парижу, Парижу пролетарской диктатуры? Всякому известно, что в процессе исторических переворотов стихия революции разливается по стране, как волны вышедшей из берегов реки. Нет возможности точно исчислить те убытки, которые приносятся этими волнами. Тоже самое в революции. Революция, разрушающая все здание старого общества, является величайшим историческим процессом, и нет никакой возможности уложить процессы революции в заранее определенные рамки. Еще Фр. Энгельс в «Программе коммунистов-бланкистов» в 1874 г. писал: «Во время всякой революции неизбежно совершается масса глупостей, как и во всякое иное время. Какой недостаток критики проявляют люди, которые положительно боготворят Коммуну, об'являют ее непогрешимой и утверждают, что каждый дом, сожженный ею, следовало сжечь, что каждый заложник, расстрелянный ею, заслуживал быть расстрелянным».[1]) Вместе с Фр. Энгельсом К. Маркс ярко отмечал те ошибки которые были допущены коммунарами, но вся критика Маркса и Энгельса

[1]) См. Маркс — «Гражданская война во Фр.», стр. 84, Курсив мой — **Т. Гл.**

направлялась не к осуждению коммунаров, а к уяснению понимания событий и на помощь им; Маркс и Энгельс призывали все живые силы мирового пролетариата и Франции на помощь коммунарам. Когда Коммуна все же пала под натиском сил торжествующей реакции, и когда нужно было запечатлеть в анналах истории мировое значение Коммуны, Маркс первый выполнил эту задачу. Он определил сущность Коммуны, он выявил те замечательные процессы, которые характеризовали новый период истории. Я должен и на сей раз напомнить читателям несколько строк Маркса о Коммуне, которые имеют самое близкое отношение к величайшим социалистическим процессам Октября. Маркс пишет: «Коммуна была образована из городских советников, выбранных всеми парижскими округами. Члены ее были ответственны и сменяемы в любое время. Большинство их было, как это само собою разумеется, рабочими, или же признанными представителями рабочего класса. **Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией, соединяющей в себе, как исполнительную, так и законодательную власть.** У полиции, бывшей до сих пор оружием государственной власти, были отняты все ее политические функции, и она была превращена в ответственное и во всякое время сменяемое орудие Коммуны. Та-же судьба постигла чиновников и других отраслей управления. Начиная с членов Коммуны и до самых низов, все общественные должности оплачивались жалованием в размере заработной платы рабочего. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства.

«Коммуна немедленно приступила к сокрушению власти попов, этого орудия духовного порабощения: она декретировала распущение и отчуждение всех церквей. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей. Судей лишали той мнимой независимости, которая только скрывала их подчиненность поочередно сменявшимся правительствам.

«Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимающиеся ее, могли обозначать только направление, в котором развивается управление народа посредством народа. Сюда относится запрещение ночной работы пекарей, запрещение, под страхом наказания, понижать заработную плату наложением штрафов.

«Коммуна каким-то чудом преобразила Париж. Распутный Париж **второй империи** безследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских крупных землевладельцев, ирландских абсентеистов, американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге ни одного трупа, нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые вновь стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и, особенно, собственности. Их место заняли истинные парижанки,—такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности.

«Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоящих за его спинами.

«И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля, это собрание отрепьев всех отживших порядков—легитимистов и орлеанистов, жаждующих растерзать труп народа». [1]) Дальше: «Отдельные мероприятия Коммуны могли обозначать только направление, в котором развивается управление народа посредством народа»—говорил Маркс. **Вот в этих направлениях, в этих вехах, в этих контурах,** видел Маркс импульсы истории и рисовал нам возможные итоги этих импульсов.

Какими убогими, нищими духом, жалкими сознанием являются люди, которые не сумели уловить основные черты Октября, действительно пересоздающего весь наш мир. Когда читаешь труды Маркса о Коммуне, как будто читаешь историю нашей революции. Когда читаешь обличительные строки К. Маркса против врагов Коммуны, как будто читаешь смертный приговор врагам нашего социализма. **«Все новые исторические формы общества принимаются обыкновенно за осколок более старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые они сколько-нибудь похожи,**—пишет Маркс. Так и эту новую Коммуну, разбивающую современную государственную власть, принимали за возрождение средневоковых коммун. Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом маленьких государств». [2]) Ведь эти строки как-будто написаны специально для Октября и против врагов Октября, против Бердяевых, Випперов, Каутских, Жордания и др., которые в выступлениях и формах советской власти видят древневековье и средневековье.

Когда мы подходим к изучению событий Октября, мы должны все время подходить к этим событиям так, как подходил К. Маркс к Коммуне. **Мы должны щупать пульс истории, мы должны разглядеть в «отдельных мероприятиях» самые основные начала, самые руководящие нити, самые существенные стороны явлений, а не путаться в мелочах, когда эти мелочи осложняются соотношениями сил, имеющих переходящее значение.** Нужно подняться на исторический Монблан, нужно встать выше личных чувств, чтобы понять исторические силы, действующие в революции.

Тот величайший порцесс, который у нас называется процессом социалистического строительства, уже прошел на своем пути ряд исторических этапов. Профессор Прокопович из белогвардейского эмигрантского стана пишет о них: «Мы должны различать три периода в экономической деятельности коммунистов. Первые полгода большевики овладели страною и властью, и их борьба с частной собственностью носила в то время безсистемный характер. Затем, с Апреля 1918 г. по 15 Марта 1921 г. тянулся период коммунистического строительства. С 15 Марта 1921 г. мы имеем новую экономическую политику». [3])

Весь исторический процесс социалистического строительства у нас мы также делим на три периода, при чем этими периодами или этапами считаем: 1) эпоху подавления контр-революции (термин Ленина), 2) эпоху управления (термин Ленина)—период новой эко-

---

[1]) К. Маркс — «Гражданская война во Франции», стр. 42 и др.

[2]) Ibidem, стр. 44.

[3]) Прокопович — «Русский экономический сборник», кн. VII, стр. 224, Прага, 1926 г.

номической политики и денежной реформы и 3) эпоху социалистического возрождения.

а) Эпоха подавления.

Эпоха подавления или эпоха военного коммунизма является величайшей эпохой в историческом процессе построения социализма в С.С.С.Р. Очень немногие понимают всю сущность и содержание героической борьбы пролетариата этой эпохи. Буржуазия с трепетом и негодованием вспоминает ее. Лжесоциалисты а-ла Мельгуновы в своих подлейших произведениях (вроде «Der rote Terror in Russland 1918—1923») покрывают позором героическую борьбу российского пролетариата за социализм. Но пройдут времена, чувства, встревоженных событиями, участников борьбы улягутся, величайшие светлые социалистические задачи пролетариата Союза озарят ярким светом социализма весь мир, и тогда этим историческим периодом подавления и военного коммунизма будут восхищаться и те, которые сегодня еще не могут его вспомнить без чувства страха и презрения.

Правильно говорил Ленин: «Меньшевики, эс-эры, Каутский и К° ставили нам в вину «военный коммунизм», **его надо нам поставить в заслугу»**[1]. Действительно, несмотря на тяжелые формы, в которых протекал военный коммунизм, он продвинул и весьма ускорил процесс социалистического строительства. Прежде чем характеризовать эту эпоху, нам необходимо установить точку зрения на этот исторический момент.

Октябрьский переворот явился не концом низложения буржуазии С.С.С.Р., а началом гражданской войны и процессом напряженнейшей социалистической борьбы и революции. **Весь период эпохи подавления** является периодом развития социалистической революции.

Вся эпоха подавления является эпохой непрерывной гражданской войны, эпохой разрешения социально-политических вопросов в открытой классовой борьбе, умелым использованием меча и физических сил пролетариата. События эпохи подавления имели решающее значение для всей дальнейшей истории Советской России и успешного развертывания социализма. Естественно, что именно эта эпоха, как самая важная, ответственная и решающая, и вызвал к себе ненависть и презрение всех контр-революционных сил мира.

Прежде чем оттенить историческую сущность этой эпохи подавления, я считаю чрезвычайно полезным коснуться политического момента в истории этой эпохи. Под политическим моментом я разумею открытую классовую борьбу этого времени. Особенно важно подчеркнуть **формы** этой борьбы, так как именно **чрезвычайно сложные и острые формы борьбы этой эпохи** больше всего привлекали внимание сил реакции и служили им средством для отвлечения от революции или восстановления против Октября возможно большего количества сил и правительств.

Какие **формы** политической борьбы известны нам из истории революции?

Даже поверхностный Эдгар Кине высмеивал тех, которые «до сих пор считают революцию за классическую трагедию старинного ре-

---

[1]) Ленин — «Собр. Соч.», т. XVIII, ч. I., стр. 214.

пертуара, по которой каждое лицо действует со всей строгостью исполнителей Ротру и Корнеля». [1])

Если бы мы бросили ретроспективный взгляд на процессы борьбы Великой Французской Революции, то это приблизило бы нас к правильному взгляду и на процессы русской революции. Даже Плеханов, в самые тяжелые минуты борьбы отвернувшийся от революции, правильно ставил политический диагноз борьбы. «Революционная власть,—писал он в «Единстве»—есть власть революции. Ее торжество—высший закон. **Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все то, что загораживает ей дорогу. Иначе она оказалась бы мертворожденной, она была бы очень скоро побеждена контрреволюцией».** [2]) Великая Французская Революция показала нам исторический смысл необходимости решительной борьбы. Если победа революции в эпоху революции ивляется высшим законом, то отсюда естественно следует, что все контр-революционные выступления должны быть караемы высшим законом, какие бы тяжелые формы не принимали этот закон.

Историческое исследование всех революций, изучение их процессов накопили так много материала, что современникам последующих революций известны наперед те общие формы, в которых революции неизбежно выражаются. В самом слове революции содержится понятие насилия, но это насилие является неизбежным следствием невозможности мирного разрешения социальных вопросов. Ведь тот экономический строй, который опрокидывается революцией всецело построен на насилии, на угнетении трудящихся. **Систему насилий социалистическая революция не только не возводит в принцип, а навсегда искореняет из человеческого обихода.** Если пролетариат прибегает к насилиям и жестоким мерам, то это бывает, как **следствие** наступления врагов. Это обстоятельство извесно даже такому антибольшевистскому писателю, каким является Штейнберг. Этот последний пишет: **«Не из народа, а от старых классов идет жестокость.** В тюрьме я удивлялся как мы все, социалисты, отвергали безусловно смертную казнь, всей душой болели за расстрелы уголовных, а буржуазные контр-революционеры, сидевшие с нами, в этом оправдывали большевиков. И в революции для буржуазии казнь—обиход. Не напрасно же в странах, где она царит над революцией, в Германии, например, не пролетариат, а буржуазия без счета убивает вождей рабочих из-за угла—Либкнехта, Люксенбург, Эйснера, Гаазе, Гарайз, Ландауера». [3]) Маркс прекрасно показал в «Гражданской войне» с каким мирным настроением, великодушием, терпением, начали Парижские рабочие свое историческое дело. Но версальцы первые нарушили этот мир. Даже цитируемый нами Штейнберг вынужден отметить, что большевики относились к своим врагам великодушно. «Великодушие в отношении врагов революции,—пишет Штейнберг,—стоит многих сотен и тысяч голов друзей ее. Казачий генерал Краснов, аттаковавший Петроград в союзе с Керенским, будучи взятым в плен под Гатчиной, был отпущен на свободу под честное слово на следующий день. «Великодушие»,—в духе первых дней Коммуны, но которое, тем не менее, было

1) Эдгар-Кине — «Критика революции», т. I, стр. 5.
2) Плеханов — «Год на родине», т. II, стр. 28. Курсив мой — Т. Гл.
3) Штейнберг — «Нравственный лик революции», стр. 146, Берлин 1923 г.

ошибкой. Генерал Краснов, провоевав против большевиков на юге, почти около года, вырезав несколько тысяч коммунистов, недавно вновь напал на Петроград, на этот раз в рядах Юденича». [1]) Мы должны отметить, что подобное отношение большевиков к врагам не исчерпывается только лишь одним этим случаем. Десятки и сотни тысяч отпущенных на волю оказывались заядлыми врагами революции и палачами коммунистов. Очевидно, стихия борьбы и защита своих узко-классовых интересов также является высшим законом буржуазии и они эти «честные слова» использовывают каждый раз для того, чтобы вернуть свое былое господствующее положение, предварительно утопив в потоках крови силы революции.

Когда говорят о жестокостях революции обыкновенно считают потери, пораженной в борьбе стороны. Если бы кто-либо написал подлинную историю социалистической революции у нас в период подавления, он с математической точностью мог бы установить, что победившая в борьбе большевистская сила понесла в этой борьбе гораздо больше потерь, чем побежденная сторона, что неслыханным издевательствам со стороны контр-революции большевики подвергались в большей мере, чем пораженная контр-революция со стороны большевиков. Эта истина становится ясной даже для таких буржуазных политических деятелей, каким является сенатор Бора и др.

Во всяком случае, напряженная, длительная гражданская война принуждает массы борющихся прибегать ко все более жестоким формам борьбы; волна обострившейся борьбы еще сильнее смывает обветшалые остатки старого порядка. **Может быть в этой бушующей революционной стихии и находит свое революционное крещение восходящий новый мир.** Здесь о правах, вкусах, нравах, о приличии, о спокойствии не приходится говорить. Столкновение классовых противоречивых сил само создает стихию борьбы, и в известные исторические моменты, никто не в силах упорядочить эту стихию и направить ее в заранее определенное русло. Вот почему в бушевавшей революционной стихии на ряду с разрушением старого, имеющим большой исторический социально-политический смысл, мы видим стихию эксцессов, которых можно было бы избежать если бы развернувшиеся события происходили так, как это можно представить в абстракции и в условиях нормального течения жизни.

Поль Лафарг в своем труде—«На следующий день после революции» дал нам картину стихии, могущей охватить мир в эпоху социалистической революции, а бело-эмгрантский писатель Левин обращает наше внимание на момент—эксцессов, которыми сопровождается любая революция. Разрешите использовать этих авторов, которые принесут нам изрядную пользу в деле исследования и изучения событий из эпохи подавления буржуазии.

Поль Лафарг, лучший французский марксист, зять К. Маркса, покончил с собой в 1912 г., а картину событий, характерную для социальной революции, он писал в 80-х годах прошлого столетия.

«Пусть буржуа,—говорит П. Лафарг,—не ликует по поводу ошибок (парижской) Коммуны, они могут быть уверены, что если когда-нибудь события приведут к захвату власти социалистами, то последние немедленно примут столь радикальные меры, что торжествующая

[1]) Ibidem, стр. 157.

реакция не будет в состоянии восстановить прежнее положение вещей.

«Нужно что бы буржуазный строй был потрясен сверху донизу, и чтобы было приступлено к преобразованию капиталистической собственности. В этих целях все бывшие капиталисты будут лишены избирательных прав, и все основы капиталистического строя будут обобществлены.

«Революционная власть декретирует, что все здания являются национальной собственностью, она произведет перепись квартир, выселит праздных богачей из особняков. Она национализирует такие большие магазины, как Бон-Марше, Лувр, Прентан и т. п., и будет обращаться как с ворами, с их прежними владельцами, если они осмелятся похитить оттуда хотя бы одну катушку ниток. Она откроет в разных частях города коммунистические рестораны и организует муниципальное распределение продуктов. Чтобы основать социалистическую республику, она начнет с того, что даст рабочим три месяца комфорта.

«В XVIII веке крестьяне врывались в замки, в городские думы, захватывали всякие феодальные акты и бумаги, сжигали их, устраивая огромные потешные огни, над которыми виднелись надписи: отмена десятин, окончательное прекращение уплаты оброков и т. д. Нужно будет возобновить эти общественные празднества. Мы должны будем сжечь книгу государственных долгов, всевозможные крепостные акты, а, главное, весь свод гражданских и уголовных законов, эту ужасную книгу, в которой кодифицированы все буржуазные и капиталистические мерзости, мы должны будем также отвести здание судов под свиные хлева и не найдется достаточно грязных и достаточно отвратительных животных, чтобы водворить их там.

«Собственник-капиталист абсолютно безполезное существо в принадлежащей ему собственности. Все акционеры и владельцы облигаций железных дорог могли бы быть потоплены в Ламанше или в Средиземном море, а европейские железные дороги продолжали бы по прежнему перевозить людей. Все, что едят богачи, их слуги и прочий люд, прислуживающий им, является потреблением исключительно убыточным. Так как капиталист безполезен, его следует уничтожить, чтобы уменьшить издержки общественного производства».[1])

Для граждан, переживших величайшую эпоху Октябрьской революции, а также последовавшее за ней время, кажется, что статья Лафарга написана после Октября. Нужно отметить, что Поль Лафарг блестяще уловил основные моменты, которые логически сопровождают великие социальные перевороты. Эпоха подавления готовит и расчищает почву для наступления нового строя. И у нас коренным и решительным разгромом капиталистических социальных сил созданы непоколебимые устои социализма. «Нация,—говорит Лафарг,—которая хотя бы один месяц испробует такой полукоммунистический режим, навсегда будет завоевана социальной революцией». Советская Россия имела не один месяц, а целых три года Лафарговский полукоммунистический режим и можно поэтому в самой решительной форме заявить, что никакая власть, никакой иной порядок не сможет теперь вырвать у рабочих Союза завоеваний Октября и восстановить старый строй и старый порядок. Стадия подавления, эпоха военного коммунизма в этом отно-

---

[1]) Лафарг — «На следующий день после революции», см. «Под знаменем марксизма», 1924 г. № 3, стр. 157 и др.

шении сделала свое великое дело. Даже такой заядлый враг власти советов, каким является А. Потресов, отмечает, что «несмотря на все, остаток революционных завоеваний в основном, в своем существе, сохранился неприкосновенным и до настоящего времени». [1])

Только младенцы могут думать, что победеносное завершение периода подавления, т.-е. процессы завоевания революции происходят так гладко, как процессы преобразований в природе*). Революционные завоевания стоят неисчислимых жертв всем борющимся силам ре-

---

[1]) Потресов — «В плену у иллюзии», стр. 72.

*) Мы приведем из книги Войтинского, который как будто ясно видит силы современного социализма, несколько цитат сумеющих дать нам ясное представление о том, как претворяются в понимании современных меньшевиков представление о политической форме борьбы в эпоху социальной революции. Теперь, когда даже меньшевики не скрывают факта, что в современной Европе пролетариат представляет большинство самодеятельного населения, когда совершенно ясно, что капиталистическая система производства превратилась в систему, задерживающую полное развитие производительных сил народа, когда политические и экономические конфликты сделались постоянными спутниками разлагающегося капитализма, когда процент безработных в главнейших отраслях народного хозяйства постоянно держится на небывалой высоте, когда капитализм открыто подготовляет новую войну, более ужасную, чем была мировая война, меньшевик Войтинский, а он в этом отношении является только лишь типичным, пишет: «По мере того, как растет историческая мощь пролетариата, расширяется для него возможность **воздействия** (курсив везде мой — **Гл.**) на общественный строй. Пролетариат **вростает** в социализм». (См. «Силы современного социализма», стр. 114). Еще: «Смена буржуазии пролетариатом у кормила не только государственного, но и хозяйственных сил, — это социальная революция. Но эта революция подготовлена хозяйственной, социальной, политической **эволюцией; эволюционным** путем определяется постепенное конкретное ее содержание, **эволюционным** путем осуществляются отдельные ее этапы». (Стр. 113). Спрашивается, если эта замечательная эволюция все подготовляет и приводит пролетариат к социализму, когда он просто «вростает в социализм» то какой, тогда, чорт нужна революция? Конечно, революция здесь не нужна, капитализм можно изжить реформами. «Результатом революции, — учит Войтинский, — осуществленной в полном согласии с лучшими историческими образцами, — сопровождаемой уличными боями, барикадами, красными знаменами и даже гильотиной (О, какой ужас! — **Гл.**) — может явиться ничтожный социальный сдвиг, не стоющий хорошей реформы. С другой стороны иная реформа может отметить грань между двумя эпохами». (Стр. 112—113). Было бы чрезвычайно интересно если бы гражд. Войтинский указал конкретные примеры столь могущественного влияния реформистского переворота на общественно-экономическую жизнь из истории последних двух столетий, — но этих примеров Войтинский не приводит. Ему и им просто «надоела» революция, меньшевики превратились в обыкновенную буржуазно-реформистскую партию и обещают нам социалистический рай, когда большинство населения сознательно будет голосовать за социализм. «Социализм будет осуществлен, — говорит Войтинский, — пролетариатом методами демократии, когда классовое рабочее движение в хозяйственно передовых странах сплотит большинство населения». (Стр. 128). На стр. 119-ой автор указывает, что это большинство должно быть **прочным** большинством. А что же если буржуазия, располагая колоссальными капиталами, не захочет уступить свое господство над всей хозяйственной жизнью парламентскими голосованиями? Разве в XX веке не должно быть ясным, что буржуазия социал-демократические «реформы» принимает настолько, насколько они не противоречат основным укладам капиталистического строя? Вл. Войтинский чувствует, что реформистские методы могут оказаться недостаточными для разрешения основных проблем капитализма. «Но и путь постепенной пропаганды, молекулярной просветительной работы, отрывающей по одиночке пролетарские и полупролетарские элементы из под влияния буржуазии, не ведет к успешному разрешению задачи». (Стр. 118). Что же происходит при этом случае? Что же надо делать? Автор отвечает: «Борьба вступает в полосу широкого маневрирования. Партия пролетариата стремится расколоть фронт противника, привлечь на свою сторону одних, победить предупреждение и добиться нейтралитета других. Для социалистической партии маневрирование означает активную политику, гибкую подвижную тактику. К маневрированию относится, в частности, политика коалиции». (Там же, стр. 118).А если коалиция не поможет? — в чем ни один

волюции, они стоят безчисленных опустошений, раззорений, ужасов, геройств. Ни одна глубокая социальная революция не может произойти без всевозможных эксцессов, без глубочайших потрясений всей нашей жизни. Кто теряет голову перед этими историчскими явлениями революции, кто не может ориентироваться в этих неизбежных событиях революции, чьи нервы и воля содрагаются перед возможными взрывами революции, тем лучше всего бросить все разговоры о революции и читать библию, а не заниматься политикой и революцией.

Бывают еще люди, которые могут события революции читать по книгам Ж о р е с а, О л а р а, К а р л е й л я, Т е н а, Б л о с с а и др., даже увлекаться героями революции, но как только революционная их деятельность выходит за пределы хорошо написанных книг, им кажутся даже самые элементарные формы революции покушением на незыблемые, вечные права человечества! Один писатель из этой категории знакомит нас с некоторыми явлениями Французской революции. Имя этого белоэмигрантского писателя—И. Л е в и н. Он пишет: «Первого Июля 1791 г. Б е л л е т-Ш а т е л ь н о пишет председателю учредительного собрания: в царстве свободы мы живем под самой жестокой тиранией и полнейшей анархией. При обысках, производившихся якобы для обнаружения оружия, грабят, разбивают зеркала, портят картины, а владельцев избивают, если не убивают.

«Расхищение имущества во время этих обысков продолжается часами, власти же бездействуют и ограничиваются тем, что составляют протоколы тогда, когда все уже перебито и растаскано, серебро, ассигнации, белье, кружева и прочие предметы украдены, деревья аллей изуродованы и срублены, погреба опорожнены, боченки выброшены на терассу, все вино вылито. Владельцы имений еще рады, когда они отделываются потерей имущества. Во многих местах разгромы кончались убийствами, причем не щадили и глубоких старцев и даже надругались над их трупами.

«Солдаты оказались наиболее восприимчивой средой для революционных лозунгов и власть дисциплины сразу исчезла. Уже в конце 1789 г. и в течение 1790 г. донесения констатируют, что неповиновение становится эпидемической болезнью. Гренадеры и егеря продают свою одежду, оружие, сапоги и требуют жалованья, чтобы пропить его в кабаке. В Эр-Луаре драгуны с оружием в руках отнимают у фермеров хлеб и деньги. Во многих полках взбунтовавшиеся солдаты убивают своих офицеров. Уже в 1790 году каждый полк управлялся солдатским комитетом и кабинет военного министра каждый день был полон солдат, делегированных к нему, чтобы в заносчивом тоне сообщить ему волю их пославших. Офицеры становятся предметом презрения, унижения и угроз; чтобы дорисовать ужасную картину, начальников убивают на глазах, почти в об'ятиях их собственных солдат.

«Ф о р н е р о н приводит безчисленные случаи, когда дворяне или духовные лица попадали в тюрьму по самым разнообразным причинам, по самым нелепым мотивировкам. Достаточно было какого-нибудь ка-

---

подлинный социалист никогда не сомневается? Если и политика маневрирования и политика коалиции не помогут, то естественно, разрешение социальных вопросов необходимо выждать до тех пор, пока политика коалиции сможет оказать свое влияние.

Как далеки все эти глупые политические песеньки от марксизма, как преступны они и омерзительны для современной эпохи социальных катастроф!

ламбура, направленного против революционного правительства, чтобы оказаться в тюрьме. Известен случай, когда некая г-жа Шабан была брошена в тюрьму за то, что она сосала аристократическое молоко своей матери. На основании подобных обвинений подверглись аресту 70-летние старухи или 15-ти-летние девочки. Почти никто из лиц, бывших близкими к прежнему «хорошему кругу» не избег ареста в продолжение революционной бури. Комиссар, арестующий академика и известного писателя Флориана, говорит ему: «вы, академики, все враги народа». Достаточно известна классическая по своей безсмыслице сентенция, провозглашенная во время суда над знаменитым химиком Лавуазье, что «республика не нуждается в ученых». Не мало было случаев, когда сидели в тюрьмах без всяких мотивов и очень долго никак не удавалось установить, чем об'ясняется лишение свободы. Сидевшие в тюрьмах постепенно жалуются на грязь и насекомых, на то, что их помещают вместе с уголовными преступниками и с уличными женщинами. На детях часто вымещали злобу против родителей.

«При расправе над Лионом после восстания против якобинцев в конце 1793 года, когда революционная власть решила город совсем уничтожить и переименовать его в «освобожденный город», один из усмирителей писал: «гильотины и расстрелы работают прекрасно. Расстреливают сразу по 60-80-200 человек и ежедневно принимаются меры, чтобы тюрьмы не оставались свободными». Другой из усмирителей контр-революционного восстания писал: «Каждый день падают головы. Какое наслаждение ты получил бы, если бы видел третьяго дня народный суд над 209-ю. Какое величие, какой внушающий уважения тон, какой цемент для республики! Все дозволено тем, которые действуют в духе революции. Никакие соображения не должны останавливать,—ни возраст, ни пол, ни родственные связи. Следует считатся только с бедняками (санкюлотами). Каждый солдат убивал кого хотел, грабил, кого желал, никакой меры предосторожности не было принято, чтобы подавить или умерить жажду крови и добычи. Вестерман так описывает свою расправу с роялистами (монархистами) в Вандее: «я давил детей под копытами лошадей, умерщвлял женщин и уже они, по крайней мере не будут рожать разбойников. У меня нет на совести ни одного пленного». Комиссар конвента Менье предал много жителей казни, сжег до тла 600 домов, так что две тысячи человек остались без крова и блуждали, ища убежища, по горам. В Мае 1794 года в департаментах Воклюз и Буж-де-Рон из 500 тысяч жителей не менее 15 тысяч находились под стражей. Вначале 1794 года во всей Франции было под арестом приблизительно 200.000 человек. Комиссар конвента в Лон-ле-Сонье арестовывает повально всех дворян с их прислугой, всех жителей арестовывают без исключения.

«В Луаре священники гибли сотнями, в приговоре констатитуется, что обвиняемые сочиняли проекты заговоров и под этим предлогом привлекали к ответственности; что они судили по одним и тем же делам в качестве участником в этих заговорах лиц, ничего не знавших друг про друга, что они в 2, 3 самое больше 4 часа разбирали дела по которым обвинялось 30, 40, 50 и даже 60 лиц, что письмоводителям трибунала выдавались бланки смертных приговоров, уже подписанные до разбора дела, что приговоры часто составлялись так небрежно, что казни предовался отец вместо сына или сын вместо отца и т. д.

«Момент, когда Франция была провозглашена республикой в действительности в этот момент не была ни республикой, ни монархией, а была страной без законов, с населением без социальной организации, со сборищем жертв, подвластных убийцам рабов, честь порабощать, развращать и раз'единять которых оспаривали друг у друга три тирана среди тысячи других—Р о б е с п ь е р, Д а н т о н и М а р а т». [1])

Мы взяли совершенно сознательно эту выписку, характеризующую историю Великой Французской революции. Если бы мы подменили французские названия русскими, мы бы имели тут подлинную историю Великой Российской Социалистической Революции в передаче наших современных контр-революционеров. Сведения, приведенные нами здесь из эпохи Великой Фр. Революции, конечно, не являются современным открытием Ф о р н е р о н о в, Т о л л с и д а л е й и др., а известно было всем с первых дней развития Французской революции, и, характерно, что из-за этих моментов еще ни один социал-демократ, ни один эсер и прочие современные лже-социалисты не открещивались от Французской революции. Допустим, что все то, что писали о Французской революции и что пишут о периоде подавления разные М е л ь г у н о в ы, К а у т с к и е и пр., является непреложной действительностью, характеризующей русскую революцию, пусть все они забывают зверства, издевательства и надругательства, кои допускались по отношению к коммунистам и чему имеются неоспоримые конкретные доказательства в революционных музеях Союза. Но что же все это значит? Почему же из-за крайне свирепых явлений Великой Французской революции меньшевики и их собратья не открещиваются от нее, а из-за аналогичных событий в Октябрьской революции (допустим что аналогия даже полная! — **Гл.** эти же социалисты против Октября? Конечно, дело вовсе не заключается **в формах** борьбы, это только материал для одурачивания простаков, главное—**сущность** борьбы. Французская революция установила буржуазный порядок, а Октябрьская революция порождала социализм. Меньшевики и все прочие партии всякого рода жестокости считают совершенно закономерным, когда это идет для укрепления основ капиталистической жизни, но даже самые либеральные взыскания реакционеров считаются ими нарушением божественных прав гражданина, когда дело касается социалистической революции. Меньшевики, эсеры, трудовики и т. д. об'ективно и суб'ективно являются сторонниками и носителями буржуазной демократии, буржуазного правопорядка, а потому всякого рода явления, идущие в пользу этого порядка им понятны, они—родное им, тогда как социализм, как строй и социальная революция, как путь к социализму—им чужд и неприемлим.

Но в действительности Октябрьская революция далеко отличается своей либеральностью от всех классических революций. Мы действительно удивляемся тому великодушию, которое в общем и целом проявил российский пролетариат в борьбе со своим противником. Еще история человечества не знает столь неслыханной и ожесточенной борьбы, как та, которую вели все силы реакции против Октябрьской революции. Еще история не знает революции, против которой выступали вооруженными силами все главные государства мира. Россия, раззоренная, разгромленная и истощенная в процессе мировой войны, более чем какая-либо другая страна, не имела ни одного угла, который не был

[1]) Левин — «Эмиграция Французской Революции», стр. 43 и пр., Берлин 1923 г.

бы занят силами европейских держав, и не служил бы ареной контрреволюционных выступлений всевозможных темных элементов реакции. Несмотря на эти исключительно тяжелые условия борьбы российский пролетариат оставался чрезвычайно великодушным, терпеливым и лояльным к своим врагам.

После первых дней Октября российский пролетариат горячо принялся за мирный труд.

Вспомним, какие условия создались в первый период эпохи подавления. Советская власть уничтожила крупное помещичье землевладение, но мелким бедняцким крестьянским владениям оказывалась всемерная помощь, городским ремеселенникам представлялось широкое поле деятельности, а в промышленных центрах даже промышленники призывались к честной трудовой работе. В это время Советская власть ограничивалась системой рабочего контроля на фабриках и заводах. Вот как характеризует этот период тов. Крестинский. «После Октябрьской революции,—отмечал тов. Крестинский в своем докладе на парт-собрании в Петрограде 21 Сентября 1921 года, — мы получили власть в свои руки — государство стало советским, государство стало пролетарким рабочим государтвом, но в тоже время экономика страны не изменилась. В деревне до Октября господствовало мелкое единоличное хозяйство плюс помещичье крупное землевладение. После того, как 26-го Октября был декретирован закон о земле, о передаче всей помещичьей земли в руки государства и через государство в руки крестьянину,—у нас исчезло крупное землевладение, но все-таки сельское хозяйство осталось хозяйством индивидуальным,—таким образом, не произошло у нас в деревне изменения в сторону создания там государственного коммунистического хозяйства. Но перейдем к городу. Возьмем промышленность и торговлю. Я не буду говорить о мелкой ремесленной промышленности: она осталась без изменения. Будем говорить только о крупной. Торговля и промышленность находились в руках частных собственников, единоличных или коллективных владельцев. Если прямолинейно подходить к вопросу, если не учитывать конкретные условия экономики, то казалось бы, нужно было на второй день Октябрьской революции уничтожить право частной собственности на фабрики и заводы, и уж тем более тотчас-же национализировать банки. На самом деле, как вы знаете, это сделано не было, мы не могли этого сделать, потому, что мы не имели еще никакого аппарата. Поэтому, в течение довольно долгого времени заводы оставались в прежних руках и работали лишь под контролем заводских комитетов и других пролетарских организаций, и финансировались из текущих счетов, которые находились в банках на имя прежних владельцев, и на имя этих прежних владельцев, только с подписью фабрично-заводских комитетов, наш Государственный Банк отпускал новые ссуды ненационализированным еще предприятиям. Даже по отношению к частным банкам, которые являлись главной цитаделью нашего политического противника—крупной буржуазии,—и то мы не сразу приступили к национализации, а первое время Государственный Банк по особому договору, который тов. Пятаков заключил с правлениями частных банков, снабжал их денежными знаками».[1]) В этом изложении ми имеем подлинную историю преобразований непосредственно после Октября.

[1]) Н. Крестинский — «Наша финансовая политика», Петербург, 1921 г. стр. 4, 5, 6.

На такой характеристике истории развертывания советской власти мы настаиваем решительным образом. Упомянутому нами Прокоповичу кажется, что «большевики пытались в России ввести коммунистический строй, и потерпели в своей политике полнейшую неудачу». [1]) Если бы это положение было мненеим одного лишь Прокоповича, можно было бы его просто игнорировать, но, в действительности, так думают очень многие не только враждебные нам круги зарубежной эмиграции. Наши противники просто теряются в волнах социалистической революции, и процесс исторической борьбы не отличают от тех основных целей, коими характеризуется данный исторический процесс. На самом деле в этот момент В. Ленин никакого **коммунизма в России не устанавливал и потому большевистские мероприятия ни к какому коммунистическому краху не приводили.** Нужно ведь знать, что характерной особенностью Ленина является не только его здоровый оптимизм, но, что главное, реальное предвидение обстоятельств, в которых ему приходилось ориентироваться и работать. Как раз в эту эпоху Ленин производил анализ всей социальной жизни России и неоднократно повторял всем нам то, о чем я говорил выше: «в России,—говорил Ленин,—мы наблюдаем, по меньшей мере, пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу до верху, они оказываются следующими: первое—патриархальное хозяйство, второе—мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок, третье—капиталистическое, четвертое—государственный капитализм, пятое—социализм». [2]) Эту классификацию Ленин повторял в своих трудах неоднократно. Исходя из этих условий т. Ленин никогда и нигде не говорил, что он даст миру в 1918—1920 г.г. коммунистический правопорядок. Все резкие революционные проявления, как в области политики, так и в отношении экономики он рассматривал как логический процесс социалистической революции, в развитии и движении коей погибали капиталистические основные отношения.

Не установление коммунизма, а разгром капиталистических отношений, завоевание экономических основ жизни—вот на чем базируется весь период военного коммунизма, или период подавления. Систему продразверстки белогвардейские экономисты понимают, как одно из логических проявлений коммунистической политики, на самом же деле Ленин видел в продразверстке не принцип, не коммунизм, а политику и тактику момента. «Разверстка предполагала,—гов. Ленин,—из'ять все излишки, установить обязательную государственную монополию. **Мы не могли поступить иначе,** мы были в состоянии крайней нужды»». [3]) Что в 1918 году никто не предполагал введения социализма в России видно хотя бы из того, что советская власть работала над налоговыми вопросами, и подоходный налог, введенный еще в 1916 г, был реформирован в 1918 г., «во второй половине 1918 г. была испытана новая форма обложения, которая до тех пор не входила в употребление местных советов». [4])

Но, как мы отметили выше, начало октября оказалось не концом борьбы, а новым грандиозным наступлением реакции. На победу пролетариата в Петербурге и Москве буржуазия и помещики ответили

[1]) Прокопович, упом. раб., стр. 225.
[2]) Ленин — «Собр. сочинений», т. XVIII, ч. I, стр. 197.
[3]) Ibidem, стр. 146.
[4]) Д. Боголепов — «Деньги Советской России», стр. 18.

наступлением со всех концов страны, вместо добросовестной работы по поднятию нашего хозяйства, промышленники ответили вредительством, банковские организации саботировали интересы нового хозяйства и чинили препятствия укреплению советской власти. Нужно отметить три системы борьбы в это время. Одна часть реакции была занята скрытым разрушением советской власти, другая часть подымала открытые восстания, а иностранцы приступали к интервенции. По соглашению с Англией и Францией, с молчаливого согласия Америки, Япония должна была действовать во всей Сибири. «Житница России,—пишет Милюков,—Украйна—была занята германо-австрийскими войсками в Феврале-Апреле 1918 г. (Киев 16 Февраля, Одесса — австрийцами 27 Февраля, Харьков — 23 Марта, Ростов — 25-го Апреля). Движение в центральную Россию, видимо, также имелось в виду германцами. При этом, по крайней мере, германская военная партия намеревалась свергнуть большевистское правительство в Москве, по возможности, русскими руками и при этом восстановить в России монархию. Предполагалось одеть германских военнопленных в русские шинели, занять под руководством русских офицеров все командные пункты в Москве и продержаться там сутки, пока не придут на поддержку германские войска из Орши. В деньгах на подкуп латышских стрелков и на приобретение оружья предполагалось не стесняться. Переворот намечался в Июне». [1])

Мы не пишем историю борьбы этой эпохи и, даже больше, не хотим использовать ценные материалы об этой борьбе, собранные патентованным врагом Октября—Милюковым. Мы просто отметили словами Милюкова факт, констатирующий преступнейшие планы и действия мировых реакционеров по удушению социалистической революции. Но оставим сейчас вопрос о внешних формах борьбы в эпоху периода подавления сил буржуазии и выясним ее (борьбы) об'ективную историческую сущность, ее значение в деле реконструкции всего хозяйства России. Вне всякого сомнения, острые формы борьбы в эту эпоху налагали свой отпечаток на весь ход политической и экономической работы советского правительства.

Видно было по всем показателям, что стихия великой борьбы делала свое дело. Великодушные попытки пролетариата, направленные к мирному управлению и преобразованию страны окончивались крахом. Характеризуя этот период социалистического строительства Д. Кузовков пишет: «В течение сравнительно короткого промежутка времени, начиная с середины 1918 года до начала 1921 года партия пролетариата неожиданно для самой себя скатилась к немедленному переустройству на безденежно-плановых началах страны, с подавляющим преобладанием крестьянских хозяйств. При этом дело шло уже не об одних подступах к коммунистическому обществу. Чем об'ясняется этот перелом? Что спровоцировало пролетариат на преждевременные попытки немедленного отказа от рыночно-денежных отношений и перехода к социалистическому переустройству общества». [2]) Правда, мы не можем согласиться с тов. Кузовковым в подобной постановке вопроса, но несомненно одно: чрезвычайно сложные военные, политические и экономические обстоятельства принудили пролетариат, пролетарское кре-

[1]) П. Милюков — «Россия на переломе», Париж 1927 г., т. II, стр. 20 и др.

[2]) Кузовков — Основные моменты распада и восстановления денежной системы, стр. 114, Москва, 1925 г.

стьянство **совершенно самостоятельно** взяться за великое дело защиты революции и немедленно принять решительные экономические меры к искоренению всех остатков господства капитализма. Стихия борьбы, т.-е., наступательный поход реакции против революции чрезвычайно ускорил и обострил процесс социализма, и победа в этой борьбе сыграла об'ективно положительную роль в деле дальнейшего развертывания социалистических отношений.

Мне кажется, что **период подавления капитализма является во всем историческом процессе строительства самым ценным, самым важным и самым ответственным периодом.** При наличии всеобщей разрухи, при жестоком голоде и холоде, при неслыханных лишениях, в окружении врагов, нужно было произвести коренную реконструкцию всего нашего народного хозяйства, неопытной рукой взяться за все рычаги тяжелого на под'ем крупного хозяйства, разрушенного транспорта, снабжения голодающих городов и т. д. Сейчас, когда мы можем бросить ретроспективный взгляд на это замечательное ближайшее прошлое, мы не можем не видеть всех блестящих его сторон, так мало заметных в момент непосредственной борьбы. **Победа пролетариата в этом периоде имела решающее и определяющее значение для всего дальнейшго хода социализма.**

Каждое мероприятие пролетарского правительства этого периода является разгромом капиталистических отношений и установлением основных начал социалистического общества. Характер этой борьбы Ленин выразил в лозунге, выражающем все содержание периода подавления: — революционная **«железная рука разрушая и создает».** [1]) И, действительно, «Декларация прав трудящегося и эксплоатирующего народа и конституция 1918 года являются основными документами этого периода. В первом пункте II-й главы мы читаем: «В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд об'является общенародным и передается трудящимся без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования. Все леса, недра и воды общегосударственного значения, **а равно и весь живой и мертвый инвентарь,** все поместья и с/х. предприятия об'являются национальным достоянием. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами, как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и пр. средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской революции. Подтверждается переход всех банков в собстенность Р. Кр. Государства. В целях уничтожения паразитических слоев общества вводится всеобщая трудовая повинность». Мы не станем тут перечислять законодательных актов, определяющих характер этого периода подавления. Они известны и доступны для обзора всем по весьма многим источникам других авторов. Не могу только не отметить, что все важнейшие постановления пролетарского правительства по преобразованию капиталистического общества незамедлительно осуществлялись в действительности. Упомянутые нами «Декларация прав трудящегося и эксплоатирующего народа» и Конституция 18 года еще не были как следует формулированы и выявлены, все детали положений еще не были

---

[1]) Ленин — «Собрание сочинений», т. XV, стр. 49.

известны трудящемуся народу, как уж вся некрестьянская земля в размере 90% оказалась в руках трудового крестьянства и крестьянско-советских организаций, товариществ, артелей. Все крупные фабрики, заводы, домовладения, банки, страховые общества, транспортные сооружения, весь производственный инвентарь оказались в руках рабочих и крестьян. «Еще до издания декрета от 22-го Августа в Москве, в Кронштадте и 23 других городах были сделаны попытки муниципализации жилищ. В Москве, — сообщает тов. Кузовков, — декабрьским постановлением 1917 г. были фактически муниципализированы владения с валовым доходом свыше 750 руб. в месяц». [1]) Тоже самое было с землей. Захваченные революционными крестьянами земли «оказались уже запаханными прежде, чем мог возникнуть вопрос о том или ином проведении, земельного закона» и что «практика» создала несколько типов распоряжения землей». [5]) По сведениям Милютина еще к 1-му Июля 1918 г. было национализировано и секвестрировано 676 предприятий, из коих 544 предприятия были взяты областными и местными органами. Как видите из этих кратких справок, местные силы, широко вовлеченные в стихию революции, немедленно проводили в жизнь основные экономположения центрального правительства. Удары были направлены не только на помещичью землю, фабрики, капиталы и домовладения в городах, но также на финансовую силу буржуазии. 14 декабря 1917 г. были национализированы частные коммерческие банки, прекращены сделки с ценными бумагами, а 29-го декабря 1917 года приостановлена оплата купонов. 18-го Января 1918 г. были аннулированы государственные займы и помещенные в них капиталы превращены в общенациональное достояние. Но помимо займовых свидетельств буржуазия имела иные ценные бумаги, подтверждающие участие буржуазии во многих предприятиях. Этими ценными бумагами опутывалась буквально вся частная и общественная жизнь, под их влиянием находились не только городские хозяйства и промышленность, но и сельские, земские и прочие общественные хозяйства. Декретом от 18 апреля 1918 г. производилась регистрация всех ценных бумаг, 3-го Октября 1918 г. был издан декрет, по которому вся иностранная валюта подлежала сдаче казне. 9-го Октября 1919 г. были аннулированы все долги и обязательства городских и земских самоуправлений. Весьма важно: декретом от 14-го Декабря 1917 г. никто не имел права владеть ценными бумагами свыше 10.000 рублей, но декрет от 25-го Июля 1920 года установил другие нормы, по которым «было установлено держание наличных денежных сумм на дому не более суммы, превышающей десятикратную нисшую тарифную ставку».

По существующему до Октябрьского переворота экономическому строю буржуазии было предоставлено широкое поле деятельности по обиранию широкого малоимущего слоя населения. Биржи, рынки, главнейшие места по вылавливанию покупателей, торговля по снабжению населения продовольственными товарами были, главным образом, делом частных дельцов. Советская власть прикрыла рынки, биржи, все торговые заведения частников, взяла в свои руки продовольственное снабжение населения и произвела полную натурализацию обменных отно-

---

[1]) Сборник — «Октябрьский переворот», статья Кузовкова — «Муниципализация жилищ», стр. 125.

[2]) Там-же, ст. Карпинского — «Советский закон о земле», стр. 107.

шений. Транспорт был басплатный, коммунальные услуги, трамвай, жилище, зарплата и т. д. ничего не выражалось в денежных отношениях. Материализирован был бюджет. Школы, больницы, все культурно-просветительные и санитарные учреждения, дома отдыха, клубы, пользование всеми сооружениями ирригации, мелиорации, орудиями средств производства, удобрений, сбыт продуктов и т. д. и т. д. сделалось основным делом пролетарского государства. Если вспомнить при этом, что право наследования было ограничено десятью тысячами руб. (в 1923 г.) мы можем ясно видеть, что вся система политических, экономических и финансовых отношений была соткана таким образом, что не только нельзя было говорить о существующем в буржуазном обществе нормальном капиталистическом накоплении, но вся эта система искореняла экономические условия капитализма.

Исключительно большое значение имеет соотношение сил в нашей новой деревне и те перспективы, кои открывались в деревне после Октябрьской революции и всех работ в периоде подавления.

Несколько слов о землеобеспеченности и том перевороте, которые произошли в итоге Октября. В сельско-хозяйственной экономике вопросы землеобеспеченности трудящегося крестьянина имеют огромное экономическое значение. Проф. Литошенко сообщает, что «по данным вологодских бюджетов в общей сумме материальных ценностей крестьянского хозяйства земля занимает до 60%. В земледельческих районах соответствующая цифра повышается еще более». [1]) К урегулированию земельного вопроса советская власть и обратилась в первую очередь. 26 Октября 1917 года в 2 часа ночи издается первый декрет о земле, 18 февраля 1918 г. издается основной закон о социализации земли. [2]) По этим законодательным актам вся земля перешла преимущественно к трудовому крестьянству. По данным Книповича в 1919 году (для 32 губ.) к крестьянству перешло 85,5% земли и лишь 2% коллективам и около 12% государству». [3]) Сводка Книповича дает нам картину землеобеспеченности крестьян до и после октябрьской революции:

По 32 губерниям.

До революции 1905 г. Категория земель в	%%	**После революции (1919 г.)** Категория земель в	%%
1. Трудовой фонд-крест. земли	76,3	1. Земли крастьян	96,8
2. Нетрудовой фонд-частно-влад. и государственные земли.	23,7	2. „ с/х. коллект. . .	0,5
		3. „ сов. хоз. и пр. . . .	2,7
	100,0		100,0

Эта общая сводка показывает, как увеличилась площадь крестьянского землевладения за время революции. Характерной особенностью этого замечательного переворота является то, что революционные изменения привели к некоему нивеллированию имущественного состояния населения, т. е. к обеспечению землею преимущественно бедняцких слоев крестьянства.

На внутреннюю структуру и характер крестьянского хозяйства нам надлежит обратить более серьезное внимание, ибо этот анализ вскры-

[1]) Проф. Литошенко — «Ограничение дробимости крестьянских хозяйств», стр. 102, кн. «О земле», вып. I, 1921 г. Москва.

[2]) 25 Ноября 1917 г. народным комиссаром земледелия был избран левый эс-эр Д. Колегаев.

[3]) Б. Книпович — «Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 г.», стр. 23, «О земле».

вает существо всей советской экономики и политики и бросает яркий свет на пружину всего дальнейшего хозяйственного развития.

Работа Книповича дает нам чрезвычайно ценный материал. Движение обеспеченности крестьянских групп дает нам нижеследующая таблица:

Годы переписи	Абсолютное число всех дворов	% хозяйства: Без посева	Мелкие с пос. до 4 дес.	Средн. с пос. 4—8 дес.	Крупные с посев. более 8 десятин.
1916	6 034 114	11,4	59,1	21,6	7,9
1919	6 119 616	6,5	74,0	16,4	3,1

Военно-конские переписи 1917 и 1919 г.г. дают нам аналогичную картину:

Годы	% коноВладельцев, имеющих лошадей. 1	2	3	4—10	сверх 10
1917	43,8	31,7	11,1	10,7	0,7
1919	79,3	16,2	2,7	1,2	0,1

Эти чрезвычайно ценные сведения вскрывают не только положение вещей в деревне, но и характер всей революции. Октябрьская революция была социалистической революцией и она пришла на помощь исключительно бедняцким слоям крестьянства за счет имущих слоев населения деревни. То же самое явление имело место и в отношении скота. В 1917 г. без коров было 17,9, а в 1919 г. меньше 15,7, тогда как с 4 и более коровами было в 1917 г. 3,0 а в 1919 г. только 1,0%. «В общем и целом, — говорил Книпович, — резкие грани между классами в дореволюционном крестьянстве стерты революцией: земля и скот распределены более равномерно».

В отношении аграрной революции мы тоже имели два момента: 1. Период подавления и 2. Период управления, т. е. производственного восстановления. Социализация разрешила земельный и скотный вопросы. Об оставшихся на земле помещиках закон гласил: «немедленно выселить бывших помещиков, доверенных и нетрудовых арендаторов из имений и взять последние в свое ведение». (ст. 1). 11 Июля 1918 г. издается декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжение ее хлебом, предметами первой необходимости и сельско-хозяйственными орудиями». Как видим, в периоде подавления капиталистических отношений в нашей деревне произошли глубокие социально-экономические сдвиги. Эти сдвиги носили ярко социалистический характер. Огромное значение в разгроме, окончательном разрушении основных начал капитализма в деревне имела так называемая продразверстка. Основой продразверстки была продовольственная диктатура, об'явленная советским правительством в мае 1918 г. Здесь нас интересует социальное значение продразверстки. Что такое продразверстка? В тезисах М. И. Фрумкина продразверстка определена следующим образом: «Под разверсткой надо понимать такой способ извлечения от сельского хозяйства получаемых им продовольственных продуктов и технического сырья, при котором общая сумма продуктов, подлежащих сдаче государству, устанавливается государственными органами, распределяется между отдельными хозяйствами и взыскивается с сельских хозяев за их круговой ответственностью, с уплатой им твердых цен. Разверстка, таким образом, лишь способ осуществления прав государства на продукты сельского хозяйства. Государственная монополия на продукты сельского

хозяйства есть принцип, разверстка есть метод». [1]) Наличие государственной монополии на продукты сельского хозяйства означало также уничтожение частной торговли продовольственными продуктами. Торговля продовольственными продуктами каралась жестокими мерами. «22-го Июля 1918 г., — говорил П е р в у ш и н, — появляется известный декрет о спекуляции (в известной мере аналогичный с французским революционным декретом о максимуме цен от 5 Июня 1793 г.), согласно првого пункта которого «виновный в скупке, сбыте или хранении с целью сбыта продуктов питания, монополизированных республикой, подвергается наказанию не ниже лишения свободы на срок не менее 10 лет, соединенному с тягчайшими принудительными работами и конфискацией имущества». Реквизиции шли самым решительным образом. При общем недостатке хлеба за ½ месяца в разных губерниях было реквизировано 2 млн. пудов хлеба». [2])

Эти декреты по воспрещению спекуляции продовольственными продуктами и вся система продразверстки имели огромное значение по искоренению капиталистических отношений в деревне. Все эти мероприятия были фактически направлены против деревенской буржуазии. **Если общие мероприятия по социализации земли и инвентаря делали свое историческое дело, то классовые мероприятия продразверстки приводили к тому же, они в повседневной жизни подтачивали те экономические силы, кои не могли быть уничтожены актом социализации.** Эти мероприятия всецело покоились на защите интересов трудящихся деревни и устанавливали господство деревенского труда над деревенским капиталом. Кого затрагивала в деревне продразверстка мы увидим хотя бы из одной маленькой таблички, типичной по своему содержанию, приведенной А. П. Марковым в своем труде, изданном в Германии. Размеры поставок по разверстке были реализованы:

Воецкая волость (в процентах)

В хоз. с посевом	Не реализовано на	Реализовано менее	Реализовано от 50 до 100	Реализовано 100 и более
Ниже 1 десятины	100,0	—	—	—
От 1 до 2 дес.	50,0	50,0	—	—
„ 2 „ 4 „	28,6	52,4	14,3	4,7
„ 4 „ 8 „	—	5,9	24,7	69,4
В 8 дес. выше	—	—	—	100,0

Эта классическая таблица показывает, что продразверстка всей своей тяжестью падала исключительно на состоятельные слои деревни, тогда как пролетарские слои от нее вовсе были освобождены. Вот именно этот классовый дух продразверстки служил в деревне общему делу пролетариата, делу постепенного перехода экономического могущества деревенских кулаков в могущество общественное.

Только на основе этих мероприятий и после глубочайшего экономического переворота, произведенного в деревне, могли открыться перед деревенским миром новые перспективы по обобществлению всех сельско-хозяйственных процессов и полного освобождения деревенских трудящихся от ига тяжелого, рабского индивидуального хозяйства. Еще Л е н и н указал всем социалистическим силам деревни на эти перспективы: 14 февраля 1919 года издается знаменитый акт — «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социа-

[1]) Цитаты по книге Маркова — «Разверстка и натуральный налог», Берлин, 1924 г., стр. 30.

[2]) Первушин — «Вольные цены и покупательная сила русского рубля в годы революции 1917—1919 г.г., стр. 88, сб. «Денежное хоз. об. и кредит», т. I, 1922 г.

листическому земледелию». В этом положении мы видим исторические перспективы нового хозяйства новой деревни. Это «Положение» пропитано духом Ленина, который говорил: **«Крестьянин не для того отбирал земли от помещиков, чтобы передать их более мелким частным собственникам. Перед трудовым крестьянином жизнь ставит вопрос о переходе к общественной обработке земли, чтобы восстановить ту культуру, которая разрушена войной. . Мы постепенно идем от частной обработки земли к общественному хозяйству.** Это необходимо для экономии сил и средств и мы к этому идем, создавая сельско-хозяйственные коммуны и советские хозяйства». В 5 статье вышеупомянутого положения мы читаем: **«Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели, поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящее и отживающее».** [1])

Что было сделано и организовано в то время в этом направлении? Период подавления был периодом подготовки **организации** социалистического деревенского хозяйства. Из круга деревенского хозяйства и в новых живых силах новой деревни мы видим новые соотношения. Картину новой деревни и следует рассматривать, как величайшее начало нового процесса обобществленного социалистического труда, где секторы оформившегося обобществленного хозяйства появились только как первые почки новой жизни. По сведениям Н.К.Ф. (материалы по единому с/х. налогу) еще в 1923/24 г.г. было зарегистрировано:

Крестьянских хозяйств	— 21.896.571	—	99,7%
Советских хозяйств	— 23.022	—	0,1%
Коммун, артелей и др.	— 57.387	—	0,2%
			100,0%

Отсюда мы видим, что советские и тому подобные коллективные хозяйства в союзной действительности играли, с точки зрения народнохозяйственной величины и продукции, ничтожную роль, что система этих хозяйств действительно являлась самой новой в России, что с/х. коммуны — детище революции и надежда, основа социалистического устройства деревни. Все же мы не можем не отметить движения этих социалистических ячеек, которые в самом недалеком будущем привлекут всеобщее внимание.

По данным Книповича в 19 районах Европейской России числилось: [2])

	Коммун		Артелей		Итого
В 1918 г.	950	—	422	—	1 372
„ 1919 г.	2 099	—	1 934	—	4 034
„ 1920 г.	1 732	—	3 865	—	5 597
„ 1921 г.	1 528	—	10 015	—	11 543

В связи с индустриализацией и машинизацией деревни, развитие всевозможных форм коллективных хозяйств пойдет быстрым шагом, увлекая за собой остальное крестьянство. Эти колхозы являются, конечно, более крупными земледельческими хозяйствами, дающими возможность применить более усовершенствованные приемы агрикультуры. Размеры, напр., с/х. коммун можно усмотреть из нижеследующего:

---

[1]) Сборник — «Советское Хозяйство», вып. I, 1921 г. г. Москва.

[2]) По всей России по данным НКФ СССР.

Размер отводов.	С/х. Коммун.
До 9 дес.	0,8 %
19— 24 „	3,5 „
25— 49 „	13,0 „
50— 99 „	30,0 „
100—149 „	18,7 „
150—199 „	9,6 „
свыше 200 „	24,4 „
	100,0 %

Таким образом, коллективное сельское хозяйство, правда, растет из года в год, в настоящее время основным фактором сельского хозяйства является институт частно-единоличного хозяйства. Но семя брошено, организация создана, господство труда обеспечено, дальнейшее обобществление всего деревенского хозяйства является очередной задачей практической работы всех живых сил нашей социалистической революции.

б) Эпоха Управления.

Весь процесс октябрьского переворота, весь период подавления буржуазии, весь период новой экономической политики (НЭП'а), или, вернее, период управления новыми силами, а также рассцвет и возрождение социализма (нынешний период) нужно рассматривать не как процесс стихийного пролетарского движения, а как величайший плановый процесс социалистического строительства. Не конвульсивные движения общественного организма, находящегося в агонии, а победное шествие социализма, — вот что дает нам подлинная история всего периода после Октября.

Период управления, эпоха НЭП'а внесла путаницу в головы очень многих наших товарищей и эта путаница происходила именно потому, что исторические события и историческую эпоху стали расценивать не как единый целостный процесс социалистического строительства, а как отрезок, вернее, как изолированный момент в творческой политике пролетариата.

Ленин говорил: «Мы победили методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления». Расшифруем это замечательное положение Ленина, об'ясняющее и открывающее весь смысл истории строительства социализма у нас. Эпоха военного коммунизма, т. е. эпоха подавления буржуазии была не эпохой управления в тесном смысле слова, а эпохой гражданской войны и войны внешней, переплетенной с разрушительной работой капиталистических сил у нас, и эпохой создания, сооружения новых рельс, по которым должна была пойти новая жизнь, новая экономическая политика победившего пролетариата. **В период подавления коммунистическая партия изгнала внешних врагов и разгромила врагов внутренних.** Вся городская жизнь, промышленность и торговля подпали под власть новых хозяев, новых сил, сил пролетариата. В деревне было сделано то же самое, что имело исключительно большое значение и на что мы обращаем особое внимание нашего читателя. 1921 год был годом, когда разрушенное старое хозяйство нужно было рассчистить, нужно было везде и всюду навести порядок, поднять трудовую дисциплину и взяться за творческое производственное дело.

До Октября пролетариат и пролетарское крестьянство не имели ровно ничего, в октябре пролетариат завоевал политическую власть, а **в период подавления буржуазии пролетариат и пролетарские организа-**

ции на ряду с политической властью захватили власть экономическую: в руках пролетарского общества оказались буквально все важнейшие хозяйственные возжи города и деревни. Действительно, мы имели новые социальные и экономические силы, действительно мы имели совершенно необычные, никому раньше неизвестные условия всей общественно-экономической жизни. Выражение — «Новая экономическая политика» — является не случайно вырвавшимся выражением удачно говорившего оратора, а подлинным отображением внутреннего смысла всего происходившего. Период управления является величайшим историческим явлением у нас, и кто это явление приписывает какой либо случайности, простым политическим маневрам или даже извне навязанному акту, тот действительно не понял самых элементарных азов происходивших событий. Существуют люди, создающие заграницей целые кабинеты для экономических изысканий, которые говорят следующее: «Вся совокупность обстоятельств перехода к НЭП'у прямо говорит за то, что его принципы были выработаны в Лондоне с Лойд-Джорджем, и уже затем санкционированы коммунистической партией». [1]) Нужно ли распространяться о нелепости этой аргументации и подобных подходов к величайшим событиям истории? Если бы Ллойд-Джордж знал, какую честь приписывают ему наши эмигрантские профессора!

В 1921 году мы вступили с новыми общественными силами в период управления страной.

В старое время деревней руководил помещик-землевладелец, городом руководил буржуа-торговец, владеющий фабриками и лавками. Эти руководящие силы к 1921 году потеряли все свои главные силы, все средства, определяющие их господство, а вместо них появились, облеченные этими главнейшими и определяющими средствами, — городской и деревенский пролетариат. Ведь эти силы в истории и обществе действительно являлись силами новыми, ведь их управленческая и производственная политика не могла не быть политикой совершенно новой, небывалой, дотоле неизвестной никому. Новая политика новых сил не могла не быть новой экономической политикой, новой эпохой в истории, новой главой в строительстве социализма. В тысячу раз прав был Крицман, который подчеркнул, **что мы пришли к новой экономической политике не потому, что «революция потерпела поражение, а потому, что она (революция) победила».** [2])

Вся эпоха НЭП'а, вся система периода управления имеет чрезвычайно большое значение для распознания внутренних сил нашего социалистического движения и учения Ленина. Можно очень много говорить о социализме и не быть социалистом, и не понимать социализма. Можно очень много цитировать Ленина, думать, что ты ленинец, но, в действительности, не иметь никакой духовной связи с Лениным и не понимать его. Мы увидим сейчас, что очень многие не поняли периода управления и не понимают Ленина, хотя некоторые из них причисляли себя и причисляют и ныне к ленинской партии.

Какие внешне формальные основания имел Прокопович приписывать НЭП идеям Ллойд-Джорджа? Не мог же Ллойд-Джордж исходить из социалистических побуждений и идей.

[1]) Проф. Прокопович — «Русский экономический сборник», кн. VIII, Прага, 1926 г., стр. 226.

[2]) «Вестник Комиссии Использования», № 5, 1921 г., Москва, курсив автора.

В эпоху управления новыми силами мы имеем следующие внешние явления: частные магазины открылись, кое-какие частные фабрики стали работать, открылись банки, биржи, рабочий стал получать заработную плату, появился рынок, вексель приобрел силу, для проезда в трамвае и железно-дорожном поезде стали покупать билеты, пошли в ход налоги, как прямые, так и косвенные, люди и учреждения вошли друг с другом в денежные отношения. Вот после этих конкретных фактов выступает тов. Сокольников и утверждает: «Наша внешняя торговля ведется как государственно-капиталистическое предприятие. Наши нутренние торговые общества—также государственно-капиталистические предприятия. И я должен сказать, товарищи, что Государственный Банк является точно также государственно-какиталистическим предприятием. Наша денежная система? Наша денежная система основана на том, что в советском хозяйстве, в условиях строящегося социализма взята денежная система, проникнутая принципами капиталистической экономии». [1]) Позиция тов. Сокольникова вырисовывается здесь не как какое-либо случайное явление, а как целое воззрение, рассматривающее все наше новое хозяйство с точки зрения товарно-капиталистического хозяйства. «Потенционально,—писал тов. Сокольников,—экономическое могущество Советского государства—колоссально. Оно владеет достоянием, какое никогда не мерещилось Морганам и Стиннесам. Мы должны научиться пользоваться этой экономической мощью на том театре действий, который нам историей дан—на «театре действий», развивающегося товарного хозяйства. Наша активная экономическая политика через капиталистически-организованные аппараты»... и т. д. [2]) Сокольников после этого свободно мог докатиться до отрицания самой важной части нашей силы — монополии внешней торговли. [3])

Так понимали новые отношения периода управления не только один Сокольников, а также очень многие. Еще в 1921 году Преображенский теоретизировал: «Республика вступила в период развития производительных сил во всех отраслях своего национального хозяйства под лозунгом максимального увеличения количества продуктов, какими бы путями и методами это не достигалось. Это увеличение продукции, обозначающее в то же время увеличение доходов и потребления ведет к рассмотрению конфликтов, уже существовавших. Если изобразить графически картину параллельного развития капиталистических и социалистических отношений и установить, с какого момента начинается столкновение, то можно представить себе весь процесс в виде двух усеченных пирамид, поставленных рядом основаниями вверх и представить себе, что эти фигуры растут верх. В определенный момент рост и в той и в другой сфере возможен без столкновений. Но наступает момент, когда столкновение неизбежно и кто-либо должен посторониться». Дальше: «В новых условиях снова начинается прерванный революцией процесс расслоения в деревне». Дальше: «Концентрация контр-революционных сил,—говорит Преображенский,—про-

---

[1]) Цитировано по книге тов. Сталина — «Вопросы ленинизма», стр. 411.
[2]) Сокольников — «Финансовая политика революции», М. 1925 г., стр. 107.
[3]) Ibidem, стр. 106.

исходит в настоящий момент на почве мирного расширения базиса некапиталистических отношений»[1])

Прокопович, Сокольников, Преображенский были не первыми и не последними. Очень многие думали так, как у нас, так и заграницей. Белогвардейский экономист Пумпянский пишет: «Весной 1921 г. была прокламирована новая экономическая политика, означавшая отказ от попытки плановой организации народного хозяйства, а практически, во-первых, прекращение преследования мелко-хозяйственного товарооборота, во-вторых, постепенную ликвидацию государственного хозяйства путем перевода его на частно капиталистические рельсы и в третьих, соответственную перестройку всего государственного аппарата и новую финансовую политику».[2])

Довольно цитировать. Характеристика этого периода дана полностью. Теперь, в конце 1928—29 года, когда пишутся эти строки, даже политически слепцами видно, как ошибались авторы в оценке периода управления и как они переоценивали силы частного капитала и возрождения у нас капиталистических отношений.

Однако, подойдем к этому вопросу ближе. Что же произошло фактически в 1921 году? Произошла добровольная контр-революция в деревне, восстановление сословных отношений, возвращение помещикам старых владений и прав? Были призваны вновь промышленники и торговцы в городах и что-либо возвращено им в политическом или экономическом отношениях?

В 1921 году не было возвращено старым силам старой жизни ни зация, было вынуждено в эпоху подавления буржуазии сосредоточить весь торгово-промышленный и продовольственный аппарат в своих руках, так как сами экономические организации, фабрики, заводы, мастерские, кооперативы еще не были окончательно закреплены за рабочими. Но этот процесс полного перехода главнейших хозяйственных сил одного из завоеваний революции.

Буржуазия и помещики, как политическая и экономическая сила, были в полном смысле слова разгромлены, они не представляли из себя живой актуальной силы, стоящей в вооруженных колоннах против революции. Но это, конечно не значит, что у буржуазных элементов не оставалось никаких экономических средств. Правда, три года ожесточенной гражданской войны сделали свое дело. **Революция отняла у наших классовых врагов все те политические и экономические средства, кои могли быть отняты у них мероприятиями революционного периода, но эти силы еще располагали экономическими рессурсами, которые никакими реквизициями, никакими мероприятиями нельзя было у них из'ять.** Нам нужно твердо запомнить и хорошо знать, что **для укрепления социалистических отношений нужны не только акты, но и мероприятия, имеющие более длительный характер, нужен процесс, чтобы буржуазия и все буржуазные элементы лишились всех тех средств, коими они располагают и чтобы эти, оставшиеся у них средства, может быть незначительные по существу и не определяющие всю новую жизнь, органически переходили в средства общественные.**

---

[1]) Преображенский — «Переспективы новой экономической политики», стр. 209, 210 и др. «Кр. Новь», 1926 г. № 3, курсив мой — **Т. Гл.**

[2]) Пумпянский — «НЭП», — «Опыт характеристики советской экономики», Берлин, 1923 г., стр. 19.

Буржуазия стала «мириться» с тем, что ей оставляли частицу квартиры в принадлежащем ей доме и платили повышенную ставку за полезную площадь, буржуазия стала «мириться» с тем, что она нанимала принадлежащую ей ранее лавку, платила за нее повышенную арендную ставку горисполкому, а правительство не запрещало ей устроить в этой лавке мастерскую или торговое заведение. **1921 год предоставил буржуазии выявить скрытые экономические рессурсы и об'явил силам, располагающим этими рессурсами, экономическое соревнование.** Какой мог получиться процесс экономического соревнования хозяйствующего пролетариата, располагающего всеми социально-экономическими и политическими преимуществами, с силой буржуазии, располагающей остатками своих средств, при условии отсутствия у нее всех вышеуказанных преимуществ? Ответ должен быть ясным буквально для всех: **это соревнование могло принести пролетариату одну только выгоду.** «Если бы даже было совершенно точно доказано,—говорил Ленин,—что гораздо больше выиграет пропорционально, даже допустим, абсолютно, мелкая промышленность, это нисколько не опревергает ни теоретически, ни практически правильности предпринимаемых нами шагов. Вывод таков, что иной опоры для укрепления экономически всего нашего дела по строительству социализма быть не может. Допустим сейчас, примерно,—я беру это наглядно для пояснения,—что мелкая промышленность выражается величиной 100 (будет ли это 100 миллионов трудовых единиц или 100 единиц каких-либо других,—это все равно), а крупная—цифрой 200. Примерно, допустим, что мелкая возростает на основе капиталистической на величину 175, а крупная остается 200. Предположим застой крупной и громадное развитие мелкой. Я думаю даже—это худшее предположение, которое я делал, но и оно означало бы для нас несомненную выгоду». [1])

Какие бы не были прочие причины введения этой системы экономического соревнования весь об'ективный ход этой мирной экономической борьбы дал пролетариату блестящие результаты. В общих условиях 1921 года буржуазия, как общее правило, могла выступать не как рантье, а как торговец или предприниматель. **Мобилизуя все свои ранее скрытые рессурсы,** выявляя все свои имущественные возможности она, как общее правило, устремлялась в легкую торговлю, но и эта деятельность буржуазных сил была втиснута в чрезвычайно узкие рамки, ибо она все время была зависима от производящих готовые продукты государственных фабрик и заводов, а экспортировать и импортировать товары на заграничный рынок она не могла и вовсе.

Ничто не бросает такой яркий свет на всю эту эпоху, как опять-таки выражение Ленина—**«кто кого»?** Мелкие частники или крупные государственные предприятия могли одержать победу на поле этого «мирного» экономического состязания? Какие итоги могли быть в результате этой борьбы? Тут мы могли иметь два исхода: или государственные предприятия могли быть побеждены и частник аккумулировал бы экономические рессурсы обобществленного сектора, или же, наоборот, в процессе этого соревнования государственные предприятия могли быть победителями. **Как правило, отход от торгово-промышленной деятельности частника означает не что иное, как его банкротство, как предпринимателя, т.-е. в процессе хозяйственной деятельности переход его**

[1]) Ленин — «Собр. Соч.», XVIII, ч. I, стр. 153.

средств в распоряжении победивших организаций, в данном случае в распоряжение обобществленного сектора.

Период управления новыми силами нового общества явился величайшим периодом перехода оставшихся от периода подавления ресурсов буржуазии в распоряжение социалистического общества, т. е. периодом, продолжающим тот исторический процесс, который имели мы с первых дней Октябрьского переворота. Не усиление или насаждение капиталистических или неокапиталистических отношений дал нам период управления НЕП-а, а усиление, укрепление и дальнейшее развитие социалистических факторов нашего хозяйства. Иной результат не мог бы получиться при периоде управления, иначе нельзя было к этому периоду относиться. Ленин не напрасно был убежден и не зря говорил с глубокой верой, что **«мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления».**

Некоторым кажется, что период управления является периодом отступления. Загорские и Трутовские думают так. В этих положениях кроется непонимание самого основного, самого элементарного смысла нашей революции.

Весь период подавления (1918—1920 г.г.) является периодом борьбы, ожесточенной гражданской войны, как с внутренними силами, так и с силами внешними. В эту эпоху приходилось говорить не о производстве, не о развитии производительных сил нового социалистического общества, а об удержании и укреплении политико-экономической власти пролетариата. Как во всякое время борьбы и войны, так и в эпоху подавления национальной и международной буржуазии наше производство беспрерывно падало и хозяйственные силы страны истощались. Если взять за среднее норму потребности в некоторых сельско-хозяйственных машинах, то увидим, что потребности деревни в них совершенно не удовлетворялась.

«Снабжение сельского населения сельско-хозяйственными машинами и орудиями». [1])

	Норма потребности по ср. данным 1911—1913 г.г.	%% удовлетворения в 1920 году.
Плуги, бороны, культиваторы	500 000	3,5
Сеялки	30 000	1,6
Уборочные машины	140 000	1,8
Молотилки	15 000	3,9
Зерноочистительные машины	50 000	19,8

Процент удовлетворения в других продуктах был таким же. Потребность деревни удовлетворялась:

В сахаре	на 7 %
„ махорке	„ 2 „
„ спичках	„ 3 „
„ керосине	„ 4 „
„ мануфактуре	„ 7 „
„ галантерее	„ 3 „
„ стекле	„ 2 „

Что же касается производства других основных продуктов нашей промышленности, то они представляли картину полнейшего развала. Добыча чугуна определялась в 1913 г. в 4,2 млн. тонн, а в 1920 г.—0,1 млн. т.,—стали в 1913 г.—4,2 млн. т., а в 1920 г.—0,2 млн. т.,—золота в 1913 г.—60,8 тыс. килограмм, в 1920—6,5клм. В 1913 г. экспорт пре-

[1]) Марков — «Разверстка и натуральный налог, стр. 26.

вышал 1.520 млн. золотых рублей, а экспорт в 1920 г. составлял 1 млн. рублей. В 1910 г. под посевами находилось 90 миллионов десятин, а в 1921 г.—50 млн. дес. Положение вещей прекрасно иллюстрируется одним местом у Ленина: «Нам предложат вопрос и пожелают узнать, где искать товары. Я оглашу справку, — говорит Ленин,—которую я имею от т. Лежавы. Из нее мы видим, что несколько сот тысяч пудов разнообразных предметов продовольствия уже куплены и в самом спешном порядке идут из Литвы, Финляндии и из Латвии. Сегодня получено известие, что в Лондоне подписана сделка на уголь в количестве 18½ млн. пудов». [1]) Это говорилось в 1921 г.

Думаю, что вышеприведенные примеры великолепно рисуют положение вещей к 1921 году. **К этому результату наша революция пришла не от того, что она занималась производством, а от того, что она не могла производством заниматься; эти итоги явились последствиями мировой и гражданской войны.** Только такие фальсификаторы истории, какими являются Струве, Каутский, Потресов и прочие могли кричать, что к хозяйственному развалу пришла советская Россия благодаря большевистской системе производства. Россия весьма не имела досуга для производства, весь окружающий мир разорял страну и она действительно разорилась. Какое отступление могло быть в России? Отступление от производства? Это—абсурдно. Коммунисты действительно отступили от гражданской войны и в эпоху управления страной перешли в наступление на производство, но это отступление от гражданской войны происходило не так, как это делал Куропаткин во время русско-японской войны, а как Мольтке, который, побеждая французов, отступил потому, что просто вернул войска в казармы. **В 1921 г. кончили граждансую войну и начали, если можно так выразиться, войну за производство. Не отступлением, а наступлением на всех производственных фронтах характеризуется вся эпоха управления страной.**

Ленин говорит: «Социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом». Поднятие производительных сил всего населения новой России было неотложной задачей власти и социализма. Оживление фабрик, заводов, продуктообмена, сделалось главным делом рабочих. Какие силы должны были быть призваны к этому новому историческому делу? Какими силами могли развить застывшее производство? Силами частника? Силами оставшихся обломков старого капиталистического общества? Никогда! Ведь всем известно сейчас, что восстановление, экономическое возрождение Союза ССР происходит не энергией частника, а исключительно силами пролетарских организаций, силами трудящихся масс, произведших и защитивших революцию. И в 1921 году и ныне силы частника были ничтожны по сравнению с силами пролетарского общества, но та слабая сила, которой располагали частники, даже эта слабая сила не была вовлечена в важнейшие отрасли нашей социалистической промышленности. Таким образом, **та свобода оборота, т.-е. новые «либеральные» отношения, которые были даны в 1921 году, касались преимущественно общественно-государственных организаций, сил, связанных с этими организациями и их укрепляющих. Эти силы**

---

[1]) Ленин — т. XVIII, стр. 141.

имели решающее значение для под'ема нашей хозяйственной жизни и ими определялась вся экономическая жизнь.

Частника тоже касались эти изменения, частник тоже мог участвовать в борьбе за поднятие производства, но он не имел решающего значения, он не был **фактором** общего под'ема производительных сил.

1921 год был годом развития не частного оборота, а оборота общественно-государственных хозяйственных организаций. В отношении деревни вся система НЭП-а покоилась на укрепление (на базе обобществленной земли) хозяйства середняцких и бедняцких слоев и подготовке сил для перехода на высшие формы производства, т. е. социализма. Как в городе, так и в деревне в связи с НЭП-ом мы наблюдаем оживление производства и систематическое укрепление и развитие сил, служивших делу социализма, подготовляющих социализм. **Таким образом, эпоха управления новыми силами экономическим бытом страны, или как это обычно называется, НЭП-а является государственным мероприятием, главным образом, для оформившихся и организованных общественно-государственных производственных организаций, для укрепления блока между середняцким и бедняцким крестьянством для подготовки общего социалистического строительства а не для укрепления и освобождения частника из общих условий советского строя.**

---

*) Вопрос о НЭП-е особенно живо дискутируется сейчас в советской прессе. Последние годы экономического развития Союза являются годами особенно мощного развертывания социалистических сил страны и вытеснения частников из ряда экономических позиций. Те, которые думали, что НЭП принят для частника, а не для развития социализма, в экономическом наступлении социализма не могли не видеть отказа от системы НЭП'а. В действительности же никакого отказа от НЭП-а нет, НЭП был принят, как условие, как мера **дальнейшего** развития социализма и по мере дальнейшего развития социализма, по мере все большего охвата социалистическими силами производственных и распределительных процессов НЭП естественно иземняет свою форму.

Тов. Г. Крумин поместил в «Правде» большую статью о НЭП-е. Наше «категорическое требование, — пишет тов. Крумин, — брать НЭП в его развитии». В этом нужно с т. Круминым всецело согласиться, но нельзя принять его следующую формулу: «Отсюда вывод о разных стадиях в НЭП-е. НЭП — это социалистическая политика переходного времени — проходит в СССР различные стадии: **от отступления (от военного коммунизма) через приостановку и перегруппировку сил к стадии социалистического наступления».** («Правда», от 4 августа 1929 г., курсив мой — **Т. Гл.**). Мы предпочли назвату эпоху НЭП-а эпохой или периодом управления исключительно для того, чтобы систему и период НЭП-а не считать каким-то **особым периодом** в истории построения социализма у нас и не считат ее, как особую систему, **принципиально** отличной от системы управления страной, принятой партией и правительством. Мы имеет сейчас девятилетнюю историю НЭП-а и если оценим систему НЭП-а по об'ективным показателям, т. е. по имеющимся результатам НЭП-а станет ясно, что наша методология в оценке НЭП-а освобождает нас от различных кривотолков. Весь период НЭП-а был периодом постепенного укрепления советского хозяйства и развитием социалистических основ жизни. Этот период был первым историческим периодом, когда партия и правительство в более или менее нормальной обстановке могли взяться за управление страной и заложить основы бурного расцвета социалистического строительства. Только лишь формально можно считать отступлением отход от нерыночных отношений к отношениям рыночным; по существу-же экономические основы социализма в 1921 г. не были слабее экономических сил социализма в 1920 г. Наоборот, об'ективные силы социализма в 1921 г. и с 1921 года оказались более устойчивыми и крепкими, чем раньше. НЭП оказалась прекрасным орудием социализма, важнейшим фактором успешного социалистического строительства. Вот почему мы боимся формулировки т. Крумина НЭП-а, как отступления. Можно видеть в развитии НЭП-а разные стадии, как это делает т. Крумин, но эти стадии будут лишь показывать **степень достижений** на путях социалистическо-

Свободные экономические отношения 1921 года, касающиеся всех общественно-государственных предприятий, перешедших на систему хозяйственного расчета, не могли не касаться в известных нам условиях и частника. Нечего было этого бояться. И мы видели в 1921 году, что в новый оборот экономических отношений выступили две силы: силы нового социалистического общества и силы частного хозяйства. Как первый, так и второй мобилизовали все свои возможности, чтобы проложить пути в новой истории. Но в **этом историческом состязании колоссальнейшую выгоду получил социалистический сектор, аккумулируя в процессе конкурентной борьбы экономические рессурсы частника и усиливая за их счет силы социализма.**

Мы спрашиваем, когда был хозяйственно и экономически силен частник—в 1918 году, в 1921 году или в 1929 году? Социализм является более укрепленным или сильным в 1918 году, в 1921 году или в 1929 году? Короче, когда республики Союза были сильнее и могущественнее? Конечно, они сильнее сегодня, конечно, они крепче в 1928 и 1929 году, конечно, они действительно, фактически реально вытеснили за все это время частно-хозяйственные процессы из советской экономической жизни. Усиление России шло двумя путями: за счет непосредственного улучшения и укрепления собственного хозяйства, а также за счет вытеснения частников, т.-е. за счет аккумуляции тех экономических рессурсов, кои оставались от разгрома капиталистических сил в 1918—1920 г.г.

Мы спрашиваем Прокоповичей—этого ли домогался Ллойд-Джордж, когда «рекомендовал» НЭП, или это предположение является досужей фантазией пражского профессора?

го строительства, а не стадии, имеющие под собой различные **принципиальные** установки.

Весьма скользкими являются также положения тов. Крумина в отношении проблемы цен, как силы регулирующей производство. Г. Крумин пишет: «**Цена** до известных пределов, во всяком случае на первых порах, **сохраняет функции регулятора производства.** Чем дальше от сердцевины крупного социалистического хозяйства, тем больше роль рынка, тем больше регулирующая роль цены. **Строительство социализма на основе рыночных, товарных отношений является в переходный период абсолютно неизбежным».** (Курсив мой — **Т. Гл.**). Это основное положение т. Крумина необходимо со всей решительностью отвергнуть. Хотя т. Крумин мечет громы и молнии против правого уклона в коммунистической партии, но, по существу, признание развития социалистических отношений на базе рыночных товарных отношений, хотя бы в переходный период, когда регулятором производства является цена, признание вот этого положения и есть основная теоретическая генеральная база правого уклона в партии и вообще основа экономической философии меньшевизма.

Исторически-же это положение тов. Крумина совершенно не соответствует действительности. За все время существования советской власти **цена,** как в сердцевине социализма, т. е. в крупной промышленности, так и в деревнях. т. е. отдаленных от сердцевины участках, никогда, **ни в какие периоды нашего социалистического строительства не являлась регулятором производства, и товарно-рыночные отношения никогда не являлись базой социалистических процессов.** Правда, существуют у нас цены, рынок, продукты труда можно купить и продать, но эти формы экономических отношений ничего не имеют общего с той системой производства, которая покоится на институте цен, как регуляторе производства, т. е. капитализме. **Эти внешние формы рыночных отношений по существу находятся под определяющим прессом всего нашего планового хозяйства, и существующие у нас цены сознательно конституированы нашими плановыми органами и находятся в подчинении этих последних.** Пора же эту азбуку нашей экономики усвоить такому ответственному товарищу, каким является уважаемый тов. Крумин.

Несколькими словами охарактеризуем сейчас эпоху управления страной, чтобы выяснить процесс укрепления социалистического хозяйства.

Эпоха управления страной новыми социалистическими силами должна быть заключена денежной реформой 1924 г., когда политические, социальные и экономические отношения новой жизни более или менее были оформлены. Денежная реформа, являющаяся внешним выражением стабилизации, т.-е. укрепления денежной системы, могла быть произведена на экономической основе, обусловившей прочность всего денежного, бюджетного и хозяйственного порядка. Таким образом, денежная реформа была подготовлена 1921 годом. В этом году были заложены основы увеличения государственных доходов, т.-е. постепенного сокращения государственного дефицита, сокращения выпуска (инфляции) денежных знаков, снятия с государственного бюджета промышленных и торговых учреждений, являющихся балластом для государства, развития производительных сил страны, т.-е. увеличения товарной массы, расширения емкости внутреннего рынка и правильной организации кредитных отправлений.

Вот несколько законодательных актов, подготовивших начало твердой бюджетной жизни. Как известно, IX С'езд Советов (с 22-го по 27 Декабря 1921 года) вынес специальные постановления о финансах и бюджете. В первом же положении «С'езд одобряет решение СНК об ограничении выпуска бумажных денег в 1922 бюджетном году», а также «одобряет принятую систему твердого бюджета в золотом исчислении». С этого времени устанавливаются местные бюджеты, являющиеся абсолютно необходимым дополнением к общегосударственному бюджету, дающему рессурсы на места для советского строительства и хозяйственной политики. В отношении налогов С'езд находит, «что после успехов государственной промышленности и торговли налоги являются важнейшим средством заменить в системе бюджета доход от эмиссии, и предписывает всем комиссариатам и всем органам Советского государства приложить все усилия к выполнению полностью намеченного налогового плана и считать эту работу одной из самых важных и ударных при проведении в жизнь новой финансовой экономической политики».

Постановлением III сессии В.Ц.И.К. от 26 Мая 1922 года предоставляются широкие полномочия комиссариату финансов и проводится начало ведомственного централизованного управления.

На основании постановления 21 Апреля 1922 года отменяется вся система налогов, существующая до 21 года, а также пени и недоимки по ним. 6 Мая 1922 г. утверждается положение о взимании налогов и сборов, 13 Июня трудовой и гужевой налог заменяются другими видами обложения, 3/10 Февраля утверждается положение о промысловом налоге, 11 Февраля вводится целевой общегражданский налог, 16 Февраля утверждается устав о гербовом сборе, 1-го Марта устанавливается канцелярский сбор, а равно и судебная пошлина (9 февраля), консульские сборы (2 Марта) и размеры ставок таможенного тарифа (9 Марта и 27 Апреля).[1])

Всеми этими мероприятиями хозяйственный расчет, основанный на правильном денежном обращении, завоевал все общественные пози-

[1]) Весь материал на этот период см. «Сборник декретов и распоряжений по финансам», т. V, М. 1922 г.

ции, и в направлении увеличения и расширения оборота, общественные и государственные органы напрягали все усилия для все большей аккумуляции денежных средств. Имея соответствующую экономическую базу государство производило соответствующий эффект.

Государственных и местных налогов поступило в 1921 году на 21,3 млн. р., в Январе 1922 г. (в совзн. 22 г. *)—24,5млн., в Феврале—54,6 млн. р., а в Июле—1.795,0млн. р. Не могло быть речи о том, чтобы в первый же день перехода на денежную систему общественно-государственные потребности удовлетворить непосредственно через финансовое хозяйство, реальными поступлениями денег. Еще неналаженный финансовый аппарат, расстроенное хозяйство лишало страну этих возможностей, но являлось весьма знаменательным, что за это же время эмиссия выросла в 9 раз, тогда как поступления от налогов—в 85 раз. Проблески хозяйственного возрождения наметились... Проф. Юровский дает нам чрезвычайно интересную табличку, отлично характеризующую состояние этого года. [1]) Процентные отношения между разными видами государственного дохода:

1922 г.		Эмиссия		Общ. госуд. и м. налоги.		Доход от им. и предпр. общ. гос. и м. значения.
Январь—Март	—	86,7	—	2,7	—	10,6
Апрель—Июнь	—	69,4	—	8,9	—	21,7
Июль—Сентябрь	—	56,8	—	13,6	—	29,6
Октябрь—Декабрь	—	46,3	—	24,4	—	29,3

Эта перегруппировка сил между паразитарным (эмиссионным) и производственным хозяйством имела под собой более твердую базу в экономических условиях. В %% к 1916 г. вся посевная площадь равнялась в 1922 г.—67,8%, в 1923 г.—80,9%, в 1924 г.—87,7%.

Валовой доход от сельского хозяйства:

В 1922 г.	—	4 507,6 млн. р.
„ 1923 „	—	4 843,5 „ „
„ 1924 „	—	4 974,1 „ „

Чрезвычайно знаменательно, что развитие сельского хозяйства идет главным образом по линии интенсивно-технических культур за счет зерновых хлебов. В 1922 году в общей продукции сельского хозяйства зерновые хлеба занимали только лишь 50,8%, а в 1924 г. технические культуры поднялись с 12,4% в 1922 г. до 14,0% в 1924 г., садоводство—с 9,8% до 13,4%, скотоводство—с 23,6% до 26,8%, птицеводство—с 3,4% до 6,7%.

Подобная картина дается и в области промышленности. Общая продукция госпромышленности:

В 1921/2 г.	—	850,2 млн. дов. р.
„ 1922/3 „	—	1 238,8 „ „ „
„ 1924/25 „	—	1 617,8 „ „ „

Цифры под'ема народного хозяйства показывают не только лицевую сторону движения, но и внутреннюю. Под'ем базируется на определенном увеличении продукции единицы труда и увеличении оплаты рабочей силы.

По данным Рабиновича продукция и оплаты труда: [2])

*) Совзнаки образца 1922 г. выпускались на основании декрета от 3. ноября 1921 г.
[1]) Проф. Л. Н. Юровский — «На путях к денежной реформе», М. 1924 г. стр. 8.
[2]) Статья — «Проблема зарплаты и производ. труда», — «Эк. —. № 2361.

		Выработка на чел.-день в руб.		Дневн. з. плата в усл. моск. кол.
В 1922/23 г.	—	3,47	—	71,0
„ 1923/24 „	—	4,06	—	91,5
„ 1924/25 „	—	5,65	—	110,0

Увеличение продукции внутреннего производства сразу же ввело Союз ССР в круг мирового товарного обращения; произведения социализированных фабрик и заводов стали экспортировать заграницу. Импортные и экспортные проблемы занимают особое внимание советской власти.

Потребности импорта иностранных изделий были увязаны с экспортными нуждами социалистического хозяйства. Было вывезено:

		Лесомат.		Нефтепродукты		Марганец
		В	т о н	н	а х	
В 1922 г.	—	606,7 тыс.	—	65,5 тыс.	—	38,0 тыс.
„ 1923 „	—	1233,1 „	—	88,7 „	—	37,5 „
„ 1924 „	—	1621,9 „	—	782,6 „	—	508,0 „

Эти сведения показывают довольно значительный сдвиг производительных сил страны. Живые силы народа устремились в производственные отношения. Стихия товарообмена и интересы хозяйства требовали создания валюты, устойчивой денежной системы. Товарные эмбрионы, свобода покупки и продажи вызвали мобилизацию всех средств населения. На всех пограничных пунктах появились валюты иностранного происхождения, стремящиеся заместить товары российского происхождения, вместе с тем на рынке появилось припрятанное золото, серебро, инвалюта, ценные металлы и камни. Один из руководителей советской валютной политики тов. Ш л е й ф е р дает нам следующее изложение истории естественного устремления всех сил к твердой валютной единице: «В этот период, — говорит т. Ш л е й ф е р, — начинает сказываться естественное и закономерное стремление народного хозяйства найти эту твердую денежную единицу. Различные отрасли промышленности находят ее по разному: в тех губерниях, где соль является наиболее ценным товаром и где она охотно берется за каждый товар, — мы имеем стремление узаконить ее, как денежную единицу. Лесная промышленность, которая имела дело, главным образом, с крестьянством потребляющих районов, нуждающихся в хлебе, устанавливает «ржаную единицу». Постепенно «ржаная единица» внедряется в расчет Северолеса. И прочие отрасли промышленности начинают применять ту или иную твердую расчетную единицу. Мы наблюдаем процесс наступления сильной валюты на более слабую—«советский знак». На Дальнем Востоке обращаются золото и серебро, и золото начинает тянуться в прилегающий Иркутский район; все расчеты в Иркутске начинают производить в золоте, — в частный оборот начинает входить золотая десятка. На границе с Кавказом мы переживаем такого рода взаимоотношения целого ряда валют. В порты, куда приходят иностранные корабли, приходит и иностранная валюта.

«Турецкая лира, несмотря на то, что турецкие лиры не являются мировыми деньгами, начинают укрепляться в портах Закавказья, вытесняя деньги Советской Грузии. С другой стороны, грузинские деньги, уступая турецкой лире, наступающей на них, сами оказываются устойчивее азербейджанских бумажных денег и начинают их вытеснять в Азербейджане, а азербейджанские деньги в свою очередь, оказываются устойчивее совзнака и начинают наступать на совзнак.

«На западной границе мы имеем то же характерное явление: в губернии, прилегающие к границе, из Польши вместе с контрабандой приходит и царская золотая монета, контрабандисты производят все расчеты (вплоть до уплаты взяток) золотой монетой. В Москве, Ленинграде и др. крупных центрах золото тоже начинает входить в оборот. Золото начинает играть большую роль в биржевом обороте, даже отлагается в кассах наших государственных хозорганов. Например, комвольный трест производит расчет с рабочими московских заводов в золотой валюте.

«Силы новой экономики стихийно устремились к твердой валюте. Эта последняя имела все основания окончательно упрочить свое господство. Власти надлежало итти по линии этой здоровой стихии и своим сознательным вмешательством ускорить денежную реформу».

«Первым шагом к формальному подходу к денежной реформе является выпуск червонцев Государственным Банком. Соответствующее законоположение мы имеем в декрете от 11 Октября 1922 года. Этим декретом советский Государственный Банк делался также банком эмиссионным. Банкнота, выпускаемая банком называлась червонцем и каждый червонец, как основная единица, приравнивался к десятирублевой золотой монете довоенного времени. В законе мы читаем, что червонец=1 зол. 78,24 дол. чистого золота=10 руб. в прежней российской золотой монете».

Червонец приравнивался к десятирублевке не только по своим формальным моментам, но и технически. Золотые монеты никогда не являются мелкими массовыми знаками обращения, они всегда расчитываются на более высокие товарообменные операции, и именно в эти русла червонец и должен был направиться. Но золотые деньги являются деньгами в прямом смысле, т.-е. за этой денежной властью всегда стоит государственная печать, дающая право всеоб'емлющего обращения. За червонцем был Государственный банк, как банк, а для населения червонец был простой банкнотой.

Конкретные обстоятельства для червонца слагались весьма благоприятно. Совзнак был дискредитирован в полной мере и возрождающееся хозяйство не могло обгонять его падения. Ш л е й ф е р нам показал, как вся общественная среда стихийно устремлялась к твердым знакам. Червонец имел огромное преимущество пред совзнаками: он гарантировал држателя от катастрофического падения совзнака, а промышленность, получавшая госбанковский кредит в червонцах, могла совершенно свободно калькулировать свое производство. Червонец быстро делался популярной банкнотой, рынок поглощал каждый их выпуск. На 1-ое Января было выпущено 356,2 тысяч червонцев, а через год было в обращении 27.296,7 тыс. червонцев. 1-го января (1923 г.) в обращении пускалось только 31,86%, а 1-го января 1924 г. 90,08% выпуска.

Весь 1923 год прошел в поисках твердого денежного знака. Такой «знак» Госбанк нашел для себя — червонец. Правда, червонцы выпускались из банка и они внедрялись в общественную жизнь, но этот «знак» циркулировал, главным образом, между банком и населением, тогда как государственная казна оставалась в стороне. Естественно, что для всего населения, для всего народного хозяйства важнее иметь **твердые** государственные знаки, чем знаки банкноты более частной силы — Государственного Банка. Таким образом, появление червонца, как бан-

ковской валюты, означало подход к частичному установлению твердой валюты.

Пример с червонцами был заразителен не только для государственного казначейства, но также и для всех крупных хозяйственных организаций. По примеру Госбанка за выпуск «твердых» знаков взялись бы и другие учреждения—ведомства, но подобный шаг привел бы безусловно к срыву, как имеющейся банкноты, так и всей денежной политики. Проф. Боголепов совершенно правильно отмечал, что «трудности биметаллизма — ничто с трудностями, возникающими на почве сосуществования двух параллельных неразменных бумажно-денежных валют», и что «нельзя было ожидать, чтобы между двумя денежными единицами само собой установилось бы мирное сожительство.[1]) Тем более появление тртьих и чтвертых **сторонних** денежных единиц еще более усложнило бы денежную систему и водворило бы в стране денежный хаос и анархию. Очень многие частники и хозяйственники удовлетворяли свои стремления только тем, что задерживали у себя червонцы, эту «палочку-выручаловку» (М. Боголепов) и тем самым в еще большей степени усиливали потребность в новых выпусках червонцев.

Но подготовительный период денежной реформы не будет понят если из жизни 1923 года выбросим два явления, правда, относящиеся больше к чисто государственным и полугосударственным мероприятиям, на которые банковская политика и практика безусловно имела огромное влияние.

Мы имеем ввиду выпуск Наркомфином платежных обязательств Центрокассы и выпуск Народным Комиссариатом Путей Сообщения транспортных сертификатов. Платежные обязательства Центрокассы были выпущени 7 Февраля 1923 года, а транспортные сертификаты—26 Июля 1923 года.

В упомянутой статье проь. М. Боголепов отмечает: «Появление железнодорожных сертификатов и в значительной мере обязательств Центральной Кассы било в ту же точку, что и появление червонца». Правда, проф. Л. Юровский в связи с денежной реформой не останавливается особо на этих явлениях 1923 г., но они также несли с собой дух нового крепкого периода, тоже подчиняли совзнаки и, в особенности, железнодорожные сертификаты, имевшие первоначальной целью обслуживание, главным образом, операций самого железнодорожного хозяйства; они сразу расширили сферу обращения, тем более, что сертификаты были вдобавок гарантированы Наркомфином.

Что в 1923 году создались совершенно благоприятные условия для выпуска какой-либо твердой, но единой денежной единицы, видно хотя бы из того, что и обязательства Центрокассы, а также тр. сертификаты быстро шли в оборот, отвоевывая места, занятые совзнаком. Только жаждой твердой валюты нужно было об'яснить, что тр. сертификаты скоро потеряли свой первоначельный вид, они были отвлечены от железнодоржного хозяйства и всецело очутились в руках НКФ, ибо они фактически стали циркулировать, как деньги.

Нельзя было медлить с денежной реформой. Гангрена шла слишком далеко, совзнаки становились лишней монетой, ибо над ними стали господствовать не только червонцы, но и обязательства Центро-

---

[1]) М. Боголепов — «Денежная реформа», стр. 15. «Эк. обозрение», 1924 г., вып. 6.

кассы и тр. сертификаты. Агония, в процессе которой находился совзнак, формально приводила к деноминации совзнака. О первом акте деноминации мы говорили выше, это было 3 Ноября 1921 г. в связи с НЭП-ом, второй акт последовал 24 Октября 1922 г., когда был введен дензнак образца 1923 года. 1 рубль 1923 г. равнялся миллиону, знаку 21 года или ста рублям 22 года. Эти акт ыни в какой степени не могли улучшить положение совзнака, наоборот, эти паллиативы совершенно сбили с толку население, не привыкшее иметь дело со сложными арифметическими исчислениями, и все только и ждали более решительных мероприятий.

В 1923 г. правительство все же стремилось в какой-нибудь степени стабилизировать совзнак и в этих целях постановлением от 8 Августа 1923 г. решило сократить эмиссию совзнаков суммой в 15 млн. зол. рублей, но это постановление так и осталось невыполненным. Эмиссия все больше и больше увеличивалась. Было выпущено на каждое первое число месяца: в Январе 1923 г.—1.994,5 млн. р., 1 Апр.—4.482,7 млн. р., 1 Августа—12.456,6 млн. р., 1 Дек.—98.839,3 млн. р., а 1 Анваря 1924 г.—178.509,8 млн. руб. Деноминация не только не укрепляла совзнак, но еще больше расшатывала его и так расшатанный фундамент.

Ничто не было в состоянии спасти советский денежный знак. В начале 1923 г. курс совзнака определяли на квартал (на 3 месяца), а впоследствии дошли до того, что курс устанавливали ежедневно, а черная биржа перешла даже на ежечасное определение курса совзнака. Кто мог угнаться за кувырканием курса на совзнаки? Не только крестьянин и рабочий, не только ремесленник и промышленник, но за этими баснословными движениями курса не мог угнаться и, прошедший огонь и воду и медные трубы, изворотливый биржевой маклер самой спекулятивной фондовой биржи в мире.

Вместо лучшего средства обмена и обращения совзнак сделался худшим мерилом ценности, скорее всего им нельзя было абсолютно ничего измерить и определить. Совзнак был гарантией банкротства и убытка, даже Наркомфин, принимавший налоговые поступления в золотом исчислении, оказывалось, не получал ничего, ибо золотое исчисление, как плюс «целиком поглощалось минусом»—потерей своей цены до поступления налога в центральную кассу.

Ничего не оставалось Народному Комиссариату Финансов, как обратить самое серьезное внимание на торжествующий червонец. Ведь он (НКФ), имея в своих руках крупные купюры Обязательств Центрокассы, забрал всецело железнодорожные сертификаты. Не имея возможности сделать тоже самое с червонцами НКФ превращает червонец в фактические деньги. На ряду с частными лицами и учреждениями, искавшими и старавшимися заполучить и приобрести червонец, НКФ предписывает казначействам распахнуть двери червонцам и принимать и хв оплату налогов по курсу дня. Соответственное распоряжение было дано 25 Января 1925 года. После этого весь советский Союз был открыт для червонца.

В конце года (в Ноябре) цены хлеба определялись в червонцах.

После НЭП-а денежная неурядица была самым тяжелым явлением и главным препятствием для дальнейшего восстановительного процесса советского хозяйства. Дисконтные ставки представляли соответствующий денежному хаосу беспорядок и вакханалию. Г. В. Вульф пере-

дает: «В Октябре 1923 года учетная ставка государственного рынка капиталов составляла 8—30% годовых, организованного частного—60—80%, а вольного — 192%. [1]) Отклонения от этих баснословных цифр были еще большие, и это совершенно лишало, как частное, так и общественное хозяйство не только какой-нибудь плановой работы, но и всякой более или менее правильной хозяйственной работы вообще. Чтобы представить всю тяжесть этих учетных процентов, мы отметим, что, например, «федеральные резервные банки (С. Ам. Соед. Штатов) понизили в Августе свой учетный процент до 3%. [2])

Даже в самые тяжелые времена античного времени мы не видели более тяжелых условий учета. Сальвиоли передает: «Операции Аттика не позорили чести рымлян, которые видали иные формы ростовщичества. 4% месячных было нормой для займа городам Востока. Другие им одалживали деньги из 75% годовых, а то еще больше». [3])

1923 год является мартирологом совзнака и денежного обращения вообще. Но стихия хозяйственного восстановления делала свое дело и постепенно, но твердо сокращала государственный бюджетный дефицит.

В 1922 году эмиссия покрывала 99,4% бюджета, в 1922/23 бюдж. г.—80,8%, а в 1923/24 б. г.—44,3%. Вместо эмиссии государство стало питаться самостоятельными поступлениями от реальных источников. На покрытие бюджетного дефицита поступило:

	От кредитн. операций.	Из прочих источников: (доход от вып. мон. госф. и пр.)
В 1922 г. . .	0,6 %	—
„ 1922/23 „ . .	17,9 %	1,3 %
„ 1923/24 „ . .	46,7 %	9,0 %
„ 1924/25 „ . .	57,8 %	42,0 %

Как видим, 1923 год все же является годом некоторого накопления капиталов и собирания сил. Но этот год знаменует собой не только хозяйственное и экономическое собирание сил, а также собирание сил в политико-финансовом отношении. Тов. Кузовков в анализе исторических сил и периода, предшествующего денежной реформе, упускает один чрезвычайно важный фактор—политический момент. Было немыслимо проведение денежной реформы, когда в едином государственном организме, именуемом СССР, существовало несколько денежных систем, хотя бы республиканских. Бичем всякой денежной реформы является существование денежной системы, и выпуска денежных суррогатов кооперативами, городами, селами, а также областями и республиками. Когда в Германии города прибегали к своим собственным денежным знакам, а Мекленбург, Бреславль, Мангейм выпускали займы, то эти операции, еще допустимые в совершенно нормальных социально-политических условиях и то обязательно увязанные с общим состоянием и интересами государственных финансов—в действительности являлись бичем для государственных финансов.

В советском Союзе существовали эмиссионные хозяйства не только в одной республике. Грузия, Азербейджан, Армения, Туркестан, Бухара, Дальневосточная республика, все они имели свои деньги, свою

[1]) Г. Вульф — «Государственный кредит СССР», М. 1925, стр. 16.

[2]) Н. Якушкин — «Денежная политика С. Шт. перед опасностью золотой инфляции», стр. 123, — «Эк. Сб.» № 17—18 24 г.

[3]) Сальвиоли — «Капитализм в античном мире», стр. 39.

политику, свою валюту. Над советским знаком в центре господствовал не только червонец и сертификат, но и многочисленные прочие дензнаки всех упомянутых республик, за исключением только туркестанских. Финансовое об'единение и унификация всех рессурсов в одно целое, в один монолитный организм, было обязательным условием победного завершения денежной реформы.

История с одной стороны и политка НКФ с другой—завершили этот процесс. 1924 г. является не только годом денежной реформы и завершением всей системы НЭП-а, но и годом об'единения разрозненных сил, годом политического об'единения и финансовой унификации. 1 Февраля 1924 г. было декретировано прекращение выпуска совзнаков, все оставшиеся на складах казны совзнаки подлежали немедленному уничтожению. Этим историческим актом завершается агония денежного знака, длившаяся в течение всего 1923 года. 5-го Февраля 1924 года начинается выпуск казначейских билетов—в 5, 3 и 1 рубль. 22-го Февраля декрет ЦИК-а оповещает мир, о выпуске советской серебряной и медной монеты. Высоко пробная банковская монета в 1 рубль и 50 коп. и билонная, т.-е. низкопробная—в 20, 15 и 10 копеек и медная монета в 5, 3, 2 и 1 копейку, открывают новую эру денежной реформы. Казначейские билеты 5-ти рублевого достоинства вышли в свет 8-го Февраля, 14-го Февраля—3-рублевые и 21 Февраля—1-рублевые. 26 Февраля в Москве приступили к выпуску билонной серебряной монеты.

Чрезвычайно характерно, что из всех европейских стран Республика рабочих и крестьян первая и раньше всех уничтожила условия инфляции и создала свои крепкие советские финансы. «Я считаю,—говорит эмигрантский экономист Прокопович,—денежную реформу одним из крупнейших экономических достижений советской власти». В этом мы всецело согласны с названным экономистом.

Если колебание и хаос в денежном обращении были бичем для всего народного хозяйства, если старые совзнаки, являющимся источником безконечной инфляции, уничтожали последние остатки крестьянского и рабочего дохода, то денежная реформа положила этой инфляции конец.

Казначейские знаки рука об руку с червонцем на всей территории Союза создали единую твердую денежную систему. Проф. Юровский пишет: «Закон требовал, чтобы банкноты (червонцы) были в определенной мере обеспечены драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой. Государственный Банк шел дальше требования закона и стремился вместо установленных законом 25% поддерживать металлическое и валютное обеспечение на уровне 50%. В процентных отношениях различные виды обеспечений выражались в следующих цифрах: [1])

1923 г.	Металлич.	Иностран. вал.	Всего	Тратты	Ост. обесп.
На 1 Января	33,7	39,0	62,7	27,3	—
„ 1 Апреля	53,4	1,5	54,5	6,0	39,1
„ 1 Июля	46,6	2,7	49,3	4,1	46,6
„ 1 Октября	36,0	14,4	54	2,2	47,4
„ 1 Декабря	32,8	17,4	50,2	1,6	48,2

Следующие знаменательные цифры покажут нам размер устойчивости наших червонцев. Средне-месячные курсы червонца в долла-

---

[1]) Проф. Юровский — «На путях к денежной реформы», стр. 74.

рах, как на вольном (так называемом черном) рынке, так и по официальному курсу:

		Курс червонца в долларах на вольн. рынке:	Курс червонца в долларах по оф. курсу:
Ср. за январь	1923 г.	4,36	—
„ „ апрель	1923 „	4,24	4,66
„ „ июль	1923 „	4,74	4,84
„ „ октябрь	1923 „	4,54	4,98
„ „ январь	1924 „	4,54	4,59

Это было торжеством червонца. С Мая месяца было приступлено к выпуску оставшегося в обращении совзнака. В сборнике—«Основы Советской экономической политики»—мы читаем: «Пущено было в обращение мелких казначейских билетов всего на сумму 60 млн. рублей, тогда, как червонцев в это время ходило уже на сумму 240 млн. рублей. Довоенное отношение обращавшихся на рынке крупных купюр к мелким (до 10 рублей) обычно составляло 60 : 40; теперь это отношение равнялось 80 : 20 (240 : 60=80 : 20); другими словами, рынку даже не хватало вновь выпущенных купюр для размена»: [1])

Осторожная внимательность,—говорят авторы,—была гарантией успеха денежной реформы. Это не совсем так; планомерное, целесообразное использование всех капитальных средств страны, направление всей энергии трудового народа на поднятие подлинных производительных сил страны, уничтожение всех паразитарных капиталистических расходов и построение всего хозяйства на социалистических началах, открыли новую эпоху в нашей жизни и обусловили успех, как возрождения страны, так и денежной реформы. Эти же начала являются факторами для дальнейшего поступательного развития всей советской культуры. Мыслимо ли иначе об'яснить марксисту успех столь глубоко общественной и экономической реформы, какой является денежная реформа 1924 года? В 1925 году К. Каутский выпустил о Советской России одну книжонку—«Социалистический Интернационал и Советская Россия». На 21-ой странице этой книжки Каутский пишет: «В пессимистических отчетах о России, пожалуй, половина выдумана, а половина правда. Что же касается тех окрашенных в розовый цвет разсказов, которые передаются «очевидцами», то они почти целиком не соответствуют действительности». Эти строки написаны К. Каутским после знаменитой денежной реформы Советской власти в 1924 г. Мы хотим спросить «ортодоксального» ученика К. Маркса, упорно не верившего оптимистическим разсказам очевидцев из России, чем об'яснить установление твердого бюджета и твердой валюты, если не экономическими условиями и не экономическим возрождением страны советов.

Следовало бы всем работникам политической и экономической мысли призадуматься над этим вопросом и сделать соответствующие выводы уже не из «окрашенных в розовый цвет разсказов», а из данных совершенно об'ективного характера, кстати сказать, не подлежащих никакому сомнению.

в) Эпоха возрождения.

1921 год открыл новую дорогу оформившимся в гражданской борьбе социалистическим организациям. 1924 год открыл новую эпоху

---

[1]) «Основы советской экономической политики», под ред. В. П. Милютина, 1926 года, стр. 319.

тем социалистическим экономическим организациям, которые твердым своим социалистическим денежным знаком могли вступить на путь бурного социалистического экономического возрождения.

Прежде чем перейти к изложению развертывания социалистических сил, нам надлежит обратить внимание нашего читателя на общий характер развивающегося в Союзе СССР экономического строя. Имея правильное представление об подлинных признаках и основных чертах советского хозяйства, так сильно отличающегося от признаков и черт капиталистического хозяйства, мы сумеем правильно же оценить те материалы, которые дают числовое выражение качественному содержанию развивающегося советского хозяйства.

С двух точек зрения должны мы подойти к настоящему экономическому и культурному развертыванию социализма: с точки зрения количества и качества. Колонны цифр, выявляющие поразительный рост нашего социалистического хозяйства потеряли бы свой блеск, если бы они не показывали развития именно социалистических отношений.

Настоящий экономический под'ем всего нашего хозяйства представляет столь знаменательный и разнообразный комплекс явлений, что все стороны этого процесса нельзя охватить простым взглядом. Мы знаем, что в эдисоновском фонографе находит полное отражение любая вибрация любого звука, но я сомневаюсь, чтобы комплексивный гул нашей, мчавшейся вперед жизни, нашел полное свое выражение даже в этом прекрасном инструменте знаменитого изобретателя. Франсуа Кенэ в экономических таблицах хотел выразить всю суть экономического состояния своего общества, Бокль напрягал все силы своего ума, чтобы распознать движущие силы цивилизации, но мы убеждены, что ни одними этими механическими, статистическими и рационалистическими способами нельзя понять ту структуру социальной жизни, которую своими собственными руками создал русский пролетариат, динамическое движение которого оставляет за собой полеты всех воздушных кораблей капиталистической жизни.

Но мы находимся в глубоком и полном убеждении, что этот новый строй прозрачен и ясен для каждого сознательного рабочего, который, правда, не обладает геодезическим инструментом для определения размеров этого нового строя, не имеет понятия о сейсмографе, для учета колебаний этой жизни, но за то умеет хорошо обращаться с тем своим естественным образом мышления, который именуется диалектическим материализмом, марксизмом, ленинизмом. Этим своим орудием познания рабочий класс прекрасно отбирает мелочи от основного, незначительное от важного, простое от сложного и не путаясь в сложнейших извилинах действительности выявляет все то нужное, ценное, значительное, которое в конце-концов определяет характер, качество и направление новой социалистической жизни.

Что является особенностью социалистической экономики и политики? Если бы мы разложили на составные части всю эту жизнь, то даже невооруженным глазом определили и увидели бы то огромное напряжение энергии, которое направлено на возможно рациональное и производительное расходование средств союзного социалистического общества. Мы часто употребляем выражение «строительство социализма», «мы строим социализм», «социалистическое строительство» и т. д. Это выражение имеет весьма глубокий исторический смысл, характери-

зующий и определяющий переживаемую нами эпоху. Мы, действительно, находимся в том историческом состоянии, когда больше внимания обращаем на производство средств производства, чем на распределение имеющегося богатства. **Не потребление нашего богатства, а производительное использование всех наших ресурсов является основным моментом экономической и хозяйственной деятельности Союза ССР.**

Правда, из года в год улучшается материальное положение рабочего класса, но состояние социалистического общества таково, что в условиях полного капиталистического окружения оно должно иметь гигантские и бурные хозяйственные под'емы, чтобы улучшение материального и духовного состояния трудящихся имело под собой непоколебимую основу.

Как только мы произведем анализ производящихся в социалистической России и капиталистическом Западе расходов на производство, то сейчас же откроется перед нами новый мир, ничего не имеющий с миром капиталистическим, мы сразу обнаружим качественную разницу между социалистическим строем и строем капиталистическим. Система расходования средств имеет исключительно большое значение для характеристики и определения сущности экономического строя страны.

Основным условием всего союзного хозяйственного расцвета, являющегося также характерной чертой социализма, является строжайшая экономия сил и производительное использование буквально всех общественных средств. Капиталистическое общество есть общество, которому совершенно не свойственно производительное использование всех сил всего своего общества. Наоборот, вся система капиталистического способа производства построена на глубочайших экономических противоречиях, и эти капиталистические противоречия создают такие об'ективные условия социальной и индивидуальной расточительности, которые не имеют ничего общего с правильным развертыванием и обеспечением развития производительных сил общества. Капитализм гибнет не от правильного и полного производительного использования своих сил, а именно от недостаточного и неразумного использования их. Об'ективно капитализм является самым расточительным и суб'ективно самым развратным общественным строем, какой только известен истории человечества.

Я считаю необходимым остановиться на некоторых сторонах паразитического хозяйства капитализма, чтобы тем выпуклее, ярче были выявлены основные черты социалистического хозяйства, строющегося в СССР.

Капиталистическая эпоха является эпохой расходования средств на капитал. Но в капиталистическом обществе расширенное воспроизводство капитала происходит не планомерно. Каждый капиталист с техническим прогрессом и увеличением своего основного производственного капитала поглощает менее приспособленных, отставших, более слабых, вытесняя их с рынка, выбрасывая их из общих производственных процессов. Развитие капитализма идет по пути борьбы свободных сил, борьбы между спросом и предложением, перепроизводством и кризисом. Вот эти кризисы являются характерным бичем развития производительных сил. Первые же кризисы первого десятилетия XIX века века навели панику на общество, а Сисмонди первый ужаснулся их итогов.

Свободная игра сил в современном капиталистическом обществе не дает этому обществу полной возможности развить производительные силы. Никакая форма комбинации, известная капиталистическому миру и свойственная ему не гарантирует правильного развития капитализма. До самого последнего времени ни одно направление в буржуазной политической экономии не уразумело эти противоречивые силы, приводящие капитализм к крушению. К. Маркс дал нам ключ к пониманию капиталистической истории, хотя этот ключ не признан представителями буржуазной науки. «Капиталистическое производство,—утверждает Маркс,—отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, **напротив, на известном пункте оно приходит в коллизию с этим развитием».** *) Это генеральное положение научного социализма нужно постоянно помнить, решая вопросы производительности труда. Торгово-промышленные кризисы, свойственные капиталистическому строю, являются показателями только того факта, что капиталистическое общество в чреве своем носит взрывающую это общество бомбу, и что разрушительная сила этой бомбы все время возрастает с наступлением новых кризисов, которые, расширяясь, переходят границы отдельных стран, охватывают весь мир. Но процесс разложения капиталистического хозяйства очнь дорого стоит человечеству, и, главным образом, рабочему классу. После Сисмонди о последствиях промышленных кризисов говорит и К. Родбертус. «Когда заканчиваются сцены уничтожения, и национальная экономия начинает подсчитывать своих мертвецов, то оказывается, что капиталисты потеряли миллионы ценностей, многие тысячи рабочих семейств разорены и никогда уже в своих подвалах и чердаках они не смогут выбиться из нищеты. По мере того, как росло богатство, росла и разрушительная сила этих кризисов, умножались жертвы. Последний кризис (говорится о кризисе 1825—26 г.) нанес имуществу Англии такие раны, что экономисты сомневались, настанет ли когда-нибудь полное исцеление. И все же, кризис 1836—37 г.г. превзошел его. Кризисы 1839—40 и 1846—47 г.г. причинили еще более сильные опустошения, нежели предыдущие кризисы».

В это время «прозводство отчасти или в течение некоторого времени стоит без движения. Невозможно высчитать, как сильно возросло бы еще общественное богатство, если бы государственное хозяйство сумело предохранить его от этих смертельных болезней».[1]) Дальше Родбертус утверждает: «Общественное богатство растет, а спутником этого роста является рост нищеты. Ссзидательная сила производительных средств растет, а результатом является приостановка».[2]) Родбертус приводит расчеты King'a, по которым число бедных в Англии исчислялось в 20% населения, а по de Marogues — 25%. В 1813 году, когда цена на пшеницу достигла 89 шилл., бедных оказалось 44% населения.

В 1750 году налог в пользу бедных составлял 713 тыс. фунт. ст., а в 1810 г.—5.467 тыс. ф. ст., в 1831 г.—8.280 тыс. ф. ст.[3])

Капитализм, как принято говорить, эпоха возрастающего богатства, но эта эпоха является также и эпохой возрастающей бедности.

---

*) Маркс — «Капитал», т. III., стр. 240.

[1]) Родбертус — «Социальное значение государственного хозяйства», стр. 14.

[2]) Ibidem, стр. 58.

[3]) Ibidem, стр. 66—67.

Эта последняя развивается с столь головокружительной быстротой, что даже экономисты типа Родбертуса, пропитанные политико-консервативными взглядами, писали: «Есть величайшая опасность (??—**Т. Гл.**) что они (рабочий класс) предпочтут разрушить культуру общества, чтобы только не нести дальше бедствия этой культуры. Есть величайшая опасность, что новый поток варваров (??—**Т. Гл.**) на этот раз идущий изнутри самого общества, снова опустошит центры цивилизации и богатства. Безумно, видя эту опасность второго переселения народов, полагаться на армию. **Рим завоевали те варвары, которые служили в войсках Рима».** *)

В XX веке, когда капитализм прошел все стадии и формы своего развития, когда он, чувствуя агонию, прибегает ко всевозможным организационным способам существования, было бы чрезвычайно интересно суммировать все те убытки и разрушения, которые капиталистический способ производства причинил человечеству. Почти все авторы учебников курса финансовой науки, изучая расходы современных государств и обществ, приводят сведения, характеризующие паразитизм дворов, войн и др. установлений. Было в миллион раз лучше вместо обсуждения этих менее интересных сведений поработать над исчислениями тех расходов и убытков, которые нанесены капиталистическим строем всему человечеству—тогда мы имели бы цельное и стройное представление о многих вещах. В 1913 году национальное богатство всех главных стран мира исчислялось в 1.183.058 млн. зол. рублей, богатство европейских стран—в 635.485 млн. зол. руб.,—внеевропейских стран—547.573 млн. зол. р.[1]) К. Маркс в III т. «Капитала», в отделе—«Кредит и фиктивный капитал»— приводит некоторые данные об убытках в связи с кризисом 1847 года. «Падение ценности бумаг по сравнению с состоянием их в Феврале того же года, составляло 23 Октября 1847 года»: [2])

На Английские государств. бумаги	93 824 217 ф. ст.
„ акции доков и каналов . . .	1 358 288 „ „
„ железнодорожные акции . . .	19 579 820 „ „
Итого: . . .	114 762 325 ф. ст.

Если буря, вызванная кризисом 1847 года, одним только ценным бумагам трех крупнейших владетелей причинила миллиардный убыток, то учет всего хаоса, растерянности, приостановки производства,[3]) падения цен[4]) кризиса транспорта, всей международной торговли и т. д., и т. д., будут гораздо больше. Капиталистическое производство, приведшее человечество к величайшему обострению борьбы классов, небывалому в истории усилению и вооружению одного класса (капита-

*) **Ibidem**, стр. 57.

[1]) К 1923 году картина распределения национального богатства меняется в пользу внеевропейских стран. В 1923 году из общей суммы в 1.167.086 млн. зол. рубл. на долю внеевропейских стран приходилось 629.622 млн. зол. рубл. См. «Мировое хозяйство», М. НКФ 1926 г., стр. 167.

[2]) «Капитал», т. III, стр. 385.

[3]) В одном только Манчестере во время кризиса 1847 г. 14 Мая из 177 фабрик 98 работали сполна, 50 фабрик работали вполовину, а 29 фабрик совсем не работали. 9.287 рабочих работали наполовину, 9.529 совсем не работали. Нужда среди рабочих растет все больше. См. Родбертус — стр. 50.

[4]) Во время кризиса 1819 г. цены упали на хлопок с 18 пенсов до 7 пенсов, на кофе — с 88 шил. до 50 шил., селитру — с 36 ш. до 23 ш., табак — с 6½ п. до 3½ пенсов и т. д.

листов) для порабощения другого класса (пролетариата), к кризисам, войнам, гражданской борьбе и т. д.—производит такое количество непроизводительных расходов, фактических растрат всей продукции народного труда, что в конце-концов трудно ориентироваться—действительно ли капитализм привел человечество к абсолютному богатству. Если произвести подсчет всем бедствиям и потерям, вызванным и обостренным капиталистическим способом производства, т.-е. стоимость всех революций, всех реакций, всех торгово-промышленных и земледельческих кризисов, всех гражданских войн, всех междоусобных и межгосударстенных военных кампаний, всякого рода забастовок, стачек, приостановок производства, торговли, падения и повышения цен, всех человеческих жертв, а также стоимость содержания военно-гражданских армий и учреждений, связанных исключительно с существованием капитализма, капиталистических локаутов, института нищих, инвалидов и калек, созданных капитализмом, нерациональное и никому ненужное устройство городов и неслыханная растрата национальных благ на излишество, роскошь, перед которыми бледнеют все оргии времен всех помпадуров и т. д., и т. п., то подсчет показал бы сумму бедствий, которыми капитализм наделил цивилизацию и человечество. Капиталистический строй со своим буржуазным правопорядком самый бурный, самый неспокойный, самый неуравновешанный строй из всех известных мировой истории. Но этот строй создает условия развития новой общественной жизни, именуемой социализмом. Обратите внимание на всю систему баснословно дорогих капиталистических рингов, трестов, синдикатов, всевозможных фиктивных акционерных обществ и кампаний, развернувших свою аферистическую деятельность в мировом масштабе, в существовании коих абсолютно нет какой-либо необходимости, а также связанную с этим спекулятивным размахом торгово-промышленного капитала невиданную доселе сеть репортажа, рекламы, об'явлений, всю сеть кабелей, специальных газет и журналов для анонсов, постоянных и передвижных выставок, использование фото, кино, театров, всевозможных зрелищ, общественных мест, садов, скверов, площадей и т. д. и т. д., для для одурачивания потребителей, и вы легко представите себе содержание тех расходов, которыми так характеризуется наш европейский капиталистический мир. Что стоит современному миру, с такой ожесточенностью ведущаяся классовая борьба, борьба партий, религиозных корпораций, безчисленное количество церквей, монастырей, клубов, арестных домов и казематов, правосудие и судопроизводство, обслуживающие только господствующую кучку капиталистов, парламентские кризисы, министерские кризисы, все выборные кампании в парламенты, выборы городских и общинных организаций, вся система организации шпионов и жандармов, всевозможных палат и сенаторов, существование коих оправдываемо только системой синекур, или вся стоимость инвалидной бюрократии, вся деятельность которых в эпоху своей молодости сводилась к неразумному прожиганию жизни... Учтите всю эту олигархию, порожденную анархией капиталистического способа производства и вы осознаете всю тяжесть и несоизмеримость глупейших расходов, которыми так пропитано современное общество. Ни один германский ученый, славившийся своей кропотливой работой, не удосужился произвести этот чрезвычайно важный подсчет, ни один болтливый француз не раскрыл нам эту кар-

тину, ни один англичанин не выявил нам природу этих бедствий. Утописты считали, что для нормального развития производительных сил и поддержания темпа культурного строительства при условии и реорганизации всего настоящего социально-экономическо уклада будет вполне достаточен 2—4 часовой трудовой день. Без сомнения, эти гипотетические данные при полном и всеобщем устранении капиталистической вакханалии приобретают совершенно реальный характер.

Стоит только бросить беглый взгляд на русское социалистическое общество, на отношения, существующие в СССР, чтобы сейчас же понять и увидеть ту пропасть, которая отделяет этот мир от всего остального капиталистического мира.

Но мы увидим у же пропасть между социалистическим миром и миром капиталистическим, если посмотрим на направление производительных сил капиталистического общества с другой стороны. Нужно весьма и весьма критически относиться не только к внешним формам расточительности производительных сил капиталистического общества, но и к характеру непосредственного производства. **Социалистическое общество является не только производящим обществом, но оно дает нам совершенно новые виды производства и уничтожает ряд производств, имеющих в капиталистическом обществе основное значение.** Когда, например, в первобытном обществе человек принимал непосредственное участие в постройке дороги, то эти дороги ему нужны были непосредственно и он понимал значение и цель своей работы, ибо эти дороги служили прямым его интересам.

Разве дороги ныне обслуживают эти интересы? Капиталистический мир строит дороги совершенно по иным соображениям, он руководствуется не интересами данного общества, а чисто капиталистическими соображениями, потребностями прибылей, войны, стратегии, рынков. Можно с полной ответственностью заявить, что в будущем плановом социалистическом обществе главные дорожные артерии будут совершенно перекроены и перестроены, сообразуясь с насущными и непосредственными интересами общества.

Огромные раходы на современное государство также не вызваны интересами организованного общества. Все современные государства представляют из себя организованную защиту частной собственности, организованную силу для ведения войн, чтобы тем самым проводить по соответствующим каналам товары, овладевать рынками, охранять свои предприятия и т. д. Английское правительство предполагает устроить сингапурскую базу стоимостью свыше ста миллионов зол. рублей, но эта база нужна исключительно английским торговцам, промышленникам, как база товарно-военная. Постройка Суэцкого канала и сооружение канала в Колумбии-Панамы, об'ясняется исключительно колониально-империалистическими соображениями, а не соображениями экономического благосостояния жителей района Суэца или Колумбии. Сотни миллионов рублей были израсходованы только для того, чтобы Англия и Америка смогли задушить сотни миллионов жителей Китая, Индии, Африки и других стран. Суэц и Панама являются классическими образцами неестественного приложения капитала, порабощения народов, расхищения их богатств. Израсходовать сотни миллионов для того, чтобы выжать большее число сотен миллионов,—вот единственный мотив этих капиталистических расходов. И такие сотни миллионов рублей им-

периализм продолжает выбрасывать еще настойчивее, чем прежде. Мы сказали только что о Панаме, но ведь этот канал не начал еще функционировать, как оказался недостаточным для еще более величественных целей американского империализма. Английский писатель Томас Ашкрофт совершенно справедливо отметил, что панамский канал слишком тесен для свободного маневрирования современных дредноутов и назревает настоятельная необходимость расширения канала.[1]) Тут интересы «местного населения» выражены с циничной откровенностью! Но Соединенные Штаты давно переросли панамский канал и сейчас занялись никарагуазскими делами, для того, чтобы подарить империалистическому миру новый грандиозный канал, соединяющий Великий океан с океаном Атлантическим!

Мы смеем думать, что не найдется ни одного добросовестного читателя, который подвергнул бы сомнению тот факт, что эта вакханалия затрат национальных средств с точки зрения здоровой оптимально-производственной не выдерживает элементарной критики.

Действительно, огромные расходы капиталистического общества являются совершенно непроизводительными. Капитализм не только не уничтожил паразитизма античного общества, но развил его, придав ему только иные формы. Но капитализм не только не ограничивается расходами на паразитизм,—он делает паразитарными даже те расходы, которые были произведены с производственными целями. Этого явления не знает ни одна эпоха человеческой истории, эти явления присущи только капиталистическому строю, они показывают только то, **что капиталистическое общество со всеми своими расходами является паразитарным и в том случае, когда оно производит непроизводственные расходы, и тогда, когда оно делает расходы с производственными целями.**

Спрашивается, сколько мы видим фабрик, заводов, мастерских и разных предприятий, оборудованных новейшими техническими орудиями, но стоящими без всякого дела только потому, что они были построены совершенно без всякой необходимости и приостановлены сейчас по мановению дирижерской палки какого-нибудь треста или комбината.

Капиталистический мир научил современное передовое общество тому, что не только расходы на потребление буржуазии являются паразитарным явлением, но и расходы на производство, производимые буржуазией, являются также паразитарными расходами. Капиталистическое общество обанкротилось и оно не способно делать производительных расходов. Дальше: крупнейшим рычагом экономического расцвета, без сомнения, являются высшие формы технического творчества. Расходы на всякогорода изобретения и технические усовершенствования должны быть символом веры любого прогрессивного общества. Капиталистическое общество не только не поощряет эти изобретения, имеющие величайшее значение в деле раскрепощения труда и господства труда, но искусственнейшим образом задерживает их, превращая эти открытия и изобретения в монополию привеллигированных предпринимателей и в секреты буржуазного общества. **Капиталистический способ производства возник, как свободная борьба сил, но он превратился в замкнутое общество, в общество монополистическое, в общество закрепощения всех живых творческих сил.**

[1]) Ашкрофт — «Современный империализм», стр. 112—125.

Социалистическое общество, естественно, не может механически продолжать производственные процессы, известные капиталистическому миру: оно произведет полную реконструкцию всего старого хозяйства и на началах заранее определенного плана, на всегда откажется от ряда производственных предприятий, расчитанных на вкус и разврат буржуазного общества. Оно совершенно видоизменит также всю географию промышленности и никакой Альфред Вебер не охватит столь полно принцип рационального размещения промышленных организаций, как это сделает пролетариат, руководимый своим социалистическим Госпланом. Только при социализме, только при действительно реальном и рациональном размещении производительных сил страны будут раз навсегда искоренены системы гакатистов, Ганземанов, Тидеманов и прочих манов в Германии, угнетающих инородцев Пруссии, Познани и пр. Только при социализме будут экономически и политически освобождены национальности, которые только в этом случае найдут отдых от системы колонизации, перенятой современными капиталистическими сатрапами от сатрапов времен Цезаря.

Во всех процессах экономической жизни противоречивые силы и отношения являются основными для буржуазного общества. Эти противоречия, вытекающие из анархических процессов производства и конкурентная борьба сил, создают условия для образования системы цен и ценностей капиталистического общества. Цена, заработная плата, виды производства, культурные отношения в капиталистическом обществе не имеют никакой твердой базы и подвержены случайным колебаниям, в зависимости от колебания сил в экономической борьбе.

Стоит только подойти к общим условиям советской действительности, чтобы увидеть мир не имеющий ничего общего с миром, охарактеризованным нами выше. Производство предметов, необходимых для сохранения и развития человеческого общества, определяется в Союзе не ценами, какие стоят на эти предметы, а потребностями общества. Общество Союза является единственным обществом в мире, где кон'юнктура цен не имеет абсолютно никакого значения в развитии той или иной отрасли хозяйства. Это общество является единственным обществом в современном мире, где цены на предметы устанавливаются самим обществом и где эти цены не подвергаются измнениям под влиянием рыночных отношений, свойственных капиталистическому строю. Это общество является единственным обществом, в котором все производство предметов, нужных для населения, заранее определяется государством, которое составляет пятилетний план и ежегодно публикует для сведения всего общества те вложения капиталов, кои определяют вид и характер производства. Это общество является единственным обществом в мире, в котором буквально все строительство расчитано на действительные потребности и поднятие производственных сил населения. Это общество является единственным обществом в мире, где всякое достижение науки, техники, опыта, изобретения немедленно находит применение и где производится открытая и упорная борьба за технические усовершенствования и рационализацию. Это общество является единственным обществом в мире, где каждое предприятие выполняет свою производственную задачу, где не происходит искусственной капиталистической консервации фабрик и заводов, где средства производства социалистического общества дают обществу максимум того, что они спо-

собны дать. Это общество является единственным обществом в мире, где производство благ организовывается там, где имеются на то естественные условия и тем достигается огромная экономия сил и средств, неизвестная капиталистическому миру. Это общество является единственным обществом в мире, где труженики различного рода производств получают вознаграждение по заранее определенному плану, который устанавливает это вознаграждение не считаясь с состоянием данной отрасли труда, а исходя из состояния всего народного хозяйства. Общество Союза является единственным обществом в мире, где общие условия труда заранее определяются профессиональными и государственными органами, где каждое новое производство обязательно строится на здоровых началах гигиены и санитарии. Это общество является единственным обществом в мире, где отсутствует кон'юнктурное колебание в определении размера вознаграждения за труд и где уровень заработной платы находится в состоянии неуклонного под'ема. Союз является единственным обществом в мире, где вводится семичасовой рабочий день и где немыслимо увеличение рабочего времени никакими соображениями, исходящими из выгодности или невыгодности данного производства. Это общество является единственным обществом в мире, где немыслимо перепроизводство товаров, столь характерное для капиталистического общества, где исключена всякая возможность кризиса. Это общество является единственным обществом в мире, которое не знает, что такое локаут, т. к. никто не имеет права прикрыть двери наших предприятий и сказать рабочим—идите вон, согласитесь на уменьшение заработной платы, удлинение рабочего дня. Общество Союза является единственным обществом в мире, где не происходит никакой борьбы между отраслями производства, между силами различных областей хозяйства, где нет никакого сговора в производстве, направленных против трудящихся. Это общество является единственным обществом в мире, которое не знает стачек, забастовок, периодических кризисов и противопоставления города деревне. Это общество является единственным обществом в мире, где не существует никаких производств и строительства в стратегических и империалистических целях, где правительство не отделено от общества и его производства, как это бывает в капиталистическом мире. Общество Союза является единственным обществом в мире, где каждый член правительства получает такое же вознаграждение, как квалифицированный рабочий, где уничтожены всякого рода сословные различия, где государство не отпускает ни одной копейки на церковь, монастыри, где нет званий, обезпечивающих пожизненную доходность, где нет рантье, синекур и пенсий нетрудовому элементу. Это общество является единственным обществом, где все и вся использовывается для под'ема производительных сил, где каждая копейка направляется на просвещение и здравоохранение населения. Обратите внимание на советское правительство, оно является единственным правительством, являющимся не только правительством управления и администрации, а правительством всего народного хозяйста в целом, непосредственно занятого процессами производства.

Можно было бы без конца продолжать эти сравнения, но достаточно и этого. Из этого краткого перечня всякий может усмотреть явно социалистический характер социально-экономического состояния СССР. Это общество является самым производственным, самым рациональ-

ным, самым экономным, самым естественным, какое только известно истории человечества.

Конечно, оно еще имеет огромные недостатки. И в этом отношении это общество является единственным обществом в мире, которое говорит о своих недостатках больше, чем любая пресса любого общества в мире. Мы знаем, как эту самокритику глупо и невежественно использовывают враги этого социалистического общества, **но нужно знать, что эти недостатки происходят, во-первых, от того, что молодой Союз еще не освободился от недостатков, унаследованных от самого дефективного общества, каким является общество капиталистическое** из которого он вышел и, во-вторых, эти недостатки происходят от того, что Союз является первым социалистическим обществом в мире, к тому же самым молодым, окруженным врагами и вредителями.

Мы великолепно знаем и учитываем эти недостатки, но эти недостатки являются не органическими недостатками, а недостатками, исчезающими вместе с ростом социалистических сил. **Чем дальше идет капиталистическое общество и чем больше оно развивается, тем недостатки капиталистического общества становятся огромнее и глубже, эти органические недостатки в конце-концов опрокидывают и разваливают капиталистическое общество. Наоборот, чем больше и больше развивается социалистическое общество, тем более плановым оно становится, тем шире охватывается народное хозяйство, тем быстрее освобождается оно от недостатков.**

Если посмотреть об'ективными беспристрастными глазами на динамику развития СССР, видно, что обобществленное социалистическое общество идет быстрыми шагами вперед, что производство даже самых тяжелых форм промышленности развивается очень и очень быстро. Это развитие мы имеем в условиях социалистической системы производства после пережитых ужасов мировой войны и гражданской бойни в стране раззоренной и разгромленной больше любой страны в мире. **Эта социалистическая страна ныне экономически и культурно развивается, несомненно быстрее, чем, например, Великобритания, которая уже несколько столетий не видела на своей территории нашествия врагов и раззорения войны. Быстрый рост народного хозяйства СССР происходит в совершенно исключительных условиях, когда ни одна капиталистическая держава Европы, даже победившая в мировой войне, не могла сдвинуть свои производственные отношения с мертвой точки без усиленного кредитования американским капиталом; эта страна идет быстрыми шагами вперед без всякого кредитования извне и, даже наоборот, когда это «извне»—только лишь ставит палки в экономические колеса жизни.** Каким же образом все это происходит? **Это происходит потому, что социалистическое общество является обществом плановым, обществом рационального производства, обществом самым экономным, самым производительным, самым целесообразным.** Если бы мы не имели социалистических отношений, не имели бы и бурного экономического расцвета, не имели бы величайшей эпохи социалистического возрождения.

Обратимся к фактам из жизни СССР. Мы упоминали выше одну фразу Каутского о России: «Хирургическая операция удалась блестяче, пациент умер». Умерла ли Россия? Падают ли силы социализма? На это сейчас даже Каутскому трудно ответить. Каутский сейчас

находится в некотором сомнении. Он пишет: «Если бы большевикам удалось снова оживить промышленность в современной России, тогда бы ничто не смогло поставить преграду новому оживлению самостоятельного пролетарского движения и его окончательная победа не подлежала бы сомнению». Но эти мысли Каутского о советской России не имеют решительно никакой цены. Если бы Каутский оставался хотя бы честным противником, он во всеуслышание заявил бы мировому пролетариату, что его предсказания о большевиках в 1918—20 г.г. оказались ошибочными. Когда до него доносятся слухи, хотя бы о некоторых гигантских сдвигах и росте социалистической промышленности, он, как честный политический деятель, должен сказать: товарищи, мы, как будто ошиблись в отношении большевиков. Давай-ка сами поедем, посмотрим своими глазами, пощупаем своими руками жизнь советов, чтобы удостовериться действительно ли существует у них плановое хозяйство и действительно ли осуществляется у них этот план. Так бы сделал каждый честный политический деятель, тем более именующий себя социалистом. Но Каутский этого не делает; он былы бы рад если бы его предсказания исполнились, т.-е. если бы Россия действительно погибла. Но К. Каутский к нам не приедет, т. к. **его приезд к нам будет торжественными похоронами всей его политики.**

Теперь относительно фактов нашей жизни. Мы действительно имеем в СССР колоссальнейшие сдвиги, мы действительно идем гигантскими шагами вперед. Но совершенно определившееся и неуклонное движение мы имеем, главным образом, после денежной реформы. Естественно, что это движение вперед имеет свои характерные особенности. Во-первых, не все имевшиеся до войны производства Союз восстанавливает, некоторые производства уничтожены навсегда, и, во-вторых, экономический под'ем Союза до сих пор носил некоторый секторальный характер. Союз до сих пор ещ находился в том состоянии, когда приходилось лишь **постепенно подходить** ко многим отраслям нашего хозяйства, постепенно и все больше и больше охватывать народное хозяйство в целом, чтобы, таким образом, пустить всенародное хозяйство в целом по своему историческому пути.

Но чрезвычайно характерно, что на какую бы только отрасль хозяйства Союз не обратил внимания и средств, все эти начинания оканчивались блестящими успехами. Союз СССР не потерпел поражения ни на одном производственном фронте. Правда, с большими трудностями, но везде он одержал победу.

В первую очередь я обращаю внимание на состояние топливного баланса промышленности, имеющего характеризующее значение для всего народного хозяйства. Возьмем движение по некоторым видам:

	В 1920 г.	1921 г.	1922 г.	1925 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.[1]
1 Кам. уг. в млн. т.	7,7	8,6	8,7	17,6	32,1	35,4	41,1
2. Нефть	3,8	4,0	4,9	7,2	10,2	11,6	12,8
3. Торф	—	—	—	4,3	5,9	6,9	7,7
4. Эл. энергия клв. ч.	—	—	—	3250	3920	5140	6600

По крупнейшим статьям социалистической промышленности мы имеем за 10 лет поразительно быстрый рост, означающий полный промышленный переворот. Чтобы иметь полное представление об этом перевороте, мы сравним только две колонны цифр за 1913 и 1929 г.г.

---

[1]) Сведения за 1929 г. являются производственным планом.

	В 1913 г.	В 1929 г.
1. Кам. уголь в млн. т. . . .	28,9	41,1
2. Нефть	9,3	12,8
3. Торф	1,6	7,7
4. Эл. энергия клв. ч.	1945	6600

Навряд ли мы найдем во всей Европе столь мощный сдвиг, какой мы имеем в этих отраслях промышленности. К этому же нельзя не прибавить, что вся каменноугольная промышленность, а также промышленность нефтяная и электрическая, в довоенное время находились большей частью в руках европейского капитала, европейской техники, европейских специалистов. Большевистский Союз СССР главным образом своими местными силами возстановил эти важнейшие и основные отрасли нашего народного хозяйства и показал пример, достойный удивления.

Возьмем сейчас некоторые сведения по машиностроению, имеющему исключительно большое значение в деле индустриализации и технического усовершенствования страны. К слову сказать, эта отрасль промышленности тоже находилась до войны в большей своей части в распоряжении иностранного капитала. Так вот картина по машиностроению:

	В 1913 г.	В 1926 г.	В 1927 г.	В 1928 г.	В 1929 г.
1. Двит. внутр. сг. в 1000 HP	26,5	53,7	72,5	106,9	150,0
2. Турбины	—	20,0	41,0	60,0	142,5
3. С. Э. машины млн. р.	67,0	70,0	93,0	125,0	162,0

Нашим читателям известно, как оценивал Ленин в своем «Развитии капитализма в России» 50 и 80 процентные под'емы промышленности в 90—900 г.г. Он считал аналогичные под'емы за десятилетия целым переворотом в экономической жизни. Как жаль, что этому великому вождю пролетариата не приходится быть свидетелем величественных под'емов созданной им системы управления народным хозяйством! **Эти сдвиги и под'емы для всей истории человечества имеют исключительно большое значение, т. к. это развитие производится исключительно силами рабочих, силами социалистического общества, силами красных директоров, вышедших из рабочих масс.** Эти явления и факты опрокидывают все теории классической политической экономии, утверждающей исключительно решающее значение для промышленности предпринимательского духа, что как-будто свойственно только лишь капиталистам, этим верховодам частного интереса и частной инициативы.

Обратимся сейчас к химической промышленности. Производство

	Соды	Суперфосфата	Серной кислоты
	в тысячах тонн		
В 1913 г.	154	55	150
„ 1926 „	137	80	159
„ 1927 „	171	90	140
„ 1928 „	205	150	208
„ 1929 „	249	261	302

По многим отраслям промышленности мы имеем продукцию больше довоенной, главным образом, по химической промышленности, а также по выработке электрической энергии, машиностроению и т. д. Характерной особенностью всей нашей промышленности в настоящее время является стремление к гигантским предприятиям, постройкам, которые являются совершенно исключительными и редкими даже в богатой Европе. Днепрострой и связанные с ним предприятия являются весьма характерными для социалистического промышленного строительства. На Днепрострое устанавливаются гидравлические турбины мощ-

ностью в 90 т. с. каждая. Столь мощной турбины до сего времени не знает техника всей Западной Европы. Общая мощность установки Днепростроя выражается в 900 тыс. лош. сил, и она является единственной во всей Европе силовой установкой такого масштаба. Следующие промышленные гиганты сооружаются вокруг этой станции: Запорожский металлургический завод с годовой производительностью в 650 тыс. тонн чугуна, стоимость этого завода определяется в 180 млн. рублей. Завод «Днепрострой» стоимостью в 42 млн. р., 11 химических заводов—22 млн. р. и т. д. Весь этот комбинат не менее грандиозен по своим замыслам и размахам, чем мировые гиганты—Суэц и Панама, хотя об этом комбинате, в строительном отношении имеющем мировое значение, очень мало говорят присяжные агенты мирового капитала.

Но и по другим видам промышленности социалистическое хозяйство достигло значительных успехов. Так, например, мы имеем следующую картиину по производствам:

	Хл.-бум. пража.	Хл.-бум. ткани.	Шест. ткани
	В миллионах метров		
В 1913 г.	271	2250	95
„ 1926 „	240	2021	65
„ 1927 „	277	2452	83
„ 1928 „	322	2695	96
„ 1929 „	361	2900	105

Для нас здесь имеют огромное значение не только абсолютные итоги какого-либо определенного года, а преимущественно динамическое состояние различных отраслей народного хозяйства. Самые необходимые предметы, имеющие характер широкого потребления, естественно, привлекают особенное внимание советских руководящих органов. Развитие производства предметов широкого потребления дает следующую картину:

	Сах. песок.	Соль.	Галоши.	Спички.
В 1913 г.	1290 т. т.	1978 т. т.	28,0 млн.	3757 млн. ящ.
„ 1926 „	1063 „ „	1537 „ „	25,1 „	4035 „ „
„ 1927 „	—	2061 „ „	29,6 „	4250 „ „
„ 1928 „	1340 „ „	2246 „ „	36,9 „	5500 „ „
„ 1929 „	1450 „ „	2435 „ „	41,5 „	6400 „ „

Правда, по очень многим отраслям народного хозяйства Союз еще не достиг довоенного уровня, но последние годы пореформенного (имею ввиду денежную реформу) периода наше хозяйственное развитие идет с такой быстротой, что нужно всего несколько лет, чтобы навсегда забыть производственные пики 1913 года. Произодство металла в млн. т.

	В 1913 г.	1926 г.	1927 г.	1928	1929 г.
1. Чугун . . .	4,2	2,2	3,0	3,3	3,9
2. Мартен . .	4,2	2,8	3,6	4,0	4,5
3. Прокат . .	3,5	1,2	2,7	3,2	3,5

Подобным процессом быстрого развертывания производственных сил охвачены буквально все стороны нашего хозяйства, включая сюда и сельское хозяйство

По всей промышленности в целом мы имеем следующую картину продукции в миллиардах рублей по довоенным ценам:

	Вся промышлен.	В т. ч. фабр.-зав. промышлен.
В 1913 г.	8,43	6,39
„ 1916 „	9,22	7,42
„ 1919 „	1,95	0,95
„ 1922 „	2,54	1,44
„ 1925 „	5,65	3,96
„ 1928 „	10,08	8,14

Эти сведения, разработанные Госпланом Союза СССР (см. «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», том. I, М. 1929 г.) дает нам прекрасную общую картину экономического состояния и развития СССР. *)

Мы должны отметить следующее: первые годы управленческого периода, т.-е. после 1921 года наша экономическая политика имела некоторый секторальный оттенок. Весьма возможно, что секторальные процессы в советском хозяйстве создали впоследствии те социально-экономические уловия, когда приходилоь говорить о теории и практике ножниц, т.-е. о некоторых диспропорциях в развитии различных отраслей хозяйства.

Мы дали справку о тяжелой индустрии, которая определяет характер развития нашего хозяйства. На Ноябрьском Пленуме ЦК ВКЦ (б) тов. Сталин говорит: «Если индустрия является ведущим началом, то сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии и как поставщик сырья и продовольствия и как источник экспортных резервов, необходим для того, чтобы ввести оборудование для нужд народного хозяйства. Можно ли двигать вперед индустрию, оставляя сельское хозяйство в условиях совершенно отсталой техники, не обезпечивая для индустрии сельско-хозяйственной базы, не конструируя сельское хозяйство и не подгоняя его

*) Мы не можем еще раз не вспомнить упомянутого нами профессора государственного университета в Мюнхене Адольфа Вебера, который считает все хозяйственное творчество народов СССР одним лишь неудачным экспериментом. Все статистические показатели состояния народно-хозяйственной жизни Союза всякому наблюдателю показывают, что Союз давно вышел из состояния экпперимента, и что советское хозяйство делает крупнейшие успехи в жизни, которым может позавидовать любая первоклассная страна Европы. Чтобы представить себе об'ективное отношение немецкого профессора к советскому возрождающемуся хозяйству отмсчу только что проф. Вебер не приводит абсолютно никакого статистического материала из жизни основных отраслей промышленности и довольствуется только лишь сучайной корреспонденцией «Vossische Zeitung», отмечающий наличия хлебных очередей в Ленинграде. И подобная поверхностная, чтобы не сказать, детская работа, выдерживает в Германии второе издание!

Названный профессор не только пишет о вещах, о которых не имеет ни малейшего представления, но не понимает также сути предмета, о котором дает информацию какой-то легкомысленный корреспондент. Как раз хлебные очереди (да будет известно достопочтенному корреспонденту, что их давно нет) показывали нам весь своеобразный характер социалистической жизни Союза. В 1928/29 году Союз действительно имел хлебные затруднения в связи с недородом на Украине и на Северном Кавказе, но эти затруднения рабочее правительство решило перенести без всякого ущемления хозяйственному строительству страны введением системы рационализации в потреблении хлеба. 1—2 десятка миллионов рублей могли быть совершенно достаточными, чтобы корреспондент «Vossische Zeitung» не мог бы написать корреспонденцию о хлебных очердях, но советское правительство не сократило плановых ассигнований на промышленность даже на эти 1—2 десятка миллионов рублей и не пустило их на нужды потребления.

Веберы должны знать, что подобные затруднения могут иметь место и в будущем, но сила советского правительства в том и заключается, что сквозь всякого рода возможные затруднения и лишения оно твердо продвигается вперед и ни на одну секунду не задерживает темпа роста основных отраслей народного хозяйства и не ущемляет ни на одну копейку ассигнований на реконструкцию и возрождение всей социалистической жизни.

Нужно твердо знать и навсегда запомнить, что **характерной особенностью современной советской жизни является устремление, главным образом, в сторону производства, а не потребления. Советский Союз является сейчас в первую очередь производящей страной,** производственный момент стоит в центре внимания всего трудового населения страны, **и моменты потребления служат и обеспечивают именно развитие этих производственных процессов.**

к индустрии? Нет, нельзя». Дальше: «Необходимо ускорить и двинуть вперед дело реконструкции сельского хозяйства на новой технической базе». [1]) Эта речь тов. Сталина является весьма знаменательной. Нас здесь может интересовать не только то, что пред нами открывается правильная политико-экономическая программа государственной деятельности, а, главным образом, то, что эта речь является полным отражением нового этапа в развитии всего нашего хозяйства. Нужно отметить, что **Союз СССР оставляет период секторального развертывания народного хозяйства и переходит к полному охвату народного хозяйства в целом:** 1929 год знаменует собой большие хозяйственные достижения страны и речь Сталина является отображением этих достижений, она знаменует полный охват всего народного хозяйства. Дальнейшее развитие социалистического строительства должно обеспечить, как мощное разворачивание тяжелой и легкой промышленности, так и мощное развитие и оформление социалистической реконструкции всего сельского хозяйства.

Конечно, наше изложение вопроса ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что советская власть до сих пор не обращала внимания на сельское хозяйство. Это было бы сплошной фальсификацией всего анализа социалистического хозяйства и социалистической политики СССР. Каждый метр бумажной ткани, вырабатываемый легкой промышленностью или каждая тонна чугуна, производимая тяжелой индустрией также является прямым обслуживанием сельского хозяйства и означает развитие его производительных сил. **Сельское хозяйство Союза страдает не от того, что слишком быстро идет развитие тяжелой индустрии, а, главным образом, от того, что эта тяжелая индустрия— недостаточно развита.** Это нужно запомнить раз навсегда и следует запомнить очень твердо. Помимо этого обстоятельства нам нужно помнить и следующее: Промышленность, как хозяйство городское, является хозяйством не сезонным и вместе с тем искусственным, тогда как сельское хозяйство является хозяйством сезонным и отчасти естественным. Естественный момент в сельском хозяйстве всегда, при всех условиях будет иметь место, но чем слабее зависимость сельского хозяйства от естественно-стихийных явлений, тем сильнее оно, тем равномернее происходит его развитие. Поэтому, усиление искусственных начал в сельском хозяйстве, т.-е. перевод сельского хозяйства на технические рельсы обеспечивает его относительную устойчивость и ослабляет его зависимость от случайных моментов стихии, недородов и т. д. Но **создание этой искусственно-технической базы сельского хозяйства всецело зависит от степени развития индустрии. Только мощное развертывание промышленности превращает все сельское хозяйство в хозяйство искусственное иустойчивое.** Машинные, технические, удобрительные, ирригационные, мелиорационные, семенные условия освобождают сельское хозяйство от естественно-стихийных явлений. Таким образом, развитие городской промышленности есть ни что иное, как один из общих процессов индустриализации всего народного хозяйства, процесс мощного развития и под'ема сельского хозяйства.

Экономические процессы в СССР всегда будут вносить путаницу в головы теоретиков и практиков советского хозяйства, если только бу-

[1]) Речь тов. Сталина — «Правда», от 24-го ноября 1928 г.

дут забыты своеобразные условия, в которых приходится существовать социалистическому Союзу. На эти общие условия страны, определяющие наши внутренние и внешние отношения, обращает наше внимание тов. Сталин. Он говорит: «Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы так остро и в том случае, если бы мы представляли не единственную страну диктатуры пролетариата, а одну из стран пролетарской диктатуры, если бы мы имели пролетарскую диктатуру не только в нашей стране, но и в других более передовых странах, скажем, в Германии и Франции. При этом условии капиталистическое окружене не могло бы представлять для нас серьезной опасности, какую оно представляет теперь; вопрос об экономической самостоятельности нашей страны, естественно, отошел бы на задний план, мы могли бы включиться в систему более развитых пролетарских государств, мы могли бы получить от них машины для оплодотворения нашей промышленности и сельского хозяйства, снабжая их сырьем и продовольственными продуктами, мы могли бы, следовательно, развить нашу индустрию менее быстрым темпом». (Упомянутая речь тов. Сталина). Нам следует сделать из этих совершенно правильных политико-экономических положений соответствующие выводы. Во-первых, тот общий вывод, что все развитие советской экономической жизни, при наличии только что указанных международных условий, приобретает некий искусственный характер, а, во-вторых, вывод, имеющий большое значение для сельского хозяйства, т.-е., что некоторые виды промышленности должны быть во что бы то ни стало освобождены от зависимости внешнего мира. **Ни один сектор нашего общего хозяйства не является столь массовым, т.-е. столь народным, как сельское хозяйство. Ни по экономическим, ни тем более по соображениям политическим нельзя допустить, чтобы каждая клетка сельского хозяйства, каждое крестьянское хозяйство находилось в постоянной экономической зависимости от иностранной промышленности.** Мы не можем говорить, ни о какой прочной основе сельского хозяйства, пока сама советская промышленность не обезпечит сельское хозяйство техническим оборудованием. **Мы не можем говорить ни о какой реальной смычке между крестьянами и рабочими, пока крестьянское хозяйство не будет иметь экономической и технической смычки со своей промышленностью.** Мы не можем говорить ни о какой реальной политической силе среди крестьянства, пока крестьянское хозяйство не сможет удовлетворить своих основных потребностей произведениями своих фабрик и заводов. Таким образом, вопросы индустрии для всего сельского хозяйства приобретают исключительно большое экономическое и политическое значение; правильное разрешение вопросов индустрии является основами действительной смычки между городом и деревней, между рабочим и крестьянином.

Из речи тов. Сталина ясно видим, что не следует противопоставлять промышленность сельскому хозяйству, город—деревне, рабочего—трудящемуся крестьянину. Как видно из всего этого коммунисты ничего общего не имеют с меркантилистами, видящими в денежных мешках благосостояние страны, они не имеют ничего общего с физиократами, приписывающими сельскому хозяйству основное и превалирующее значение над прочими секторами народного хозяйства, они не имеют ничего общего с смитианизмом, переносящим центр тяжести в индустрию; коммунисты берут народное хозяйство в целом, народное

хозяйство, как органическое целое и, трудно указать, какие отдельные процессы имеют для страны более важное значение.

Однако, техническое обезпечение сельского хозяйства; его реконструкция на началах социалистического производства, внедрение культурных приемов обработки земли, а также химизация и применение селекционных семян, системы севооборота и т. д., требуют огромного напряжения энергии, больших организационных мероприятий. Несмотря на эти трудности в области сельского хозяйства мы видим крупные достижения. Чрезвычайно знаменательно, что процесс развития сельского хозяйства в СССР с самого начала революции пошел по линии расширения так называемых трудоемких культур, культур более ценных, дорогих по стоимости и технических по характеру. Индивидуальное «парцельное» крестьянское хозяйство в этот момент создавало этим техническим культурам об'ективно своеобразные условия. Так, например, мы имели посевную площадь:

	В 1913 г.		В 1927—28 г.
Зерновых культур .	102,7 млн. га.	—	97,2 млн. га.
Технических	5,5 „ „	—	7,3 „ „

Эта табличка чрезвычайно знаменательна по своему содержанию, из нее мы видим, что в сельском хозяйстве развитие технических культур постепенно приобретает большое значение. Этот процесс в сельском хозяйстве должен быть углублен и развернут.

Как мы видим из вышеприведенной таблички в отношении зерновых культур Союз не достиг еще довоенной нормы, хотя по всем видам посевов в 1927/28 г.г. мы имеем довоенный уровень. Посевная площадь всех культур:

В 1913 г.	113,7 млн. га.
„ 1925 „	106,0 „ „
„ 1926/27 г. . .	112,4 „ „
„ 1927/28 „ . .	115,1 „ „

Из этого поступательного хода крестьянского труда чрезвычайно характерно следующее: крестьяне все большее внимание обращают на производство более ценных культур. Если мы выделим пшеницу, рожь и кукурузу от овса и ячменя, динамика сельского хозяйства покажет картину особенно ценную для характеристики и анализа всего сельского хозяйства:

	1-я группа:	2-я группа:
В 1925/26 г.г. . . .	58,1 млн. га.	19,6 млн. га.
„ 1926/27 „ „ . . .	61,5 „ „	23,6 „ „
„ 1927/28 „ „ . . .	63,2 „ „	25,0 „ „
„ 1928/29 „ „ . . .	59,1 „ „	24,5 „ „

Рожь за это время почти что сохраняет довоенную площадь, пшеница быстрыми шагами идет к довоенной норме, кукуруза удваивает и утраивает эту довоенную площадь, тогда, как овес, в особенности, ячмень, сокращает посевную площадь, этот же процесс мы видим в более развернутой таблице. Посевная площадь в млн. га.

	В 1913 г.	В 1925/26 г.	В 1926/27 г.	В 1927/28 г.	В 1928/29 г.
Пшеница . . .	35,5	25,4	29,7	31,9	28,2
Рожь . . .	28,6	29,4	28,9	28,6	26,4
Кукруза . . .	1,4	3,3	2,9	2,7	4,5
Овес . . .	19,1	13,3	16,3	18,2	17,4
Ячмень . . .	12,6	6,3	7,3	7,0	7,1

Весьма интересно также представить соотношение между посевами озимых и яровых культур.

	В 1913 г.	В 1925/26 г.	В 1926/27 г.	В 1927/28 г.
Всего озим.	35,0—36,4 %	31,3—35,1 %	37,7—39,9 %	39,1—40,2%
„ яровых	61,2—63,6 %	57,8—64,9 %	57,7—60,3%	58,1—59,8%
	92,2—100 %	89,1—100 %	95,4—100 %	97,2—100 %

Из этой таблицы мы видим, что озимые посевы в сельском хозяйстве приобретают все большее значение и их удельный вес постепенно увеличивается. Нам кажется, что в этом кроется большой важности экономический смысл, а именно: по мере технического вооружения крестьянского хозяйства оно легче одолевает трудности, связанные с осенними работами на селе и обезпечивает запашку земель озимыми хлебами. Да и вообще процесс увеличения посевов озимых культур тесно связан с общим культурным и экономическим ростом трудящегося крестьянина

Естественно, что этот культурно-экономический сдвиг крестьянского труда оказал сильнейшее влияние на развитие вообще чисто технических культур. В этих культурах довоенные нормы сельским хозяйством давно превзойдены и к ним не будет возврата. Такие ценные культуры, как хлопок, масляничные растения, сахарная свекла, табак, чай, кенаф и пр. развиваются очень быстро. Вот маленькая табличка посевной площади в тыс. га.

	1913 г.	В 1928 29 г.
Хлопок	701	919
Сах. свекла	622	771
Масляничные	2 119	6 720
Прочие технич.	8,6	11,8

Мы имеем в сельском хозяйстве чрезвычайно важный процесс интенсификации труда. В этом отношении лучшим показателем всегда являлось обзаведение хозяйств домашними животными. Числилось:

	В 1913 г.	В 1928/29 г.
Коров	25,9 млн. г.	29,6 млн. г.
Овец и коз.	121,0 „ „	136,0 „ „
Свиней	20,3 „ „	25,2 „ „
Раб. скот.	35,9 „ „	31,5 „ „
Тракторов	—	69,3 млн. руб.

Не существует в сельском хозяйстве ныне ни одной отрасли труда, необходимой общему процессу возрождения всего народного хозяйства в целом, чтобы она не находилась в процессе развития и укрепления. Если бы совершенно сознательно выбрали культуру, наиболее отставшую от уровня довоенного времени, то и эти отрасли показали бы нам бурный темп развития. Мы должны лишь констатировать: сельское хозяйство в целом пробудилось к новой интенсивной жизни, разворачивание всех его потенциальных сил идет быстрым шагом, оно без сомнения уже имеет большие, очень крупные достижения и учитывая особое напряженное внимание, с которым относится социалистическое правительство к вопросам сельского хозяйства, мы можем смело сказать, что следующие годы для сельского хозяйства будут совершенно неузнаваемы и показатели его дальнейших под'емов весьма и весьма внушительными.

Валовая продукция всего сельского хозяйства в 1913 году по данным Гухмана определялась цифрой в 11.879 млн. руб.[1])

Госплан определяет продукцию сельского хозяйства в 1927/28 г.г. цифрой в 12.260 млн. р. Посмотрим из каких слагаемых получается эта

[1]) См. Б. Гухман — «Продукция и потребление СССР», с пред. Струмилина, М. 1925 г. стр. 38, на 1928/29 год.

цифра. В настоящее время в сельском хозяйстве мы имеем три действующие силы: государство, кооперацию в широком смысле слова (всякого рода товарищеские об'единения) и частные крестьянские хозяйства. Экономическую мощность этих сил мы увидим из следующей справки. В валовой продукции сельского хозяйства имели в 1928/29 г.г.

Государственное хозяйство . . .	1,6%
Кооперативное хозяйство . . .	1,4%
Частное хозяйство	97,0%
	100%

Как видно из этой справки, участие в сельско-хозяйственных производственных процессах общественно-государственных сил, так называемого обобществленного сектора, ограничивается только лишь 3-мя процентами. Без сомнения, это количество имеет пока что ничтожное значение. Это положение и вышеуказанный процесс развития общего сельского хозяйства ставит сейчас пред правительством Союза ряд сложнейших, интереснейших, но труднейших проблем. Правда, для Союза имеет огромное значение общий под'ем сельского хозяйства, но естественно—что мы вовсе не можем ограничиться одним под'емом производственных процессов в сельском хозяйстве. Раз лед сельского хозяйства тронулся—это очень хорошо, это подтверждение правильности советской экономической политики на селе, но эти процессы возрождения страны мы должны безусловно увязать с реконструктивными задачами всего сельского хозяйства и принять героические меры по обобществлению его основных кадров. Коллективизация сельско-хозяйственных производственных процессов является лозунгом сегодняшнего дня, коллективизация деревни является главной задачей социалистической политики и **победное завершение этого величественного процесса закончит социалистическое устройство всего народного хозяйства СССР.**

Мы имеем довольно интересные признаки в отношении процессов обобществления производственных начал сельского хозяйства. Наступательный ход обобществленного сектора в сельском хозяйстве, если мы возьмем сведения за последние три года, весьма знаменателен. Рост участия в валовой продукции сельского хозяйства обобществленных и частных секторов дает нам следующую картину:

	Госуд. хоз.	Коап. хоз.	Частн. хоз.
Рост в 1926—27 г. . .	102,6%	184,4%	97,9%
„ „ 1927—28 „ . .	105,6%	183,5%	102,5%
„ „ 1928—29 „ .	132,0%	137,0%	106,7%

Этот процесс быстрого роста обобществленного сектора в сельском хозяйстве безусловно имеет огромное значение. Нельзя не отметить, что до сих пор участие в производственных процессах сельского хозяйства сил обобществленного сектора носило, можно сказать, спорадический характер. Во всяком случае плановое и энергическое вмешательство советских руководящих органов в реконструкции сельского хозяйства выражалось в слабой мере. Только сейчас поставлен вопрос коллективизации всего сельского хозяйства в порядке дня, как одна из генеральных задач партии и власти, только сейчас мобилизуются все общественно-государственные силы в этом направлении. Прекрасно зная итоги этих воздействий партии и власти на все стороны жизни, мы находимся в глубоком убеждении, что в этих процессах обобществленный сектор будет иметь величайшие достижения.

Сейчас, когда мы пишем эти строки, наша страна находится в состоянии усиленной работы по реконструкции сельского хозяйства и обобществления сельско-хозяйственных процессов. Лично я глубоко убежден, что процесс обобществления сельского хозяйства пойдет гораздо быстрее, чем это рисуется в наших планах. Конечно, местные и центральные власти на данной стадии социалистической реконструкции сельского хозяйства будут поддерживать все формы его обобществления, но и сейчас намечаются вехи, по которым видно, что крупные зерновые и общие сельско-хозяйственные фабрики в условиях российской и украинской действительности сыграют руководящую роль. Зернотрест—символ этого течения. Зернотрестом не только мобилизуются крупнейшие земельные участки, но все процессы сельского хозяйства подвергаются машинизации и химизации. Крупнейшие совхозы и колхозы снабжаются живыми техническими силами: инженерами, механиками, мотористами, агрономами, инструкторами и т. д. Из доклада тов. Кубяка, видно что в ЦЧО с 1925 г. по 1928 г. количество колхозов выросло на 65,5%. Аналогичную картину мы имеем в других областях РСФСР, на Северном Кавказе, а также в других республиках.

Представление о чрезвычайно бурном росте об'единений может дать следующая справка: «По далеко неполным данным колхозцентров и земорганов и по материалам обследования РКИ, темп роста коллективов за 1928 г. характеризуется следующими цифрами: к концу 1927 г. (на 1) Х по СССР насчитывалось около 18 тысяч колхозов (коммуны, артели и товарищества по общественной обработке земли) и 26 тыс. простейших производственных об'единений. На 1 Июля 1928 года колхозов стало около 43 тыс. ,за 6 мес 1928 г. количество колхозов более чем удвоилось, по сравнению с тем, что мы имели на конец 1927 года». Дальше: «Полученные обследованием данные по отдельным районам говорят о том, что в ряде мест коллективизация крестьянских хозяйств уже сейчас является массовым движением. Так, в Саратовской губернии на 1 Июня 1928 г. коллективные об'единения всех видов охватывают 16,5% всех крестьянских хозяйств, в Донском округе—12%, по Мечетинскому районv Донского округа эта цифра равна 26,7%, по сельхозсоветам этого района от 40 до 64%. В ряде районов Сев. Кавказа, Поволжья и др. нередко можно встретить целые селения, перешдшие на коллективные формы производства».

Руководитль Зернотреста т. Кальманович пишет, что «1929 год должен стать сразу же переломным годом в смысле темпа развития совхозов». «В области производственного кооперирования отмечается образование значительного количества новых об'единений,—отмечает передовица «Известий» от 21 Ноября 1928 года. «По Нижне-Волжскому краю вновь организовано 543 об'единения. К настоящему моменту в крае имеется свыше 8 тысяч об'единений. По Средне-Волжской области вновь образовано 203 колхоза и 220 порчих об'единений: «по Вятской губернии—208 колхозов и 312 других об'единений; по Рязанской губернии—117 колхозов, по Вологодской губ.—99 колхозов, по Башкирской республике—813 посевных товарищества; по Смоленской губернии—84 колхоза, по Сибири—219 об'единений. Трудно сейчас дать точную картину новых об'единений. Стихийная сила всевозможных об'единений на селе идет таким темпом, что мы навряд ли сумеем впервые два-три года даже наладить статистическую отчетность по ним».

Не следует закрывать глаза на тот факт, что и этот реконструктивный процесс всего сельского хозяйства будет иметь на своем пути, как крупнейшие достижения, так и крупнейшие ошибки. Без сомнения, в процессе этого строительства мы наделаем много глупостей, на это дело мы ухлопаем много человеческих и материальных сил, но нет никакого сомнения, что сельское хозяйство будет реконструировано, коллективизировано и социализировано в своих главнейших частях. Величайшие задачи, труднейшие проблемы ставит сейчас деревня перед властью, о конкретных формах этих задач сейчас мы даже не имеем представления, но этот величайший процесс обобществления производственных процессов села преобразит всю деревню и поднимет культурное и экономическое благосостояние ее широчайших слоев.

Современное коллективистическое движение в деревнях Союза яляется резко выраженным конструктивно-социалистическим движением. Процесс обобществления производственных отношений деревни является процессом классических, совершенных форм социализма.

В этом движении пролетарские слои деревни (по данным Колхозцентра РСФСР) играют крупнейшую роль. Социальный состав новых колхозов характеризуется следующими цифрами: по 3.039 новым колхозам, об'единяющим 45.352 хозяйства:

Безлошадн.	С 1 лош.	С двумя.	С тремя.	С 4 и более
32,8%	52,3%	12,4%	2,0%	0,5%

Обезпечение хозяйств коровами дает:

Без коров . . .	18,1%
С 1 коровой . . .	55,0%
„ 2 „ . . .	22,8%
„ 3 „ . . .	3,4%
„ 4 и более . . .	0,7%

Из всех современных крестьянских об'единений коммуны являются резко выраженными социалистическими хозяйствами. Характерно, что именно к этим социалистическим организациям тяготеют самые бедняцкие крестьянские массы. Маленькая табличка относительно членов колхозов Пензенской губернии (данные по 13 об'единениям), с наличием лошадей, показывает, что различные слои крестьянства тяготеют к различным формам об'единений. Так, крестьяне об'единяются:

	В коммуны.	В Артели.	Т-во по совлмест. обработ.	В машинные товарищест.
Безлошадные . .	72%	60,4%	28,3%	22,0%
С 1 лош. . . .	21,7%	34,8%	59,2%	69,6%
„ 2 лошад.	6,2%	4,8%	2,7%	8,4%
		100%		

РКИ в своей докладной записке совершенно правильно отмечает, что «чем выше форма организации коллектива, тем выше в нем удельный вес маломощных хозяйств и ниже удельный вес зажиточных хозяйств. Весьма характерно также, что в новейших колхозных об'единениях социалистический элемент находит свое выражение в еще большей мре». Это особенно ярко подтверждается,—пишет РКИ,—Северо-Кавказскими данными, где приведен социальный состав старых и новых колхозов.

	В ст. кол.	В нов. кол.	В стар. колх.	В нов. колх.	По ст. товар. по об. земли.	В новом товар. по об. земли.
Бедняков	84,3%	94,6%	52,5%	82,4%	62,3%	75,1%
Середняков	15,7 „	5,4 „	43,5 „	16,7 „	62,3 „	22,0 „
Зажиточных	—	—	4,0 „	0,9 „	11,8 „	2,9 „
				100%		

Можно ли было подойти к этому величайшему процессу, поднять эту социалистическую стихию на селе, если бы этой стихии не предшествовали внутренние процессы социалистической перестройки деревни, незаметные для простого глаза? Нельзя думать, что социалистическое побуждение деревни исходит исключительно от наших волевых установок. Нельзя и думать о том, что мы находимся сейчас в состоянии искусственного насаждения социализма в деревне. Нужно помнить, что социалистическая реконструкция деревни происходит в итоге безусловно крупных и общих достижений сельского хозяйства, в итоге его общего развертывания и развития.

После октябрьской революции крупные помещичьи хозяйства были уничтожены. Земля перешла к крестьянам. Число хозяйств сильно увеличилось. Парии превратились в культурных хозяев, в сознательных, полноправных работников. Вместе с тем советская власть пришла в деревню не только с землей, но и с лозунгами современной культуры. До советского режима крестьяне не знали трактора. Селекционные мероприятия советская власть поставила в прямую обязанность сельскому хозяйству. Посмотрите на характерную таблицу из жизни РСФСР:

	Площадь апробиров. чистосорт. семан.		Заготовлено в гос. сорт. фонд.	
	Гектар	Рост в %%	Пудов	Рост в %%
В 1925 г.	60 056	100	385 500	100
„ 1926 „	321 000	534	705 700	183
„ 1927 „	721 000	1 200	1 335 869	347
„ 1928 „	1 500 000	2 497	2 995 000	777

В это же время крестьянин видит, что совхозы, колхозы, крупные зерновые тресты и прочие об'единения, работают совершенно новыми методами, новыми орудиями, новыми приемами агрикультуры и эти новые сельско-хозяйственные явления не только страхуют от неурожаев, но на глазах крестьян поднимают урожай на 20, 30 и 40%.

Мы дадим маленькую табличку из жизни Центрально-Черноземной области по динамике снабжения хозяйств некоторыми сельско-хозяйственными машинами и вы увидите подлинную картину технического переворота, происходящего сейчас у нас. Так на 100 га посева приходилось в среднем по ЦЧО:

	Сох.	Плугов.	Борон. дер.	Борон. жел.	Сеялок.	Жаток.
В 1910 г.	17,4	5,4	20,4	1,7	0,2	0,2
„ 1920 „	18,6	8,7	4,9	17,4	0,5	0,5
„ 1926 „	12,9	9,9	4,7	18,6	0,6	0,5

Э. Квиринг, дающий нам ценную справку, пишет в «Известиях»: «Мы не располагаем данными о постепенной замене сохи плугом за последние два года, но один факт колоссального усиления спроса на плуги со стороны населения показывает, что в настоящее время на 100 га приходится не более 9-10 сох». (См. «Известия» от 20 Ноября 1928 г.). Чрезвычайно быстрое вытеснение деревянных борон железными, вытеснение сохи плугом, применение сеялок, жаток и т. д. показывает нам ту внутреннюю революцию, которая произошла в производственно-технических условиях деревни.

Не ясно ли что в процессе этих преобразований крестьянин не может оставаться простым зрителем? Он проникается сознанием необходимости сделаться соучастником этого исторического процесса, сулящего ему под'ем материального благосостояния. Он великолепно пони-

мает, что ему нечего делать на своих четырех, пяти или шести гектарах. Только лишь один триер может пропустить 20 тысяч пудов зерна, а один трактор поднимает 180 десятин целины, т.-е. сразу 40 и больше крестьянских пашен. Вместе с этим крестьяне видят новые примеры: в Уральской области зерносовхоз «Макушино» имеет свое хозяйство на 44.000 га и 66 тракторов, в Казакстане совхоз «Кустанай» 65.000 га и 83 тракторов, в Средне-Волжской области совхоз «Бузулук»—36.000 га и 77 тракторов, в Нижне-Волжской области Краснореченский совхоз—63.386 га и 262 трактора, на Северном Кавказе совхоз «Гигант»—150.000 га и 318 тракторов и т. д. Видя все эти примеры крестьянин может ли сомневаться в том, что нельзя вести культурное сельское хозяйство без об'единения карликовых, ничего не значущих единоличных хозяйств. *)

*) Советский Союз является ныне той единственной исключительной страной в мире, где на основе полной реконструкции обширных полей сельского хозяйства вводится и успешно развивается социалистическое хозяйство, об'единяя широчайшие слои многомиллионных трудовых крестьян в колхозы, кооперацию, трудовые артели и коммуны. Только лишь в этой стране воздвигаются крупнешие мировые хлебные производственные фабрики, именуемые совхозами, где все процессы труда механизированы лучшими техническими средствами производства.

Прямую противоположность развития сельского хозяйства мы видим в современной социал-демократической Германии, где меньшевистская квази-социалистическая аграрная программа демонстрируется только лишь для того, чтобы ее ни в какой мере не проводить в жизнь. Государственный секретарь министерства замледелия Ганс Крюгер сообщает немецкому обществу, что «частная земельная собственность, и собственность на произведения сельского хозяйства, точно также свободная инициатива единочных сельских хозяев, будут и в дальнейшем основой сельского хозяйства Германии». (его — «**Landwirtschaft und Siedlung im heutigen Staat**», **Berlin, S. 41**). Это допотопный дух капиталистического сельского хозяйства царит в Германии в тот самый момент, когда в парламенте и правительстве руководителями являются немецкие меньшевики!

Критическое состояние всего сельского хозяйства Германии и обременение всякого рода поборами лиц, занятых в нем, дает нам прекрасный пример губительного влияния на современное сельское хозяйство обычной экономической политики, известной капиталистическим странам Европы и проводимой также в Германии. По работе Крюгера видно, что крестьяне Германии обременены всякого рода поборами в 1924—26 г.г. в 4 и 5 раз больше против довоенного периода, а средняя задолженность каждого гектара полезной земли достигает в 1928 году 425 герм. марок! Чрезвычайно характерно, что чрезмерная задолженность падает исключительно на мелкие крестьянские хозяйства. Мы познакомим читателя с интересной таблицей самого Крюгера. Задолженность распределяется на разные хозяйства следующим образом:

Хозяйства	**446 хоз. в Вост. Германии**		**398 хоз. в Западн. Германии**	
	30. 6. 26 г.	**30. 6. 27 г.**	**30. 6. 26 г.**	**30. 6. 27 г.**
До 30 гект. . . .	30	26	55	52
31—30 „ . . .	25	25	33	30
61—100 „ . . .	23	23	10	14
свыше 100 „ . . .	22	26	2	4
Всего:	100	100	100	100

Эта таблица, взятая нами из вышеупомянутой книги Крюгера, (стр. 31) дает нам полное и ясное представление о весьма тяжелом, закабаленном состоянии именно мелких массовых немецких хозяйств. Естественно, что эта обремененность создает чрезвычайно тяжелые условия сельского хозяйства, и мы видим в Германии, в этой стране химии и прочих технических усовершенствований, постепенный упадок сельского хозяйства. Крюгер дает нам следующие сведения урожайности в тоннах с гектара:

	В 1913 г.	**В 1927 г.**
Пшеницы . . .	2,3	1,9
Ржи	1,9	1,5
Ячшеня . . .	2,2	1,8
Овса	2,1	1,8
Картофеля . . .	15,8	13,4

Крестьянин видит, что в сельском хозяйстве наступает неслыханная и невиданная эра колоссальных культурных сдвигов. Советская власть, укрепив все свои политические и экономические позиции, подходит к сельскому хозяйству так, как это никогда не снилось, избалованным машинами и агрикультурными мероприятиями землевладельцам богатейшей Америки.

Посмотрите, сейчас выделяются для новых совхозов:

В Башкирии	—	100 тыс. га.
„ Крыму	—	50 „ „
„ Н. Волжский	—	200 „ „
„ Ср. „	—	810 „ „
„ Сибири	—	400 „ „
„ Уральской	—	280 „ „
„ Казакстане	—	2000 „ „

Эти невиданные и неизвестные всему мировому хозяйству сельско-хозяйственные колоссы и коллективистические мероприятия не могут не перевернуть все мировоззрение крестьянского населения. Крестьяне не могут оставаться в стороне от этого замечательного переворота и процесса преобразования всей деревенской жизни. И крестьяне действительно вовлекаются в это социалистическое движение. Вы видите здесь, что социализм выростает в деревне из факта, а не из обыкновенной пропаганды, вы видите, что социалистическое движение затронуло само крестьянское производство—этот непоколебимый Верден индивидуального хозяйства, вы видите, что вне этого социалистического движения крестьянское хозяйство превращается в хозяйство паразитарное, вы видите, что зерно этого паразитарного хозяйства не может конкурировать с зерном коллективистического хозяйства.

Конечно, социалистическое движение не ограничивается этими производственно-социалистическими мероприятиями на селе. Те, которые видят капиталистические условия в деревне в одном лишь факте существования единоличных крестьянских хозяйств, заблуждаются глубочайшим образом. Во многие условия крестьянской жизни Октябрь внес коренные общественно-экономические изменения, Октябрь, безусловно, направил в определенные русла политическое и общественное сознание широких масс трудового крестьянства, **Октябрь охватил деревни социалистическим, кооперативным методом снабжения, Октябрь сумел организовать общественный выход главных произведений крестьянского труда, Октябрь ввел свою обширную систему контрактации, Октябрь воспитывает все новое деревенское поколение в духе социализма, Октябрь познакомил деревню с крестьянским профессиональным движением. Октябрь покрыл село сетью совершенно новых кредитных установлений.** На вышеупомянутом нами Пленуме тов Сталин гово-

---

Знаменительно, что значительная часть сельских хозяев по специальному обследованию их хозяйств, показала убыточность ведения сельского хозяйства вообще. Крюгер говорит, что сельское хозяйство велось в 5341 обследованном хозяйстве:

	В 1924—25 г.	**В 1925—26 г.**
С прибылью . . .	49%	59%
„ убытком	51 „	41 „

Излишне характеризовать словами эту плачевную картину состояния сельского хозяйства в современной меньшевистской Германии. Эти сведения прекрасно иллюстрируют все творчество социалистических мудрецов Второго Интернационала и те социалистические достижения, которые имеются у них в портфеле за 11 лет их господства в Германии.

На счет переустройства немецкого сельского хозяйства, производственного кооперирования и коллективизирования хозяйств в Германии, конечно, никто не думает!

рил: «Мы имеем теперь развитую социалистическую промышленность, мы имеем колхозы, как массовое явление, мы имеем старые и новые совхозы, мы имеем богатую сеть развитых кооперативных организаций, мы имеем прокатные пункты для обслуживания крестьянских хозяйств, мы применяем метод контрактации, как новую форму смычки и мы можем пустить в ход все эти и ряд других рычагов для того, чтобы перевести постепенно сельское хозяйство на базу новой техники».

В условиях тяжелой действительности СССР, в отношении социализма в деревне сделано много. Большевиков, конечно, это «очень много» совершенно не удовлетворяет, нужно сделать несравненно больше, нужно перестроить все сельское хозяйство заново, нужно его в корне реконструировать, нужно пустить все социалистические рычаги в полный ход, но пересоздать мановением волшебного жезла хозяйство 150-миллионного народа нельзя; нужно время, нужен сейчас некоторый органический, планомерный процесс.

В социалистическом отношении мы сильнее в городах, в промышленности. Если село находится во внешне-социалистическом окружении и только что захватывается социалистическим производственным процессом, то этот процесс должен быть закончен, чтобы весь политический и экономический строй принял вполне социалистический вид.

Познакомимся сейчас ближе с внутренней структурой промышленности и характерном индустриализации. Здесь мы имеем крупную промышленность, так-называемую цензовую и промышленность мелкую. После Октября действующими силами в промышленности были: государство, кооперативные об'единения и частники. Если в области сельского хозяйства, где только что наступает быстрым темпом сила общественного производства, частное хозяйство является еще хозяйством превалирующим, то в промышленности этот процесс на довольно большом расстоянии уже пройден и почти все главные отрасли промышленности и характером индустриализации. Здесь мы имеем крупную прова социализм выражен много сильнее, чем может себе представить пылкая фантазия такого «левого» меньшевика, каким является Бауер или Гильфердинг. Характерно, что частное начало или совершенно вытеснено, или быстро вытесняется не только из цензовой промышленности, но и из мелкой. Приведем здесь материал, взятый тов. Гринько из Госплана. Во всей промышленной продукции обобществленный и частный сектор занимали в млн. червонных рублей: [1])

	В 1925/26 г.	В 1926/27 г.	В 1927/28 г.	В 1928/29 г.
Обоб. сект.	9986	11 700	14 125	17 011
Частный	2478	2 438	2 050	1 975
Доля частного сектора:	19,8%	17,2%	12,7%	10,7%

Здесь мы видим чрезвычайно быстрое вытеснение частника из промышленной жизни страны. Но чтобы нам иметь более правильное представление о действительной роли частного сектора в крупной промышленности, разрешите привести цифры о роли частного капитала именно в крупной промышленности. Нужно помнить, что **наше строительство в промышленности, как и в сельском хозяйстве является строительством крупных предприятий.** Если социализм есть резко выраженный порядок крупной промышленности, то советская власть в этом от-

[1]) За исходную взяты цены 1925/26 года.

ношении является образцом социалистической системы. В 1928—29 году из общей валовой продукции промышленности на крупную промышленность падает 15,6 млн. руб., при чем темп разворачивания всей нашей промышленности, главным образом, идет по линии крупной промышленности.

Доля частного сектора в крупной промышленности выражалась:

В 1925—26 г.	—	3,9 %
„ 1926—27 „	—	2,2 „
„ 1927—28 „	—	1,7 „
„ 1928—29 „	—	1,6 „

Можно сказать, что частный сектор из крупной промышленности изгнан совершенно. Он не имеет уже никакого влияния и значения в крупной промышленности. Судьба частного сектора в крупной промышленности разрешена окончательно. Но он не удерживает позиций и в мелкой промышленности. С 2.080 млн. р. в 1925—27 г.г. он дошел в 1928—29 г.г. до 1.730 млн. рублей, при чем в этой мелкой промышленности мы имеем следующий процесс в процентах к предыдущему году:

	В 26—27 г.	В 27—28 г.	В 28—29 г.
Общ. сектор	135,3	151,1	129,1
Частный сектор . . .	104,9	82,7	95,1

Если мы возьмем товарно-распределительные отношения, так-называемую торговлю, то и здесь наблюдается картина резкого вытеснения групп частного капитала.

В 1927—28 году мы имеем всего торгового валового оборота 54,1 миллиардов рублей, в 1926—27 г. 45,0 мрд., т.-е. за год увеличение валового торгового оборота составило 19,4%. В торговых оборотах участвуют те же силы, кои мы видели в сельском хозяйстве и промышленности. Чтобы видеть мощь этих общественных сил в торговых процессах, достаточно взять торгово-посреднический оборот, составивший сумму 35.909 млн. рублей и участие в этом обороте указанных нами сил. В этом обороте занимали:

Кооперативная торговля	20 772 млн. р.	57,8 %
Государственная торговля	11 597 „ „	32,4 „
Частная торговля	3 540 „ „	9,8 „
	35 909 млн. р.	100 %

«Экономическая жизнь» так квалифицирует процессы обобществления в торговом обороте у нас: «В настоящее время,—пишет газета,—обобществление оптовой торговли можно считать почти законченным. Участие частной оптовой торговли в общем оптовом товаропосредническом обороте составляет всего 1,5%. Два последних года сыграл ив этом отношении решающую роль. На протяжении 1926—27 и 1927—28 г.г. частная оптовая торговля теряла ежегодно от 40 до 45% своих оборотов».

Здесь мы имеем такое же обобществление торговли, какое видели в промышленности и какое складывается в сельском хозяйстве. Группы частных хозяйств в первую очередь вытесняются из крупнейших, а впоследствии и из более мелких отраслей хозяйства.

В сфере торговли и распределительных процессов мелким хозяйствам соответствуют операции по розничной торговле. Чрезвычайно характерно, что частники быстро вытесняются и из этих процессов нашего хозяйства, т. е. из тех последних отраслей, кои до самого последнего времени считались отраслями, где неограниченное царствование частников считалось надолго обезпеченным. В 1926—27 году сокращение опе-

раций частников в круге розничных отношений выразилось в 13,8%, а в 1927—28—27,7%.

Из нашей розницы вытесняются на ряду с частниками и государственные организации, уступая место нашей социалистической кооперации. В 1927—28 году из общей розничной торговли одна лишь кооперация заняла 62,4%. Перспективы нового хозяйственного года 1929—30 складываются таким образом, что вытеснение частников из распределительных процессов, а также из розницы, продолжается таким темпом, что «Экономической жизни» приходится констатировать: «Кооперативной рознице не везде и не всегда удается успевать достаточно полно заменить уходящего с рынка частного торговца («Эк. Жизнь» № 267, 1928 г.). Темп вытеснения частного сектора из торговых оборотов и перспективы на ближайшее будущее будет совершенно ясен, если динамику сил, участвовавших в обороте представим себе в более развернутом состоянии. Гринько дает следующие сведения о %%-х участия различных сил в торгово-распределительном обороте страны:

	В 1925—26 г.	В 1926—27 г.	В 1927—28 г.	В 1928—29 г.
Госуд. сект. в опт. обороте	50,4 %	46,9%	41,6%	38,9%
Кооператив	42,5 „	49,8 „	57,1 „	60,2 „
Частный	7,1 „	3,3 „	1,3 „	0,9 „
Госуд. сект. в розн.	15,5 „	15,2 „	13,9 „	13,1 „
Коопер. сект. в розн.	40,7 „	49,5 „	62,7 „	67,4 „
Частн. сект. в розн.	43,8 „	35,3 „	23,4 „	19,5 „
Обобщ. сект. в цел.	75,7 „	83,0 „	90,7 „	93,2 „
Част. сект. в цел.	24,3 „	17,0 „	9,3 „	6,8 „

Достаточно взять эту чрезвычайно интересную таблицу, чтобы перед нами вскрылось историческое содержание того великого движения и строительства, которое называется в Союзе СССР реконструктивизмом и социализмом. Подобная картина, выраженная в этой таблице, до сих пор неизвестна во всей жизни человечества, история до сих пор не имела экономиста, который имел бы в руках подобную структуру хозяйства для изучения и исследования.

Эта таблица освещает социалистическую экономику Союза в миллион раз лучше, чем всеми своими работами Веберы, Каутские, Зомбарты и пр. Современные европейские экономисты своими ложно-научными экскурсиями в догматическую политическую экономию только лишь запутывают и затемняют ясную картину советской действительности.

Эта историческая таблица, родная и понятная для каждого советского рабочего, является отчетом советского правительства пред пролетариатом, как Союза ССР, так и всего мира. Эта таблица показывает всему человечеству размер тех социалистических достижений, которые советское правительство имело по годам.

Могут ли Каутские, Мюллеры, Ренодели, Вандервельде, Макдональды и пр. предстать перед рабочим миром с подобным отчетом? Могут ли эти немецкие, французские, бельгийские и английские вожди социал-демократов показать пролетариату те достижения, которые они имели в итоге государственного управления страной?

Вышеуказанные сведения не требуют никакой детализации.

Во всей промышленности, как и в продукто-распределительных операциях, в отношении социалистического обобществления, достигну-

ты безусловно колоссальные успехи. В сельском хозяйстве этот процесс развернут ныне в широчайших размерах.

Период управления, система свободной борьбы между силами социализма и капитализма, принятая в 1921 году, дала за короткий промежуток времени положительные результаты. На общих основах завоеваний революции сделано очень много, в слабых, еще не окрепших социалистических формах, мы имеем развитые социалистические отношения.

Два процесса существуют сейчас: процесс развития всех сторон жизни и неуклонное, быстрое социалистическое оформление этого развития. Короче говоря, мы имеем широко развернутое развитие социализма.

Можно дать суммарные данные о мощности этого движения. В 1913 году мы имели 58,5 тысяч километров сети железных дорог, в 1927—28 году мы подняли эту цифру до 77,2 тыс. к. Весьма характерно, что пассажирское движение по сравнению с 1913 г. сократилось, но тоже очень характерно, усилилось движение продуктов. Против 122,4 млн. т. мы имеем 151 млн. т. В 1927—28 г. Движение некоторых основных грузов выражено в миллионах тонн:

	Хлеб.	Уголь.	Нефтепр.	Дрова.	Лесомат.	Весь грузооб.
В 1913 г.	18,3	26,3	5,8	8,6	12,2	181
„ 1925/26 г.	14,2	22,0	5,6	12,3	12,9	150
„ 1926/27 „	15,5	27,0	6,5	15,0	15,1	171
„ 1927/28 „	14,3	30,5	8,3	14,0	16,7	188
„ 1928/29 „	14,5	34,5	8,5	14,5	19,0	204

Бурный рост грузовых перевозок является лучшим показателем под'ема нашего хозяйства. Такие показатели имеются во всех областях нашей жизни. Возьмем нашу внешнюю торговлю. Кому неизвестно, в каких неслыханно трудных условиях приходится вести Союзу СССР экономические отношения с капиталистическими странами, явно враждебно настроенными против СССР. Всетаки Союз пробил брешь в капиталистическом окружении и в этом важнейшем секторе добился больших успехов. Посмотрите пока что на общую картину внешней торговли:

Экспорт и импорт дает следующую картину в млн. руб.

	Экспорт.	Импорт.
В 1913 г.	1520	1374
„ 1920 „	1	29
„ 1922 „	82	288
„ 1925 „	368	419
„ 1927 „	770	712
„ 1928 „	778	744

Быстрое развитие нашей внешней торговли имеет чрезвычайно большое значение для социалистического строительства. Правда, мы очень заинтересованы в развертывании всей внешней торговли, но наша внешняя торговля не имеет ничего общего с внешней торговлей капиталистических стран. Ни по методу торговли, ни по ее характеру мы не можем сравнить ее с торговлей капиталистических стран. Для нас внешняя торговля является одним из лучших орудий социалистического возрождения. Если в какой-либо отрасли народного хозяйства у нас имеется плановое начало, то это, в первую очередь, в системе внешней торговли. Из капиталистических стран мы или вовсе не берем ни-

чего, или берем только лишь необходимое для нашего хозяйства. Система прибыли, спекуляции, ввоза любых товаров не знает наша внешняя торговля. В этом отношении наша внешняя торговля абсолютно почти воспроизводит все то, что мы видим в нашей системе промышленности. Мы не тратим ни одной копейки на роскошь и на ввоз предметов, кои не служат прямым и непосредственным задачам нашего социалистического возрождения. Не так давно в Париже вышла брошюрка небезизвестного вождя грузинских меньшевиков Н. Жордания—«Итоги». Этот автор интересен только в том отношении, что он в своих рассуждениях циничен и бесшабашен. Правда, Жордания изгоняют сейчас из своей среды даже Потресовы, не говоря уже о Данах и Абрамовичах, но пока что этот герой зоологического шовинизма продолжает ютиться в кулуарах желтого П Интернационала.

Этот Жордания все время сравнивает советское государственное хозяйство с хозяйством древне-греческих, римских и проч. сатрапов, основывающих свое государство на рабском труде, на завоеваниях, и в это же время утопающих в роскоши. **Не существует в мире ни одного государства, ни одной страны, отказавшихся от роскоши и расточительности в такой степени, как Союз. СССР является ныне единственной страной в мире, которая, торгуя, как у себя дома, так и с другими странами, приобретает только то, что непосредственно связано с безусловным поднятием производительных сил страны.** Не существовало и не существует, кроме СССР, ни одного государства в мире, которое бы занималось всецело и исключительно поднятием производительных сил населения. Это обстоятельство является также одним из самых крупных, и в то же время, самых важных признаков социалистичности нашего хозяйствования. Во всем нашем импорте в 1927—28 году орудия производства занимали 88%. Кто не в состоянии оценить этот исключительной важности факт, тому не следует совершенно прикасаться к политическим и экономическим вопросам современности. Посмотрим сейчас на наш экспорт. Мы все больше и больше вывозим продуктов промышленного происхождения. Об,ясните это явление каким угодно соображением, подтасовывайте сколько угодно факты, но одно несомненно: быстрый и наступательный ход нашей промышленности не может не усилить вывоза наших промышленных изделий. Не означает ли это того обстоятельства, что мы имеем большие успехи в нашем социалистическом хозяйстве? В 1925—26 году во всем экспорте мы имели уже 36,7% промышленных продуктов, а из года в год поднимаясь все выше и выше мы имеем в 1927—28 г.—52%, а на 28—29 г. предполагаем иметь 56,0%.

Когда мы говорим об электрификации у нас, то не было ни одного писателя из вражского стана, не поднимавшего нас на смех и не говорившего, что советская электрификация есть действительная электрофикция. Утверждения всех наших противников исчезли, как мыльный пузырь и мы имеем успехи в электрификации, достойные Америки. Когда мы говорили об индустриализации, все противники также поднимали нас на смех. А. Загорский в книге—«От социализма к капитализму»— стал доказывать, что СССР идет к обнищанию и аграризации. Не являются ли эти рассуждения элементарной глупостью людей, потерявших дорогу? Весь анализ социалистического возрождения промышленности не мог не дать показателей, отмечающих быстрое разви-

тие наших городов. Подлинная история миграций населения у нас действительно показывает урбанизацию, уплотнение городов. В этом отношении, я бы сказал, мы имеем даже опасный процесс чрезвычайно быстрого роста наших городов. На 1 Января 1925—26 года мы имели в городах 25,0 млн. жителей, а ныне мы имеем 28,4 млн. жителей. В первом случае % городского населения составлял 17,4, ныне же—18,4%. Но суть дела совсем не в этих цифрах. Нельзя подойти к нашим социальным и экономическим условиям так, как обыкновенно подходят в капиталистических странах. Противопоставление города деревне являлось характерной особенностью всего капиталистического строя. Социализм не может не уничтожить эти противоречия между городом и деревней. Поднимая волны индустриализации в деревне, внедряя туда машины, пар, электричество, телефон, радио, химию и т. д., социализм преобразовывает всю жизнь деревни. Коллективизация привлекает в деревню техников, всякого рода химиков, инструкторов, экономистов, бухгалтеров. Мы находимся сейчас в этом процессе снабжения деревни силами, ранее не известными ей и это обстоятельство также является лучшим показателем социалистического возрождения всей нашей страны и жизни нашей деревни—в частности.

Если бы даже советская действительность показывала **чрезмерный** рост городов за счет роста деревенского населения, то этому росту вовсе не нужно было бы радоваться, так как неестественное развитие городов и обезлюдение деревень является таким же паталогическим фактом, как обогащение кучки капиталистов за счет широких слоев населения. Социализм должен уничтожить систему миграции населения, свойственную капитализму. Социализм, без сомнения, будет иметь не вертикальное, а горизонтальное движение. Не некоторые пункты, а вся страна должна быть покрыта сетью производственных организаций, являющихся естественными для данной области. Экономисты типа Загорских, Юговых и т. п. не только ничего не уразумели из всей жизни и экономики СССР, но они не сумели разобраться в самых элементарных положениях социализма.

Комплексным показателем исторического процесса социалистического возрождения является наша планово-хозяйственная работа, выраженная в бюджете. Нужен ли бюджет социалистическому обществу? Нужна ли планово-бюджетная работа социализму? Социалистическое общество не только не нуждается в бюджете, но именно социалистическое общество и социалистическое хозяйство впервые создает бюджет, как выражение всей народно-хозяйственной жизни страны. Правда, бюджет возник с рождением капиталистического строя, и Англия является его родиной, но XIX век, который считается формальным веком бюджета, в действительности похоронил его. В 60-х годах XIX века даже такой реакционный писатель, каким являлся И. Шилль, правильно считал бюджет и все финансовое хозяйство современного ему капитализма поваренной книгой[1]) государства, а М. Боголепов также правильно отмечает, что бюджет буржуазных государств является логарифмом. Такие классики буржуазной финансовой науки, какими являются Вагнер, Рау, Конрад и все приверженцы этих ученых, начиная с Янжула и коначя Ходским, изгоняют бюджет из цикла вопросов финансовой науки.

[1]) См. И. Шилль — «Современная теория финансов», 1860 г., стр. 109.

И у Штурма и у Goston Jétze («Allgemeine Theorie des Budget») бюджет действительно является хорошо составленной поваренной книгой, но мы не знаем до сих пор ни одного бюджета, отразившего в себе действительный процесс и развитие живых производственных сил страны. В буржуазных странах имеются бюджеты только лишь полицейско-административного управления, тогда как наш социалистический бюджет является полным учетом всего текущего и правильным планом всего общественно-государственного хозяйства страны. В одном мы согласны Jétze, который пишет: «Бюджет указывает будущее, ту дорогу, на которую вступают. Счет показывает прошедшее, оставленную дорогу». [1]) Наш бюджет действительно показывает нам, как наше бытие, так и наше движение, наше будущее.

Что мы видим в нашем бюджете, какие дороги открываются в этом народно-хозяйственном плане? Мы видим в этом комплексном отображении всей нашей жизни те же процессы обобществления, те же процессы изгнания частно-капиталистических сил, кои мы так ясно видели на всех путях нашего социалистического возрождения. Чем больше и больше поднимается наше народное хозяйство, чем большей и большей делается доля обобществленного сектора в народном хозяйстве, тем обильнее идут государственные рессурсы на управление и развитие социалистического хозяйства. Наш бюджет все более и более освобождается от капиталистических элементов, основывается на силах и доходах социалистического хозяйства. Посмотрите пока что на общий рост нешого бюджета. Мы имеем следующую картину в млн. руб.

	Госбюджет.	Местный бюджет.	Вместе.
В 1925—26 г. . .	4215,6	1438,1	5 652,7
„ 1926—27 „ . .	5626,0	1882,0	7 508,0
„ 1927—28 „ . .	6652,5	2120,0	8 772,5
„ 1928—29 „ . .	7702,7	2521,0	10 223,7

Наряду с быстрым вытеснением частника из всей экономической жизни страны и социалистическим ростом всего нашего народного хозяйства, быстрым темпом идет развитие нашего бюджета. Наш социалистический транспорт и социалистическая связь имеют следующий процесс развития в млн. р. *)

	Транспорт.	Связь.	Вместе.
В 1925—26 г. . .	1145,6	136,6	1282,2
„ 1926—27 „ . .	1596,2	150,7	1746,9
„ 1927—28 „ . .	1725,0	172,0	1897,0
„ 1928—29 „ . .	1900,0	190,0	2090,0

Динамика роста налоговых и неналоговых доходов, включая в последнюю группу доходы от кредитных операций, транспорта связи и бюджетные остатки дает нам следующие показатели в млн. р.

	Нал. дох.	Ненал. дох.
В 1925—26 г. . . .	2013,8	2501,87
„ 1926—27 „ . . .	2831,9	2793,8
„ 1927—28 „ . . .	3270,0	3382,5
„ 1928—29 „ . . .	3753,3	3849,4

Исключительно быстрый рост нашего бюджета имеет решающее значение для всего нашего социалистического хозяйства. Характер использования народно-государственных средств обеспечивает также

[1]) Allgemeine Theorie des Budget», S. 9.

*) Бюджетные цифры за 1928/29 г. взяты нами, как они были утверждены правительством СССР. Как известно, бюджет на этот год выполнен со значительным избытком, так что приведенные тут цифры по бюджету являются минимальными.

соответствующий быстрый рост, как всего хозяйства, так и его комплексивного показателя—бюджета. Мы имели случай отметить, что СССР является страной, где весь процесс жизни есть величайший процесс развития производства и производительных сил страны. Вся общественно-государственная жизнь у нас подчинена интересам развития социалистических производительных сил, все делается в Союзе исключительно для производства и укрепления той производственно-материальной базы, которая обезпечивает под'ем культурного и материального благосостояния трудящихся.

Посмотрим на ежегодные капитальные вложения в народное хозяйство по обобществленному сектору в млн. р.

	Промышленность.	С. Хоз.	Жил. фонд.	Торг. скл. хоз.
В 1925—26 г.	863	80	190	119
„ 1926—27 „	1155	96	254	157
„ 1927—28 „	1597	199	364	203
„ 1928—29 „	2184	262	424	312

Эти миллионы рублей, которыми так обильно орошается поле нашего социалистическог строительства, главным образом, идут из тех накоплений кои создаются нашим хозяйством. Наш бюджет, наши сбережения, все наши средства аккумулируются преимущественно для расходования на народное хозяйство. Правда, мы не считаем наши государственные расходы, идущие на дело управления страной и хозяйством, расходами паразитарными, но мы напрягаем все усилия к тому, чтобы управление страной было дешевым, чтобы наш управленческий расход не являлся препятствием расцвету нашего социалистического строительства. Ни одна страна в мире не имеет в этом отношении таких достижений, какие имеем мы, ни один бюджет любой страны не может сравняться в этом отношении с бюджетом нашей страны.

Посмотрите на бюджет и распределение сумм 1928—29 года. Оставляя в стороне наши вынужденные расходы на оборону, являющиеся в условиях нашей действительности довольно скромными, наши бюджетные ассигнования росли след. образом: расходы 1925/26—1928/29 г.г.

	В 1925/26 г.	В 1926/27 г.	В 1927/28 г.	В 1928/29 г.
1. Расх. на сод. адм. и хоз. и соц.-культ.	100	114	127	144
2. Сельское хозяйство	100	82	111	221
3. Промышленность	100	224	318	411
4. Электрификация	100	153	203	260
5. Организ. торг., кооперация . .	100	193	344	463
6. Бюдж. вл. по трансп. . . .	100	217	310	420
7. „ „ по связи	100	105	158	209

Эти блестящие цифры прекрасно показывают, что все наше напряжение, вся наша деятельность, вся наша реальная финансовая возможность направляется исключительно на быстрый под'ем нашего народного хозяйства и быстрое развертывание всех сил социализма. В смысле культурно-экономических устремлений наши бюджетные ассигнования являются примерными и выделяющимися из всех бюджетов, кои только известны миру. И в этом отношении наша бюджетная работа, наша финансовая политика ярко выражает социалистический характер нашей страны. Ж о р д а н и я сравнил наше управление и наше хозяйство с управлением и хозяйствами сотрапов древнего мира. Почему он не привел не одного конкретного примера для утверждения своих реакционейших взглядов? Пусть поищет он соответствующий

материал, если не у древних сотрапов, то по крайней мере у хваленой им европейской демократии!

Беглый обзор нашего хозяйства показывает нам социалистические отношения, коими проникнуто все экономическое устройство страны. Эти показатели бросаются в глаза с како йбы стороны не подойти к нашему хозяйству. И промышленность, и сельское хозяйство и распределительные процессы, точно также система расходования государственных средств, укрепляют одно общее дело, которое именуется социализмом. Социализм есть великий процесс обобществления всей социально-экономической жизни, социализм есть максимальное напряжение энергии для полного развития производительных сил населения, социализм есть полное использование благ, вытекающих из развития этих производительных сил. Социализм есть царство трудящихся, т. е. система отношений, при которой продукты, производимые трудящимися, идут не в частную собственность лиц, владеющих известными средствами производства, а на дело культуры и благосостояния самих трудящихся. В этом смысле социализм есть государство труда, царство труда.

В нашем великом социалистическом строительстве положение трудящихся, общая роль трудящихся всецело находится в соответствии с социалистическими процесами, о которых мы имеем сейчас довольно ясное и правильное представление. В истории социалистической реконструкции нашего хозяйства мы имели в первую очередь политическое господство и политическое руководство нашего рабочего класса. Это политическое господство пролетариата имело решающее и определяющее значение в деле социалистического развития всего нашего общества. Но политическое освобождение рабочего класса может быть полным лишь в том случае, когда за ним идет освобождение из под экономического господства сил, представляющих интересы частного капитала. Наш исторический процесс социалистичекого строительства сейчас является именно этим величайшим процессом экономического освобождения пролетариата и трудящихся крестьян. Процесс обобществления экономических устоев нашей жизни является об'ективным условием и показателем экономического господства, экономического освобождения пролетариата. Из общего числа рабочих, получающих заработную плату, т.-е. из числа рабочих, занятых во всех отраслях народного хозяйства, в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и т. д., 79,2% совершенно освобождено от какого бы то ни было влияния частных хозяйств. Но если нами будут взяты некоторые секторы народного хозяйства, при том секторы наиболее важные, как например, вся крупная промышленность, весь транспорт и связь, вся торговля и все строительное дело, то мы получим следующую замечательную картину:

	В 1925/26 г.	В 1926/27 г.	В 1927/28 г.	В 1928/29 г.
Число лиц. в крупн. пром. . .	97,5%	98,3%	98,7%	98,7%
„ „ тр. и связи . . .	98,1 „	98,7 „	98,8 „	98,8 „
„ „ строит. деле	94,9 „	97,1 „	97,8 „	98,1 „
„ „ торговле	83,8 „	84,3 „	88,0 „	89,1 „

Кто имел хоть какое-нибудь отношение к политике, или имеет хоть самое отдаленное представление о ней, тому великолепно известно, что существующее в истории рабочее движение как раз и выросло из этих секторов народного хозяйства, что пролетариат именно этих секторов экономической жизни является творцом политики, вождем рабо-

чего движения, пролетариатом, руководящим всей политической борьбой в жизни. Как видите из этих замечательных цифр, этот важнейший и **главный кадр рабочего класса почти совершенно освобожден у нас от какого б ыто ни было влияния частных хозяев, эти рабочие, как общественные силы работают исключительно в общественных установлениях и делают свое историческое дело в условиях общественного производства.** Здесь мы имеем не только политический переворот и не только политическое освобождение пролетариата, а его полное экономическое освобождение, здесь мы имеем лучшие общие формы социалистических производственных отношений. Подобное состояние пролетариата также является прекрасным показателем основных форм социализма, имеющихся у нас.

Что означает политическое и хозяйственно-экономическое освобождение пролетариата? Что означает руководство пролетариата всей хозяйственной жизнью страны? Политическое и экономическое господство трудящихся было бы фальшивым звуком, если бы это господство не означало устойчивости политического и материального их положения. Экономическое состояние наших рабочих, конечно,, находится в полном соответствии с общим экономическим состоянием страны. Общие условия благосостояния рабочих и равновесие между общественным и личным благосостоянием у нас устанавливается самим рабочим классом. Вот почему бывает, что наступательный ход нашей экономики проходит не мимо рабочего класса, а, наоборот, развитие нашей экономики обязательно определяет развитие и улучшение благосостояния рабочих.

Как общее правило, при нормально сложившихся международных условиях, развитие экономических сил социализма происходит более или менее равномерно и планомерно. Социализм есть освобождение страны от кон'юнктурных потрясений, свойственных капиталистическим отношениям. Социализм есть гармоническое состояние и развитие его сил имеет такой же гармонический характер. СССР на протяжении своих уже двенадцати лет не знает кон'юнктурных кризисов, вызываемых колебаниями уровней прибыли в капиталистических странах, колебаниями борьбы капиталистов и рабочих. Эти колебания кон'юнктуры, эти колебания прибыли, эти политические моменты преобладания капиталистических сил, всегда вызывают в первую очередь колебания экономического состояния рабочих; заработная плата в капиталистическом обществе подвергается всевозможным изменениям и рабочий класс в этом обществе никогда не знает, что сулит ему завтрашний день. В условиях капитализма не рабочий определяет судьбу всех отношений жизни, а капиталист.

Совершенно иные отношения у нас. Наш рабочий никогда не подумает, что уровень прибыли коснется именно его благосостояния, наш рабочий знает, что его заработная плата умещается в заранее определенные его профессиональным органом, рамки, и что он обязательно получит за труд по тому поясу или по той категории, по которой он должен получить свое вознаграждение; тут никакие кон'юнктуры не могут поколебать его материального состояния. Вот почему мы имеем следующий весьма знаменательный и глубоко замечательный факт: экономическое и культурно-общественное благосостояние рабочих у нас

развивается систематически и это развитие его благосостояния имеет неуклонно-повышающийся характер.

Индекс реальной заработной платы рабочих всей промышленности дает следующую табличку:

В 1925—26 г.	—	93,7%
„ 1926—27 „	—	105,4 „
„ 1927—28 „	—	115,3 „
„ 1928—29 „	—	122,1 „

Мы видели неуклонный под'ем заработной платы. Общий уровень заработной платы наших рабочих нас совершенно не удовлетворяет. Мы должны приложить героические усилия к улучшению материального положения нашего рабочего класса. На этом фронте, как и во всей общественно-экономической жизни, мы, действительно, имеем достижения. «Добились же мы дя целого ряда отраслей труда, при переходе от 10-часового рабочего дня (двойных) к 8 часам, более высокого заработка, чем до войны,—говорит Шварцман. — «Месячная реальная зарплата рабочих крупной промышленности в среднем за весь 1926—27г. равнялась 31 р. 90 коп., что на 4,7% больше довоенной. К концу 192627 года месячная реальная зарплата составляла: у текстильщиков 27 р. 25 коп., что на 33% выше довоенной, у химиков—33 р. 51 коп.,—на 38% больше довоенной, у бумажников,—32 р. 45 к.,—на 42% больше довоенной. [1])

Повторяем, нас совершенно не удовлетворяет настоящие условия, в которых приходится жить нашему рабочему классу. Перед нами стоят огромные задачи по развитию рабочего класса в отношении политическом, культурном и экономическом; власть рабочих—советская власть—делает в этом направлении безусловно максимум возможного. Советская власть является единственной властью в мире и во всей истории человечества, которая исключительно исходит из интересов рабочих и крестьян, единственной властью, которая делает все то, что соответствует инересам рабочего класса. В этом отношении система пролетарской политики советской власти ярко характеризует нашу жизнь, как жизнь социалистическую.

Каждый год в СССР является годом культурного и экономического улучшения жизни рабочих: — постепенное повышение заработной платы, систематическое улучшение жилищных условий, безплатное обучение детей рабочих, страхование от несчастных случаев, болезней, сокращение рабочего времени—вот основные моменты этого порядка. Наша страна является единственной страной в мире, где сокращение рабочего времени происходит не за счет сокращения заработной платы и ухудшения общих условий жизни рабочих. С введением 7-часового рабочего времени мы видим у нас дальнейшее увеличение заработной платы рабочих и улучшение общих условий их жизни. Вот маленькая справка из контрольных цифр промышленности на 1928/29 г., данная Высшим Советом Народного Хозяйства. «Сравнивая заработную плату по промышленности союзного значения с заработной платой по республикам получаем следующую картину:

---

[1]) Шварцман — «Что даст рабочему классу 7 часовой рабочий день?». М. 1928 г. стр. 42.

Динамика средней месячной зарплаты.

	1927/28 г.	1928/29 г.	% рост.
Союзная промышленность	61,04	64,75	106,3
Р. С. Ф. С. Р.	64,30	67,53	105,0
У. С. С. Р.	70,03	72,90	104,2
Б. С. С. Р.	59,62	62,87	106,1
З. С. Ф. С. Р.	62,56	63,73	102,0
Туркм. С.С.Р.	53,22	54,88	103,1
Узб. С.С.Р.	55,99	59,03	105,4
По всей промышленности:	62,34	65,89	105,7

Только слепые могут не видеть, что у нас происходит резкое и быстрое улучшение материального благосостояния трудящихся. История человечества никогда на знала этих процессов, эти процессы характерны только лишь для социалистического строя.

Никто не должен думать, что это улучшение благосостояния рабочих происходит от ухудшения общих экономических условий страны. Нет, систематическое улучшение материального положения трудящихся происходит на ряду с систематическим под'емом всего народного хозяйства. Наше народное хозяйство растет и в вертикальном отношении и в отношении горизонтальном т.-е., как в техническом направлении, так и в отношении числа всех новых предприятий. Возьмем еще характерную таблицу изменения численности персонала цензовой промышленности с 1 Июля 1927 г. по 1 Июля 1928 г. [1])

	I/VII 27 г.	I/VII 28 г.	В %%
Всего персонала . . .	2963362	3197870	107,9
Рабочих	2560512	2785891	108,7
Служащих	269884	275084	101,8

Таким образом, улучшение материального благосостояния рабочих проходит на твердой базе развития всего народного хозяйства. У нас создались и систематически создаются соответствующие об'ективные условия для увеличения производительности труда. Мы отмечали выше, что развитие советского хозяйства—есть развитие крупного хозяйства. Эти процессы видны в сельском хозяйстве, они имеются также в промышленности. Используем данные Улицкого по промышленности. По разработанным Улицким данным концентрация промышленности представляется в следующем виде,—в %%-ах.

	1900 г.	1914 г.	1925 г.	1928 г.
1. До 50 рабочих	13,5	10,2	4,5	2,9
2. От 50—500 рабочих	38,3	33,0	25,7	22,0
3. От 500 и выше	42,4	56,8	69,8	75,0

Мы дадим этот процесс, взятый из весьма интересной работы Улицкого в другом разрезе, при чем покажем также процесс развития общей продуктивности труда. [2])

Ст. размер на I промышленное заведение.

	Ср. число рабочих.	Ср. разм. продукции в т. дов. рубл.
В 1922—23 г.	414	446
„ 1923—24	442	544
„ 1924—25 „	524	877
„ 1925—26 „	621	1156
„ 1926—27 „	643	1357

Эти замечательные процессы развития производительности труда и аккумуляции общественного капитала не будут правильно поняты, если мы не выявим действительного отношения нашего социали-

[1]) «Статистическое обозрение» — Сентябрь 1928 г., ЦСУ, стр. 108.

[2]) Улицкий — «Процессы концентрации в пятилетнем разрезе», стр. 47. «Пути индустриализации», 28 г. № 16.

стического правительства к труду. Характерной особенностью в довоенной промышленности, как и ныне во всех капиталистических странах, является расслоение рабочего класса по квалификации и заработной плате. Буржуазия всегда стремится иметь в среде рабочего класса элементы, которые могли бы быть известной опорой во время революционного брожения. Этими элементами обыкновенно являлись лица высшей квалификации, с высокой заработной платой. Тов. Шварцман в своем труде дает нам конкретные примеры этого. Автор сообщает: «В довоенное время у металлистов из каждой тысячи рабочих 45 человек зарабатывали до 50 коп. в день, а 47 человек больше 4 рублей в день. В 1915 г. на московских машиностроительных заводах заработок в час составлял:

У чернорабочих женщин	—	10 коп.
„ „ мужин	—	13 „
„ молотобойцев	—	25 „
„ модельщиков	—	38 „
„ токарей	—	42 „

«Задача рабочего государства и наших профессиональных союзов состоит в том, чтобы эту разницу постепенно уменьшать и сближать размеры заработной платы рабочих различных категорий и специальностей. Нам удалось изменить соотношения в заработках нисших и высших разрядов или групп рабочих по сравнению с дореволюционным временем». [1])

Об этих достижениях говорит правительство Союза в своем отчете. «При росте населения примерно в 2% число промышленных рабочих увеличилось в истекшем 1927/28 г.г. на 7,7%, а производительность труда на одного рабочего за год увеличилась на 14%. Это дало правительству возможность обеспечить дальнейшее улучшение материального положения рабочих. Особое внимание уделялось,—отмечает отчет,—повышению ставок низко оплачиваемых групп рабочих, что привело к дальнейшему общему выравниванию зарплаты. Так, если в Марте 1926 г. меньше половины среднего заработка получало 13,4% общего числа рабочих, то в Марте 1927 г. это низко оплачиваемая группа составляла 10,5%, а в Марте 1928 г.—8,5%. [2]) Для лучшей характеристики процесса увеличения заработной платы, преимущественно низко оплачиваемых слоев рабочего класса, я приведу маленькую справку из жизни текстильщиков.

Распределение работниц по размеру получаемой зарплаты в процентах.

Месячн. заплата	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
До 20 руб.	27,6	25,5	6,1	1,6
От 20—30 „	43,2	30,5	19,4	9,4
„ 30—40 „	22,7	35,5	28,8	22,5
„ 40—50 „	5,4	14,4	27,4	28,4
„ 50 и выше	1,1	4,1	18,3	38,1

Эта таблица как нельзя лучше показывает переворот, произошедший в жизни рабочих. В течение каких-нибудь четырех лет из текстильной промышленности почти что совершенно исчезли самые нисшие ставки и сгладились отношения оплаты рабочих различных категорий. Эти процессы являются характерными и свойственными исключительно социализму. В этом отношении вся рабочая политика нашего правительства также проникнута социализмом.

[1]) Шварцман — «Новый способ установления заработной платы», 1928 г. стр. 6 и другие.

[2]) «Основные итоги работы правительства СССР», стр. 126, 1928 г.

О прочих сторонах положения рабочего класса, как и об очень многих проблемах всего нашего быта и хозяйства, мы не будем говорить. Боюсь, что настоящая работа давно вышла из заранее намеченных рамок. Я остаюсь все же в убеждении, что основные и характерные черты нашего хозяйства выявлены здесь в достаточной степени. По всем этим показателям, вполне можно вывести заключение о процессах в нашей жизни. Мы находимся в исторической эпохе бурного социалистического строительства и все основные рычаги политической, социальной и экономической жизни направляют нас по социалистическим рельсам к оформлению классического социализма.

Но мы не должны пройти мимо некоторых затруднений, имеющих напряженный характер. Ведь процессы, которые так ясны для нас, совершенно незаметны для многих. Наоборот, многие не видят именно социалистических процессов, ослепляются каждым случаем, характерным для капиталистического способа производства. Люди, получившие буржуазное воспитание и твердо усвоившие точку зрения буржуазных отношений, никогда не заглянут в тот мир, который течет по главным улицам больших городов, и в болтовне мещанской массы они ищут подтверждения своим буржуазным воззрениям. Для этих лиц важными являются **не основные исторические процессы, происходящие в недрах общества,** а факты, большей частью имеющие случайный и спорадический характер. На этих случайных фактах строят они свои системы и теории, как например, на отдельных товарах Бем-Баварк строил свою теорию предельной стоимости товара.

«О каких возродительных процессах можно говорить, когда везде и всюду голод, недостаток продуктов, кризис, хвосты и прочее», [1]) спрашивают обыкновенно люди этого типа. Ни чем не отличается от этих воплей мещан демогогия Троцкого: «Чтобы у рабочего, батрака, крестьянина—бедняка, который видит вокруг себя на одиннадцатом году революции, бедность, нищету, безработицу, хлебные хвосты, безграмотность, безпризорность, пьянство, проституцию, не опустились руки, нужна жесткая правда а не нарядная ложь. Вместо того, чтобы прививать им, будто $^{9}/_{10}$ социализма уже осуществлены, надо сказать им, что мы сейчас, по нашему хозяйственному уровню, по нашим бытовым и культурным условиям, еще гораздо ближе к капитализму, притом отсталому и некультурному, чем к социалистическому обществу». [1])

Действительно, мы не только не должны преувеличивать наши политические и хозяйственные достижения, но должны постоянно относиться к нашим успехам сдержано и осторожно, должны все время помнить и даже намеренно преувеличивать те трудности и опасности, которые могут возникнуть, как в нашей внутренней жизни, так и во внешних отношениях. Мы знаем и должны твердо помнить, что для полного нашего благополучия, нам следует очень много работать. Мы должны особенно напряженно работать над поднятием всех сторон нашей жизни, но незачем фальсифицировать всю нашу действительность и затемнять имеющиеся крупные достижения. Зачем говорить явную неправду и безсмыслицу, уверять, что мы находимся ближе к самым варварским формам капитализма, чем к формам социализма? Зачем выступать с явной ложью, доказывая, что положение наших рабочих на 11-м году Октября хуже, чем в прошлом? Кому нужна эта фальш? Нашим рабо-

[1]) Троцкий — «Проект программы Коминтерна», стр. 27.

чим? Заграничным рабочим? Эта ложь, эта фальш нужна только лишь нашим и зарубежным буржуям, заядлым реакционерам, подлым авантюристам всех рангов и всех мастей, но не нужна ни одному сознательному рабочему, уверенно идущему вперед в стране социализма.

Действительно, мы имеем недостатки, у нас много чего не хватает, нужно гораздо больше. Но отчего происходят эти недостатки? Оттого, что мы не развиваемся? Оттого, что мы не растем? Оттого, что мы падаем и разваливаемся? Ведь мы на самом деле имеем большие, хотя еще недостаточные, достижения. Троцкий пишет, рассказывает о наших недостатках, но в подтверждение своих взглядов не производит никакого анализа нашей жизни, не приводит кроме голословных фраз, никаких доказательств, совершенно не использовывает статистического материала, не анализирует ни одного процесса нашей действительности.

Один весьма существенный момент должен быть нами отмечен. Условия нашей внутренней и внешней жизни налагают на наше хозяйство своеобразный отпечаток. Наша социалистическая страна является ныне более производящей, чем потребляющей страной. Мы находимся еще в таких условиях, когда приходится особенное внимание обращать на производство, добычу и ввоз технических средств социализма, чем средств потребления. Ничего не может быть легче наводнения страны всякого рода готовыми продуктами. Нужно не это, а нужно чтобы мы сами были производящей страной, нужно, чтобы социализм имел в первую очередь свою собственную техническую базу, нужно чтобы социалистическая экономика была полнокровной. *)

Вместе с тем необходимо отметить следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Мы имеем быстрый экономический рост в отраслях, производящих средства производства. Наши затраты внутренних средств, наши затраты валюты идут, главным образом, на обогащение нашего социалистического хозяйства высшими техническими средствами производства. Соответствующие сведения мы приводили выше. Наряду с этим единственно необходимым и правильным направлением наших капитальных вложений происходит значительное улучшение экономического быта рабочих, т.-е. идет быстрое расширение емкости нашего внутреннего рынка. Эти конкретные условия имеются в городах. Такой же процесс следует отметить и в деревне. Увеличение контингента самостоятельных крестьян, которым Октябрь дал необ'ятные по своим размерам земли, увеличило покупательную способность живых сил страны.

Потребление на 1 душу населения в кгр.

	Нефти.	Угля.	Чугуна.	Железа и стали.	Хлопка.	Сахара.
В 1921 г.	30	0,06	0,85	—	0,065*)	0,75
„ 1923 „	38	0,09	3,—	5,5	1,9	1,58
„ 1926 „	46	0,1	9,—	14,—	—	6,6

Эта маленькая таблица опрокидывает верх дном всю насквозь буржуазную концепцию Троцкого и его вольных или невольных последователей. Но нам нужно еще несколько лет особенно нажимать на производство средств производства, на укрепление наших технических баз,

*) Напряженное экономическое состояние будет продолжаться несколько лет. Однако, **не за горами время, когда наша социалистическая промышленность перейдет к образованию солидных промтоварных запасов.** Образование запасов, вроде хлебного запаса текущего года, будет одной серьезной задачей советской власти. Эти запасы будут фондами, которые избавят страну от существующих напряжений на рынке, как продовольственных, так и строительных, промышленных и иных продуктов.

чтобы тем самым облегчить разрешение хозяйственных вопросов, связанных с расширением производства, известных под группой А, чтобы увеличить выпуск предметов непосредственного потребления. Важно первое,—второе является следствием первого.

Мне нужно отметить еще одно существенное обстоятельство. Наша страна единственная страна в мире, творящая и проводящая свою политику в соответствии с основными нуждами нашего хозяйства. Как это нужно понимать? В старой России, как и во всех капиталистических странах, мы имели следующее явление: население капиталистической страны обслуживается фабриками и заводами, принадлежащими силам данной же страны, фабриками и заводами, принадлежащими иностранцам, а также фабриками и зводами других стран, владельцы которых без всякого плана ввозят в страну всякого рода продукты, не спрашивая ни у кого необходимы ли эти продукты для населения или нет. СССР является единственной страной в мире, которая вовсе воспретила у себя бесплановый ввоз потребительских продуктов и искоренила ряд производств, ненужных и нецелесообразных для страны. Из всего нашего ввоза ныне 80% падает на технические орудия производства, тогда как до войны мы имели обратное. На весь наш необ'ятный рынок всяког рода продукты поставляются, главным образом, нашими собственными фабриками и заводами, **вся тяжесть нашего внутреннего рынка падает сейчас исключительно на наши собственные предприятия.** Вот почему у нас мало всякого рода продуктов. Мы должны производить не столько, сколько производили российские старые заводы, а нам нужно заменить и покрыть своими произведениями также **ту недостачу товаров, которую мы имеем от запрещения ввоза товаров.**

Ясно, что наша работа будет иметь весьма и весьма напряженный характер. Иначе быть не может. Мы должны иметь все средства в быстром обращении, мы должны учитывать каждый час, чтобы не терять ни секунды без работы, без производства. Социализм есть величайший процесс бурного строительства, величайший процесс бурного роста, величайший процесс бурного развития. **Темпы для нас все; бег,—а не шатанье,—вот что нужно нам.** Все эти показатели использования буквально всех средств на производсто, на развитие производительных сил страны являются характерными для социалистического общества.

Венцом социалистического строительства СССР, без сомнения, является пятилетний план развития народного хозяйства Союза, утвержденный советским правительством. Этот план, охватывающий буквально все стороны общественно-экономической жизни великой страны, является единственным планом, когда-либо известным всей истории человечества. Этот план поражает, главным образом, 2-мя моментами: первое—быстрым темпом развития всех сторон социально-экономической жизни, совершенно неизвестным и необычным для высококвалифицированной Европы, и второе—**характером** скачкообразно развивающегося народного хозяйства.

Несколько цифр будет вполне достаточно, чтобы осветить ближайшие перспективы мощного экономического сдвига Союза:

	В 1913	В 1927—28	В 1932—33
1. Продукц. земледел. в довоен. ц.	10,5	11,0	17,0
2. Продукц. ценз. промышл. в довоен. ц.	6,4	8,1	21,0
3. Народный доход в довоен. ц.	14,0	15,0	30,0*)

[1]) Показатели даны в миллиардах довоенных рублей.

Эти общие сведения не могут не оказать на сведущего в хозяйственной жизни человека поразительного влияния. Нужно вспомнить, что этот исторический народно-хозяйственный план расчитан на свое осуществление без всякого притока иностранных кредитов, исключительно средствами собственного социалистического накопления. Вы должны ебе представить те **преимущества самой системы сложившейся в России советской власти,** которая дает возможность построения и осуществления такого замечательного плана.

Россия бедная, Россия отсталая, Россия фактически рабская, преобразованная Октябрьской Революцией в величайший социалистический Союз, перегоняет в своем темпе все страны богатейшей капиталистической Европы. Еще несколько характрных цифр:

		В 1913 г.	**В 1927 28 г.**	**В 1932 33 г.**
1.	Производство электроэнергии[1])	1945	5 000	22 000
2.	„ кам. угля[2])	28,9	35,4	75,0
3.	„ чугуна	4,2	3,3	10,0
4.	„ мартена	4,2	3,9	10,0
5.	„ с-х. машин[3])	67	125	498
6.	„ суперфосфата[4])	55	150	3 400
7.	„ с. кислоты	150	208	1 450

Эти цифры бурного под'ема всей хозяйственной жизни СССР сами говорят за себя. Но важнее этих показателей **характер** развития экономической жизни. Первая пятилетка преодолевает трудности по социалистичскому переустройству экономической жизни Союза и делает гигантский шаг по оформлению социализма во всех ее областях. *)

---

[1]) Млн. квтч.

[2]) Уголь, чугун, мартен в млн. тонн.

[3]) В довоенных рублях млн. р.

[4]) Суперфосфат и с. кислота в тыс. тонн.

*) Набор данной работы был готов, когда в «Соц. Вестнике» (№ 208) появилась статья К. Каутского — «Перспективы сионизма». Говоря об антисемитизме и палестинском вопросе К. Каутский не может не упомянуть СССР. Он пишет: «Кто у нас не пожелал бы, чтобы дерзкий **замысел** Ленина удался, и чтобы он привел Россию, а вслед затем и весь мир к социализму? **И если действительное развитие все больше оправдывает наше опасение, что ленинский эксперимент должен будет кончаться бедой, то** это отнюдь не наполняет нас удовлетворением». (Курсив наш — **Т. Гл.**). Не найдется во всем мире мало-мальски политически грамотного человека, который прошел бы без глубочайшего возмущения мимо этих строк Каутского. Открывается 13-ый год блестящей истории существования социалистических республик Октября и всем известно, что именно К. Каутский за все это время своим «авторитетом» и неустанной литературной работой натравливал все буржуазные правительства и оппортюнистическую демократию против СССР и всеми способами мешал развитию наших республик и осуществлению дерзании Ленина. А теперь выходит, что он будет сожалеть если ленинский эксперимент (?!) окончится бдой! Сколько лжи и лицемерия в этом?! Но мы тут хотим поставить другой вопрос: можно ли говорить о ленинских экспериментах в СССР после 12 летней истории советов и пышного их экономического развития?

Тов. Молотов в своем докладе на 1-ой московской областной партконференции приводил заключение американского правительственного комитета, возглавляемого президентом Гувером о советских хозяйственных делах, когда люди, не имеющие ничего общего с социалистическим движением и явно настроенные против СССР, но великолепно разбирающиеся в экономических вопросах и в этом смысле вполне авторитетные, не могут иначе охарактеризовать последние годы хозяйства СССР, как годами, возрождения, просперити. Как это случается, что политические деятели вроде Гувера, Юнга, Грина, даже такие бульварные и черносотенные газеты, как «Руль», «Последние Новости» и т. д. не могут не признать огромных успехов социалистического хозяйства СССР, а «социалист» Каутский видит только лишь беду и разорение! Нужно быть классическим об'ектом психиатрической лечебницы, чтобы говорить сейчас о социалистическом хозяйстве СССР, как о дерзком эксперименте.

В области промышленности, как в цензовой (крупной) и мелкой, а также в оптовой и розничной торговле (торгово-посреднический оборот) мы получаем следующую картину обобществления.

	Государств. сектор.	Коопер. сек.	Вм. обобщ. с.	Частн. сек.
	Вся промышленность в процентах			
В 1927—28 г.	69,2	10,3	79,5	20,5
„ 1932—33 „	77,5	14,9	92,4	7,6
	В земледелии в процентах			
„ 1927—28 „	1,2	0,6	1,8	98,2
„ 1932—33 „	3,2	11,5	14,7	85,3

Всем известно, что за свои грандиозные политические и экономические планы весь буржуазный мир считал большевиков утопистами, фантазерами. А вот послушаете т. Орджоникидзе, одного из ответственнейших руководителей советского хозяйства, отчитывающегося пред московскими рабочими. С. Орджоникидзе говорит:

«Ежегодный прирост продукции промышленности в **12—13 проц. считался** тем желательным темпом, который дал бы нам возможность догнать и перегнать капиталистические страны. Что же получилось на самом деле? При составлении контрольных цифр на 1927—28 г. считалось, что прирост будет равен **18—19%.** На деле вышло **21—22 проц.** Для текущего года (1928—29 г.) прирост продукции по контрольным цифрам был установлен в **20—21 проц.** На самом же деле мы имеем около **24 проц.** На 1929—30 г. по пятилетке предполагалось, что рост продукции промышленности будет равняться **20—21 проц.** На самом же деле контрольные цифры, запроектированные ВСНХ Союза и Госпланом, дают громаднейший скачок вперед: по тяжелой промышленности — **40—44 проц.,** по легкой индустрии — **28 проц.,** а всей промышленности — **32 проц.** Таким образом, на пороге 1929—30 г. наше социалистическое хозяйство заявляет, что все предсказания, которые были до сих пор, — неправильны, что его рост идет гораздо быстрее, что он даст советскому государству не 12—13 проц., как об этом говорилось 5—6 лет назад, и не 20—21 проц., как это говорилось несколько месяцев назад, а 30—32 проц. по всей промышленности и свыше 40—44 проц.

Возьмем государственный бюджет. Когда мы в прошлом году утверждали бюджет на 1928—29 г. в 7½ с лишним миллиардов, то все говорили, что это — напряженнейший бюджет. Теперь мы подходим к концу года, и этот напряженнейший бюджет дает больше, чем мы предполагали, примерно, миллионов на **200.** По пятилетке было предположено, что бюджет на 1929—30 г. будет равняться **9 миллиардам 200 миллионам.** В настоящее же время практикуется бюджет в размере **10 миллиардов 200 миллионов,** а Госплан предполагает **даже 10 миллиардов** рублей».

Так говорит человек, который лучше, чем кто либо другой говорит о самокритике и без всякой боязни вскрывает все наши недостатки. И мы спрашиваем, можно ли говорить об этих блестящих итогах социалистического хозяйственого развития в СССР, как о беде и экспериментах? Враг революции, предатель социализма, злостный лицемер может характеризовать экономику СССР, как эксперимент.

Но и даже в том случае, если бы мы видели в СССР не столь бурные под'емы социалистического хозяйства и имели бы вместо 30, 25, и 20% ежегодного роста, нормальные для передовых капиталистических стран 7, 8 или 10%, то и в этом случае не обязан ли даже просто доброжелатель, не говоря уже о социалистах, быть восторженным этими нормальными сдвигами и всемерно помогать дальнейшему развертыванию их? Этот святой и прямой долг каждого революционера и марксиста сделалось недосягаемой азбукой для такого человека, как Каутский, имеющего за собой 50 лет тяжелой социалистической литературной борьбы!

Преодолев труднейший этап экономического развития, страна советов широким фронтом открывает эпоху бурных темпов культурно-экономического роста. С хозяйственным укреплением страны укрепляется и ее политическая организация. Партия и пролетариат на этой базе быстро освобождаются от всевозможных уклонов и как монолитное целое толкает возрождающуюся жизнь ко всем великим достижениям. Мы сумели в процентных выражениях определить развитие и укрепление экономики страны, но мы еще не приступили к такому точному определению роста и укрепления партии и политической структуры страны. Необходимо и эту работу выполнить.

Слова и писания, планы и программы, каким бы духом оптимизма не наполнялись они, быстро сдаются в архив волнами быстро развертывающейся жизни, заставляя партию, пролетариат, правительство выдвинуть все новые, более смелые, небывалые и неизвестные истории человечества размеры движения. Неужели же можно рассматривать эту страну, как экспериментальную лабораторию дерзких людей?

К этим цифрам следует прибавить следующее: помимо процессов обобществления производственных отношений промышленности и сельского хозяйства мы наблюдаем еще больший рост кооперирования населения потребительскими обществами. Вот показатели кооперирования всего населения:

	В городе	На селе
В 1927—28 г.	45,3 %	19,1 %
„ 1932—33 „	70,0 %	40,0 %

Представители крупнейших капиталистических организаций, незнакомые с правилами составления общенародного хозяйственного плана, сочтут весь этот план прекрасной фантазией досужего человека. Даже «Социалистический Вестник», которому пора было бы уверовать в реальность плана советского правительства, пишет: «Можно со всей решительностью сделать вывод, что пятилетка в целом,—как план всего народного хозяйсва,—осуществлена не будет, так как она построена на игнорировании экономических возможностей страны и идет в разрез с тенденциями ее развития». [1])

В отношении исполнения хозяйственных предначертаний и планов советского хозяйства мы имеем довольно удовлетворительный опыт. В течении всех последних восьми лет хозяйственной стройки советского Союза мы имеем совершенно удовлетворительное выполнение указанных планов. На этом основании можно было твердо заявить, что пятилетка будет вполне реальным планом. Учитывая же опыт прошлых лет можем сказать: пятилетка в своем оптимальном виде не только будет недовыполнено, но и перевыполнено. Но нам нечего заниматься гаданием. Мы имеем довольно приличный отрезок пятилетки в виде 1928/29 хозяйственного года, когда на этом, самом трудном, самом ответственном отрезке пятилетки мы имеем безусловное выполнение плана. Для примера возьмем выполнение плана по внешней торговле. Как известно, после неурожайного 1927/28 г., внешняя торговля производилась в исключительно тяжелых условиях. Однако—как указывает М. Кауфман—«за восемь месяцев текущего года экспорт составил 553,5 млн. руб.—на 10,2% больше, чем в предыдущем году. Вывоз по европейской границе возрос на 13,2%. **Итоги первого года пятилетки**—подчеркивает Кауфман—**свидетельствуют о реальности намеченных цифр».** [2]) Что же касается внешней торговли на второй год пятилетки, то, чрезвычайно характерно, контрольные цифры на 1929/30 г. оставляют уже рамки пятилетки. «Контрольные цифры на 1929/30 г. являются дальнейшей порверкой пятилетнего плана. Намеченный Наркомторгом количественный рост экспорта на 2,4% превышает размеры, запроектированные в пятилетнем плане». [3])

О. Домановская особенно фантастическим и невыполнимым считает план развития сельского хозяйства. По всем имеющимся у нас сейчас признакам все отрали промышленности, имеющие непосредственное отношение к сельскому хозяйству, как например, промышленность химическая, машиностроительная (тракторная) и пр. безусловно

[1]) О. Доманевская — «Пятилетка и ее перспективы», «Социалистический вестник», № 203, Июль 1929 г.

[2]) М. Кауфман — «Контрольные цифры по внешней торговле на 1929/30 год», см. «Известия» от 28. 6. 29 г.

[3]) Там же.

перевыполнят пятилетку. Что же касается самого земледелия, то обобществление земледелия уже перегнало пылкие предположения советского правительства в 1927/28 и 1928/29 г.г. «По пятилетке Госплана,—говорит Микоян,—Зернотрест должен иметь к концу пятилетия до 2 млн. гект. посевов и дать 1.640.000 тонн товарного хлеба; однако, по предположениям Зернотреста, к концу пятилетия будет развернуто посевов до 4 млн. гектаров и даст товарного хлеба вместо 1,6 млн. тонн до 3, 3-4,0 млн. тонн». [1])

А. Гайстер дает маленькую справку о колхозном движении:

		На 1. 5. 28	На 15. 4. 29
1.	Ленингр. обл. и Карелия	286	694
2.	Западный район	411	761
3.	ЦПО	1 248	3 130
4.	Н.-Волжский район	1 753	3 399
5.	7 окр. ЦПО . . .	1 171	2 294

«Эти предварительные итоги,—говорит Гайстер,—дают основание полагать, что прирост колхозов в тек. году будет не менее соответствующего прироста в прошлом году и превысит плановые предположения. [2]) Вся продуктивная посевная площадь на этот 1928/29 год тоже показывает выполнение плана и она составляет 105,9% прошлого года. В отношении машиноснабжения деревни Союз без сомнения имеет большие достижения. Гайстер пишет: «Машиноснабжение увеличилось по сравнению с прошлым годом на 50%. План снабжения тракторами в 1929 г. превосходит план 1928 г. по количеству тракторов в 2½ раза, а по мощности—в 3½ раза. Тракторов было в сельском хозяйстве к весне 1929 г. 39.217».

Мы уже прошли почти весь 1928/29 хозяйственный год, т. е. 1-ый год общей пятилетки. 1928/29 год был тяжелым хозяйственным годом для Союза, однако, этот год показывает всем, что утвержденный правительством пятилетний план, действительно, является минимальным. Один из руководителей Госплана СССР т. Э. Квиринг, отличающийся своей осторожностью в освещении вопросов, пишет: «По всем важнейшим разделам хозяйственного плана мы пойдем несколько выше темпов утвержденной пятилетки». [3]) Э. Квиринг приводит несколько примеров, по которым Союз, еще на втором году пятилетки, выходит уже из рамок плана. Так, например, на 1929/30 год предполагалось по программе пятилетки, а на самом деле ассигновываются, т.-е. производится увеличение рсбот на млн. рублей:

		Предпол. по 5-летке на 1929 30 г.	Увеличивается против 5-летки до
1.	Топливная промышлен.	470	550
2.	Строительн. материалы	180	208
3.	На сельское хозяйство	360	530
4.	Экспорт . . .	1 130	1 160
5.	Бюджет. рост . . .	15,5%	18,0%
6.	Просвещение	500	575
7.	Маневревый резерв ВСНХ	2 360	2 600
	Обице ассигн. промышлен.	2 360	2 600

[1]) См. речь Микояна — «Известия» от 27 июня 1929 г.

[2]) Гайстер — «Предварительные итоги посевной компании 1928—29 г. «Правда» от 4. Июля 29 г.

[3]) См. Э. Квиринг — «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929-30 г.», «Известия» от 31-го Июля 1929 г.

Как по промышленности, так и по транспорту, строительству, бюджету мы имели выполнение и перевыполнение плана. **Нет никаких признаков срыва плана.** Правда, выполнение плана происходит в условиях чрезвычайного напряжения, но нужно раз и навсегда запомнить твердо, что советский план хозяйственного строительства и переустройства всего уклада экономической жизни ставит все время столь максимальные задачи и берет в основу такие быстрые темпы развития, что состояние напряжения еще долго будет характеризовать осуществление всей политики советской власти. В этих напряжениях враги советской власти видят гибель советов, в действительности же эти напряжения показывают лишь жизнеспособность советского правительства и могущественный характер его работы.

Пятилетний план советского правительства расчитан исключительно на внутренние рессурсы страны. Дальнейшее развитие советской рационализации, предприимчивость широких слоев рабочих, социалистические соревнования в городах и деревнях, непрерывное производство в промышленности, возможный приток иностранных кредитов и т. д., и т. д. [1]) могут только усилить и облегчить выполнение намеченного плана, т.-е. на протяжении ближайших нескольких лет мы будем видеть по многим отраслям промышленности, мы можем лишь констатировать, еще более окрепший, полнокровный, быстро развивающийся социализм на 1/6 части земного шара.

Мы кончили. Однако, мы не только не могли дать читателям полной картины социалистического строительства СССР, но не сумели исчерпать и в достаточной степени представить экономическую сторону его социалистического возрождения. Социалистическое строительство Союза заключается не только в хозяйственном переустройстве и быстром экономическом укреплении страны, но во внедрении социалистического самосознания в широчайшие слои трудящихся масс Союза. *)

---

[1]) Развитие иностранных кредитов дает следующую картину:

В 1922/23 г.	—	35	млн. руб.
„ 1923/24 „	—	100	„ „
„ 1924/25 „	—	160	„ „
„ 1925/26 „	—	265	„ „
„ 1926/27 „	—	390	„ „
„ 1927/28 „	—	520	„ „

См. Paul Czechowicz — „Zahlungsbilanz und Zahlungsfähigkeit der UdSSR" — „Wirtschaftsdienst", Heft 30. 1929. S. 1285.

*) Как известно, еще в довоенное время в отношении социалистического самосознания российский пролетариат занимал на всем европейском континенте одно из передовых мест. Октябрьская революция в этом направлении имеет огромные достижения, и 13-ти-летняя революционная политическая школа, можно сказать, в духовном отношении перевоспитала и пересоздала русского рабочего и крестьянина. Пусть это не покажется самовосхвалением, если мы отметим, что в настоящее время, в отношении социалистического и революционного самосознания, пролетариат Союза в целом стоит гораздо выше пролетариата прочих стран, ибо в этих последних странах социал-демократические, иначе, ложно-социалистические партии политическому и революционному самосознанию рабочих ставят всякие препятствия. В «Силах современного социализма» Вл. Войтинский говорит, что на последних выборах в Палату Общин 5 миллионов рабочих голосовали за консерваторов, что в Швейцарии 59% самодеятельного населения составляет пролетариат, а из этого числа 35% голосует за кандидатов буржуазии. Во Франции 49% самодеятельного населения составляет пролетариат, а из них только лишь 16% голосует за социалистических кандидатов. «В английскую рабочую партию» — говорит Войтинский — вступают представители буржуазной интеллигенции, старой аристократии, высшего духовенства, и т. д.» (См. «Силы современно-

Об этом мы не сказали почти ничего. Мы прошли совершенно мимо вопросов просвещения, здравоохранения, национального устройства и т. д., и т. д. В этих областях Союз имеет не меньшие достижения, чем в области экономической жизни. Изучить новую жизнь Советов, знать существо социализма в СССР—дело чрезвычайно трудное. Для этого потребуется коллективный труд специальных лиц, учреждений, институтов и т. п. Если мы сумели, хотя некоторым образом, помочь читателю в деле правильного подхода к изучению социалистических отношений Союза и привить ему правильный взгляд на общее состояние социалистических республик, мы считали бы нашу работу удовлетворительно выполненной.

Мы бы хотели еще остановиться на некоторых моментах жизни Союза. Процессы нашего возрождения настолько необычайны во всей истории человечества, что необходима сугубая осторожность в оценке и характеристике явлений. Мы находимся в столь быстром процессе ликвидации остатков капиталистических отношений и социалистической реконструкции всего хозяйства, что борьба эмбрионов старого общества с силами нового общества зачастую может ввести нас в опасные заблуждения. Даже такие способные политические работники, как например, тов. Бухарин, могут запутаться. В одном из своих последних выступлений тов. Бухарин говорит: «Наша страна, мелкобуржуазная страна, она была таковой, она таковой еще изрядное время будет»,

С этим толкованием мы не можем согласиться, это взгляды не того Бухарина, которого мы до этого знали. Если это не Lapsus linguale, то весьма и весьма печальная действительность. Этим самым тов. Бухарин пятится назад к т. Сокольникову, к тому Сокольникову, который от своих ошибочных положений успел отказаться.

Ремонтированные, вновь отстроенные, собранные в крупнейшие единицы наши предприятия ведут страну по социалистическим рельсам к расцвету всей нашей культуры и под'ему социалистического благосостояния трудящихся. Крупные наши капитальные вложения, новейшие наши промышленные гиганты, в тесной связи с распределительными организациями, оказывают свое определяющее влияние на все наше хозяйство и ведут страну к классическим формам социализма. Наши крупнейшие кооперативные об'единения, занимающие по своему значению и характеру первое место в мире, охватывают всю нашу страну социалистическими началами и быстро поглощают остатки капиталистических отношений. Сельское хозяйство, на основах обобществленной земли, в условиях снабжения его всякого рода продуктами и орудиями производства, окруженное организациями преимущественно социалистического характера, в условиях реализации своих предметов через посредство социалистических сил, в условиях планового целевого социалистического кредитования и контрактации—быстро меняет свой былой вид и находится в процессе величайшей реконструкции. Это сельское хозяйство, изолированное и распыленное до сих пор, ныне охвачено движением, имеющим величайшее историческое значе-

---

го социализма», стр. 100). Наши читатели могут представить картину революционного политического самосознания тех рабочих слоев Англии, которые до сих пор еще одурачиваются лжесоциалистами рабочей партии, поддерживающими в рабочих «вековые суеверия» и продолжающими религиозные воскресные проповеди «с амвона» церквей.

ние, когда последние формы крестьянского хозяйства—мелкие производственные ячейки заменяются хозяйствами социалистическими—колхозами, совхозами, артелями, всевозможными об'единениями. На селе появляются крупнейшие производственные сельско-хозяйственные об'единения, постепенно играющие руководящую роль во всей деревне, об'единения, проводящие в деревню машины, моторы, химию, лаборатории и т. д.

Наш рабочий класс, наш трудящееся крестьянство ясно видят эти исторические процессы социалистического строительства в нашей стране и они являются единственно надежными силами по еще большему расширению и углублению этих процессов. Наш пролетариат и наше трудящееся крестьянство вносят в эти социалистические процессы все свои материальные рессурсы, все свои физические силы, весь свой опыт и пыл к борьбе для скорейшего придания этим социалистическим процессам форм классического, совершенного социализма.

В эти исторические процессы втянуты не только наши рабочие, но и кретьяне. С этими общественными силами рука об руку ведут борьбу за осуществление классических форм социализма и наши националы, наши отсталые народности, видевшие во все времена самодержавия кнут вместо школы, священника и икону—вместо агронома и трактора, тюрьму—вместо приемного покоя, помещика—вместо коммуны.

Эти национальности, в жизни которых сейчас происходят величайшие культурно-экономические перевороты, находятся в таких политически-государственных отношениях между собой, что дают миру совершенную новую форму политической организации, сила которой поднимает все выше и выше наше социалистическое государство.

Политическое устройство нашего советского государства находится в полном соответствии со всеми теми особенными условиями, которые вытекают из всего нашего социалистического строительства. В существующих ныне капиталистических государственных образованиях мы имеем два типа государств: 1. государства унитарного порядка, классическими примерами которых служат Франция, Италия, Испания и т. д. и 2. государства федеративного и конфедеративного порядка, типа С.-Ш. С. Америки, Германии, Швейцарии и т. д.

Мы здесь не будем распространяться насчет сугубо централистических государственных об'единений. Во всех подобных унитарных об' единениях в первую очередь игнорируется принцип этнического и территориального состава государства. Нам нужно говорить о сложных государствах, к которым нужно отнести наше государственное устройство. О природе русского советского государственного права имеются различные мнения. Вне всякого сомнения, современное русское право не основано на авторитарно-унитарном принципе: здесь мы имеем федеративное устройство государства. Но самым существенным моментом в нашем государственном праве является право выхода (право сецессии) федерата-республики из состава нашей федерации. Ни в одной федеративной республике мира это право не представлено образующим федерацию образованиям так, как в Союзе ССР. Момент сецессии является основным моментом не федерализма, а конфедерализма, и поэтому наше советское государственное право носит в себе основные признаки конфедерализма. Для всего нашего социалистичского строительства этот характер государства имеет огромное значение.

На заре российской революции (1917 г.) проф. Ф. Кокошкин считал совершенно невозможным федеративное устройство России. Ведь федерализм в первую очередь есть эгалитаризм, как личный, так и национальный и территориальный. Кокошкин, как обыкновенный либеральный государствовед, конечно, был прав в своих заключениях. Ведь «необ'ятную» Россию, романовское самодержавие на протяжение веков в достаточной степени обезличило и никакие этнические и территориальные самообразования в России не существовали. Не только либеральный Кокошкин, но и социал-демократический Церетели (пример с Украйной) и Гегечкори (пример с Финляндией) не признавали политических прав потенциально существующих национальных единиц. Помимо фактических условий проф. Кокошкин и принципиально возражал против российской федерации, ибо и в том случае, если федераты будут скомканы, то они будут весьма неравномерными, для того, чтобы они смогли образовать общую федеративную власть. Советская власть внесла в эту буржуазную галиматию коренные изменения, произвела в русском государственном праве величайшую революцию и призвала к жизни самые миниатюрные национальные образования, выявив их политическое лицо и дав им самостоятельное существование. Действительно, Россия представляет замечательно пеструю страну во всех отношениях. Возьмем единицы, образовавшие Союз. Р.С.Ф.С.Р. имеет 96,7 млн. душ, тогда как в УССР (Украине)—27,6 млн. душ, в ЗСФСР (Закавказье)—5,4 млн. душ, в Узбекистане—4,8 млн. душ, в БССР (Белоруссия)—4,2 млн. д., а в Туркменистане—0,9 млн. душ. Еще более знаменательную картину открывают автономные единицы самих Республик. Из общей массы населения в 96,7 млн. душ (Р.С.Ф.С.Р.) в Башкирской республике числится 2,4 млн. душ, в Вотской автономной области—0,7 млн. душ, Зырянской авт. области—0,2 млн. душ, в Карельской Республике—0,2 млн. душ, Адыгейской авт. области—0,1 млн. душ, а в Ингушетии даже 0,07 млн. душ. Аналогичную картину мы имеем по Закавказью. Экономисты государственной казны и сенатские правоведы и в мыслях не допускали самостоятельности подобных лоскутных республиканских образований и облечения их государственными правами. Советская власть произвела величайшую революцию во всем этом российском укладе и открыла юридическому миру новые правово-нормативные отношения.

Квалификация советского государственного права совершенно не поддается обычному пониманию буржуазного государственного права. Здесь мы имеем тоже самое, что и во всей экономической жизни. Автономии Р.С.Ф.С.Р. не имеют ничего общего со всеми автономиями, существовавшими в буржуазных государствах. Ирландская автономия и автономия Финляндии во время старого порядка ограничивались только своими сеймами; эти автономные единицы не входили в состав центральных органов власти, носящих все признаки суверенитета. Не то в советских автономиях. Каждая миниатюрная автономия в Союзе имеет свой собственный государственный орган; например, Ингушетия имеет представителей в российском центральном законодательном и исполнительном органе и участвует в отправлении суверенных прав. Из всех прочих федеративных сбразований только австралийская конституция 1900 г. построена более или менее правильно; здесь в федеральный орган представлена каждая провинция равными (5-ю) голоса-

ми, хотя между штатом Западной Австралии и Тасманией, Квинслэндом и Викторией и т. д., существует большая разница. Эти внешние «блестящие» признаки демократичности австралийскх штатов теряют всякий блеск, как только мы вспомним, что Австралия является простым доминионом, колонией Англии и не имеет никакого участия в суверенных правах английской империи. Внешний эгалитаризм штатов проведен в конституцию С.-А. С. Штатов. В верховном органе, в сенате, заседают 96 сенаторов, по два от каждого штата, хотя в Нью-Иоркском штате числится 10 млн. душ населения, а в Неваде только 77 тыс., или в Пенсильвании—8 млн. душ, в Вайоминге—194 тыс. душ. Штатный эгалитаризм, формально выраженный в этих фактах, в действительности означает ничто иное, как решительное преобладание крупных штатов—вершителей судеб мелких штатов, т. к. эти последние не пользуются самыми важнейшими правами, гарантирующими защиту интересов мелких штатов—правами сецессии. Кроме того буржуазный федерализм отличается от социалистического федерализма тем, что сфера полномочий и об'ем прав в них совершенно различны. История американской федерации учит нас, как Кальгуна боролся за систематическое ограничение прав и компетенции центральной власти и за соответственное расширение функций «мстных» штатов. В этой борьбе гамильтоновские принципы одержали победу, знаменующую всемерное усиление функций именно центральной власти. Буржуазный федерализм в своем чреве носит принцип усиления центральной власти, тогда как социалистический федерализм принцпиально проводит всемерное и систематическое усиление мест, штатов, федератов, «земель», народов и т. д. При системе социалистического федерализма вопросы усиления центральной федеральной или союзной власти являются исключительно вопросами тактики, борьбы, а не принципа. **Облечение всеми правами федератов в системе социалистического федерализма, выражено в праве сецессии, в самом значительном, в самом важном праве, выражающем суверенитет и верховенство федератов.**

Нельзя определить об'ем и сущность государственного права СССР с точки зрения обычной формальной юрисдикции. Советский обычай, установившиеся социалистические традиции тут имеют гораздо большее значение, чем метод определения советского права конституционными положениями даже самого советского правительства. Формальные демократические гарантии буржуазных унитарных и федеративных государств в действительности не имеют абсолютно никакого значения, ибо, по существу, в буржуазных демократиях мы имеем ничем неприкрытую диктатуру буржуазии и неслыханную эксплоатацию и угнетение национальных меншинств.

В практике советского управления страной мы имеем совершенно иной дух, иной принцип. Каждая клетка советского государственного организма, выражающая и проводящая принципы организованного социалистического строительства eo ipso облечены такими широкими государственными правами, что измерить их нельзя никакими геодезическими приборами. В данный момент, когда колхозное движение приняло буквально грандиозные размеры, и во многих местах осуществлена сплошная коллективизация, в советской прессе поднимается вопрос о наделении этих коллективов и коммун государственной властью. Одна только постановка этого вопроса, решение которого имеют громадное

значение для правовой формы советов, явно показывает характер и существо всей политической структуры Союза, где формы и установившиеся шаблоны не играют роли.

Наделение Коммун государственными правами означает отрицание государства, как оно понимается догматиками буржуазной науки права и проведения в жизнь тех новых коммунистических начал, основные начала коих Л е н и н развил в «Государстве и революции».

Но и сейчас, обращаясь к практике местной государственной действительности, сразу увидим, что в национальных республиках, т.-е. на местах, мы действительно имеем власть в полной мере. Местной национальной и всей политико-экономической жизнью управляют исключительно местные силы, а наша центральная власть, большей частью, является властью директивной. Подобное политическое устройство страны всецело соответствует социалистическому развертыванию сил. Без самого широкого участия трудящихся в делах государственного строительства не могло бы быть тех достижений, о которых говорили выше. Нужна была воля, нужно было воодушевление всех живых сил социализма, нужно было геройство, граничащее с самопожертвованием, чтобы вырвать нашу социалистическую страну из железных когтей капиталистических государств и этим социалистическим государством проложить новый путь в истории человечества.

Сейчас, когда мы находимся в величайшем возродительном процессе, когда формы нашего социализма все более и более принимают классическия очертания, волевые установки наших рабочих, трудящихся крестьян и националов создают действительно неприступную твердыню социализма, твердыню для международного пролетариата, твердыню для осуществления социализма во всем мире.

Исправления.

На стр. 7 напечатано: периодом расцвета, следует — началом расцвета; на стр. 8 — Авятрия — Австралия; стр. 8 — относительны — относительным; стр. 12 — капиалистических — капиталистических; стр. 13 — 416 миллиардов — 416 миллионов; стр. 16 — лининизма — ленинизма; стр. 25 — опортюнистические — оппортюнистические; стр. 31 — превалирующее — превaллирующее; 33 — этих оппозиционеров — этих противников; стр. 34 — какую изменическую роль, — какую роль; стр. 34 — эти оппозиционеры имеют — они имеют; стр. 56 — Statistische — Statistisches; стр. 62 — импералязм — империализм; стр. 64 — социал-домокротам — социал-демократам; стр. 69 — котарая — которая; стр. 72 — госудраства, вех. — государства, всех; стр. 73 — капиализм — капитализм; стр. 73 — Мировое — Мировые, стр. 78 — политических государств — полицейских государств; стр. 83. своеобразныц — своеобразный; стр. 84 — обозора — обзора; стр. 89 — ограниченном — органическом; стр. 110 — Комуна — Коммуна; стр. 111 — борь — борьба; стр. 113 — начетники — начетчики; стр. 121 — взгляды Ленин — взгляды Ленина; стр. 128 — мылитель — мыслитель; стр. 140 — социалистческом — социалистическом; стр. 168 — раззорению — разорению; стр. 169 - возрений — воззрений; стр. 172 — а-ла, — а-ля; стр. 179 — собраться — собратья; стр. 187 — првого — первого; стр. 192 — старым силам старой жизни ни зация — старым силам старой жизни ни одного из завоеваний революции. Правительство; стр. 192 — хозяйственных сил одного из завоеваний революции — хозяйственных сил в важнейших отраслях промышленности закончен; стр. 193 — платили — платила; стр. 211 — кампаний — компаний; стр. 214 — инородцев — «инородцев»; стр. 222 — превалирующее — превaллирующее; стр. 223 сельского хозяйства; — сельского хозяйства,; стр. 223 — Кукруза. Ячмент — Кукуруза, Ячмень; стр. 229 — 83 тракторов — 83 трактора; Явшеня — Ячменя; стр. 231 — все главные отрасли промышленности и характером индустриализации. Здесь мы имеем крупную прова социализм — все главные отрасли промышленности национализированы. Здесь мы имеем крупную промышленность, в которой социализм; стр. 232 — сыграл — сыграли; 15,6 млн. р. — 15,6 мрд. р.; стр. 234 — соммарные — суммарные; стр. 235 — говорим — говорили; стр. 241 — удовлетворяет — удовлетворяют; стр. 247 — бдой — бедой; стр. 249 — недовыполнено. перевыполнено, — недовыполнена, перевыполнена; Домановская — Доманевская: стр. 250 — ребот — работ; — 252 — Lapsus linguale, — Lapsus linguae.